100 140
Л50

В. ЛЕСЕВИЧЪ.

ОПЫТЪ

КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОСНОВОНАЧАЛЪ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1877.

38
Пб. 1959
БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ
036
32

Николаю Ѳедоровичу

АННЕНСКОМУ

въ знакъ глубокаго уваженія

отъ искренно преданнаго

автора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ 1

ГЛАВА I.

Общій очеркъ основоначалъ позитивной философіи по Конту 11

ГЛАВА II.

Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы, какъ цѣлаго 83

ГЛАВА III.

Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы 197

СОДЕРЖАНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Характеръ эпохи, современной выходу въ свѣтъ «Курса позитивной философіи» Ог. Конта. Тѣсный кругъ почитателей Конта въ это время. Начало обще-европейской извѣстности Контовой системы. Періодъ ея полной извѣстности на Западѣ. — Стр. 3—6.

Начало извѣстности философіи Конта въ Россіи: Милютинъ. Позитивное умонастроеніе живыхъ силъ литературы въ началѣ 60-хъ годовъ. Неудачное истолкованіе этого умонастроенія г. М. Антоновичемъ. Періодъ извѣстности позитивной философіи въ образованной части русскаго общества: гг. П. Л. и Н. Михайловскій. Безпутно-задорное отношеніе къ позитивной философіи такъ-называемыхъ «суздальцевъ». Прочность интереса къ Конту въ образованной средѣ.— Стр. 6—9.

Цѣль автора. Его отношеніе къ позитивизму и Ог. Конту. — Стран. 9—10.

ГЛАВА I. Общій очеркъ основоначалъ позитивной философіи по Конту.

Исходный пунктъ изложенія «Курса позитивной философіи»: законъ трехъ состояній. Доказательства, которыми Контъ подкрѣпляетъ законъ этотъ въ смыслѣ основоначала позитивной системы. — Стр. 13—17.

Характеръ и значеніе науки какъ основы позитивнаго міровоззрѣнія. Сопоставленіе науки и искусства. Научный методъ. Гипотезы. Дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя. — Стр. 17—24.

Основоначало классификаціи наукъ. Опредѣленіе границъ осуществленной Контомъ классификаціи наукъ въ его системѣ. Основныя условія классификаціи. — Стр. 24—28.

Классификація абстрактныхъ наукъ. Предварительныя соображенія, подготовляющія осуществленіе этой классификаціи: историческое и догма-

тическое изложеніе наукъ, соотношеніе между ними, общее число возможныхъ классификацій. Взглядъ на явленія, результаты изученія которыхъ подлежатъ классификаціи, общій очеркъ схемы абстрактной классификаціи. Основныя науки. Ихъ подраздѣленія. — Стр. 28—40.

Очеркъ главнѣйшихъ свойствъ, присущихъ классификаціи абстрактныхъ наукъ: соотвѣтствіе ея съ самобытнымъ распредѣленіемъ знаній; соотвѣтствіе дѣйствительному ходу развитія естественной философіи, соотвѣтствіе уровню состоянія различныхъ отраслей знанія; соотвѣтствіе требованіямъ научнаго и вполнѣ раціональнаго плана образованія. Стр. 40—45.

Связь науки и философіи. Раздѣленіе труда въ области умственной дѣятельности и необходимость его реорганизаціи, какъ основное условіе для живой связи философіи и науки. Задача позитивной философіи. Стр. 45—48.

Опредѣленіе общаго характера позитивнаго метода. Единство метода, какъ основаніе единства системы. Основное условіе единства метода: преобладаніе одного изъ элементовъ системы надъ всѣми другими. Сравненіе правъ математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ. Установленіе преобладанія соціологіи. Значеніе этого преобладанія. — Стр. 48—58

Существенныя свойства позитивной системы, опредѣленныя характеромъ позитивнаго метода Границы знанія. Связь позитивнаго знанія и обыденнаго мышленія. Общая законосообразность явленій. Преобладаніе наблюденія надъ воображеніемъ. Относительность знанія. — Стр. 58—70.

Назначеніе позитивной системы: теоретическое — по отношенію къ отдѣльной личности и по отношенію къ роду; практическое — по отношеніи къ человѣческой дѣятельности вообще. — Стр. 70—78.

Основное установленіе позитивной системы. Характеръ всеобщности этого установленія. Противопоставленіе умозрѣнія и дѣйствія. Значеніе для него соціологіи. Противопоставленіе научныхъ и эстетическихъ воззрѣній. Подчиненіе послѣднихъ первымъ. Противопоставленіе абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ. Преобладающее значеніе абстракціи. Абстрактный характеръ философіи. — Стр. 79—82.

ГЛАВА II. Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы, какъ цѣлаго.

Зачатки философской критики въ позитивной системѣ. Характеръ «прелиминарія» Ог. Конта. Вопросы здѣсь поднятые и отвѣты на нихъ въ «Курсѣ». Неудовлетворительность этихъ отвѣтовъ. — Стр. 85—88.

Прецеденты критическаго отношенія къ основоначаламъ философіи:

Локкъ, Юмъ и Кантъ. Основной характеръ постановки философскихъ вопросовъ у этихъ мыслителей. — Стр. 88—89.

Зачатки философской критики въ системѣ Ог. Конта, какъ внутренно-побудительный моментъ (treibende Moment) ея развитія. Безсознательное отношеніе къ нему Ог. Конта и обусловленныя такимъ отношеніемъ попытки противодѣйствія его вліянію на систему. Противорѣчія, вытекающія изъ такого противодѣйствія. — Стр. 89—93.

Вопросъ объ отношеніи философской критики къ систематизированному знанію. Отсутствіе разрѣшенія вопроса этого у Ог. Конта. Значеніе разрѣшенія его для позитивной философіи. Разрѣшеніе, согласующееся съ основными условіями развитія и современнаго состоянія науки.—Стр. 93—102.

Отношеніе послѣдователей Ог. Конта къ внутренно-побудительному моменту развитія его системы Выдающееся положеніе въ средѣ послѣдователей этихъ гг. Литтрé и Вырубова. Преимущественно отрицательное значеніе ихъ для развитія позитивизма. Исключительное положеніе де-Витри. Безплодность его дѣятельности. — Стр. 102—104.

Постановка вопроса о развитіи позитивной философіи нѣкоторыми ея критиками. Возраженія имъ Литтрé. Несостоятельность этого возраженія. Полемика Литтрé съ Миллемъ Предварительная замѣтка объ этой полемикѣ. — Стр. 105—117.

Выясненіе вопросовъ, долженствующихъ подготовить оцѣнку полемики Литтрé и Милля. Общія основанія теоріи познаванія.—Стр. 117—128.

Оцѣнка полемики Литтрé и Милля. Неопредѣленность въ постановкѣ вопроса у Милля Схематизмъ Литтрé. Противорѣчія его основоначаламъ Конта Отрицательное вліяніе метафизики на позитивизмъ, проявляющееся въ воззрѣніяхъ Литтрé. Окончательное заключеніе объ ихъ значеніи. — Стр. 129—132.

Опредѣленная постановка главнаго вопроса, подлежавшаго разсмотрѣнію въ полемикѣ Литтрé и Милля. Состоятельность критическаго принципа въ философіи. Возраженія Гербарта и Гегеля. Опроверженіе этихъ возраженій. — Стр. 132—136.

Общій характеръ научной философіи. Связь философіи и науки. Слѣдствія отсутствія этой связи для науки: такъ-называемое буквоѣдство, ученая ограниченность, совращеніе въ спиритизмъ, отрицаніе философіи. Слѣдствіе отсутствія связи философіи и науки для философіи: метафизика. Несообразность попытки сдѣлать метафизику научною. Сближеніе «обоснователей» такой попытки съ мистиками.—Стр. 136—152

Связь философіи и науки, привѣтствуемая Цѣльнеромъ. Мнѣніе о томъ же Вундта и другихъ мыслителей. — Стр. 152—153.

Отношеніе Ог. Конта къ критицизму Канта. Понятіе о философской критикѣ современныхъ позитивистовъ. Странныя выходки де-Витри — Стр. 154—157.

Общая характеристика критической философіи. Инициатива Либмана въ современномъ поворотѣ къ Канту. Ново-кантіанская литература. — Стр. 157—160.

Значеніе для позитивизма реалистическаго направленія философскаго критицизма. Критическій реализмъ, какъ достигшій полнаго развитія позитивизмъ. Смѣшеніе позитивистами всѣхъ направленій критической философіи съ метафизикой. Какое изъ направленій этой философіи дѣйствительно метафизично и въ чемъ именно заключается его метафизичность. — Стр. 161—164.

A priori критическаго идеализма. Связь a priori съ понятіемъ причинности. Неправильное толкованіе понятія этого Ог. Контомъ. Критика понятія причинности. Связь съ этимъ понятіемъ понятія закона. Устраненіе a priori. — Стр. 164—176.

Противоположность критическаго реализма реализму наивному. Субъективно-объективный источникъ представленій. Поясненительные примѣры Бэра и Альб. Ланге. Наше знаніе о мірѣ. Стр. 176—179.

Ученіе объ относительности знанія до Ог. Конта. Понятіе Ог. Конта объ этой относительности. Извращеніе этого понятія толкованіями Литтрé и особенно г. Вырубова. Возвращеніе къ Конту, какъ непремѣнное условіе дальнѣйшаго развитія позитивизма. — Стр. 179—186.

Взглядъ Ог. Конта на отношеніе позитивнаго мышленія къ обыденному. Ошибочность этого взгляда по идеѣ Ланге. Противорѣчія во взглядѣ Конта. Устраненіе этихъ противорѣчій. Предотвращеніе ложныхъ толкованій значенія противоположности критическаго мышленія обыденному. — Стр. 186—190.

Заключеніе. — Стр. 190—195.

ГЛАВА III. **Критическое изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы.**

Зависимость основоначала классификаціи отъ основоначалъ теоріи познаванія. Основанное на этой зависимости дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя. Неправильность допущеннаго Контомъ смѣшенія «точки зрѣнія» науки и ея «метода». Примѣръ: сопоставленіе конкретной астрономіи и астрономіи абстрактной. — Стр. 199—205.

Основныя условія классификаціи абстрактныхъ наукъ по идеѣ Ог. Конта Ошибка Спенсера, не принявшаго во вниманіе всѣхъ этихъ условій при критической оцѣнкѣ Контовой классификаціи. Обзоръ критическихъ замѣчаній на классификацію Ог. Конта; связь этихъ замѣчаній съ нѣкоторыми мнѣніями самого Конта. Замѣчанія Спенсера, возраженія на нихъ Литтрé, замѣчанія Милля. Оцѣнка замѣчаній Спенсера и Милля и возраженій Литтрé. — Стр. 205—228.

Опредѣленіе отношенія между абстрактными и конкретными науками, какъ основаніе для правильнаго сужденія о послѣдовательности приложенія основоначала классификаціи къ схемѣ наукъ Ог. Конта. Философія конкретной науки. Классификація наукъ, на которыя разчленяется философски разработанная пангеологія, по Гэккелю. Оцѣнка этой классификаціи.— Стр. 228—234.

Значеніе воззрѣній Гэккеля для классификаціи позитивныхъ наукъ. Отношеніе его морфологіи къ соціологіи Конта. Соціологія, антропосоціологія и антропологія. Правильность соотношенія ихъ какъ результатъ установленія послѣдовательности въ развитіи основоначала классификаціи Ог. Конта. — Стр. 235—237.

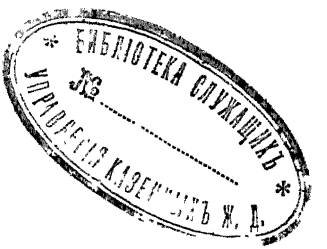
Послѣдствія установленія послѣдовательности въ классификаціи абстрактныхъ наукъ Конта: необходимость переработки заново абстрактной соціологіи и измѣненіе понятія о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ системѣ. Значеніе антропологической или субъективной точки зрѣнія. Устраненіе смѣшенія «методовъ» и «точекъ зрѣнія». — Стр. 237—243.

Критическія воззрѣнія на позитивизмъ гг. П. Л. и Н. Михайловскаго. Значеніе этихъ воззрѣній для развитія позитивизма. Примѣры спутанности понятій у позитивистовъ, не уяснившихъ себѣ вопросовъ, поднятыхъ въ замѣчаніяхъ гг. П. Л. и Н Михайловскаго. Задача соціологіи.— Стр. 243—259.

Классификація геологіи по идеѣ г. Вырубова. Полнѣйшая ея несостоятельность. — Стр. 259—265.

Противопоставленіе преобладанія соціологической точки зрѣнія точкѣ зрѣнія математической въ «Курсѣ» Ог. Конта. Контова характеристика математики. Внутреннія противорѣчія этой характеристики. Устраненіе ихъ воззрѣніемъ на математику критическаго реализма. Подтвержденія правильности этого воззрѣнія въ научно-философскихъ трудахъ по математикѣ Гаусса, Лобачевскаго, Римана, Бельтрами, Гельмгольца и друг. Философское значеніе пангеометріи. — Стр. 266—289.

Заключеніе. — Стр. 289—295.



ВСТУПЛЕНІЕ.

„Курсъ позитивной философіи“ Ог. Конта появился въ свѣтъ въ такое время (1830—42), когда философія въ западной Европѣ, и особенно во Франціи, переживала весьма плачевную эпоху. Философская литература была богата книгами, но не богата философіей, не было жизни, не было дѣятельности, не было борьбы, да не существовало и борцовъ. Умы, подавленные отчаяніемъ въ успѣхѣ или отклоненные отъ философіи политическими и общественными условіями, вовсе отказывались отъ умозрѣнія. Переставъ быть руководящимъ началомъ жизни и дѣятельности, философія стала мертвою отраслью литературы, сухимъ предметомъ обязательныхъ школьныхъ преній. Философскія системы хотя и изучались, но изучались совершенно безстрастно: ихъ никто не принималъ, никто и не отвергалъ. Представители науки въ то же время шли бо́льшею частью своею отдѣльною дорогою и нерѣдко переносили внушенное имъ современною имъ философіею презрѣніе на всю философію и проповѣдывали полную отрозненность своихъ спеціальныхъ областей знанія отъ какихъ бы то ни было философскихъ воззрѣній [1]). Понять и оцѣнить оригинальность и значеніе идей Конта среда эта не могла: для философовъ, въ особенности же для ограниченныхъ эклектиковъ, занятыхъ выкраиваньемъ новыхъ системъ изъ лоскутьевъ разнаго метафизическаго старья, идеи эти были недоступны; для ученыхъ, утратившихъ способность понимать смыслъ философскихъ вопросовъ, также недо-

[1]) См. отзывы современниковъ: L. Peisse, въ предисловіи къ философскимъ отрывкамъ Гамильтона (Paris, 1840), Th. Jouffroy, въ предисловіи къ собранію сочиненій Рида (Paris, 1836) и др., наконецъ и самого Конта въ „Cours de Philosophie positive“.

ступны, но и того прежде—неизвѣстны. Одни только представители шотландской философской школы, съ которою познакомилъ Францію въ началѣ столѣтія Ройе-Колляръ (1811—13), имѣли съ воззрѣніями Конта нѣкоторыя точки соприкосновенія, но господа эти до такой степени сбились на односторонность и такъ тщательно лелѣяли не-философскіе элементы своей школы, что сквозь ими же произведенный туманъ, не въ состояніи были разглядѣть провозвѣстника обновленія умственной жизни. Свѣтъ критической философіи, возникшей въ Германіи въ прошломъ столѣтіи, проникалъ слабо и извращался частью подъ вліяніемъ громкихъ именъ эпигоновъ Канта, частью вслѣдствіе малаго знакомства французовъ съ нѣмецкимъ языкомъ. Нѣкоторыя сочиненія Канта, переведенныя въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, были скоро совершенно забыты [1]). Такимъ образомъ, воззрѣнія Конта могли въ первое время сдѣлаться достояніемъ только отдѣльныхъ личностей, что хорошо понималъ и самъ Контъ, не надѣявшійся дожить до распространенія своей философіи изъ предѣловъ тѣснаго кружка почитателей и только не задолго до смерти имѣвшій утѣшеніе увидѣть задатки перемѣны къ лучшему въ этомъ отношеніи [2]). Въ числѣ слушателей перваго курса позитивной философіи, который читалъ Контъ въ 1829 году, явились Пуансо, Блэнвиль, Навье, Бруссэ, Эскироль и столь родственный Конту въ умственномъ отношеніи—Ал. Гумбольдтъ [3]). Позже, въ 38 году, извѣстный физикъ Брюстеръ въ Англіи [4]) и еще позже, въ 44 году,

[1]) Такъ Ог. Контъ въ 1824 году не знаетъ, что переведенное собственно для него д'Эйхталемъ сочиненіе Канта „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltburgerlicher Absicht“ было уже переведено въ 1800 году (Le Conservateur, ou recueil de morceaux inédits d'histoire, de politique etc. tirés des portefeuilles de N. François), и жалуется на недостатокъ своей эрудиціи (см. письмо его къ д'Эйхталю, помѣщ. у Литтре, въ его A. Comte et la philosophie positive). Литтре, какъ видно изъ только-что упомянутой монографіи, вышедшей въ 1863 г, также ничего не знаетъ объ этомъ переводѣ и, какъ увидимъ далѣе, обнаруживаетъ большое незнаніе философіи Канта.

[2]) E. Littré, A. Comte et la philisophie positive. P. 1863, p. 648, 656, 657.

[3]) A. Comte. Cours de ph. pos. P. 1869. t. I. Avertissement de l'auteur.

[4]) E. Littré, id.

Литтре во Франціи заговорили о позитивной философіи въ печати [1]). Съ этого времени философская система Конта, вопреки враждѣ и интригамъ цеховыхъ ученыхъ, такъ-называемыхъ Контомъ педантократовъ, стала мало по малу пріобрѣтать извѣстность во Франціи, Англіи и остальной Европѣ. Такимъ образомъ, позитивная философія, находившая мѣсто при жизни Конта только въ сочиненіяхъ и бесѣдахъ непосредственныхъ его учениковъ, по словамъ Милля, „какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи“ [2]). Явились противники, возникла полемика, залежавшіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры „Курса“ Конта стали продаваться по баснословнымъ цѣнамъ и всежъ таки разошлись, такъ что въ 64 году потребовалось новое, 2-е, а въ 69-мъ—3-е изданіе. Съ 67-го года явилась возможность для французскихъ позитивистовъ издавать и свой журналъ, который, хоть и безъ особеннаго блеска, продолжается и по настоящее время. Значеніе измѣненій, внесенныхъ въ контовскій позитивизмъ редакціей этого журнала, будетъ опредѣлено при дальнѣйшемъ критическомъ изслѣдованіи позитивныхъ воззрѣній.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ позитивизмъ вступаетъ въ періодъ полной извѣстности; о немъ много пишутъ во французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ журналахъ, онъ пріобрѣтаетъ почитателей и послѣдователей какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, и даже столь самобытная въ философскомъ отношеніи Германія выставляетъ нѣсколькихъ позитивистовъ весьма опредѣленной окраски [3]). Это развитіе въ ширь, развитіе внѣш-

[1]) Статьи Литтре помѣщались въ „National'ѣ“, потомъ собраны въ отдѣльный томикъ подъ заглавіемъ „Conservation, révolution et positivisme“. 1852.

[2]) Ст. Милль, Ог. Контъ и позитивизмъ. Спб. 1867, стр. 3.

[3]) C. Twesten, Die religiosen, politischen und socialen Ideen der asiatischen Kulturvolker etc. Berlin. 1872 2 B-de.

Б. Котта, Геологія нашего времени. Переводъ Таскина. Спб. 1874 г.

R. Springer, A. Comte und seine Philosophie. (Deutscher Museum. 1867.)

Неизв автора. Lehre und Schriften A. Comte's. (Preussische Jahrbucher. 1859).

P. Villari, La filosofia positiva ed il metodo storico. (Saggi di storia. Firenze. 1868).

нее, не можетъ оставлять для позитивизма желать ничего лучшаго; что же касается вопроса о развитіи въ глубь, о развитіи внутреннемъ, то говорить объ этомъ я буду позже.

У насъ въ первый разъ заговорили о позитивизмѣ очень рано, тогда еще, когда и въ Европѣ знали о немъ крайне мало: еще въ 47 году появилась въ LV томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статья Милютина, въ которой онъ, по поводу разбора книги Бутовскаго о народномъ богатствѣ, излагалъ систему Конта; затѣмъ о позитивизмѣ, само собою разумѣется, совсѣмъ забыли до начала 60-хъ годовъ. Въ это время русская литература не могла, конечно, не обратить вниманія на философскую систему Конта, какъ на первый опытъ осуществленія научной философіи, и не могла не оцѣнить великаго значенія этой попытки. Я говорю: „не могла“—не только потому, что научная философія, представляя живую и плодотворную точку исхода для умственной дѣятельности, отвѣчала жизненнымъ стремленіямъ того времени, но и потому, что въ первыхъ же годахъ десятилѣтія нахожу совершенно опредѣленное предчувствіе, чуть не указаніе на нее, ясно свидѣтельствующее о той позитивности умонастроенія, которое было по отношенію къ Конту болѣе чѣмъ родственно.

Г. М. Антоновичъ явился истолкователемъ этого предчувствія въ „Современникѣ“ и писалъ въ 1861 году, по поводу системы Гегеля, слѣдующее:

„Если бы система Гегеля была выдержана вездѣ и правильна хоть въ логическомъ отношеніи, не заключала въ себѣ несообразностей, легко ощутительныхъ для мысли, а главное болѣе соображалась съ положительными фактами науки и ни въ какомъ случаѣ не насиловала и не переиначивала ихъ

F. Tocco, Studi sul positivismo. Torino. 1869.

A. Angiulli, La filosofia e la ricerca positiva. Napoli. 1869.

G. Barzellotti, La morale nella filosofia positiva. Firenze. 1871.

G. Sottini, Aristotile e il metodo scientifico nell' antichità greca. Pisa. 1873.

S. Scolari, Della unità della scienza e dei suoi metodi universalmente applicati. Pisa. 1875.

въ свою пользу,—то это была бы идеальная система не только по своей задачѣ, но и по выполненію ея; къ такой системѣ именно и стремится знаніе, для ней выработываютъ матеріалъ всѣ науки. Гумбольдтъ предположилъ себѣ подобную задачу и представилъ опытъ такой же системы, только съ другой стороны и изъ другихъ матеріаловъ; у него тоже вышла общая картина міра; но этой картинѣ все-таки не доставало цѣлостности, въ ней было много недорисованнаго, много перерывовъ и рѣзкихъ переходовъ, цѣлыя группы явленій оставались несвязанными между собою, факты—отдѣльно стоящими и разорванными; а главное—картина была далеко неполна, не включала въ себѣ нѣкоторыхъ областей и проявленій существующаго. Но, за то, съ другой стороны (опять съ другой стороны?) она строго соотвѣтствовала дѣйствнтельности, была точной копіей природы, святость и непреложность фактовъ остались въ ней неприкосновенными. Если попытка привести въ цѣльную и стройную систему внѣшнія явленія, и то сопряжена съ большими трудностями, то сколько труда нужно было Гегелю, чтобы охватить въ своей системѣ все рѣшительно, обнять всѣ проявленія бытія, всѣ міры, всѣ области духа, дѣятельность мысли, чувства, воли, сферу религіи, исторіи, искусства и практической жизни? Его система была чрезвычайно обширна и всеобъемлюща, но ей недоставало фактической точности и соотвѣтствія съ дѣйствительностью, потому что путь, избранный имъ, былъ ненадеженъ. Современная наука предпочитаетъ путь Гумбольдта, путь опыта и наблюденія, и будущей философской системѣ нужно пожелать, чтобы она дорисовала эту картину, открыла и придумала связи между явленіями, сообщила ей цѣльность и единство при пособіи тѣхъ средствъ и пріемовъ, которые онъ употреблялъ, и потомъ дополнила ее тѣмъ, чего въ ней недостаетъ сравнительно съ системой Гегеля“ [1]).

[1]) М. Антоновичъ, О гегелевской философіи. „Современникъ“, 1861 г., августъ, стр. 214. Во многихъ отношеніяхъ поучительно сопоставить высказанный въ приведенномъ отрывкѣ взглядъ на значеніе Гумбольдта со взглядомъ такого писателя, котораго никогда нельзя обвинить въ незнаніи пред-

Ожиданіе, что будущая философская система будетъ точною копіею природы, что она придумаетъ связь между явленіями и такимъ образомъ дополнитъ къ воззрѣніямъ Гумбольдта то, чего въ нихъ недостаетъ сравнительно съ системою Гегеля, очень наивно, конечно, и обнаруживаетъ полное незнакомство съ Гумбольдтомъ и Гегелемъ, также какъ и странное понятіе о научныхъ пріемахъ. Но если и невозможно штопать Гумбольдта придумываніями и еще невозможнѣе опредѣлять мѣста, которыя слѣдуетъ штопать посредствомъ сравненія Гумбольдта съ Гегелемъ, то все это явилось въ провозвѣщеніи позитивизма потому, что провозвѣстникомъ явился г. Антоновичъ, который, какъ показали позднѣйшія статьи его въ журналѣ „Космосъ“ и переводъ „Исторіи наукъ“ Уэвелля, въ провозвѣстники научной философіи совсѣмъ не годился.

Съ конца 60-хъ годовъ Контъ становится у насъ весьма извѣстнымъ; въ 69 и 70 годахъ появляются статьи гг. П. Л. и Михайловскаго (Соврем. Обозрѣніе и Отеч. Записки), представляющія самую глубокую критику позитивной системы, какую только мы имѣемъ. Въ 69 же году гг. Антоновичъ и Жуковскій заявляютъ въ „Космосѣ“, что позитивизмъ у насъ, какъ

мета, о которомъ онъ пишетъ. „Положительная наука должна быть превращена въ философію для того, чтобы получить возможность удовлетворить высшимъ нашимъ нуждамъ“, говоритъ Льюисъ „Даже энциклопедическое знаніе Гумбольдта было въ этомъ отношеніи безсильно, потому что оно было наукою, а не философіею, и еще потому, что и какъ наука оно страдало неполнотою: оно охватывало только космологическія умозрѣнія и исключало умозрѣнія соціологическія. Еслибы Гумбольдтъ и создалъ философію космическихъ наукъ, о чемъ онъ и не думалъ, то онъ всежъ таки не коснулся бы великой задачи, онъ всежъ таки не далъ бы однороднаго ученія, ибо великая и важная область нравственныхъ умозрѣній осталась бы во власти мистиковъ и метафизиковъ. Изъ этого видно, что всего прежде предстояло закончить энциклопедію наукъ и создать соціологію, которая могла бы стать на высоту наукъ о космосѣ. Задача эта выпала на долю Ог Конта. Когда онъ ее рѣшалъ, то всѣ матеріалы для универсальной философіи были готовы. Съ этого времени стало возможно разсматривать все человѣческое знаніе, какъ однородное органическое цѣлое, во всѣхъ частяхъ котораго господствовалъ одинъ духъ, одинъ методъ“. (G. H. Lewes. Geschichte der neuen Philosophie. 1876. B-d II. S. 740).

они выразились, вошелъ въ моду, и, что всего замѣчательнѣе, вошелъ въ моду вслѣдствіе невѣжественнаго незнакомства съ болѣе удовлетворительными философскими системами (вѣроятно въ родѣ той, которая грезилась г. Антоновичу, какъ будущая). Хотя рѣчь о болѣе удовлетворительной системѣ и не возобновлялась и система эта остается и по днесь тайною гг. Антоновича и Жуковскаго, но незамѣтно, чтобы публика особенно нетерпѣливо ждала раскрытія этой тайны и перестала интересоваться Контомъ. Г. Жуковскій пробовалъ было увѣрить своихъ читателей, что Контъ — не болѣе какъ салонный писатель, не имѣющій никакого значенія въ философіи и наукѣ и годный только для легкаго чтенія барышень. Мнѣніе смѣлое и останется, конечно, самымъ смѣлымъ, пока не выскажутъ о позитивизмѣ своихъ мнѣній Прокопъ и Хабибула... Мы ихъ предвкушали впрочемъ, читая элюкубраціи г. Соловьева и другихъ, имена же ихъ, ты, Господи, вѣси.

Легковѣсное и безпутно-задорное отношеніе къ Конту не могли однакоже имѣть успѣха среди той части нашей публики которая успѣла ознакомиться съ Контомъ непосредственно или при помощи работъ, основывавшихся на точномъ знакомствѣ, съ сочиненіями Ог. Конта, и которая знала, что, не идя вслѣдъ за гг. Антоновичемъ, Соловьевымъ, Жуковскимъ и т. п., она остается съ Миллемъ, Ланге, Дюрингомъ и т. д. Она осталась при убѣжденіи въ полезности изученія Конта, зная по опыту, что изученіе это не можетъ быть безплоднымъ.

Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, я также дѣлалъ, что могъ, чтобы изучить Конта, а также чтобы поддержать интересъ къ нему въ средѣ русскихъ читателей. Представляя теперь имъ критическое изслѣдованіе основоначалъ позитивной системы, я имѣю главнымъ образомъ въ виду разработать вопросъ объ условіяхъ дальнѣйшаго развитія позитивизма изъ этихъ основоначалъ. Имѣя въ виду эту цѣль, я представляю въ первой главѣ моего труда общій очеркъ основоначалъ позитивной системы, составленный по „Курсу позитивной философіи Конта“, и въ слѣдующихъ затѣмъ главахъ разсматриваю важнѣйшія явленія позитивной литературы по-контовскаго періода.

Новая переработка, въ которой я представляю теперь характеристику позитивизма, исправляетъ нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя мною прежде и раскрываетъ многіе случаи непослѣдовательности въ развитіи основоначалъ Конта у его новѣйшихъ послѣдователей, а также и у него самого.

Являясь съ критическою оцѣнкою позитивной философіи, я не пытаюсь измышлять оригинальную русскую философію, а пытаюсь только воспользоваться результатами, добытыми западно-европейскою философіею, насколько она является теперь научною. Моя задача въ настоящемъ трудѣ есть задача представителя сложившихся или слагающихся воззрѣній и докладчика назрѣвшихъ или назрѣвающихъ успѣховъ въ области зиждущейся на научномъ основаніи философіи. Что же касается моего отношенія собственно къ Конту, то, указывая на его ошибки, я не перестаю помнить, что это ошибки генія, и потому въ самомъ же началѣ моего труда повторю то, что высказано было Шопенгауэромъ въ приступѣ къ критической оцѣнкѣ философіи Канта.

„Легче указать ошибки и заблужденія въ произведеніяхъ великаго ума, чѣмъ дать ясное и полное понятіе о его достоинствѣ“, говоритъ Шопенгауэръ. „Ошибка есть нѣчто единичное, конечное, и потому легко обозрѣваемое; напротивъ, то, что налагаетъ на произведенія печать генія, дѣлаетъ достоинства ихъ недоступными и неисчерпаемыми, и по той же причинѣ они становятся не старѣющимся поученіемъ для ряда столѣтій. Законченное мастерское произведеніе истинно великаго генія имѣетъ всегда глубокое и мощное вліяніе на все человѣчество, и такъ многозначительно, что невозможно опредѣлить отдаленность тѣхъ вѣковъ и тѣхъ странъ, на которые распространится его просвѣтительное вліяніе. Во всякомъ случаѣ вліяніе это неизбѣжно, потому что какъ высоко ни стояло бы просвѣщеніе въ то время, когда возникъ геній, но, подобно пальмѣ, онъ все же высоко подымется надъ почвою, въ которую погружены его корни“.

ГЛАВА I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ОСНОВОНАЧАЛЪ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ ПО КОНТУ.

Исходнымъ пунктомъ изложенія „Курса позитивной философіи“ Ог. Контъ беретъ воззрѣніе на прогрессивный ходъ развитія человѣческаго ума, разсматриваемый имъ какъ цѣльный процессъ. Изложеніе взгляда этого есть собственно изложеніе столь извѣстнаго закона трехъ состояній. Историческую форму изложенія этого закона Огюстъ Контъ мотивируетъ тѣмъ, что „всякое понятіе достаточно познается только при посредствѣ своей исторіи“.

Изучая развитіе человѣческаго ума во всей цѣльности и въ различныхъ областяхъ его дѣятельности, начиная съ перваго и простѣйшаго его шага и до нашихъ дней, Контъ остановился на обобщеніи, которое онъ называетъ закономъ трехъ состояній. Онъ не говоритъ, что онъ открылъ этотъ законъ, но только допускаетъ предположеніе, что открылъ его. „Je crois avoir découvert une grande loi fondamentale“, говоритъ онъ. (Cours. I. 8). Законъ этотъ, какъ полагаетъ Контъ, „можетъ быть прочно установленъ и на раціональныхъ основаніяхъ, доставляемыхъ знаніемъ нашего организма, и на исторической повѣркѣ, вытекающей изъ внимательнаго изслѣдованія прошедшаго“. Законъ этотъ заключается въ томъ, что каждое изъ нашихъ главныхъ понятій, каждая вѣтвь нашихъ знаній, послѣдовательно проходитъ чрезъ три различныя теоретическія состоянія: супра-натуральное, метафизическое и научное, или позитивное. Другими словами, умъ человѣческій, по своей природѣ, употребляетъ послѣдовательно въ каждомъ изъ своихъ изысканій три метода философствованія, характеръ которыхъ необходимо различенъ и даже кореннымъ образомъ противоположенъ одинъ дру-

гому: всего прежде методъ супра-натуральный, затѣмъ методъ метафизическій и наконецъ методъ позитивный. Отсюда три ряда философій или общихъ системъ понятій о совокупности явленій,—системъ, взаимно исключающихся: первая есть необходимая исходная точка человѣческаго ума, послѣдняя — его установившееся или окончательное состояніе; вторая имѣетъ единственнымъ назначеніемъ служить переходною ступенью.

„Въ супра-натуральномъ состояніи умъ человѣческій, направляя существеннымъ образомъ свои изысканія на внутреннюю природу вещей, первыхъ и конечныхъ причинъ всѣхъ поражающихъ его дѣйствій, словомъ—на знанія абсолютныя, представляетъ себѣ явленія произведенными прямою и непрерывающеюся дѣятельностью болѣе или менѣе многочисленныхъ сверхъ-естественныхъ дѣятелей, произвольное вмѣшательство коихъ объясняетъ всѣ кажущіяся аномаліи вселенной.“

„Въ метафизическомъ состояніи, которое, по основѣ своей, есть только простое общее измѣненіе перваго состоянія, сверхъестественные дѣятели замѣнены отвлеченными силами, настоящими сущностями (олицетворенныя отвлеченія), присущими различнымъ существамъ міра и представляемыми способными самобытно производить всѣ наблюдаемыя явленія, объясненіе которыхъ и заключается въ пріуроченной каждому изъ нихъ соотвѣтствующей сущности.“

„Наконецъ въ позитивномъ состояніи умъ человѣческій, признавая невозможнымъ выработку абсолютныхъ понятій, отказывается отъ розысканія происхожденія и назначенія вселенной и познанія основныхъ причинъ явленій и ставитъ себѣ единственною цѣлью — открытіе ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній, послѣдовательности и сходства, посредствомъ удобно-комбинированныхъ приложеній сужденія и наблюденія. Объясненіе фактовъ, входящее въ свои дѣйствительныя границы, становится съ этого времени только хорошо установленною связью между различными частными явленіями и нѣсколькими явленіями общими, число которыхъ постоянно уменьшается подъ вліяніемъ развитія наукъ.“

„Супра-натуральная система достигла высочайшаго совер-

шенства, на которое она способна, когда она поставила прозрѣвающую дѣятельность одного существа взамѣнъ разнообразной игры многочисленныхъ независимыхъ существъ, первоначально произведенныхъ воображеніемъ. Точно также послѣдній предѣлъ метафизической системы заключается въ замѣнѣ различныхъ частныхъ сущностей, единою, великою общею сущностью—природою, разсматриваемою какъ единственный источникъ всѣхъ явленій. Равно и совершенство позитивной системы, составляющее цѣль ея стремленій, цѣль очень вѣроятно недостижимую, заключалось бы въ возможности представить себѣ подлежащія наблюденію явленія какъ частные случаи одного общаго факта, напр. всемірнаго тяготѣнія".

Законъ трехъ состояній, какъ общее выраженіе развитія, проходимаго умомъ человѣческимъ, относится въ тѣсномъ смыслѣ къ наукѣ объ обществѣ и, слѣдовательно, получаетъ свое полное развитіе при систематическомъ ея изложеніи. Теперь же достаточно будетъ сказать лишь нѣсколько словъ о тѣхъ доказательствахъ, которыми Контъ считаетъ необходимымъ подкрѣпить этотъ законъ въ смыслѣ основоначала позитивной системы.

Всего прежде онъ доказываетъ его ссылкою на исторію, указывающею на отдѣльные фазисы развитія каждой науки, вполнѣ соотвѣтствующіе основнымъ моментамъ этого закона; затѣмъ,—указаніемъ на условія индивидуальнаго развитія, соотвѣтствующія въ этомъ случаѣ условіямъ развитія родового. „Эта повѣрка", говоритъ онъ, „легка всѣмъ людямъ, стоящимъ на уровнѣ развитія своего вѣка". Далѣе онъ представляетъ соображенія, имѣющія цѣлью подтвердить вѣрность закона посредствомъ указанія на условія, опредѣляющія его необходимость. Главнѣйшее изъ этихъ соображеній выставляетъ на видъ неизбѣжность для ума человѣческаго, во всѣ эпохи его развитія, какой-бы то ни было теоріи, могущей служить связью фактамъ, и въ тоже время невозможность построенія для разума первобытнаго такой теоріи, которая была бы основана на наблюденіи.

„Всѣ добропорядочные умы повторяютъ со временъ Бэкона",

говоритъ Ог. Контъ, „что только тѣ знанія достовѣрны, которыя зиждутся на наблюденіи. Это основное правило, очевидно, неопровержимо, если оно примѣняется, какъ то́ и слѣдуетъ, къ возмужалому состоянію нашего разума. Но, принимая въ соображеніе процессъ образованія нашихъ знаній, необходимо поставить внѣ всякаго сомнѣнія и то, что разумъ человѣческій, въ своемъ первобытномъ состояніи, не могъ и не долженъ былъ мыслить такимъ образомъ; потому что если, съ одной стороны, всякая позитивная теорія должна быть основана на наблюденіяхъ, то съ другой—ясно, что для приступа къ наблюденіямъ нужна хоть какая-нибудь теорія Если бы, разсмотрѣвъ явленія, мы не связывали ихъ непосредственно съ какимъ нибудь принципомъ, то мы не только не имѣли бы возможности связать разрозненныя наблюденія и извлечь изъ нихъ результатъ, но мы не имѣли бы даже возможности удержать ихъ въ памяти, и всего чаще факты оставались бы совершенно почти незамѣченными. Вслѣдствіе этого, поставленный между необходимостью наблюдать для образованія вѣрной теоріи и не менѣе гнетущею необходимостью создавать себѣ какъ бы то ни было теоріи для возможности веденія послѣдовательныхъ наблюденій, разумъ человѣка при своемъ рожденіи былъ заключенъ въ ложномъ кругѣ, изъ котораго онъ не нашелъ бы никакого выхода, если бы выходъ этотъ счастливымъ образомъ не открылся въ свободномъ развитіи супра-натуралистическихъ воззрѣній, представившемъ пунктъ соединенія для его ученій и доставившемъ пищу его дѣятельности. Таковы основы метода, доказывающаго логическую необходимость и чисто-теоретическій характеръ первобытной философіи.

„Необходимость эта сдѣлается еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на характеръ вопросовъ, разрѣшаемыхъ первобытной философіей, — характеръ, вполнѣ соотвѣтствующій высокомѣрію человѣка, ненаученнаго опытомъ правильно цѣнить свои силы. Сущность вещей, начало и конецъ всѣхъ явленій,—вотъ тѣ вопросы, которые считаются достойными размышленія въ эпоху дѣтства разума. Очевидно, что позитивная философія, занимающаяся только раскрытіемъ законовъ явленій, а не сущ-

Б-КА ОТДЕЛ. АКАД.

ностью вещей и т. п., была бы совершенно несвоевременна въ первобытномъ фазисѣ разума и не могла бы привести ни къ какому результату.

„Практическіе стимулы играютъ здѣсь также весьма важную роль. Неумѣренное самомнѣніе разума и химерическія задачи его въ эпоху дѣтства не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи со скромною и лишенною непосредственности задачею раскрытія законовъ явленій и подтвержденія и отверженія той или другой теоріи,—мотивомъ, совершенно достаточнымъ для разума, достигшаго зрѣлаго состоянія.

„Изо всего этого видно, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать самобытность возникновенія и высокое теоретическое значеніе первобытнаго міровоззрѣнія, также какъ законченный характеръ позитивнаго фазиса и переходный—метафизическаго. Этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворяетъ потребности необходимой постепенности въ переходѣ отъ первобытнаго міровоззрѣнія къ окончательному, которыя представляютъ, по природѣ своей, два крайнія и противоположныя между собою состоянія въ развитіи пониманія міра“.

Итакъ, основою позитивнаго міровоззрѣнія служитъ наука; для уразумѣнія характера и значенія этого міровоззрѣнія необходимо, поэтому, прежде всего ознакомиться съ характеромъ и значеніемъ науки.

Существенный характеръ всякой положительной науки, какъ учитъ Ог. Контъ, заключается въ томъ, что одни явленія опредѣляются другими посредствомъ отношеній, которыя между ними существуютъ. Задача всякой науки, такимъ образомъ, заключается въ соединеніи фактовъ, имѣющемъ цѣлью опредѣленіе однихъ другими помощью отношеній, между ними существующихъ. Если бы наблюденія оставались разрозненными, не было бы еще науки. Можно даже вообще утверждать, что назначеніе науки заключается въ доставленіи возможности обходить прямое наблюденіе въ той мѣрѣ, какъ это допускается различными явленіями, и выводить (déduire) изъ возможно меньшаго числа непосредственныхъ данныхъ возможно большее число ре-

зультатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли дѣйствительное пользованіе открытыми между естественными явленіями отношеніями, какъ для дѣятельности, такъ и для умозрѣнія, именно въ этой возможности вывода? Такого рода изысканія входятъ въ область всякой науки; но математика доводитъ ихъ до высочайшей степени, какая только возможна какъ по отношенію количества, такъ и по отношенію качества. Математику по этой причинѣ можно считать наукою по преимуществу. Только математика даетъ вѣрную и глубокую идею о томъ, что такое наука, только она научаетъ насъ съ достаточною точностью тѣмъ методамъ, которыми умъ человѣческій всегда пользуется при всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканіяхъ, такъ какъ только въ ней вопросы разрѣшены съ тою полнотою и выводы продолжены такъ далеко со всею строгою точностью. Въ математикѣ, наконецъ, умъ человѣческій далъ самыя высокія доказательства своей силы, такъ какъ идеи, разсматриваемыя ею, представляютъ наивысшую степень положительнаго отвлеченія, какая только возможна. Все, чѣмъ характеризуется математика, характеризуетъ такимъ образомъ и всякую науку.

Если основной характеръ науки заключается въ томъ, чтобы по фактамъ, опредѣленнымъ непосредственнымъ наблюденіемъ, фактамъ извѣстнымъ, опредѣлить факты неизвѣстные, то можно, слѣдовательно сказать, что основной характеръ науки заключается въ предвидѣніи. Предвидѣніе можетъ быть, конечно, болѣе или менѣе вѣрнымъ и точнымъ, но гдѣ оно есть, тамъ есть уже и наука; чѣмъ оно совершеннѣе, т.-е. чѣмъ меньше непосредственно наблюденныхъ фактовъ требуется для опредѣленія наиболѣе вѣрнаго, точнаго и отдаленнаго, тѣмъ совершеннѣе и самая наука. Такимъ образомъ, предвидѣніе можно поставить какъ тотъ основный признакъ науки, который отличаетъ ее отъ „простой эрудиціи, ограничивающейся простымъ повѣствованіемъ о совершившихся событіяхъ безъ всякаго предвидѣнія будущаго“.

Краеугольный камень науки есть изученіе дѣйствительности; но изученіе это по цѣлямъ и результатамъ должно быть теперь

же оцѣнено съ достаточною ясностью и точностью для избѣжанія недоразумѣній, которыя безъ этого могли бы возникнуть впослѣдствіи.

Умозрѣніе и дѣйствіе исчерпываютъ собою понятіе о работѣ, которую можетъ производить человѣкъ. Такимъ образомъ, самое общее раздѣленіе нашихъ дѣйствительныхъ знаній заключается въ различеніи знаній теоретическихъ отъ знаній практическихъ. Только первыя составляютъ область науки; вторыя же относятся къ области искусства. Вникая въ отношенія науки и искусства, понимаемыхъ въ этомъ смыслѣ, легко видѣть, что первая служитъ основаніемъ второму, потому что дѣйствіе человѣка на природу можетъ имѣть только одну истинно раціональную основу — изученіе природы. Только знаніе законовъ природы, съ его постояннымъ результатомъ — предвидѣніемъ, можетъ повести къ возможности измѣненія однихъ явленій посредствомъ другихъ; наши же собственныя прямыя средства вліянія на естественныя явленія, насъ окружающія, слишкомъ слабы и слишкомъ несоразмѣрны съ нашими потребностями. Всякій разъ, когда намъ удается произвести на естественныя явленія значительное вліяніе, мы обязаны тѣмъ введенію въ условія, опредѣляющія эти явленія, такихъ элементовъ, знаніе которыхъ пріобрѣтено нами путемъ изученія природы. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что знаніе ведетъ къ предвидѣнію и предвидѣніе къ дѣйствію. Этою простою формулою можно опредѣлить весьма точно отношеніе науки къ искусству, принимая термины эти въ общемъ ихъ смыслѣ.

При всемъ важномъ значеніи науки, взятой въ опредѣленномъ выше отношеніи, другое ея значеніе и гораздо важнѣе, и гораздо прямѣе, а именно значеніе по отношенію къ уму нашему, которому присуща потребность знанія законовъ явленій, дѣйствительно удовлетворяемая одною только наукою, потребность, столь могущественная, что, за недостаткомъ ея удовлетворенія, умъ человѣческій, какъ мы уже знаемъ, измышляетъ мнимыя рѣшенія гнетущихъ его вопросовъ, предпочитая ихъ отсутствію какое бы то ни было ихъ рѣшеніе. Это значеніе на-

уки ставится выше практическаго значенія ея, потому что хотя вліяніе искусства на науку въ частныхъ случаяхъ и несомнѣнно, но тѣмъ не менѣе при наблюденіяхъ, вытекающихъ изъ одной только непосредственной примѣнимости знанія, не только не могло произойти того развитія умственной дѣятельности, какое представляетъ исторія, но и еще, по вѣрному замѣчанію Кондорсэ, умъ человѣческій былъ бы совершенно остановленъ въ своемъ развитіи даже и по отношенію къ тѣмъ практическимъ цѣлямъ, которымъ были бы принесены въ жертву цѣли теоретическія. Вѣрность такой оцѣнки вліянія непосредственной примѣнимости знанія основывается на томъ, что самые важные случаи приложенія знаній къ практикѣ основываются постоянно на теоріяхъ, выработанныхъ съ чисто научными цѣлями и часто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ остававшихся безъ приложенія. Замѣчательнѣйшими изъ такихъ случаевъ представляются прекрасныя работы греческихъ математиковъ о коническихъ сѣченіяхъ, которыя только въ новѣйшее время повліяли на развитіе мореходства до той высокой степени совершенства, на которой оно теперь находится и до котораго безъ чисто теоретическихъ работъ Архимеда и Аполлонія оно никогда бы не достигло. Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу Кондорсэ, что „матросъ, спасаемый отъ крушенія точнымъ опредѣленіемъ долготы, обязанъ жизнью теоріи, возникшей двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ умѣ геніальныхъ людей, имѣвшихъ въ виду одни только математическія умозрѣнія“.

Изъ этого слѣдуетъ, что, представивъ себѣ вообще изученіе природы какъ раціональную основу дѣйствій человѣка на природу, умъ человѣческій долженъ обратиться къ теоретическимъ изысканіямъ и при этомъ совершенно отложить въ сторону всякія практическія соображенія. Средства, которыми обладаетъ человѣческій умъ для открытія истины, такъ слабы, что если онъ не сосредоточитъ ихъ исключительно на этой цѣли и не отрѣшится отъ посторонніхъ заботъ о непосредственной практической примѣнимости, то всегда почти главная цѣль его останется не достигнутою.

Выше было замѣчено, что наблюденіе, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, составляетъ главное основаніе научнаго метода; вникая же ближе въ разностороннее значеніе наблюденія, нельзя не замѣтить, что, кромѣ собственно наблюденія, т. е. разсматриванія явленія такимъ, какимъ оно естественно представляется, надо различать еще опытъ, т. е. разсматриваніе явленій, при посредствѣ болѣе или менѣе искусственно введенныхъ обстоятельствъ, имѣщихъ цѣлью болѣе полное изученіе, и сравненіе, или постепенное разсматриваніе аналогичныхъ случаевъ. Изъ этихъ трехъ способовъ изученія явленій складывается общая совокупность способовъ изученія, имѣющихъ мѣсто въ наукѣ. Но приложеніе ихъ къ отдѣльнымъ наукамъ далеко не равномѣрно и не одинаково. Возрастаніе сложности явленій при переходѣ отъ наукъ низшихъ къ высшимъ влечетъ за собою не только уменьшеніе, ограниченіе приложимости означенныхъ выше трехъ способовъ изученія, но и увеличеніе сложности пріемовъ каждаго изъ нихъ и, кромѣ того, устанавливаетъ еще преобладаніе того или другого изъ этихъ способовъ въ каждой изъ отдѣльныхъ наукъ; такъ, въ математикѣ и астрономіи приложимо только собственно наблюденіе, въ физикѣ къ нему присоединяется опытъ, а начиная съ химіи становится приложимо и сравненіе.

Хотя Ог. Контъ и установилъ, какъ основное положеніе, что научный характеръ міросозерцанія опредѣляется подчиненіемъ воображенія наблюденію, но тѣмъ не менѣе однакоже онъ признавалъ нужнымъ воспользоваться этимъ введеннымъ въ свою колею воображеніемъ и на этомъ основаніи признавалъ гипотезы „могущественнымъ и необходимымъ пособіемъ при изученіи природы“. Безъ этого благодатнаго окольнаго пути, общую идею котораго далъ математическій методъ вычисленій по приближенію, открытіе законовъ природы сдѣлалось бы, при первомъ случаѣ осложненія, невозможнымъ и вообще чрезвычайно замедлялось бы, говоритъ Контъ. Но употребленіе этого могущественнаго вспомогательнаго средства должно быть подчинено основному условію, безъ котораго оно не могло бы способствовать развитію знаній и даже препятствовало бы ему. Это

условіе заключается въ томъ, чтобы создаваемыя воображеніемъ гипотезы всегда могли быть подвергнуты научной повѣркѣ, болѣе или менѣе отдаленной, но, очевидно, всегда неизбѣжной. Степень точности этой повѣрки должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ тою степенью повѣрки, которой требуютъ соотносящіяся сюда явленія. Другими словами, истинно-философскія гипотезы должны всегда представляться какъ простыя продолженія тѣхъ истинъ, которыя могли бы быть открыты и безъ этой искусственной помощи, еслибы условія вопроса были болѣе благопріятны. Соблюденіе одного только этого требованія даетъ возможность безопасно пользоваться гипотезами, когда въ нихъ представляется надобность. Но если оно не удовлетворено, если при посредствѣ гипотезы мы желаемъ достичь того, что по природѣ своей недоступно нашему знанію, то гипотеза выходитъ изъ области науки и становится вредною. Можно вообще сказать, что гипотезы должны временно пополнять пробѣлы знанія, и что въ этомъ только и заключается ихъ исключительное назначеніе.

Сдѣланное выше опредѣленіе основнаго характера науки даетъ возможность представить теперь съ достаточною ясностью и установленное Ог. Контомъ дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя. Согласно идеѣ Конта, абстрактныя науки имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ различнаго рода явленіями, причемъ онѣ разсматриваютъ всѣ случаи, какіе только мы можемъ себѣ представить; кокретныя же науки или науки описательныя, подъ которыми иногда разумѣютъ естественныя науки въ собственномъ смыслѣ, занимаются приложеніемъ законовъ, открытыхъ абстрактными науками, къ явленіямъ дѣйствительно существующимъ. Науки перваго рода, слѣдовательно, суть науки основныя, науки втораго рода, при всемъ своемъ важномъ значеніи только второстепенныя.

Различеніе это не можетъ не представиться достаточно яснымъ всякому, обладающему какими-либо спеціальными знаніями изъ области различныхъ позитивныхъ наукъ, потому что оно почти равнозначуще съ обыкновеннымъ различеніемъ, встрѣ-

чающимся во всѣхъ научныхъ трактатахъ, а именно съ различеніемъ догматической физики отъ естественной исторіи въ собственномъ смыслѣ. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, впрочемъ, чтобы выяснить это различеніе.

Усмотрѣть его весьма ясно можно изъ сравненія, съ одной стороны, общей физіологіи и, съ другой, зоологіи и ботаники собственно. Очевидно, что обѣ эти области очень различны по своему характеру, такъ какъ первая изучаетъ общіе законы жизни, а вторая опредѣляетъ образъ существованія всякаго живаго тѣла въ частности. Это второе изученіе, очевидно, необходимо подчинено при томъ же первому.

Въ такомъ же точно отношеніи находится химія къ минералогіи: она, очевидно, служитъ ей раціональнымъ основаніемъ. Въ химіи разсматриваются всевозможныя комбинаціи молекулъ, при всѣхъ вообразимыхъ обстоятельствахъ; въ минералогіи разсматриваются только тѣ изъ этихъ комбинацій, которыя являются осуществившимися въ дѣйствительномъ образованіи состава земнаго шара подъ вліяніемъ только тѣхъ обстоятельствъ, которыя ему свойственны. Различіе точки зрѣнія химической отъ точки зрѣнія минералогической, при всемъ тождествѣ предметовъ, ими изучаемыхъ, явствуетъ изъ того, что большая часть фактовъ, разсматриваемыхъ химіею, существуетъ искусственно, такъ что какое-нибудь тѣло, напр. хлоръ или калій, можетъ имѣть, по обширности и энергіи своего сродства, чрезвычайное значеніе въ химіи, тогда какъ въ минералогіи значеніе его почти ничтожно; и наоборотъ, сложное тѣло, какъ гранитъ или кварцъ, о которыхъ такъ много распространяется минералогія, представляетъ съ точки зрѣнія химіи весьма слабый интересъ.

Логическая необходимость изложеннаго основнаго дѣленія наукъ, присовокупляетъ Ог. Контъ, выражается вообще въ томъ, что не только каждый отдѣлъ конкретной физики предполагаетъ предварительную разработку соотвѣтственнаго отдѣла физики абстрактной, но требуетъ еще знанія общихъ законовъ, относящихся ко всѣмъ родамъ явленій. Такимъ образомъ, напримѣръ, спеціальное изученіе земли, разсматриваемой

со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія оно въ дѣйствительности можетъ представить, не только требуетъ предварительнаго знанія физики и химіи, но не можетъ быть ведено достодолжнымъ образомъ безъ включенія, съ одной стороны, знаній астрономическихъ и, съ другой, физіологическихъ, такъ что оно находится въ связи съ общею системою основныхъ наукъ. Точно тоже можно сказать и о всякой естественной наукѣ въ собственномъ смыслѣ. Изъ этого видно, что различеніе абстрактныхъ наукъ отъ конкретныхъ представляется Контомъ какъ выдѣленіе изъ общей совокупности научныхъ знаній основъ этихъ знаній, корней, безъ которыхъ знанія эти не могутъ ни возникнуть, ни развиваться.

Показавъ различіе знаній практическихъ и знаній теоретическихъ, опредѣливъ философское значеніе науки и выяснивъ раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, мы можемъ приступить теперь къ разсмотрѣнію вопроса о классификаціи наукъ, имѣющей въ системѣ Конта первостепенное значеніе.

Хотя Ог. Контъ въ принципѣ и признаетъ, что позитивная классификація должна охватить всю совокупность абстрактныхъ, конкретныхъ и практическихъ знаній, но попытку построенія такой всеобщей классификаціи онъ считаетъ преждевременною, и вслѣдствіе того считаетъ неизбѣжнымъ примиреніе съ необходимостью установленія границъ, опредѣляющихъ ту область знанія, которая достаточно созрѣла уже для философскаго объединенія. Такъ какъ теоретическія знанія существенно различны отъ практическихъ, такъ какъ они служатъ этимъ послѣднимъ основою, то ясно прежде всего, что теоретическія знанія могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ практическихъ и что разсмотрѣніе первыхъ должно предшествовать разсмотрѣнію послѣднихъ. Если же принять во вниманіе, что развитіе теоретическихъ знаній стоитъ гораздо выше развитія знаній практическихъ и что, несмотря на это, они остаются еще необработанными философіею, то можно придти къ заключенію, что въ настоящее время предстоитъ

привести къ философскому единству одни только знанія теоретическія.

Заключеніе это Ог. Контъ подкрѣпляетъ еще нѣкоторыми соображеніями, имѣя въ виду придать ему бо́льшую опредѣленность и устойчивость.

При современномъ состояніи знаній, теоретическія знанія рѣдко прилагаются къ практикѣ непосредственно; въ бо́льшей части случаевъ, между ними установляется посредствующая ступень, которая еще весьма недостаточно опредѣлена въ философскомъ отношеніи, но значеніе которой можетъ выясниться для насъ, если мы обратимъ вниманіе на тотъ классъ людей, который ее спеціально разработываетъ. Между учеными въ собственномъ смыслѣ и лицами, непосредственно занятыми производствомъ работъ, сформировался въ настоящее время посредствующій классъ инженеровъ, спеціальное назначеніе которыхъ заключается въ приложеніи теоріи къ практикѣ. Нисколько не имѣя въ виду развитія научныхъ знаній, инженеры берутъ ихъ такими, какими находятъ, и выводятъ изъ нихъ заключеніе о той промышленной примѣнимости, которая знаніямъ этимъ свойственна. Таково, по крайней мѣрѣ, естественное направленіе хода этого дѣла, нелишеннаго еще многимъ запутанностей. Система знаній, долженствующая быть основою дѣятельности этого новаго класса дѣятелей, отъ которыхъ можно ожидать установленія истинной теоріи различныхъ искусствъ, будетъ, конечно, въ состояніи сдѣлаться предметомъ философскихъ соображеній большаго интереса и несомнѣнной важности; но объединеніе этихъ теорій съ теоріями, обоснованными на наукахъ въ собственномъ смыслѣ, было бы въ настоящее время совершенно преждевременно, потому что пока существуютъ только кое-какіе отрывочные опыты построенія теорій искусства, все значеніе которыхъ только и заключается въ томъ, что они даютъ понятіе о возможности и характерѣ такого рода построенія для всей совокупности практическихъ знаній. Примѣромъ подобныхъ знаній можетъ служить прекрасная идея Монжа, представляемая начертательной геометріей, имѣющей, собственно

говоря, значеніе общей теоріи строительнаго искусства. Подобныхъ опытовъ, впрочемъ, такъ еще мало, что, упоминая о нихъ въ курсѣ позитивной философіи, нѣтъ никакой возможности, однако же, вводить ихъ въ него въ качествѣ элементовъ, равнозначущихъ съ элементами чисто научными, имѣющими характеръ установившійся и опредѣленный.

Другое соображеніе, подкрѣпляющее въ сильной степени приведенное выше заключеніе относительно исключенія практическихъ знаній изъ общей философско-научной системы, заключается, по мнѣнію Ог. Конта, въ томъ, что всякое искусство зависитъ не отъ одной какой-либо науки, но отъ нѣсколькихъ одновременно, а важнѣйшія искусства пользуются помощью почти всѣхъ главнѣйшихъ наукъ. Такимъ образомъ, агрономія, напримѣръ, требуетъ комбинаціи знаній, почерпнутыхъ изъ физіологіи, химіи, физики и даже астрономіи и математики. Точно также и изящныя искусства. Изъ этого ясно видно, что теоріи искусства не могли сложиться раньше, чѣмъ основныя науки не стали на достодолжную степень развитія. Это новое соображеніе не только подкрѣпляетъ сдѣланное выше заключеніе, но и наводитъ на мысль, что теоріи искусства не только не могутъ пополнить собою системы научныхъ знаній, но, по всей вѣроятности, должны, напротивъ того, выработаться какъ выводы изъ этой системы. Такимъ образомъ, исключеніе ихъ изъ философско-научной системы получитъ свое обоснованіе не только въ характерѣ, но и въ самой природѣ ихъ, чѣмъ и рѣшается въ основоначалѣ этотъ вопросъ.

Исключивъ практическія знанія изъ философско-научной системы, предстоитъ подвинуть далѣе разсмотрѣніе нашего вопроса и рѣшить — вся ли область теоретическаго знанія должна войти въ эту систему или только часть ея? Аналогія между отношеніемъ наукъ и искусствъ, съ одной стороны, и абстрактными и конкретными науками, съ другой,—очевидна, такъ какъ наука вообще такъ же служитъ основою искусству, какъ и абстрактная наука конкретной. Изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе и этого вопроса не можетъ разниться отъ предшествовавшаго рѣшенія и что однѣ только абстрактныя науки долж-

ны послужить элементами къ построенію философско-научной системы, характеръ которой, какъ очевидно изъ всего предшествовавшаго, вполнѣ соотвѣтствуетъ, впрочемъ, тѣмъ даннымъ, которыя получаются изъ этого источника.

Выдѣливъ такимъ образомъ изъ всей совокупности знаній тѣ элементы, которые, служа основаніемъ всѣмъ прочимъ и обладая философскимъ характеромъ, однородны между собою въ этомъ отношеніи, Ог. Контъ подготовилъ для философскаго объединенія именно такія данныя, которыя онъ считалъ годными для образованія требуемаго объединенія. Данныя эти, представляясь общею совокупностью абстрактныхъ знаній, могутъ быть построены въ общую систему, отвѣчающую условіямъ такого единства, очевидно, только тогда, когда они будутъ расположены въ извѣстномъ порядкѣ и распредѣлены на группы не произвольно, а такимъ образомъ, чтобы между ними существовала прочная связь. Это распредѣленіе, классификацію или іерархію наукъ Ог. Контъ и назвалъ „системою позитивной философіи“, взявъ ее содержаніемъ своего „Курса“ („Cours de Philosophie positive“). Это обстоятельство, вмѣстѣ съ приведенными выше разсужденіями, изложенными въ первомъ томѣ „Курса“, установили въ обществѣ, да, если не ошибаюсь, даже и у нѣкоторыхъ позитивистовъ убѣжденіе, что Контъ исключилъ изъ системы позитивной философіи не только конкретныя науки, но и всю обширную область искусства, идея котораго у Конта совпадаетъ съ идеею той части философіи, которую обыкновенно называютъ „практическою“. Такое убѣжденіе нельзя не признать ошибочнымъ и основаннымъ на недоразумѣніи, проистекшемъ изъ недостатка точности у Конта въ этомъ отношеніи. Въ первомъ томѣ онъ дѣйствительно слишкомъ рѣзко выдѣлилъ область конкретныхъ наукъ и практическихъ знаній изъ системы позитивной философіи, хотя не упустилъ изъ виду и ихъ общую связь, замѣчая, что систему абстрактныхъ наукъ слѣдуетъ разсматривать какъ основаніе позитивной философіи, незаконченность которой онъ объясняетъ условіями чисто-внѣшняго характера („Cours.“ I, 57); въ трехъ же послѣднихъ главахъ VI тома онъ весьма опредѣленно и

ясно говоритъ о позитивной философіи, какъ объ общей совокупности систематизированныхъ абстрактныхъ, конкретныхъ и практическихъ знаній, и въ идеѣ этой совокупности видитъ ту великую идею единства знанія, которая и составляетъ главную и существеннѣйшую задачу научной философіи. Такимъ образомъ, согласно идеѣ самого Конта, можно утверждать, что „система абстрактныхъ наукъ не составляетъ еще системы позитивной философіи“, а одно только основаніе ея, и что въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, и слѣдуетъ понимать заявленіе Литтре, что „позитивная философія есть философія только начинающаяся“ (E. Littré, A. Comte et St. Mill, p. 40).

Во главѣ разсужденія, имѣющаго предметомъ классификацію знаній, Огюстъ Контъ ставитъ то положеніе, которое, по идеѣ его, должно дать этой классификаціи истинно-философское освѣщеніе,—положеніе, безъ котораго невозможна сколько-нибудь правильная оцѣнка этой классификаціи. „Какъ ни естественна эта классификація“, говоритъ онъ, „но надо прежде всего признать, что она неизбѣжно заключаетъ въ себѣ нѣчто, если не произвольное, то, по крайней мѣрѣ, искусственное, такъ что представляется дѣйствительно несовершенной. Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль, которую слѣдуетъ имѣть во всей энциклопедической работѣ, заключается въ томъ, чтобы расположеніе наукъ соотвѣтствовало порядку ихъ естественной связи и было согласно со взаимною зависимостью, такъ чтобы возможно было послѣдовательно ихъ установить, никогда не вовлекаясь въ ложный кругъ.“ Но это условіе, какъ полагаетъ Контъ, во всей своей строгой требовательности невыполнимо. Причины, обусловливающія убѣжденіе въ такой невыполнимости, Ог. Контъ выясняетъ въ рядѣ соображеній, имѣющихъ важное значеніе не только потому, что они дѣйствительно подкрѣпляютъ это убѣжденіе и такимъ образомъ предотвращаютъ придирки противниковъ позитивизма, но еще и потому, что характеризуютъ тѣ затрудненія, которыми обставлена задача классификаціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установляютъ положеніе, имѣющее въ позитивной системѣ многочисленныя приложенія.

Обратимся теперь къ обзору этихъ соображеній.

Изложеніе всякой науки можно вести только двумя путями, говоритъ Контъ: или историческимъ, или догматическимъ; всякій иной путь неизбѣжно будетъ комбинаціей этихъ двухъ путей. Избравъ первый изъ нихъ, излагаютъ знанія послѣдовательно, въ томъ порядкѣ, въ которомъ умъ человѣческій дѣйствительно пріобрѣталъ ихъ, причемъ стараются воспроизвести и тѣ же самые способы пріобрѣтенія. Слѣдуя второму пути, представляютъ такую систему идей, какая могла бы возникнуть въ настоящее время въ единичномъ умѣ, который, занимая соотвѣтственную точку зрѣнія и владѣя достаточными знаніями, предпринялъ бы переработку всей совокупности знаній, входящихъ въ науку, какъ въ единое цѣлое.

Первый путь есть, очевидно, тотъ именно путь, которымъ неизбѣжно начинается изученіе всякой возникающей науки. По природѣ своей, такой путь не требуетъ для изложенія знаній никакой другой работы, кромѣ той, которая была произведена при образованіи науки; вся дидактика приводится въ этомъ случаѣ къ послѣдовательному, въ хронологическомъ порядкѣ расположенному, изученію тѣхъ оригинальныхъ работъ, которыя способствовали развитію науки.

Догматическій способъ изложенія предполагаетъ, напротивъ того, переработку всѣхъ частныхъ трудовъ въ одну общую систему. Онъ примѣнимъ именно только къ тѣмъ наукамъ, которыя достигли довольно высокой степени развитія. Но, по мѣрѣ того какъ наука прогрессируетъ, историческій способъ изложенія, съ многочисленными посредствующими звеньями, которыя онъ неизбѣжно вводитъ, становится все болѣе и болѣе непримѣнимымъ, тогда какъ способъ догматическій дѣлается все болѣе и болѣе возможнымъ и даже необходимымъ, потому что новыя понятія дозволяютъ представлять прежнія открытія съ точки зрѣнія, упрощающей изложеніе.

Такъ, напримѣръ, при образованіи древняго геометра только и требовались сочиненія Архимеда и Аполлонія; тогда какъ въ новѣйшее время въ бо́льшей части случаевъ математики,

оканчивающіе свое образованіе, не читали ни одного оригинальнаго сочиненія, кромѣ относящихся къ послѣднимъ открытіямъ, ознакомиться съ которыми другимъ путемъ невозможно.

Изъ этого слѣдуетъ, что умъ человѣческій всегда стремился къ замѣщенію историческаго способа изложенія способомъ догматическимъ, который только и можетъ соотвѣтствовать высшимъ ступенямъ умственнаго развитія.

Общая задача умственнаго образованія заключается въ томъ, чтобы отдѣльно взятый умъ, въ бо́льшей части случаевъ посредственный, довести въ небольшое число лѣтъ до той самой степени развитія, до которой достигли въ теченіе долгаго ряда вѣковъ многіе великіе геніи, посредствомъ послѣдовательныхъ приложеній всѣхъ своихъ силъ къ изученію одного и того же предмета. Поэтому цѣль образованія стала бы недостижимой, если бы отдѣльно взятый умъ вынужденъ былъ проходить чрезъ всѣ тѣ посредствующія ступени, чрезъ которыя проходилъ коллективный геній человѣческаго рода. Необходимость догматическаго способа изложенія вытекаетъ изъ этого съ полною ясностью и имѣетъ особенно важное значеніе по отношенію къ наукамъ высшимъ.

Тѣмъ не менѣе однако же, предупреждая крайности, необходимо замѣтить, что къ дѣлу долженъ быть примѣненъ не исключительно только догматическій способъ, но извѣстное соединеніе этого способа со способомъ историческимъ, причемъ этотъ послѣдній долженъ быть подчиненъ догматической точкѣ зрѣнія. Полезность такого соединенія вытекаетъ изъ необходимости имѣть дѣло со вновь образовавшимися частями наукъ, при изложеніи которыхъ историческій способъ свободенъ, впрочемъ, отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлаютъ его непримѣнимымъ къ наукамъ вообще, какъ объяснено выше.

Единственный вѣскій недостатокъ догматическаго способа заключается въ томъ, что онъ оставляетъ неизвѣстнымъ способы, которыми выработаны извѣстныя человѣческія знанія, что́ имѣетъ высокій интересъ для всякаго философскаго ума, но что́, впрочемъ, не находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ самыхъ знаній. Этотъ недостатокъ можно бы счесть очень важнымъ, если

бы въ самомъ дѣлѣ онъ давалъ поддержку историческому способу; но не трудно убѣдиться, что отношеніе между изученіемъ науки историческимъ способомъ и знаніемъ дѣйствительной исторіи этой науки часто призрачно. Въ самомъ дѣлѣ, не только различныя части науки, которыя приходится вести отдѣльно при догматическомъ способѣ изложенія, развивались въ дѣйствительности одновременно и при взаимномъ вліяніи одной на другую, но развитіе ихъ шло въ извѣстной связи съ развитіемъ искусствъ и въ тѣсной связи съ развитіемъ человѣческаго общества. Такимъ образомъ, историческое изученіе всякой науки не можетъ быть отдѣлено отъ исторіи человѣчества, и источники ея, отдѣльно взятые, могутъ быть разсматриваемы только какъ матеріалы, воспользоваться которыми возможно лишь тогда, когда они будутъ введены въ общую исторію человѣческаго общества. Отдѣльная же исторія той или другой науки, разрывая связь этой науки какъ съ исторіей человѣческаго общества, такъ и съ исторіей другихъ наукъ, не только не выясняетъ этой исторіи, но и даетъ о ней совершенно ложное понятіе. Историческій способъ изложенія такимъ образомъ является лишеннымъ всякой раціональной опоры [1]).

Знаніе исторіи наукъ въ высочайшей степени важно. Можно утверждать даже, что безъ этого знанія нѣтъ полнаго знанія самой науки; но изученіе исторіи наукъ должно быть совершенно отдѣлено отъ догматическаго изученія науки, безъ котораго самая исторія науки остается непонятною. Такимъ образомъ, данныя исторіи наукъ могутъ явиться вспомогательнымъ элементомъ при изложеніи наукъ, входящихъ въ позитивную систему; но изложеніе этихъ наукъ необходимо должно имѣть характеръ вполнѣ догматическій.

Такимъ образомъ Ог. Контъ приходитъ къ заключенію, прибавляющему еще одну новую и весьма важную черту къ характеристикѣ его системы, — черту, благодаря которой вопросъ о

[1]) Въ связи съ этимъ вопросомъ находится замѣчательная оцѣнка извѣстнаго сочиненія Либри (Libri, Histoire des sciences mathématiques en Italie), сдѣланная Контомъ въ 4-мъ томѣ его „Курса“ (стр. 324—325).

точномъ опредѣленіи условій, которыми обставлено осуществленіе классификаціи знаній, можетъ достаточно выясниться.

Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что, какъ бы классификація ни была совершенна, точное соотвѣтствіе ея съ историческою связью наукъ невозможно. Въ какомъ бы порядкѣ ни стали мы располагать науки, мы не избѣжимъ однако случаевъ, когда та или другая частность, входящая въ составъ извѣстной науки, явится ранѣе нѣкоторыхъ знаній, связанныхъ съ нею неразрывно, но входящихъ въ область другой науки, поставленной въ ряду послѣ той науки, къ которой относится эта частность. Само собою разумѣется однако же, что если подобные случаи будутъ касаться не частностей, а основныхъ положеній, то классификацію, допустившую ихъ, надо будетъ признать неудовлетворительною.

Такъ, напримѣръ, въ позитивной классификаціи, какъ замѣчаетъ Контъ, астрономія поставлена прежде физики, и однакожъ нѣкоторыя отрасли послѣдней необходимы для полнаго изложенія первой.

Такіе второстепенные недостатки совершенно непредотвратимы, и не могутъ, конечно, служить доводомъ противъ классификаціи, которая достаточно выполняетъ главныя условія. Причина этихъ недостатковъ лежитъ въ естественно неизбѣжной искусственности всякаго раздѣленія нашего умственнаго труда. И если они встрѣчаются и въ позитивной классификаціи, то тѣмъ не менѣе классификація эта, хотя и не построена на основаніи историческаго развитія наукъ, представляетъ рядъ, въ которомъ всякая предыдущая наука древнѣе послѣдующей и всегда находится и на сравнительно высшей степени развитія.

Въ заключеніе разсужденій о трудностяхъ, связанныхъ съ вопросомъ о классификаціи наукъ, Ог. Контъ приводитъ еще одно соображеніе, которое нельзя оставить безъ вниманія.

Предстоитъ классифицировать основныя науки. Число ихъ никакъ не можетъ быть ниже шести. Извѣстно же, что шесть предметовъ можетъ дать 720 различныхъ сочетаній, и, слѣдовательно, шесть наукъ 720 различныхъ классификацій, изъ ко-

торыхъ и предстоитъ выбрать одну, наиболѣе удовлетворяющую требованіямъ вопроса. Изъ этого видно, что, несмотря на значительное число классификацій, предложенныхъ до настоящаго времени, число это обнимаетъ самую ничтожную часть всей совокупности возможныхъ сочетаній; тѣмъ не менѣе, въ виду рѣзкой противоположности между предложенными классификаціями, можно утверждать безъ преувеличенія, какъ заключаетъ Огюстъ Контъ, что не только каждая изъ предложенныхъ, но и каждая изъ 720 возможныхъ классификацій имѣетъ за себя благопріятные доводы, изъ чего можно вывести вѣрное заключеніе о трудностяхъ выбора одной раціональной классификаціи изъ массы всѣхъ возможныхъ классификацій.

Подходя, наконецъ, прямо къ вопросу, разрѣшеніе котораго было подготовлено предшествующими разсужденіями, Ог. Контъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что естественная и позитивная классификація основныхъ наукъ должна быть обоснована на сравненіи различныхъ родовъ явленій, открытіе законовъ которыхъ имѣется въ виду. Опредѣленіе дѣйствительной зависимости различныхъ областей знанія, является теперь его задачей. Но опредѣленіе это можетъ, по мнѣнію Ог. Конта, получиться только какъ результатъ опредѣленія зависимости соотвѣтственныхъ явленій.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія всѣ подлежащія наблюденію явленія, мы замѣчаемъ, что ихъ можно подвести подъ небольшое число естественныхъ категорій, расположенныхъ такимъ образомъ, что раціональное изученіе каждой категоріи будетъ имѣть опору въ категоріи ей предшествующей и послужитъ основаніемъ для изученія той, которая за нею слѣдуетъ. Такой порядокъ опредѣляется степенью возрастанія сложности или, что тоже, степенью убыванія общности явленій, обусловливающихъ ихъ послѣдовательную связь и, слѣдовательно, степенью трудности ихъ изученія.

Въ самомъ дѣлѣ, ясно a priori, замѣчаетъ Ог. Контъ, что самыя простыя явленія суть въ то же время и самыя общія. Начинать изученіе и слѣдуетъ поэтому съ явленій самыхъ простыхъ и самыхъ общихъ, и затѣмъ послѣдовательно переходить

къ болѣе сложнымъ и болѣе частнымъ. Только такой порядокъ можетъ дать естественной философіи идею истинно методическую, потому что порядокъ этотъ, слѣдуя степени общности и сложности явленій, опредѣляетъ раціональную связь основныхъ наукъ послѣдовательною связью изучаемыхъ ими явленій и устанавливаетъ такимъ образомъ степень ихъ трудности.

Выяснивъ руководящую идею классификаціи наукъ, можно теперь приступить и къ обзору самой классификаціи.

Поступая сообразно объясненному выше основоначалу, мы можемъ установить раздѣленіе всей совокупности естественныхъ явленій на два главныхъ отдѣла: первый, обнимающій всѣ явленія тѣлъ неорганическихъ, и второй, обнимающій всѣ явленія тѣлъ органическихъ. Очевидно, что эти послѣднія болѣе сложны и менѣе общи, чѣмъ первыя, и потому, какое бы ни давалось объясненіе отличію между ними, несомнѣннымъ остается то, что, на основаніи только что установленнаго основоначала, явленія тѣлъ органическихъ должны быть изучаемы послѣ явленій тѣлъ неорганическихъ, т. е. физика органическая должна слѣдовать за физикой неорганической, или біологія за абіологіей.

Перейдемъ теперь къ главнымъ подраздѣленіямъ, которыя, согласно тому же основоначалу, слѣдуетъ установить въ каждой изъ этихъ частей естественной философіи.

Сообразуясь съ порядкомъ, выражающимся въ общности и сложности явленій, неорганическая физика должна быть раздѣлена на два второстепенные отдѣла, сообразно тому, занимается ли она общими явленіями вселенной или частными явленіями тѣлъ земныхъ. Эти два отдѣла: небесная физика, или астрономія (геометрическая или механическая), и физика земная.

Изъ этихъ двухъ отдѣловъ физики, астрономія, очевидно, должна быть поставлена прежде земной физики, потому что астрономическія явленія суть самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя, и законы, ими управляющіе, имѣютъ вліяніе на законы всѣхъ другихъ явленій, не будучи сами нисколько отъ нихъ зависимы. Во всѣхъ явленіяхъ земной физики наблюдаются сперва общія дѣйствія всеобщаго тяготѣнія, затѣмъ дру-

гія дѣйствія, которыя явленіямъ этимъ присущи и которыя видоизмѣняютъ дѣйствія общія. Такимъ образомъ, когда мы анализируемъ простѣйшее земное явленіе, химическое или даже чисто механическое, то оно представляется намъ болѣе сложнымъ, чѣмъ наисложнѣйшія небесныя явленія. Напримѣръ, если принять въ соображеніе всѣ постороннія вліянія, то простое паденіе какого бы то ни было тѣла несравненно труднѣе изслѣдовать, чѣмъ самый сложный астрономическій вопросъ. Это соображеніе ясно показываетъ, до какой степени необходимо отчетливо отдѣлить небесную физику отъ земной, и переходить къ изученію второй лишь послѣ изученія первой, которая составляетъ ея раціональное основаніе.

Земная физика, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ совершенно различныя части (смотря потому, разсматриваетъ ли она тѣла съ механической точки зрѣнія или съ химической) — на физику въ собственномъ смыслѣ и химію. Чтобы чисто методическимъ путемъ ознакомиться со второю, очевидно нужно предварительно изучить первую, ибо всѣ химическія явленія необходимо сложнѣе физическихъ. Они отъ нихъ зависятъ, но на нихъ не вліяютъ. Каждому извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что на всякое химическое дѣйствіе вліяетъ тяжесть, теплота, электричество и проч., и что, въ то же время, они обнаруживаютъ нѣчто имъ однимъ присущее, что измѣняетъ вліяніе предыдущихъ дѣятелей. Эти соображенія ясно показываютъ, что химія можетъ слѣдовать только за физикой, и опредѣляютъ въ тоже время эту послѣднюю какъ отдѣльную науку. Установляемая такимъ образомъ послѣдовательность въ изученіи физическихъ и химическихъ явленій остается при всякомъ объясненіи этихъ послѣднихъ и можетъ имѣть значеніе даже только какъ способъ, облегчающій изученіе послѣднихъ, еслибы различіе ихъ отъ явленій физическихъ было отвергнуто дальнѣйшимъ развитіемъ науки.

Таково, по мысли Конта, раціональное дѣленіе главныхъ отраслей общей науки о неорганическихъ тѣлахъ. Подобное же дѣленіе представляетъ и общая наука о тѣлахъ органическихъ.

Всѣ органическія тѣла представляютъ двѣ категоріи существенно различныхъ явленій, относящихся къ особи, и явленій, относящихся къ виду, особенно когда онъ живетъ обществами. Различіе это наиболѣе существенно по отношенію къ человѣку. Послѣдняя категорія явленій очевидно сложнѣе и спеціальнѣе первой: она находится отъ нея въ зависимости, но не вліяетъ на нее. Отсюда два большихъ отдѣла въ органической физикѣ, именно: физіологія, въ тѣсномъ смыслѣ, и соціальная физика, которая въ основаніи имѣетъ физіологію.

Во всѣхъ соціальныхъ явленіяхъ мы замѣчаемъ, во-первыхъ, вліяніе физіологическихъ законовъ индивида и, во-вторыхъ, нѣчто особенное, что видоизмѣняетъ ихъ слѣдствія и что касается взаимодѣйствія индивидовъ. Это вліяніе особенно усложняется въ человѣческихъ видахъ вліяніемъ каждаго поколѣнія на послѣдующее. Поэтому очевидно, что для надлежащаго изученія соціальныхъ явленій начинать нужно съ обстоятельнаго изученія законовъ, относящихся къ индивидуальной жизни. Съ другой стороны, изъ этой необходимой зависимости между двумя предметами изученія, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ (какъ то полагали нѣкоторые изъ первоклассныхъ физіологовъ), что соціальная физика есть лишь добавочная часть физіологіи. Хотя явленія и однородны безъ всякаго сомнѣнія, но они далеко не тождественны, и различеніе этихъ двухъ наукъ въ высшей степени необходимо, потому что было бы невозможно смотрѣть на изученіе вида съ коллективной точки зрѣнія, какъ на прямой выводъ изъ изученія индивида, такъ какъ соціальныя условія, измѣняющія вліянія физіологическихъ законовъ, являются въ этомъ случаѣ самымъ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Слѣдовательно, въ основаніе соціальной физики слѣдуетъ положить прямыя наблюденія, не упуская въ то же время изъ виду ея тѣсной и необходимой связи съ физіологіей въ тѣсномъ смыслѣ.

Можно бы установить совершенную симметрію между дѣленіемъ органической физики и изложеннымъ выше дѣленіемъ физики неорганической, введя обыкновенное подраздѣленіе фи-

зіологіи въ собственномъ смыслѣ на физіологію растеній и физіологію животныхъ; такое подраздѣленіе притомъ же удовлетворяло бы и нашему основному принципу. Но погоня за этою симметріею заключала бы въ себѣ нѣчто ребяческое, еслибы она упустила изъ виду или преувеличила дѣйствительныя аналогіи и различія между явленіями. Не подлежитъ однакоже сомнѣнію, что различіе между физіологіею растеній и физіологіею животныхъ, имѣющее важное значеніе въ конкретной физикѣ, не имѣетъ почти никакого въ физикѣ абстрактной, которая только и имѣется здѣсь въ виду. Знаніе общихъ законовъ жизни, долженствующее быть истинною цѣлью физіологіи, требуетъ одновременнаго обозрѣнія всего органическаго ряда безъ различія животныхъ отъ растеній,—различія, день ото дня ослабляющагося, впрочемъ, подъ вліяніемъ изученія явленій съ бо́льшею обстоятельностью. На основаніи этихъ соображеній, въ органическую физику не входитъ то подраздѣленіе, которое сочтено необходимымъ въ физикѣ органической.

Это разсужденіе приводитъ къ тому результату, что „Курсъ позитивной философіи“ расчленяется на пять основныхъ наукъ, послѣдовательность которыхъ опредѣляется необходимою и неизмѣнною подчиненностью, имѣющею своимъ основаніемъ, независимо отъ всякаго гипотетическаго мнѣнія, простое, но глубокое сравненіе соотвѣтственныхъ явленій. Эти науки суть: астрономія, физика, химія, біологія и, наконецъ, соціальная физика. Первая разсматриваетъ самыя общія, самыя простыя, самыя абстрактныя явленія, и имѣетъ притомъ же наиболѣе отдаленную связь съ человѣчествомъ: эти явленія вліяютъ на всѣ прочія, но сами ихъ вліянію не подлежатъ. Наоборотъ, тѣ явленія, которыя относятся къ послѣдней, суть самыя спеціальныя, самыя сложныя, самыя конкретныя и наиболѣе тѣсно связанныя съ интересами человѣка; они болѣе или менѣе зависятъ отъ всѣхъ предыдущихъ, не оказывая на нихъ никакого вліянія. Между этими двумя крайностями, степень спеціальности, усложненности и индивидуальности явленій, а также и степень ихъ послѣдовательной зависимости все болѣе и болѣе возрастаетъ.

Таково, утверждаетъ Ог. Контъ, общее внутреннее отношеніе между науками, открываемое правильно приложеннымъ философскимъ наблюденіемъ и чуждое пустыхъ различеній произвольнаго характера. Таковъ внутренній распорядокъ тѣхъ частей позитивной системы, которыя относятся къ явленіямъ, нами уже разсмотрѣннымъ. Очевидно, однако-же, что въ распорядкѣ этомъ остается еще обширный и крайне важный пробѣлъ, который и необходимо пополнить для полученія законченной совокупности основныхъ наукъ.

Намъ остается еще опредѣлить мѣсто математики въ ряду этихъ наукъ.

Великое значеніе этой науки мотивируетъ выдѣленіе разсужденія о ней изъ общаго разсмотрѣнія всѣхъ остальныхъ наукъ.

При современномъ состояніи развитія нашихъ положительныхъ знаній, на математику слѣдуетъ смотрѣть не столько какъ на составную часть позитивной системы, сколько какъ на общую ея основу, хотя на самомъ дѣлѣ она и то, и другое. Въ настоящее время математика, при всей важности знаній, въ ней заключающихся, особенно важна какъ самое могущественное орудіе, какое только находится во власти человѣческаго ума при изысканіи законовъ естественныхъ явленій. На основаніи такого взгляда на математику, необходимо раздѣлить ее на два большіе отдѣла, характеры которыхъ совершенно различны между собою: отдѣлъ математики конкретной и отдѣлъ математики абстрактной. Первый имѣетъ предметомъ опредѣленіе отношеній между величинами, второй — опредѣленіе неизвѣстныхъ на основаніи этихъ отношеній, которыя въ этомъ случаѣ являются какъ данныя вопроса.

Конкретная и абстрактная части научныхъ вопросовъ, различныя по содержанію и цѣлямъ, различаются и по тѣмъ способамъ изысканія, которые имѣютъ мѣсто въ каждой изъ нихъ. Всего прежде надо обратить вниманіе на то, что конкретная часть находится въ совершенной зависимости отъ измѣнчивости изучаемыхъ фактовъ, тогда какъ абстрактная постоянно вращается въ области умозаключеній, неизмѣнно приложимыхъ

ко всякаго рода фактамъ. Конкретная часть, поэтому, имѣетъ характеръ опытный, физическій, феноменальный; абстрактная— логическій, раціональный. Открывается ли законъ чрезъ непосредственное наблюденіе или, какъ это случается чаще, онъ только подтверждается этимъ наблюденіемъ, — во всякомъ случаѣ онъ считается достовѣрнымъ только тогда, когда согласуется съ результатами прямаго опыта. Такимъ образомъ, конкретная часть всякой науки неизбѣжно основана на опытномъ изученіи внѣшняго міра и — каково бы тамъ ни было участіе сужденія въ этомъ изученіи — никогда не можетъ перейти въ простую связь сужденій. Абстрактная же часть, напротивъ того, состоитъ изъ ряда болѣе или менѣе простыхъ дедукцій, ибо если отношеніе между опредѣленнымъ и искомымъ фактомъ установлено, то опредѣленіе искомаго должно зависѣть отъ сужденія, которое въ этой работѣ неизбѣжно устраняетъ все то, что должно было подготовиться предварительно, и, служа точкою отправленія, не примѣшивается болѣе къ этой задачѣ.

Изъ этого видно, что абстрактная часть математики можетъ быть разсматриваема какъ обширное распространеніе естественной логики на извѣстную категорію дедукцій, тогда какъ конкретную часть представляетъ намъ настоящая естественная наука, основанная, какъ и всякая другая такая наука, на наблюденіи, хотя, по чрезвычайной простотѣ изучаемыхъ ею явленій, она поддается безконечно совершеннѣйшей степени систематизаціи, заслоняющей собою тогда опытный характеръ основныхъ принциповъ. Но обѣ эти физическія науки заключаютъ въ себѣ ту особенность, что, при настоящемъ состояніи человѣческаго ума, онѣ обѣ служатъ болѣе какъ методы, чѣмъ какъ доктрины,—особенность, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ обозначаться.

Опредѣленіе мѣста математики въ ряду основныхъ наукъ, входящихъ въ позитивную систему, заканчиваетъ эту систему, подводя подъ нее то общее основаніе, содержаніе котораго состоитъ въ изученіи самыхъ общихъ и наименѣе сложныхъ явленій, какъ въ томъ смыслѣ, который имѣетъ конкретная часть математики, такъ и въ томъ, который имѣетъ часть абстрактная.

Слѣдующая таблица показываетъ наглядно установленное Контомъ подраздѣленіе шести основныхъ наукъ:

Математика	Счисленіе. Геометрія. Раціональная механика.
Астрономія	Геометрическая астрономія. Механическая астрономія.
Физика	Барологія. Термологія. Акустика. Оптика. Электрологія.
Химія	Неорганическая химія. Органическая химія.
Біологія	Анатомія. Физіологія.
Соціологія	Соціальная статика. Соціальная динамика.

Вслѣдъ за изложеніемъ классификаціи наукъ, Ог. Контъ дѣлаетъ указанія на главнѣйшія свойства, ей присущія и долженствующія подтвердить вѣрность основной ея идеи, выяснить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ ее оцѣнивать, и дать понятіе о значеніи ея по отношенію къ развитію умственной дѣятельности.

Всего прежде представляетъ онъ замѣчаніе, долженствующее служить подтвержденіемъ вѣрности классификаціи, а именно онъ указываетъ на ея соотвѣтствіе съ нѣкоторымъ образомъ самобытнымъ распредѣленіемъ знаній, принятымъ учеными въ различныхъ отрасляхъ изученія природы. Указываемая здѣсь самобытность принятія соподчиненности знаній, по мнѣнію Конта, совсѣмъ не такъ маловажна, какъ полагали многіе составители энциклопедическихъ классификацій, ибо самобытность эта обнаруживаетъ давно ощущаемую человѣческимъ умомъ потребность такой соподчиненности. Позитивная точка зрѣнія, признавая законосообразность этой соподчиненности, преобра-

зовала ее изъ эмпирической въ раціональную и, такимъ образомъ, придала ей истинное значеніе и поставила преграды противъ тѣхъ нарушеній, которыя такъ часто имѣли мѣсто.

Второе весьма существенное свойство классификаціи, указываемое Ог. Контомъ, заключается въ томъ, что классификація эта соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу развитія естественной философіи. Докательствомъ этому служатъ всѣ наши свѣдѣнія по исторіи наукъ, преимущественно въ періодъ двухъ послѣднихъ столѣтій, ибо за это время мы можемъ тщательнѣе прослѣдить ходъ ихъ развитія.

Безъ всякаго сомнѣнія, очевидно, что такъ какъ раціональное изученіе каждой изъ основныхъ наукъ требуетъ предварительнаго изученія всѣхъ предшествующихъ ей въ энциклопедической іерархіи, то данная наука могла бы сдѣлать какіе-нибудь важные успѣхи и усвоить надлежащій характеръ не ранѣе значительнаго развитія предшествующихъ наукъ, относящихся къ явленіямъ болѣе общимъ, болѣе абстрактнымъ и менѣе сложнымъ и независимымъ отъ другихъ. Вотъ въ какомъ порядкѣ должно бы происходить развитіе наукъ, несмотря на его одновременность.

Обстоятельство это, по мнѣнію Конта, такъ важно, что если не принять его во вниманіе, то исторія человѣческаго ума останется для насъ невполнѣ понятною. Общій законъ человѣческаго развитія будетъ теменъ, если при его примѣненіяхъ мы не согласимся съ помянутой энциклопедической формулой: ибо изъ этой формулы явствуетъ, что различныя теоріи, которыхъ придерживалось человѣчество, переживали послѣдовательно извѣстные фазисы развитія. Если мы, при обсужденіи вліянія закона этого неизбѣжнаго прогресса, не возьмемъ эту формулу въ соображеніе, то часто будемъ встрѣчать повидимому непреодолимыя затрудненія, ибо ясно, что фазисы развитія, предшествовавшіе позитивному, должны были совпадать по отношенію къ какимъ-либо основнымъ теоріямъ одинъ съ другимъ, и, въ дѣйствительности, иногда совпадали съ позитивнымъ фазисомъ тѣхъ теорій, которыя въ энциклопедической системѣ Конта должны имъ предшествовать, — обстоятельство, представляющее такое

затрудненіе къ приложенію общаго закона, которое, какъ полагаетъ Контъ, можетъ устранить одна лишь созданная имъ классификація.

Въ-третьихъ, классификацію свою Контъ считаетъ весьма замѣчательною въ томъ отношеніи, что она безошибочно показываетъ относительный уровень совершенства различныхъ наукъ, — совершенства, главнымъ образомъ заключающагося въ степени точности нашего знанія явленій, и въ болѣе или менѣе тѣсномъ ихъ соподчиненіи.

Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ явленія общнѣе, проще и абстрактнѣе, чѣмъ менѣе зависятъ они отъ другихъ, тѣмъ точнѣе наши знанія ихъ и тѣмъ соподчиненіе ихъ можетъ быть полнѣе. Такимъ образомъ, органическія явленія не могутъ быть изучаемы съ такою точностью и систематичностью, какъ явленія неорганическія, а также въ неорганической физикѣ небесныя явленія, какъ болѣе общія и болѣе независимыя отъ всѣхъ другихъ, могутъ быть изучаемы съ бо́льшею точностью и бо́льшею связностью, чѣмъ явленія земныя.

Для предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникнуть отъ невѣрнаго толкованія только-что изложеннаго свойства позитивной классификаціи, Ог. Контъ обращаетъ вниманіе на весьма распространенное, хотя и очень грубое, смѣшеніе точности науки съ ея достовѣрностью, а также и произвольное установленіе зависимости между двумя этими свойствами. Точность и достовѣрность, говоритъ Контъ, не имѣютъ между собою ничего общаго; нелѣпое положеніе можетъ быть чрезвычайно точно, и наоборотъ, достовѣрнѣйшее положеніе можетъ страдать отсутствіемъ точности. Таковы положенія: 1) сумма угловъ въ треугольникѣ равна т р е м ъ прямымъ, и 2) всякій человѣкъ смертенъ.

Каждая изъ наукъ можетъ представлять результаты столь же достовѣрные, какъ и результаты другихъ наукъ, но степень точности этихъ результатовъ должна быть соображена со свойствами изучаемыхъ явленій,—условіе, исполненіе котораго не всегда легко достижимо. Во всѣхъ наукахъ могутъ быть положенія только вѣроятныя, но не въ нихъ заключается суще-

ственная часть содержанія науки; все же то, что имѣетъ характеръ положительный. вполнѣ достовѣрно, и въ этомъ отношеніи между науками не существуетъ различія.

Наконецъ, самая интересная особенность энциклопедической формулы, по отношенію къ важности и многочисленности ея примѣненій, заключается, по мнѣнію Конта, въ томъ, что она прямо опредѣляетъ общій планъ научнаго и вполнѣ раціональнаго образованія. Это — прямое слѣдствіе самыхъ элементовъ формулы.

Прежде чѣмъ предпринять методическое изученіе какой-нибудь основной науки, говоритъ Контъ, необходимо ознакомиться съ науками, изучающими тѣ явленія, которыя предшествуютъ въ порядкѣ энциклопедической іерархіи, ибо послѣднія всегда сильно вліяютъ на тѣ законы, которые предполагается изучать.

Если мнѣніе это справедливо относительно общаго образованія ученыхъ, то оно справедливо и относительно спеціальнаго ихъ образованія. Физики, предварительно не изучившіе астрономіи, по крайней мѣрѣ съ общей точки зрѣнія; химики, которые, прежде чѣмъ заняться своею наукою, предварительно не изучили астрономіи и затѣмъ физики; физіологи, не подготовившіе себя для спеціальныхъ трудовъ предварительнымъ изученіемъ астрономіи, физики и химіи;—всѣ они одинаково не имѣютъ одного изъ основныхъ условій умственнаго развитія. Этотъ недостатокъ еще замѣтнѣе въ томъ случаѣ, когда кто-либо хочетъ посвятить себя позитивному изученію явленій общественной жизни и между тѣмъ предварительно не запасся общими свѣдѣніями по астрономіи, физикѣ, химіи и физіологіи.

Такъ какъ въ настоящее время такія условія бываютъ выполнены очень рѣдко, говоритъ Контъ, то можно утверждать, что для ученыхъ не существуетъ еще образованія вполнѣ раціональнаго. Это обстоятельство имѣетъ въ глазахъ Конта такую важность, что его вліянію онъ приписываетъ низкую степень развитія труднѣйшихъ наукъ и неудовлетворительное состояніе общественнаго образованія, которое, какъ онъ полагаетъ, не достигнетъ самыхъ существенныхъ своихъ результатовъ до тѣхъ

поръ, пока въ основаніе его не будетъ положена позитивная классификація наукъ.

Важность этой классификаціи въ послѣднемъ отношеніи онъ подтверждаетъ разсмотрѣніемъ ея не только въ связи съ ученіемъ позитивной философіи, но и въ связи съ ея методомъ. Осуществленіе общаго плана образованія съ этой точки зрѣнія должно, по идеѣ Конта, дать такое совершенное знаніе положительнаго метода, какое не можетъ получиться никакимъ инымъ путемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ естественныя явленія распредѣлены такимъ образомъ, что явленія, изучаемыя однимъ отдѣломъ системы, всегда однородны между собою и разнородны съ явленіями другихъ отдѣловъ, то изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что общій позитивный методъ, въ предѣлахъ одной и той же науки, будетъ испытывать однообразныя измѣненія, которыя сдѣлаются разнообразными лишь при переходѣ отъ одной науки къ другой. Такимъ образомъ является увѣренность въ возможности наблюдать научный методъ во всѣхъ реальныхъ видоизмѣненіяхъ, на какія онъ только способенъ, что̀ невозможно при такой энциклопедической формулѣ, которая не удовлетворяетъ условіямъ, поставленнымъ классификаціею позитивной системы.

Такимъ образомъ, вполнѣ выясняется, по мнѣнію Конта, необходимость изученія всѣхъ наукъ энциклопедическаго ряда для полнаго и всесторонняго изученія позитивнаго метода и безспорная недостаточность одной, хотя бы и совершеннѣйшей науки для этой цѣли. Всякая наука имѣетъ свои особенности и свои выгодныя стороны, которыхъ нельзя найти въ другихъ наукахъ. По этой причинѣ неполнота знакомства съ науками можетъ имѣть послѣдствіемъ узкость взглядовъ и несостоятельность, которые позитивная философія научаетъ устранять и предотвращать.

Но мало того, что позитивный методъ слѣдуетъ изучать, не пропустивъ ни одной изъ наукъ, входящихъ въ энциклопедическій рядъ; необходимо еще, какъ увѣряетъ Огюстъ Контъ, слѣдовать при этомъ тому именно порядку, который онъ имѣетъ въ этомъ рядѣ. Какой раціональный характеръ могутъ имѣть результаты умственной дѣятельности, если человѣкъ начинаетъ

съ изученія наисложнѣйшихъ явленій, не изучивъ явленій наипростѣйшихъ, не уяснивъ себѣ, что́ такое законъ, что́ такое наблюденіе, что́ такое позитивное пониманіе, что́ такое, наконецъ, логическое разсужденіе? Однако такой системѣ обыкновенно еще слѣдуютъ наши молодые физіологи, по бо́льшей части прямо начинающіе съ изученія органическихъ тѣлъ, предварительно изучивъ какихъ-нибудь два или три мертвыхъ языка и имѣя лишь весьма поверхностныя свѣдѣнія по физикѣ и химіи,— свѣдѣнія, которыя почти равняются нулю, ибо по отношенію къ методу они добываются не раціонально и пріобрѣтаются не тѣмъ путемъ, который имѣетъ одну общую съ естественной (т. е. позитивной) философіей точку зрѣнія. Что же касается явленій общественной жизни, которыя еще сложнѣе, то современное общество сдѣлало бы значительный шагъ къ своему нормальному уровню, если бы оно сознало логическую необходимость сначала постепенно развить умъ глубокимъ и философскимъ изслѣдованіемъ всѣхъ явленій, предшествующихъ явленіямъ общественной жизни, и затѣмъ уже перешло къ изученію этихъ явленій. Огюстъ Контъ полагаетъ даже, что въ этомъ заключается главное затрудненіе, ибо не много найдется добропорядочныхъ умовъ, которые бы въ настоящую пору не были убѣждены, что необходимо изучать явленія общественной жизни при помощи позитивнаго метода. По винѣ тѣхъ, которые ихъ изучаютъ, не зная и не будучи въ состояніи понять, въ чемъ состоитъ позитивный методъ, правило это до сихъ поръ почти нисколько не послужило къ обновленію общественныхъ теорій, и теоріи эти понынѣ не дожили еще до позитивнаго періода, несмотря на усиліе мнимыхъ позитивныхъ реформаторовъ.

Изложенная классификація представляетъ, какъ уже было объяснено, не іерархію наукъ въ тѣсномъ смыслѣ, но іерархію философіи наукъ, и потому намъ предстоитъ разсмотрѣть еще вопросъ о переходѣ отъ науки къ философіи.

Первобытное состояніе знаній, говоритъ Ог. Контъ, не вызываетъ правильнаго раздѣленія умственнаго труда: всѣ науки разработываются одновременно одними и тѣми же умами. Этотъ видъ организаціи научныхъ занятій, первоначально неизбѣжный и даже

необходимый, измѣняется мало по малу по мѣрѣ того, какъ отдѣлы знаній расширяются. Въ силу закона, необходимость котораго очевидна, каждая вѣтвь научной системы незамѣтно отдѣляется отъ ствола съ того времени, какъ возрастаніе ея стало таково, что требуетъ отдѣльной обработки, т. е. когда она достигла той степени развитія, которая въ состояніи уже привлекать постоянную дѣятельность отдѣльныхъ умовъ. Этому раздѣленію разнаго рода изысканій между различнаго рода учеными обязаны мы, конечно, тѣмъ замѣчательнымъ развитіемъ, до котораго достигли въ наши дни отдѣльныя части человѣческихъ знаній. Но, признавая поразительные результаты этого раздѣленія, видя въ нихъ дѣйствительное основаніе общей организаціи въ мірѣ ученыхъ, нельзя не удивляться въ то же время тѣмъ неудобствамъ, которыя отъ него происходятъ при его современномъ состояніи, вслѣдствіе чрезмѣрной частности идей, которыми исключительно занятъ каждый отдѣльный умъ. Это печальное послѣдствіе до извѣстной степени дѣйствительно неизбѣжно: оно присуще самому принципу раздѣленія; но, тѣмъ не менѣе, есть возможность изыскать такія средства, которыя дали бы возможность избавиться отъ самыхъ вредныхъ послѣдствій чрезмѣрной спеціализаціи безъ вреда для животворнаго вліянія раздѣльности изысканій. Вопросомъ этимъ очень пора заняться. Согласно общему мнѣнію, раздѣленіе областей умственнаго труда искуственно, а между тѣмъ уже и теперь не многіе посвящаютъ свой трудъ всей совокупности вопросовъ отдѣльной науки, этой части общаго цѣлаго, а, въ большинствѣ случаевъ, избираютъ отдѣлы ея, мало заботясь о связи своихъ частныхъ работъ съ общею системою положительныхъ знаній. Такимъ образомъ, съ одной стороны, возникаетъ для ума человѣческаго опасность потеряться въ подробностяхъ, съ другой, разрозненность частей можетъ представить въ системѣ позитивной философіи такую слабую сторону, которой метафизики и мистики только и могутъ еще касаться съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.

Въ виду этихъ опасностей для будущаго умственнаго развитія, предстоитъ, не отказываясь отъ раздѣленія научнаго труда, что́ было бы и невозможно, усовершенствовать это раздѣленіе. Предстоитъ, въ самомъ дѣлѣ, образовать изъ изученія

общихъ научныхъ положеній еще одну спеціальность. Пусть новый классъ ученыхъ, подготовленныхъ надлежащимъ образомъ, не предаваясь разработкѣ частной отрасли знаній, принявъ въ основаніе принципы научнаго метода, займется исключительно тѣми общими вопросами, которые предстоитъ рѣшить по отношенію ко всей совокупности знаній въ ихъ современномъ состояніи, а именно: опредѣленіемъ степени совершенства каждой отдѣльной отрасли знанія какъ науки, открытіемъ отношеній и связи между ними, резюмированіемъ, если возможно, ихъ частныхъ принциповъ въ меньшее число принциповъ, общихъ имъ всѣмъ. Въ то же время необходимо, чтобы другіе ученые, прежде чѣмъ возьмутся за избранныя ими спеціальности, посредствомъ усвоенія этихъ общихъ положеній подготовили себя къ возможности непосредственнаго пользованія результатами, добытыми учеными, посвятившими себя разработкѣ этихъ положеній, и затѣмъ вносили въ эти результаты надлежащія исправленія. Когда оба эти условія будутъ выполнены,—къ чему современное положеніе вещей все болѣе и болѣе близится — тогда раздѣленіе труда получитъ возможность безъ всякой опасности идти такъ далеко, какъ того потребуетъ развитіе разнаго рода знаній. Отдѣльный классъ ученыхъ, постоянно повѣряемый всѣми остальными и занятый введеніемъ всякаго отдѣльнаго открытія въ общую связь, довершитъ собою организацію ученаго міра и откроетъ ей путь къ неограниченному развитію, характеръ котораго можетъ оставаться неизмѣннымъ.

Въ настоящее время, заключаетъ Ог. Контъ это разсужденіе, каждая изъ основныхъ наукъ приняла также такой видъ, что вопросъ о взаимной связи между науками, предупреждая указанныя выше послѣдствія, можетъ уже сдѣлаться предметомъ ученой работы. Работа эта есть задача позитивной философіи. („Cours“, I. 25—29; VI. 548—553). Задача эта можетъ быть резюмирована словами Конта, заявляющаго въ другомъ мѣстѣ о необходимости „окончательно согласить положительность и общность“ („Cours“, VI. 576), т. е. создать такой строй знаній, который соединялъ бы всю полноту научной достовѣрности со всею широтою философской общности. Этотъ научно-философскій

строй и представляетъ единственно возможный выходъ какъ изъ безпочвенныхъ умозрѣній метафизики, такъ и мертваго буквоѣдства эрудитовъ, и составляетъ основную характеристическую черту позитивной системы.

Установивъ единство метода для всѣхъ шести отдѣльныхъ наукъ, позитивной системы, Контъ приступаетъ въ заключительныхъ главахъ курса, къ опредѣленію общаго характера позитивнаго метода и указанію жизненной его приложимости. „Тѣ“, говоритъ онъ, „которые приписываютъ вліянію позитивной системы одинъ только результатъ—разложеніе стараго умственнаго строя, и не хотятъ замѣтить тѣхъ общихъ основъ новаго, болѣе прямаго и болѣе совершеннаго руководства для жизни, которое даетъ эта система, подрываютъ безсознательно своими софизмами тѣ самыя частныя ея пріобрѣтенія, которымъ они приписываютъ хотя совершенно законное, но слишкомъ исключительное значеніе“.

Единство позитивной системы, какъ было только-что замѣчено, зиждется на единствѣ метода и единствѣ ученія, вытекающаго изъ этого метода. Ог. Контъ не находитъ однако же единства этого достаточно полнымъ и въ концѣ курса ставитъ вопросъ о единствѣ общаго характера всего ученія. Это единство общаго характера онъ понимаетъ какъ результатъ преобладанія одного изъ основныхъ элементовъ системы надъ всѣми другими. Установленіе научной іерархіи, замѣчаетъ Контъ, показываетъ, что такое преобладаніе можетъ относиться только къ первому или къ послѣднему изъ шести элементовъ, входящихъ въ позитивную систему, т. е. или къ элементу математическому, или къ элементу соціологическому. Математическая философія представляетъ съ перваго взгляда неоспоримыя права на раціональное первенство въ силу несомнѣнно всеобщей приложимости геометрическихъ и механическихъ законовъ ко всякаго рода естественнымъ явленіямъ. Съ другой точки зрѣнія, соціологическая философія должна въ настоящее время прямо заявлять стремленіе къ умственному господству,

въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ позитивный характеръ, отнынѣ, впрочемъ, вполнѣ за нею обезпеченный. Такое право соціологической философіи основывается на томъ, что какія бы то ни было умозрѣнія наши всегда могутъ быть разсматриваемы какъ результаты умственнаго развитія человѣчества. Противополагая такимъ образомъ математическую философію соціологической, Ог. Контъ не отдѣляетъ первую отъ философіи астрономіи, какъ неотличающейся отъ нея по характеру и представляющейся только однимъ изъ яркихъ ея выраженій, и вторую — отъ философіи біологической, служащей для соціологіи непосредственнымъ основаніемъ. Что же касается затѣмъ до посредствующихъ звеньевъ іерархіи, составляющихъ группу физико-химическую, то, по природѣ своей, эта группа, по мнѣнію Конта, слишкомъ удалена и отъ исходной точки системы, и отъ ея цѣли, а потому и въ противоположеніи одного изъ двухъ крайнихъ элементовъ она можетъ развѣ оказывать только опору тому или другому изъ нихъ, и, всегда подвергаясь ихъ вліянію, сама не въ состояніи оказывать никакого вліянія на всю систему.

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, Ог. Контъ разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что преобладаніе математической философіи должно было брать верхъ во время долгаго пріуготовительнаго періода умственнаго развитія, именно того періода, который подготовляетъ позитивный строй мысли; но что, со времени наступленія позитивнаго фазиса, преобладаніе всецѣло должно принадлежать соціологіи, единственной наукѣ, способной впредь поддерживать всеобщій и связный ходъ реальныхъ умозрѣній. „Это основное различіе“, говоритъ Контъ, „установляя первыя и важнѣйшія изъ общихъ заключеній, выводимыхъ изъ позитивной системы, содержитъ въ себѣ объясненіе и развязку прискорбнаго и до сихъ поръ считавшагося неразрѣшимымъ антагонизма, въ теченіе трехъ столѣтій удерживавшагося между наукою и философіею, справедливыя взаимныя притязанія которыхъ, съ одной стороны — на позитивность, съ другой — на всеобщность, должны найти окончательное примиреніе для того, чтобы ненормальное состояніе мыслящаго человѣчества могло надлежащимъ образомъ обрѣсти покой въ постоянномъ удовле-

твореніи этихъ двухъ одинаково неустранимыхъ потребностей. Пока наука, подъ вліяніемъ математики, теоретически преслѣдовала химерическую систематизацію, философія предъявляла безсильныя метафизическія возраженія противъ гибельнаго устраненія гуманистической точки зрѣнія. Но до тѣхъ поръ, пока не были открыты естественные законы, управляющіе развитіемъ человѣчества, что, по мнѣнію Ог. Конта, было совершено „Курсомъ позитивной философіи“, — до тѣхъ поръ духъ новаго времени, жаждущій позитивности, не могъ достодолжно отнестись къ протестамъ относительно постоянныхъ требованій всеобщности, потому что, несмотря на всю ихъ внутреннюю законность, они исходили изъ разлагавшагося умственнаго строя, изъ котораго всего прежде надо было выдти. Распространеніе истиннаго позитивнаго характера на всѣ элементы позитивной системы должно дозволить теперь соціологической философіи пріобрѣсти, наконецъ, то всеобщее преобладаніе, которое принадлежитъ ей по самой природѣ ея, и которое могло ускользать отъ нея только по причинѣ временныхъ требованій, вызванныхъ условіями развитія позитивнаго міровоззрѣнія“.

При сравненіи правъ математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ, Ог. Контъ замѣчаетъ прежде всего, что философскія права математики зиждутся главнымъ образомъ на ея методѣ, и что если методъ этотъ и послужилъ исходной точкой развитія истинно-научной логики, то все же научная логика могла развить свои основныя свойства только чрезъ приложеніе своихъ пріемовъ къ явленіямъ все болѣе и болѣе сложнымъ, такъ что, подвигаясь этимъ путемъ, она могла достичь, наконецъ, до самыхъ трудныхъ умозрѣній, которыя, по зависимости своей отъ умозрѣній предыдущихъ, неизбѣжно требуютъ постояннаго соединенія всѣхъ прежнихъ способовъ съ тѣми, которые свойственны собственно данному случаю. Изъ этого видно, что математики, хотя и могутъ близко знать начала, изъ которыхъ развился научный методъ, не въ состояніи однако же охватить его съ достаточною полнотою. Съ такою полнотою охватить его могутъ одни только истинные соціологи, т. е. со-

ціологи позитивной школы. Такимъ образомъ объясняются многіе метафизическіе недостатки нѣкоторыхъ воззрѣній, обусловленныхъ вліяніемъ метафизической точки зрѣнія и выработавшихся тогда, когда эта точка зрѣнія имѣла преобладаніе. Чтобы объяснить себѣ эту особенность вліянія математики, обратимъ вниманіе на то, что никакое основное свойство не опредѣляетъ позитивнаго духа въ такой мѣрѣ, какъ устраненіе абсолютныхъ понятій метафизики и замѣна ихъ понятіями относительными. Но это именно свойство и обозначается всего менѣе въ математическихъ изслѣдованіяхъ; въ нихъ крайняя легкость дедукціи, часто доведенная до техническаго механизма, производитъ нерѣдко иллюзію по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, въ особенности же знанія естественныхъ явленій, и, вслѣдствіе того, становится причиною какъ ложныхъ стремленій къ такимъ изысканіямъ, которыя несомнѣнно недоступны разуму, такъ и упорства въ предпочтеніи аргументаціи наблюденію. Соціологическій методъ, очевидно, не можетъ вести къ такого рода заблужденіямъ. Кромѣ того, надо признать несомнѣнной истину, что убѣжденіе въ неизмѣнности естественныхъ законовъ очень мало развивается подъ вліяніемъ математики; это замѣчается въ особенности сильно по отношенію къ явленіямъ сложнымъ; поэтому и встрѣчаются даже у знаменитыхъ математиковъ положенія, отвергающія законосообразность этихъ явленій, что всего чаще имѣетъ мѣсто тогда, когда эти явленія относятся къ области дѣятельности человѣческой. Ни одна изъ наукъ, входящихъ въ позитивный рядъ, не представляетъ подобнаго недостатка; но соціологія есть, конечно, та единственная наука, которая можетъ развить принципъ неизмѣнности естественныхъ законовъ во всей его полнотѣ, примѣняя его къ явленіямъ самой высшей сложности и извлекая ихъ, такимъ образомъ, изъ темной области вліяній метафизическаго духа. Съ какой стороны ни стали бы мы разсматривать позитивный методъ, всегда, при помощи сравнительной оцѣнки, мы въ состояніи будемъ убѣдиться въ высокомъ логическомъ превосходствѣ соціологической точки зрѣнія надъ математической. Всѣ общіе способы, входящіе въ

соціологическій методъ, входятъ порознь въ методы отдѣльныхъ наукъ іерархическаго ряда, но здѣсь они представляются какъ нѣчто болѣе цѣлое, чѣмъ соціологическій методъ и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ преимущество, котораго другіе методы не имѣютъ и имѣть не могутъ. Единственное преимущество, принадлежащее въ этомъ случаѣ математикѣ, заключается въ чрезвычайной простотѣ ея предмета, который, предоставляя громадныя удобства для развитія строгихъ дедукцій, неизбѣжно представляетъ самобытные примѣры тѣхъ пріемовъ, которые только возможны для нашего разума. Но, въ силу этой самой крайней простоты, могущественнѣйшіе изъ логическихъ пріемовъ, выработанныхъ математическимъ методомъ, могутъ быть опредѣлены и достаточно оцѣнены только тогда, когда ихъ главное назначеніе будетъ указано высшими областями знанія. Это обратное философское вліяніе наукъ іерархическаго ряда на математическій методъ, давая понятіе о значеніи метода, не остается безъ благотворнаго вліянія и на самую математику.

Философское превосходство соціологическаго духа надъ математическимъ можетъ выясниться еще болѣе, говоритъ Контъ, когда мы разсмотримъ его не только въ отношеніи чисто логическомъ, но и въ отношеніи собственно научномъ. Хотя геометрическая и механическая точка зрѣнія неизбѣжно представляется какъ отвлеченно-всеобщая, но даже въ самыхъ простѣйшихъ случаяхъ она не освобождаетъ насъ отъ прямаго изученія даннаго предмета. При этомъ изученіи математическія указанія становятся все менѣе и менѣе опредѣленны, по мѣрѣ возрастанія сложности изучаемыхъ явленій. Это обстоятельство привело къ тому, что если не принципіально, то, по крайней мѣрѣ, фактически математическій духъ ограничилъ свои притязанія одною областью явленій неорганическихъ и такимъ образомъ потерялъ возможность имѣть какое либо всеобщее значеніе. При всемъ этомъ Ог. Контъ полагаетъ, что не только въ физикѣ, но даже и въ астрономіи господство математическаго духа было далеко не благотворно и даже не разъ становилось препятствіемъ къ осуществленію нѣкоторыхъ открытій. Такимъ образомъ, говоритъ Контъ, надо полагать, что значеніе мате-

матическаго метода для философіи пойдетъ все въ убывающей прогрессіи и что окончательно установится вѣрный взглядъ на попытки полагать его въ основаніе философскихъ міровоззрѣній, какъ на утопіи метафизическаго характера, и временное вліяніе математическаго метода окончательно завершится. Что же касается вліянія соціологіи, то оно еще такъ ново и до сихъ поръ могло еще такъ мало обозначиться, что въ настоящее время оно устанавливается не столько на основаніи научныхъ результатовъ самой соціологіи, сколько потому, что низшія науки іерархическаго ряда, служащія только подготовкою по отношенію къ соціологіи, успѣли уже повліять на образованіе вѣрнаго понятія о необходимой природѣ здравыхъ философскихъ изысканій. Однако основаніе это, говоритъ Контъ, до такой степени устойчиво, что будетъ признано достаточнымъ всѣми компетентными судьями дѣла.

Итакъ, очевидно, что человѣческія умозрѣнія не могутъ подлежать другой точкѣ зрѣнія вполнѣ всеобщей, кромѣ точки зрѣнія гуманной, или, точнѣе, соціологической, одинаково приложимой какъ къ изученію міра, такъ и къ изученію человѣка. Законосообразность господства этой точки зрѣнія можетъ быть выведена и изъ разсмотрѣнія различныхъ по своему характеру понятій, наивысшія изъ которыхъ, позитивныя, представляются при этомъ какъ необходимый результатъ умственнаго развитія, совершающагося на основаніи опредѣленныхъ законовъ какъ у отдѣльной личности, такъ и въ цѣломъ родѣ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣческій умъ можетъ развиваться только при посредствѣ общественности, и такъ какъ позитивное изученіе соціологіи опредѣляетъ условія этого вліянія общественности, то ясно, что одна только соціологическая точка зрѣнія можетъ придать всему строю позитивнаго ученія то единство, котораго тщетно было бы ожидать отъ господства точки зрѣнія математической.

Проведя эту основную идею чрезъ всѣ шесть частей своего „Курса“, Ог. Контъ приходитъ къ заключенію, что философскій принципъ, способный установить единство во всѣхъ позитивныхъ умозрѣніяхъ, можетъ формулироваться теперь безъ

всякихъ колебаній: временное господство математической точки зрѣнія, имѣвшее значеніе въ періодъ подготовительный, должно окончательно устраниться, и точка зрѣнія человѣчества должна занять принадлежащее ей по праву мѣсто въ общемъ строѣ человѣческихъ умозрѣній, въ которомъ научныя условія находятся въ полной гармоніи съ условіями логическими. Если нѣкоторое время и можетъ еще продолжаться борьба съ математиками, которые не захотятъ по упрямству окончательно сойти съ мѣста, которое они до сихъ поръ занимали, то все-таки окончательное приведеніе позитивной системы къ единству неизбѣжно совершится, и не инымъ притомъ образомъ, какъ только установленіемъ господства соціологической точки зрѣнія. Торжество этого единства въ области философіи послужить провозвѣщеніемъ будущаго значенія его и для области политической.

Кромѣ завершенія единства позитивной системы, на которое уже было указано, установленіе преобладанія соціологической точки зрѣнія имѣетъ, по идеѣ Конта, еще то значеніе, чт замѣчательнѣйшимъ образомъ согласуетъ самыя существенныя требованія позитивности и всеобщности, которыя хотя и одинаково настоятельны, но разсматриваются часто какъ несогласуемыя. Но, опозитививъ, наконецъ, самый общій умственный элементъ (après avoir enfin positivé l'élément intellectuel le plus général), необходимо было разсмотрѣть химерическое объединеніе элемента, наиболѣе другихъ самобытно-позитивнаго, чтобы положить конецъ единственно возможной альтернативѣ, присущей вопросу. Это разсмотрѣніе привело, какъ мы уже знаемъ, къ устраненію точки зрѣнія, имѣвшей временное преобладаніе. Признавъ возведеніе соціологіи въ науку осуществленнымъ, и установясь такимъ образомъ на новой всеобщей точкѣ зрѣнія, Ог. Контъ предпринялъ вывести изо всей системы то главное заключеніе, которое представлено въ общихъ чертахъ на предшествовавшихъ страницахъ.

Приведенное выше разрѣшеніе вопроса о преобладаніи въ системѣ соціологической точки зрѣнія надъ математической относилось къ совокупности шести наукъ іерархическаго ряда,

служащей, какъ было объяснено прежде, общимъ основаніемъ всѣмъ умозрѣніямъ. Предупреждая возраженія, которыя могли быть сдѣланы по отношенію къ наукамъ конкретнымъ, эстетическимъ воззрѣніямъ и промышленнымъ приложеніямъ положительныхъ знаній, Ог. Контъ дополнилъ общія разсужденія о значеніи соціологической точки зрѣнія общими соображеніями, касающимися трехъ вышеупомянутыхъ областей,—соображеніями, съ которыми я и познакомлю теперь читателя.

Если абстрактная наука, говоритъ Ог. Контъ, начиная разсмотрѣніе этого новаго вопроса, и должна была первоначально быть преобладающимъ предметомъ умозрительныхъ работъ, то она все же должна была быть установлена такимъ образомъ, чтобы конкретныя науки могли имѣть въ ней естественную основу. Такое отношеніе абстрактныхъ наукъ къ конкретнымъ не можетъ осуществиться однако же до тѣхъ поръ, пока въ позитивной системѣ преобладаетъ математическій духъ. Вліяніе этого духа вноситъ избытокъ отвлеченія и преобладаніе анализа, которыя несовмѣстимы съ реальностью изученія конкретныхъ явленій. Напротивъ того, преобладаніе соціологическаго духа должно привести къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ. Хотя соціологія и относится также къ ряду наукъ, необходимость абстрактнаго характера которыхъ была доказана, но очевидно однако же, что многосложность ея предмета и необходимость удовлетворять обобщеніямъ, постоянно въ ней встрѣчающимся, вырабатываетъ самобытно такія умственныя предрасположенія, которыя особенно пригодны для изученія естественной исторіи въ собственномъ смыслѣ, какъ они являются у Бюффона, этого великаго представителя ея гуманныхъ и синтетическихъ принциповъ. Такимъ образомъ и интересы конкретныхъ наукъ требуютъ, чтобы та общая система абстрактныхъ наукъ, которая служитъ имъ основаніемъ, была подчинена преобладанію соціологіи, въ которой первоначальная неизбѣжная отвлеченность смягчается, сколько возможно, природою изучаемаго предмета. Кромѣ того, такъ какъ конкретныя науки требуютъ приложенія понятій, заимствованныхъ изо всѣхъ областей абстрактной системы, то очевидно, что

такое заимствованіе можетъ успѣшно состояться только подъ руководствомъ соціологіи.

Соціологія, какъ наука наименѣе абстрактная и наименѣе аналитическая, чѣмъ всѣ другія науки іерархическаго ряда, самобытно-способна устанавливать первенство обобщающихъ идей и человѣчныхъ точекъ зрѣнія. Такое свойство ея можетъ способствовать необходимому переходу отъ научной философіи, ставшей не только абстрактной, но и конкретной, къ философіи эстетической, въ то время, когда для перехода этого наступитъ пора. Наконецъ, другая точка зрѣнія, кромѣ соціальной, не можетъ сдѣлать этого съ надлежащимъ успѣхомъ. Если позитивная философія и отличалась въ теченіе всего подготовительнаго періода анти-эстетическими тенденціями, то это происходило отъ преобладанія въ эту эпоху математическаго духа. Съ тѣхъ же поръ, какъ преобладаніе въ позитивной системѣ перешло къ соціологіи, наука эта не можетъ исключить изъ изученія развитія человѣка элементовъ эстетическихъ, имѣющихъ въ этомъ развитіи важное значеніе. Установивъ гармонію между наукою и эстетикою, позитивная философія укажетъ на надлежащее подчиненіе чувства идеальнаго совершенства понятію дѣйствительности, и будетъ такимъ образомъ служить обоюдному совершенствованію науки и эстетики, имѣющихъ общее соціальное назначеніе. Что касается, наконецъ, приложенія положительнаго знанія къ промышленности, то и здѣсь преобладаніе соціологической точки должно оказаться благотворнымъ. Промышленныя приложенія знаній зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ знанія міра неорганическаго, и поэтому переходъ преобладанія отъ математики къ соціологіи можетъ, конечно, замедлить ходъ ихъ развитія, но въ замедленіи этомъ Огюстъ Контъ не видитъ зла, такъ какъ увлеченіе промышленностью зашло такъ далеко, что внушаетъ опасеніе поглотить собою другія, болѣе благородныя наклонности человѣческой дѣятельности. Нельзя предполагать при томъ же, чтобы ослабленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, могло дойти до степени, угрожающей общему благоденствію. Если бы, впрочемъ, это и случилось, то позитивная философія, поставленная на истинной точкѣ зрѣнія, оцѣниваю-

щей значеніе всей совокупности разсматриваемыхъ ею явленій, конечно, немедленно исправитъ такую ошибку. Притомъ же, промышленность, какъ дѣятельность, стремящаяся подчинить природу человѣку, найдетъ въ однихъ только соціологахъ вполнѣ надежныхъ руководителей; они одни только могутъ надлежащимъ образомъ построить тѣ посредствующія между наукою и промышленностію теоріи, о которыхъ было говорено уже прежде и которыя установятъ достодолжныя отношенія между умозрѣніями человѣка и его дѣятельностію.

Въ заключеніи разсужденія о преобладаніи соціологическаго элемента въ системѣ, Ог. Контъ предупреждаетъ возраженіе, могущее возникнуть противъ необходимости и пользы такого преобладанія у тѣхъ, которые опасаются, какъ слѣдствія этого преобладанія, ослабленія и упадка наукъ о тѣлахъ неорганическихъ и теорій математическихъ. Неосновательность такого опасенія Ог. Контъ выводитъ изъ основнаго свойства самаго принципа преобладанія соціологической точки зрѣнія, такъ какъ для этой точки зрѣнія всѣ предшествующія являются подготовительными ступенями, и потому она не можетъ не испытывать послѣдствій тѣхъ или другихъ измѣненій, происходящихъ въ каждой изъ нихъ. Несправедливо, поэтому, и нелѣпо предполагать возникновеніе опасности для науки отъ такого порядка вещей, который зиждется на взаимной ихъ связи и зависимости и который можетъ поэтому способствовать въ высшей степени правильной оцѣнкѣ всякаго научнаго изысканія, какъ бы оно отдаленно ни было отъ науки, занимающей преобладающее положеніе, серьезное значеніе котораго было уже объяснено выше. Если же, какъ въ томъ и нельзя сомнѣваться, соціологическія изысканія и сдѣлаются предметомъ спеціальныхъ занятій и особеннаго общественнаго вниманія до того времени, пока новѣйшая реорганизація подвинется настолько, что, будучи предоставлена самой себѣ, нисколько отъ того не потерпитъ, то въ исключительномъ вниманіи къ соціологіи нельзя будетъ видѣть ничего инаго, какъ только такое предпочтеніе, къ которому естественно склоняется умственное движеніе во всякую эпоху, принимающую направленіе, самое сооб-

разное съ соотвѣтствующими потребностями человѣчества. Математическія изысканія не потеряютъ однако же чрезъ это своего значенія, какъ колыбель умственнаго развитія; но развитіе это начинается въ этой колыбели и, подвигаясь все далѣе и далѣе, достигаетъ, наконецъ, той высшей точки, съ которой только зрѣніе и можетъ обнимать самый обширный кругозоръ.

Позитивная философія, говоритъ въ заключеніе Ог. Контъ, установляетъ такимъ образомъ вполнѣ послѣдовательно окончательное соглашеніе между двумя умственными направленіями, исходившими изъ двухъ различныхъ точекъ отправленія — міра и человѣка, и такъ долго остававшимися антипатичными одно другому. Сводя притязанія ихъ на то, что въ каждомъ изъ нихъ содержится законосообразнаго и непреходящаго, надо признать, что одно всегда управляетъ основнымъ ходомъ истиннаго философскаго духа, другое постоянно удерживаетъ единственный принципъ, способный дать связь истинному мысленному единству. Такимъ образомъ, основный антагонизмъ, который со временъ Аристотеля и Платона господствуетъ надъ человѣческимъ развитіемъ, какъ умственнымъ, такъ и общественнымъ, и который пересталъ быть необходимымъ для этого подготовительнаго развитія, въ настоящее время сталъ самымъ могущественнымъ препятствіемъ къ окончательному достиженію того назначенія, къ которому идетъ это развитіе, и время котораго уже наступило.

Начавъ изложеніе общихъ положеній съ вопроса о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ іерархіи наукъ, Ог. Контъ желалъ, какъ онъ говоритъ, установить всего прежде единство системы со всею законченностью, какая только, по его мнѣнію, была необходима. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, онъ переходитъ къ общей характеристикѣ позитивнаго метода, обусловливающаго существеннѣйшія свойства всей позитивной системы.

Уже изъ общаго опредѣленія позитивной философіи, очерченнаго въ началѣ этой главы, видно, что философія эта раз-

сматриваетъ явленія, какъ подчиненныя неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, точное открытіе которыхъ, такъ же какъ и приведеніе ихъ къ возможно меньшему числу, составляетъ цѣль всѣхъ усилій позитивныхъ мыслителей. Мы знаемъ тоже, что позитивная философія считаетъ вопросъ о такъ-называемыхъ конечныхъ причинахъ неразрѣшимымъ и лишеннымъ смысла. Было бы безполезно, говоритъ Контъ, настаивать на этомъ основоначалѣ: оно сдѣлалось обыденнымъ для всѣхъ, кто сколько-нибудь углублялся въ изученіе опытныхъ наукъ. Всякій знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ самыхъ совершеннѣйшихъ даже позитивныхъ объясненіяхъ никогда не заявляется притязаніе на опредѣленіе общихъ причинъ явленій,—такъ какъ такимъ образомъ трудность не разрѣшается, а только отодвигается, — а лишь изслѣдуются съ достаточною точностью условія происхожденія этихъ явленій и связываются между собою нормальныя отношенія послѣдовательности и сходства.

Такимъ образомъ, останавливаясь на замѣчательнѣйшемъ изъ примѣровъ, мы говоримъ, что общія явленія вселенной объяснены закономъ тяготѣнія; потому что, съ одной стороны, этотъ прекрасный законъ показываетъ намъ всю разнообразную обширность астрономическихъ фактовъ какъ единый фактъ, разсматриваемый съ различныхъ точекъ зрѣнія; тогда какъ съ другой — этотъ всеобщій фактъ представляется намъ какъ простое расширеніе явленія тяжести тѣлъ на поверхности земли, — явленія, въ высшей степени для насъ обыденнаго и потому самому разсматриваемаго нами какъ фактъ совершенно намъ извѣстный. Что же касается вопросовъ, что́ такое тяготѣніе и тяжесть „въ себѣ“ (en elles-mêmes), каковы ихъ причины, то вопросы эти Ог. Контъ считаетъ неразрѣшимыми, неотносящимися къ области позитивной философіи,—вопросами, справедливо предоставленными воображенію супра-натуралистовъ и тонкостямъ метафизиковъ. Очевидное доказательство невозможности рѣшенія этихъ вопросовъ заключается въ томъ, что каждый разъ, когда даже высшіе умы старались дать на нихъ разумные отвѣты, удавалось только опредѣлять одинъ принципъ посредствомъ другаго, такъ что тяготѣніе становилось всеобщею

тяжестью, а тяжесть просто сводилась на земное тяготѣніе. Такое объясненіе, заключаетъ Ог. Контъ, вызываетъ улыбку всякій разъ, когда сущность вещей и образъ возникновенія явленій (la nature intime des choses et le mode de génération des phénomènes) принимаются познанными чрезъ ихъ посредство, хотя и представляетъ на самомъ дѣлѣ все, что только мы можемъ получить удовлетворительнѣйшаго, ибо такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ указаніе на тождество двухъ родовъ явленій, такъ долго разсматривавшихся какъ независимыя одинъ отъ другаго. Никакой умъ, разсуждающій правильно, не пытается идти далѣе въ настоящее время.

Итакъ, говоритъ Контъ, продолжая развивать свою мысль въ заключеніи „Курса“, мы можемъ дѣйствительно познавать только факты, доступные нашему организму, никогда не имѣя возможности составить понятія ни объ основной природѣ существъ, ни о существенномъ образѣ происхожденія явленій. Хотя разумъ человѣческій достигъ этой зрѣлости очень недавно и самые здравые умы обладаютъ ею далеко не вполнѣ, но въ „Курсѣ позитивной философіи“ она была примѣнена ко всѣмъ возможнымъ родамъ воззрѣній, не исключая самыхъ общихъ и самыхъ сложныхъ, расширивъ такимъ образомъ то значеніе, которое она имѣла уже давно по отношенію къ воззрѣніямъ простѣйшимъ.

Это общее понятіе объ истинной природѣ позитивныхъ изысканій самобытно приводитъ, какъ замѣчаетъ Контъ, къ вѣрному опредѣленію соотвѣтствующаго значенія наблюденія и сужденія и даетъ возможность избѣжать обѣихъ противоположныхъ крайностей, между которыми двигались до сихъ поръ положительныя знанія, — мистицизма и эмпиризма. Съ одной стороны, окончательно установляется такимъ образомъ правило Бэкона — принимать прямо или косвенно въ основаніе здравыхъ умозрѣній одни только факты, обслѣдованные посредствомъ наблюденія; и съ другой—устраняется столь часто встрѣчающееся стремленіе ограничивать науку безплоднымъ собираніемъ неимѣющихъ связи фактовъ. Окончательно признается, что истинная наука, отличаемая отъ чистой эрудиціи раціональ-

нымъ предвидѣніемъ, состоитъ изъ законовъ, а не изъ фактовъ, хотя эти послѣдніе и необходимы для ихъ установленія и санкціи, такъ что ни одинъ отдѣльный фактъ не можетъ быть включенъ въ науку до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подведенъ подъ одинъ изъ ея законовъ, хотя бы и при помощи гипотезы. Кромѣ того, установляется при этомъ, что здравыя теоретическія указанія должны провѣрять несовершенныя наблюденія и давать имъ вѣрное направленіе, и что позитивный строй мысли, не упуская изъ виду необходимаго преобладанія непосредственно подтвержденной дѣйствительности, постоянно стремится къ возможному увеличенію раціональной области на счетъ области опытной, все болѣе и болѣе замѣняя непосредственное изслѣдованіе явленій предвидѣніемъ ихъ. Научный прогрессъ, какъ видно изъ этого, принимается главнымъ образомъ какъ постепенное уменьшеніе числа отдѣльныхъ и независимыхъ законовъ и расширеніе связи ихъ. Указывая на такое стремленіе, Контъ опять предостерегаетъ однакоже отъ поисковъ единства, которое онъ считаетъ химерическимъ. Онъ полагаетъ, что число самыхъ общихъ законовъ никакъ не можетъ быть сведено къ единицѣ и что даже законъ тяготѣнія „не установляетъ никакой общей связи между бо́льшею частью элементарныхъ данныхъ, относящихся къ различнымъ свѣтиламъ нашего міра“.

Переходя далѣе къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ позитивнаго умозрѣнія, Ог. Контъ останавливается прежде на той, которая обусловливается основною связью этихъ умозрѣній съ обыденнымъ мышленіемъ. Мистико-метафизическій строй мысли, говоритъ онъ, поставивъ разумъ человѣческій непосредственно у источника всеобщихъ истинъ, глубоко внѣдрилъ въ умозрительныя привычки тщеславный характеръ химерической возвышенности, удаляющій ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ скромныхъ пріемовъ обыденной смѣтливости. Тогда какъ эта послѣдняя въ разсудительныхъ наблюденіяхъ различныхъ событій думала найти нѣкоторыя естественныя отношенія, способныя управлять необходимѣйшими практическими предви-

дѣніями, — философское высокомѣріе, презирая такіе успѣхи, ожидало отъ сверхъ-человѣческаго свѣта призрачныхъ разрѣшеній самыхъ недоступнѣйшихъ тайнъ Но, напротивъ того, здравая философія, замѣняя вездѣ изысканія существенныхъ причинъ (causes essentielles) изысканіемъ дѣйствительныхъ законовъ, тѣсно связываетъ свои наивысшія умозрѣнія съ простѣйшими народными понятіями, и установляетъ такимъ образомъ глубокое мысленное тождество (разнствующее только въ степени), которое не дозволяетъ болѣе представителямъ умозрѣнія гордо уединяться отъ массъ, предающихся дѣятельности. Весь „Курсъ позитивной философіи“ имѣетъ цѣлью представить доказательства въ пользу того, что духъ истинной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго здраваго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму. Методъ позитивной философіи, также какъ и методы предшествовавшихъ ей фазисовъ умственнаго развитія, есть непрерывное дѣло всего человѣчества, не имѣющее особеннаго изобрѣтателя, и главнѣйшія его характеристическія черты явственно обозначаются уже въ первыхъ прикладныхъ изысканіяхъ, направленныхъ къ достаточно опредѣленной цѣли. Принимая эту самобытную смышленость, какъ основной типъ, и оцѣнивая значеніе ея повседневныхъ успѣховъ, здравая философія ограничивается затѣмъ ея обобщеніемъ, систематизаціей и достодолжнымъ распространеніемъ ея на различныя отвлеченныя умозрѣнія. Такъ какъ наши индивидуальныя наблюденія необходимо сохраняютъ извѣстный личный характеръ (caractère de personnalité), который долженъ быть тщательно удаленъ изъ всякаго регулированнаго умозрѣнія, то общественный разумъ можетъ только существеннымъ образомъ опредѣлить границы общей области истинно-научныхъ изысканій, которыя не должны идти далѣе впечатлѣній, составляющихъ общую принадлежность всѣхъ людей, независимо отъ оттѣнковъ, свойственныхъ каждому отдѣльному наблюдателю. Кромѣ того, безспорно также, что обыденное изысканіе, хотя и возникаетъ чисто самобытно, представляетъ тѣмъ не менѣе истинную точку исхода для всѣхъ позитивныхъ умозрѣній, первоначальное

развитіе и окончательное распространеніе коихъ было бы безъ того непонятно. Позитивная философія, говоритъ Контъ, признаетъ, что обыденнѣйшіе факты суть также и важнѣйшіе. Это справедливо до такой степени, прибавляетъ онъ, что преобладаніе вниманія къ явленіямъ необыкновеннымъ обнаруживаетъ теперь для всякаго добропорядочнаго ума наименѣе двусмысленный признакъ несовершенства научнаго изысканія. Точно также можно утверждать, что самые могущественные искусственные пріемы (artifices) раціональной позитивности проистекаютъ первоначально отъ счастливой систематизаціи извѣстныхъ логическихъ пріемовъ, естественнымъ образомъ произведенныхъ обыденною смѣтливостью. Изъ этихъ замѣчаній Ог. Контъ выводитъ новое подтвержденіе выраженнаго имъ въ началѣ „Курса“ мнѣнія о безплодности догматической обработки основныхъ началъ познанія, а также и психологіи, основанной на самонаблюденіи. Въ заключеніе этого разсужденія о связи позитивной философіи и обыденнаго мышленія, Ог. Контъ указываетъ на то, что не только точка исхода, но и цѣль умозрѣній должна быть опредѣлена согласно съ требованіемъ общественнаго разума, какъ то и представляется у Гиппарха, опредѣлившаго приложимость астрономическихъ знаній къ точному опредѣленію долготъ, хотя только черезъ двадцать столѣтій послѣ него идея эта могла осуществиться. Изъ характеристики отношенія духа истинной философіи къ обыденному здравому смыслу явствуетъ, какъ говоритъ Контъ, что все превосходство перваго надъ послѣднимъ проистекаетъ изъ спеціальнаго и выдержаннаго приложенія обыденныхъ умозрѣній, ибо обыкновенные умы страдаютъ не столько недостаткомъ вѣрности и проницательности сужденія, сколько недостаткомъ способности обобщать отвлеченныя отношенія и установлять между понятіями логическую связь. Переходъ отъ мышленія самобытнаго къ систематическому, обусловленный главнымъ образомъ данными, доставляемыми соціологическою точкою зрѣнія, подтверждаетъ объясненное выше значеніе этой точки зрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе объ одной изъ важнѣйшихъ особенностей позитивной системы Ог. Конта.

Основной характеръ здравой философіи необходимо заключается въ томъ, говоритъ Ог. Контъ, продолжая разсмотрѣніе общихъ свойствъ позитивной системы, что она подчиняетъ всѣ явленія, какъ неорганическія, такъ и органическія, какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ индивидуальныя, такъ и общественныя, строго-неизмѣннымъ законамъ, безъ которыхъ раціональное предвидѣніе невозможно и наука неизбѣжно должна ограничиваться безплодною эрудиціей. Хотя первые зачатки этого великаго принципа существовали уже въ эпоху полнаго господства перваго фазиса умственнаго развитія, но окончательное его установленіе могло совершиться только тогда, когда послѣ долгаго подготовительнаго періода онъ могъ охватить всецѣло всю совокупность явленій, какъ то впервые осуществилось въ „Курсѣ позитивной философіи“. Только тогда, когда трактатъ этотъ далъ общій очеркъ послѣдовательнаго приложенія упомянутаго принципа ко всѣмъ существеннымъ родамъ явленій, только тогда принципъ этотъ могъ получить значеніе, дозволяющее ему стать прямымъ и исключительнымъ основаніемъ истинно-новой философіи. Пока это столь же трудное, какъ и необходимое условіе не было выполнено, до тѣхъ поръ слабая и неопредѣленная метафизическая аргументація, преждевременно усиливавшаяся установить общіе естественные законы a priori, была безсильна устранить традиціонныя привычки и придать принципу всеобщей законосообразности достодолжную степень устойчивости. Только приложеніе этого принципа къ самымъ сложнымъ и самымъ интереснымъ явленіямъ, какъ бы приложеніе это ни было мало удовлетворительно, разрушитъ всякое разумное сомнѣніе по отношенію къ всеобщности принципа, и при содѣйствіи естественныхъ склонностей духа новаго времени къ такому нормальному состоянію сдѣлаетъ это основное положеніе новой философіи неотразимымъ для всѣхъ здравомыслящихъ людей. Единственнымъ препятствіемъ. могущимъ замедлить этотъ переходъ, являются одни только привычки, усвоенныя умами подъ вліяніемъ продолжительнаго господства традиціонныхъ воззрѣній; но и эти воззрѣнія, будучи окончательно подорванными открытіемъ соціологи-

ческихъ законовъ, должны будутъ неизбѣжно уступить господство вновь вырабатывающемуся міросозерцанію. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ еще разъ подтверждается великое значеніе соціологіи для позитивной философіи, которая только благодаря установленію законовъ, управляющихъ общественными явленіями, достигаетъ своей законченности и полноты.

Разсматривая далѣе значеніе охарактеризованныхъ выше законовъ по отношенію къ ихъ научнымъ свойствамъ, Ог. Контъ обращаетъ вниманіе на очень важное различіе между ними, основанное на различіи между отношеніями сходства и послѣдовательности, замѣчаемыми между явленіями. Позитивныя объясненія ограничиваются всегда установленіемъ связи между явленіями или на основаніи ихъ сходства, или на основаніи ихъ послѣдовательности, не пытаясь идти далѣе самаго факта сходства или послѣдовательности и признавая основную причину того и другого недоступными познанію. Дѣйствительное знаніе этихъ аналогій и филіацій, говоритъ Ог. Контъ, совершенно достаточно для цѣлей здраваго изученія природы, ибо явленія, съ одной стороны, могутъ получать объясненіе, съ другой — быть предвидимы, одни посредствомъ другихъ. На этомъ общемъ различіи позитивная философія строитъ другое, хотя съ нимъ и тождественное, но представляющееся въ формѣ, имѣющей бо́льшее приложеніе, а именно различіе статической и динамической точки зрѣнія при изученіи какого-либо предмета, разсматриваемаго то по отношенію къ существованію, то по отношенію къ дѣятельности. Различіе это, едва примѣнимое къ области явленій математическихъ, пріобрѣтаетъ значеніе только въ механикѣ, и, постепенно развиваясь въ приложеніи къ другимъ отдѣламъ изученія природы, достигаетъ въ біологіи возможности полнаго выраженія своего истиннаго характера согласно самобытно существующему различію между организаціею и жизнью; и, наконецъ, въ соціологіи къ высокой степени проявленія такого различія присоединяется высокое практическое значеніе въ точномъ соотвѣтствіи элементарнаго контраста идей порядка и идей прогресса.

Разсмотрѣвъ различіе законовъ по отношенію къ ихъ научнымъ свойствамъ, Ог. Контъ переходитъ къ различенію ихъ по отношенію къ логическому ихъ установленію (institution logique); въ этомъ отношеніи онъ дѣлитъ ихъ также на два рода сообразно тому, раціональны или опытны ихъ основы. Хотя тщеславная гордость догматиковъ нерѣдко и клеймила путь опыта несправедливымъ обвиненіемъ въ эмпиризмѣ, говоритъ онъ, но, съ позитивной точки зрѣнія, надо признать, что необходимое логическое различеніе, о которомъ идетъ рѣчь, нисколько не вліяетъ ни на достовѣрность, ни на полезность, ни даже на истинное философское достоинство разсматриваемыхъ законовъ, лишь бы только они были, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, достаточно подтверждены и установлены самымъ соотвѣтственнымъ изучаемому предмету образомъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что обвиненіе въ эмпиризмѣ было бы по отношенію къ раціональному пути справедливѣе, чѣмъ по отношенію къ пути опытному, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ путь этотъ можетъ сдѣлаться въ такой же степени рутиннымъ, въ какой таковымъ предполагается путь опытный. Каждая изъ шести основныхъ наукъ представляетъ примѣры обоихъ этихъ противоположныхъ путей, взаимно дополняющихъ одинъ другой. Вопреки мнѣнію метафизиковъ, надо признать въ открытіяхъ Кеплера проявленіе такой же геніальности, какъ и въ открытіяхъ Ньютона; и, при томъ же, очевидно, что начальные законы механики и даже геометріи, основываются на разсудительномъ наблюденіи (judicieuse observation), очень часто разстраиваемомъ ложной аргументаціей. Извѣстно, наконецъ, что логическое совершенство (которое, хотя и неосуществимо, но постоянно должно имѣться въ виду), заключается главнымъ образомъ въ полномъ подтвержденіи однимъ изъ этихъ путей того, что было открыто другимъ; всякая наука однакоже заключаетъ нѣкоторыя необходимыя понятія, которыя могутъ возникнуть только при посредствѣ пріемовъ одного изъ этихъ путей и быть чрезъ то не менѣе достовѣрными, если только всѣ условія были достодолжно соблюдены. Соотвѣтственныя выгоды двухъ этихъ методовъ много измѣняются сообразно природѣ научныхъ слу-

чаевъ: для изысканій спеціальныхъ необходимо сколько возможно отдавать предпочтеніе дедукціи и пользоваться индукціею только для однихъ основныхъ законовъ, дабы лучше установить позитивную систематизацію. Если употребленіе во зло послѣдней вліяетъ на низведеніе науки къ спутанному скученію безсвязныхъ законовъ, то не менѣе неопровержимо и то, что неумѣренное примѣненіе первой неизбѣжно извращаетъ полезность, ясность и даже реальность нашихъ умозрѣній всякаго рода. Что же касается средствъ, которыми обладаетъ каждая изъ наукъ іерархическаго ряда для приложенія того или другого изъ этихъ двухъ методовъ, то, по мнѣнію Конта, средства эти далеко не такъ неравномѣрны, какъ обыкновенно полагаютъ, и даже вновь созданная имъ соціологія можетъ вступить въ соперничество съ математикой, если не въ отношеніи точности и плодотворности, то въ отношеніи позитивности и раціональности, истекающихъ изъ сравнительно болѣе полнаго освобожденія отъ метафизики и бо́льшей солидарности частей, самобытно приведенныхъ къ истинному единству. Ни одна изъ остальныхъ наукъ ряда не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего подобнаго, по мнѣнію Конта, и единственнымъ исключеніемъ, какое возможно только здѣсь допустить, нужно считать полную систематизацію теоріи равновѣсія и движенія Лагранжа,—теорію, предметъ которой былъ гораздо лучше подготовленъ, чѣмъ предметъ соціологіи, и далеко не представлялъ такихъ трудностей.

Показавъ, что позитивная философія всегда имѣетъ своимъ предметомъ опытно-раціональное изученіе законовъ сходства и послѣдовательности различнаго рода явленій, и выяснивъ научный и логическій характеръ этого изученія, Ог. Контъ, продолжая обслѣдованіе общихъ свойствъ позитивной философіи, останавливается на характеризующемъ ея преобладаніи наблюденія надъ воображеніемъ. Указавъ на господствующее значеніе воображенія въ первомъ фазисѣ умственнаго развитія и очертивъ постепенное возрастаніе значенія наблюденія, онъ останавливается на неудовлетворительности пониманія этого принципа учеными его времени, недостаточно проникнутыми мыслью о необхо-

димости изысканій законовъ явленій. Хотя различные роды реальныхъ умозрѣній и отводятъ воображенію важное и дѣятельное соучастіе, но, согласно духу позитивной философіи, оно необходимо должно быть подчинено наблюденію, т. е. постоянно употребляемо для усовершенствованія способовъ, служащихъ къ связыванію подтвержденныхъ фактовъ. Исходная точка и направленіе реальныхъ умозрѣній ни въ какомъ случаѣ не должны принадлежать воображенію, и даже въ случаяхъ апріорныхъ заключеній оно было бы неумѣстно; общія руководящія соображенія въ такихъ случаяхъ имѣютъ свое первоначальное основаніе непремѣнно въ наблюденіи, единственномъ источникѣ ихъ реальности и плодотворности. Видѣть, чтобы предвидѣть,—таковъ непремѣнный характеръ истинной науки, заключаетъ Контъ; предвидѣть, ничего не видя, можетъ быть только исходной точкой для нелѣпой метафизической утопіи, и до сихъ поръ еще имѣющей слишкомъ много послѣдователей.

Къ соображеніямъ о логическомъ замѣщеніи воображенія наблюденіемъ Ог. Контъ присоединяетъ разсужденія о соотносительномъ научномъ замѣщеніи абсолютныхъ идей,—относительными, замѣщеніи, въ высшей степени характеризующемъ духъ позитивной философіи. Постепенный ходъ научнаго развитія неизбѣжно велъ къ этому замѣщенію, и попытка осуществить его была уже сдѣлана въ прошедшемъ столѣтіи знаменитымъ Кантомъ, говоритъ Ог. Контъ, но окончательное осуществленіе могло состояться только тогда, когда философія избрала основаніемъ своимъ науку и когда, развиваясь, она включила въ кругъ своихъ изслѣдованій и общественныя явленія и пріобрѣла такимъ образомъ характеръ дѣйствительно всеобщій. Обозрѣвая общую совокупность явленій, изучаемыхъ позитивною философіею, Ог. Контъ говоритъ, что изысканія въ области явленій неорганическихъ ясно доказываютъ относительность понятій о внѣшнемъ мірѣ, въ которомъ человѣкъ является только какъ зритель явленій, отъ него независящихъ; затѣмъ здравая біологическая философія, оставаясь на точкѣ зрѣнія человѣка индивидуальнаго, даетъ намъ понять, что дѣятельность нашего разума, въ качествѣ жизненнаго явленія, неизбѣжно подчинена,

какъ и всѣ другія явленія человѣческой природы, тому основному отношенію между организмомъ и средою, двойственность котораго установляетъ жизнь. Такимъ образомъ, всѣ наши позитивныя знанія неизбѣжно относительны: съ одной стороны они имѣютъ отношеніе къ средѣ, по скольку она способна дѣйствовать на насъ; съ другой — къ организму, по скольку онъ ощущаетъ это дѣйствіе. Изъ этого видно, что инерція среды или безчувственность организма немедленно прекращаютъ это взаимодѣйствіе и, слѣдовательно, и зависящее отъ нихъ образованіе понятій. Примѣромъ перваго случая могутъ служить несвѣтящіяся небесныя тѣла; примѣромъ втораго—слѣпые. Всѣ наши умозрѣнія, такимъ образомъ, такъ же какъ и всѣ остальныя жизненныя явленія, глубоко подчинены вліянію, съ одной стороны, внѣшняго міра,—вліянію, регулирующему образъ дѣйствія, и съ другой вліянію внутренней организаціи, опредѣляющей личный результатъ, причемъ мы никогда не можемъ точно опредѣлить, ни для одного отдѣльнаго случая, частнаго вліянія, свойственнаго каждому изъ этихъ двухъ нераздѣлимыхъ элементовъ нашихъ ощущеній и нашихъ мыслей. Попытка разрѣшенія этаго вопроса Кантомъ, взявшимся за него по своему, была по мнѣнію Ог. Конта, неудовлетворительною уже по одному тому, что она становилась исключительно только на статическую точку зрѣнія и, слѣдовательно, слишкомъ удалялась отъ философской реальности. Необходимо было, такимъ образомъ, подняться до динамической точки зрѣнія, изучить развитіе коллективной умственной дѣятельности человѣчества, и этимъ путемъ разъ навсегда устранить идею абсолюта. Такое требованіе было осуществлено, говоритъ Ог. Контъ, „Курсомъ позитивной философіи“, установившимъ соціологію, какъ науку, и дополнившимъ такимъ образомъ то, что́ давала біологія. Въ самомъ дѣлѣ, соціологія показываетъ намъ, что во всякой элементарной двойственности разума и среды, первый моментъ также необходимо подчиненъ послѣдовательнымъ фазисамъ развитія. Такимъ образомъ статическая точка зрѣнія показывала только, что понятія должны измѣниться, если произойдутъ измѣненія въ организмѣ или окружающей его средѣ; но такъ какъ въ дѣйствительности измѣненія эти чисто-при-

зрачны и неизмѣняемое повидимому не устранялось, то и абсолютъ претерпѣвалъ не полное крушеніе. Динамическая же теорія, напротивъ того, принимаетъ, какъ преобладающее соображеніе, постепенное развитіе, которому очевидно подчинена умственная дѣятельность человѣчества; постоянное вліяніе этого развитія могло быть опущено только благодаря неудовлетворительности метафизической теоріи, представляющей лишь переходную ступень, несовмѣстимую съ нормальнымъ состояніемъ философіи. Изъ этого видно, что и въ настоящемъ вопросѣ соціологіи принадлежитъ рѣшающая роль. Въ виду такого ея значенія, Ог. Контъ говоритъ, что еслибы его основной законъ развитія (законъ трехъ состояній) и былъ ошибоченъ, то ошибочность эта вела бы только къ необходимости установленія новаго закона, но самъ Ог. Контъ все же бы остался основателемъ единственнаго истиннаго метода, способнаго привести къ позитивному познанію человѣческаго разума, отнынѣ разсматриваемаго въ общей совокупности его условій, а не въ томъ неопредѣленномъ и химерическомъ состояніи, на которомъ всегда останавливалась метафизика. Устраненіе предполагаемой неподвижности разума ведетъ къ прямому установленію „относительной“ философіи, которая, какъ и всякая теорія, считается въ данную эпоху лучшею, если она лучше представляетъ совокупность соотвѣтственныхъ наблюденій согласно самобытному стремленію, свойственному нынѣ доброкачественнымъ умамъ,—стремленію, къ которому соціологія присовокупляетъ полное обобщеніе, а съ нимъ и догматическое освященіе (consécration dogmatique).

Приведенными разсужденіями Ог. Контъ заканчиваетъ разсмотрѣніе вопроса объ общихъ свойствахъ позитивной философіи и переходитъ къ вопросу о ея назначеніи (destination), который онъ разбираетъ какъ по отношенію къ отдѣльной личности, такъ и по отношенію къ роду, сперва въ области жизни умозрительной, потомъ въ области жизни дѣятельной (практической).

Услуга, доставляемая позитивною философіею отдѣльной личности заключается въ самобытномъ удовлетвореніи двойной эле-

ментарной потребности разума—сколько возможно расширять познанія и установлять между ними связь. Оба эти необходимыя условія были весьма несовершенно выполняемы втеченіе всего періода преобладанія супра-натуралистической и метафизической философіи, въ силу присущаго имъ абсолютнаго характера, допускающаго устойчивость только неразрывно съ неподвижностью. Хотя связь между понятіями, устанавливаемая допозитивными міровоззрѣніями, отличается большою неопредѣленностью и неустойчивостью, однако же она стѣсняла ихъ расширеніе единообразнымъ, заранѣе предустановленнымъ внѣшнимъ объясненіемъ всѣхъ вообразимыхъ случаевъ. И еслибы міровоззрѣнія эти могли имѣть строгую всеобщность, то не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутое выше расширеніе встрѣтило бы непреодолимое препятствіе; но господство ихъ не шло далѣе высшихъ умозрѣній; въ области же умозрѣній второстепенныхъ, относящихся къ вопросамъ обыденнымъ, господствовали совершенно иныя воззрѣнія. Воззрѣнія эти представляли первые самобытные зачатки тѣхъ дѣйствительныхъ законовъ, безъ которыхъ человѣкъ, еще болѣе, чѣмъ всякое другое животное, не могъ бы управлять своею повседневною дѣятельностью. Такое положеніе вещей и создало вульгарную позитивность, имѣвшую первоначально придаточное значеніе и лишенную связности. Въ противоположность міровоззрѣніямъ, вліявшимъ такимъ образомъ на наши понятія, позитивная философія всего лучше можетъ быть характеризована своею способностью прямо согласовать обѣ упомянутыя выше потребности—потребность связности и потребность расширенія, которыя подъ ея вліяніемъ оказываютъ другъ другу взаимную помощь. Хотя задача согласованія такихъ потребностей, какъ тѣ, о коихъ идетъ рѣчь, и представляетъ большія трудности, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда введеніе въ систему новыхъ фактовъ разстраиваетъ, повидимому, установленное распредѣленіе; но продолжительный опытъ неопровержимо доказалъ, что относительной философіи присуща высокая способность подчиненія понятій реальностямъ. Эта способность даетъ позитивной системѣ возможность всегда сохранять достодолжную гармонію и скоро приводить къ концу вре-

менныя пертурбаціи, могущія въ ней произойти. Эта полнота логической связности, съ точки зрѣнія въ высокой степени относительной, должна представляться какъ самое рѣшительное доказательство реальности нашихъ понятій, соотношеніе которыхъ съ наблюденіями вполнѣ ею обезпечено, и, кромѣ того, эта же связность служитъ указаніемъ на такую близость къ истинѣ, какая только возможна при соотвѣтствующемъ состояніи умственнаго развитія. Эта основная гармонія, самобытно производящая расширеніе понятій изъ ихъ здраво-раціональнаго распредѣленія, приводитъ къ возможности правильнаго перехода отъ одного понятія къ другому, т. е. къ раціональному предвидѣнію, которое представляется такимъ образомъ самымъ достовѣрнымъ критеріемъ истинной позитивности.

Хотя потребность предвидѣнія и согласованной со связностью расширяемости круга понятій и не всегда достаточно энергичны по причинѣ слабаго развитія функцій умозрѣнія въ общей совокупности нашего несовершеннаго организма, но они гораздо живѣе, нежели возможно было то предполагать на основаніи того продолжительнаго самоотреченія, которое обнаруживалъ человѣческій разумъ, претерпѣвая, безъ всякаго видимаго отвращенія, господство міровоззрѣнія, всего менѣе способнаго удовлетворить сказанной потребности. Дѣло въ томъ, что фактъ самоотреченія не обусловливался выборомъ, но былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ извѣстнымъ образомъ сложившагося хода умственнаго развитія. Если же мы обратимъ вниманіе на отдѣльные эпизоды этого развитія, то замѣтимъ, что всякое позитивное понятіе, преждевременно проведенное въ общество какимъ-нибудь счастливымъ обстоятельствомъ, было принимаемо всегда жадно и торопливо,—примѣта, достаточно обнаруживающая, что первобытная приверженность разума къ до-позитивнымъ объясненіямъ была основана только на невозможности пріобрѣсти лучшую умственную пищу и нисколько не извратила основныхъ свойствъ потребностей разума, какъ то и доказываютъ повседневные примѣры, доставляемые жизнью индивидуальной и даже коллективной. Надо признать при томъ, что слабость нашей способности познаванія служитъ новымъ поводомъ къ не-

вольному предпочтенію реальныхъ знаній, по крайней мѣрѣ немедленно вслѣдъ затѣмъ, когда достаточная степень ихъ развитія можетъ доставлять драгоцѣнную опору, представляя въ общихъ отношеніяхъ между явленіями то постоянство и ту непрерывность, которыя не могли бы дать ему частныя явленія, и полагая, такимъ образомъ, вожделѣнный конецъ его тягостнымъ колебаніямъ.

Но какъ ни важна услуга позитивной философіи по отношенію къ отдѣльному лицу, она становится истинно основною по отношенію къ роду, установляя логическое основаніе общенію между людьми. Необходимое сходство между организмомъ индивидуальнымъ и организмомъ коллективнымъ даетъ возможность утверждать въ принципѣ, что всякая философія, способная установить логическую связь въ понятіяхъ отдѣльной личности, обнаруживаетъ тѣмъ самымъ способность къ установленію связи и между массою мыслителей. Ощущаемая уже въ эпоху мистико-метафизическую, такая солидарность должна стать и болѣе прямой, и болѣе полной, и болѣе неотразимой въ эпоху господства позитивной философіи, дающей общему мышленію одно общее основаніе и установляющей такимъ образомъ однородность умственной дѣятельности.

Надо замѣтить при томъ, что никакой отдѣльный разумъ не въ состояніи выдѣлиться изъ мыслящей массы и освободиться отъ вліянія сходящихся къ одной точкѣ теченій общественной мысли. Такую зависимость мышленія индивидуальнаго отъ коллективнаго можно бы подтвердить, еслибы то потребовалось, исключительнымъ примѣромъ, заимствованнымъ изъ быта сумасшедшихъ: извѣстно, что, несмотря на характеристическое разногласіе, господствующее между психически больными, живущими въ одномъ общемъ помѣщеніи, общество этихъ больныхъ оказываетъ всегда плачевное вліяніе на умственное состояніе медиковъ, подверженныхъ ежедневному дѣйствію на нихъ этихъ больныхъ. Явленіе это совершается только въ силу способности всякаго энергическаго убѣжденія, хотя бы и ложнаго, самобытно разстроивать убѣжденіе, ему противоположное, какъ бы основательно оно ни было. Останавливаясь на этомъ замѣчаніи,

Ог. Контъ говоритъ, что ни одинъ глубокій мыслитель не долженъ смотрѣть на людей иначе какъ на естественныхъ сотрудниковъ, работающихъ надъ открытіемъ истины и примѣненіемъ ея. Какова бы ни была справедливая отвага генія, ставшаго выше общаго уровня умственнаго развитія, но его безусловная отрозненность была бы неизбѣжно столь же неразумна, какъ и безнравственна. Вращеніе въ мірѣ отвлеченностей, столь необходимое для значительныхъ умственныхъ усилій, подвергаетъ умъ столькимъ важнымъ заблужденіямъ, зависящимъ частью отъ небрежности, частью отъ иллюзій, что ни одинъ добропорядочный умъ не долженъ пренебрегать драгоцѣннымъ контролемъ общественнаго разума, столь способнаго укрѣпить и исправить его частный ходъ; ходъ этотъ всегда будетъ подверженъ случайностямъ до тѣхъ поръ, пока отдѣльный умъ не заслужитъ въ достаточной мѣрѣ того общественнаго одобренія, которое есть конечный предметъ его заботъ. Тогда же, когда умозрительное единеніе образуется, тогда можно считать установившимся то первое условіе всякой истинной общественности, безъ котораго она не можетъ разсчитывать ни на дѣятельность, ни на живучесть. Было бы излишне останавливаться надъ очевидною важностью позитивной философіи въ этомъ отношеніи и превосходствѣ ея надъ всѣми предшествовавшими ей міровоззрѣніями. Постепенный ходъ развитія неотразимо доказалъ, что одинъ только духъ позитивности можетъ дать окончательную и истинную основу умственному общенію, мѣру которому не можетъ представить ни одно явленіе прошедшей эпохи. Таково для отдѣльнаго лица и цѣлаго рода основное назначеніе позитивной философіи, разсматриваемой пока какъ самобытный принципъ логической связи и гармоніи въ жизни умозрительной.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію назначенія позитивной философіи для жизни дѣятельной, Ог. Контъ начинаетъ съ указанія на то, что наука была всегда оцѣниваема въ особенности какъ необходимая основа всякаго дѣйствія, и что зачатки позитивности зародились подъ вліяніемъ требованій примѣненія, всегда болѣе настоятельныхъ и цѣнныхъ, чѣмъ требованія чистаго умозрѣнія. Тѣмъ не менѣе однако же, говоритъ онъ

далѣе, если бы позитивное развитіе было обусловлено только требованіями примѣненія и не было въ извѣстной степени самобытнымъ и имѣющимъ корни въ мышленіи, то оно никогда не осуществилось бы, потому что приложимость позитивныхъ теорій можетъ сдѣлаться ощутимой только какъ результатъ до извѣстной степени поднятаго уровня культуры, между тѣмъ какъ мистико-метафизическія химеры могутъ гораздо ранѣе того представляться болѣе способными дать удовлетвореніе самымъ пылкимъ желаніямъ, проявляющимся въ человѣчествѣ, когда оно находится еще на ступени дѣтства. Дѣйствительное вліяніе практическихъ требованій начинается только тогда, когда связь ничтожнѣйшихъ изъ нихъ съ важнѣйшими теоретическими изысканіями становится понятною, и вліяніе это очень важно, какъ это можно видѣть на примѣрѣ, представляемомъ искусствами, подчиненными вліянію астрономіи. Систематическое предвидѣніе, во всѣхъ отношеніяхъ устанавливающее главный характеръ науки, пріобрѣтаетъ, становясь необходимою основою всякаго дѣйствія, свое основное значеніе. И хотя разумъ человѣческій, согласно предшествующимъ объясненіямъ, независимо отъ всякаго требованія примѣняемости, самобытно испытываетъ потребность познавать явленія и связывать ихъ; но эта двойная потребность является достаточно обозначенною только у нѣкоторыхъ исключительныхъ организмовъ и, слѣдовательно, не можетъ вліять на возрастаніе всеобщаго значенія позитивныхъ воззрѣній, такъ что безъ опоры, доставляемой практическими требованіями, самобытное признаніе этихъ воззрѣній замедлилось бы въ значительной степени. Въ настоящее время, установленіе соціологіи окончательно утвердило основоначало взаимодѣйствія умозрѣнія и практики, такъ какъ основоначало это обнимаетъ теперь всѣ возможные случаи. Подчиненіе искусства наукѣ началó, наконецъ, въ настоящее время организовываться, такъ какъ не только тѣ искусства, которыя подчинены низшимъ наукамъ, подчинены надлежащему руководящему основоначалу, но и высшее и труднѣйшее искусство—политика—получитъ также свои научныя основанія, какъ только общественное разумѣніе достаточно проникнется мыслью,

что соотвѣтственныя явленія, также какъ и всѣ другія, подчинены естественнымъ законамъ, и что знаніе этихъ законовъ можетъ служить источникомъ практическихъ указаній. Тогда отношеніе между наукою и искусствомъ будетъ достодолжно пополнено и систематизировано, что незамѣтно окажетъ счастливое воздѣйствіе и на развитіе позитивнаго міровоззрѣнія.

Это основное назначеніе позитивной философіи, одновременно умозрительное и дѣятельное, говоритъ Ог. Контъ, продолжая развивать свою мысль, закончитъ оцѣнку ея истинныхъ свойствъ, обстоятельнѣе опредѣляя направленіе ея усилій и даже родъ и степень точности, которые должны быть принадлежностью различныхъ ея изысканій, сообразно дѣйствительнымъ требованіямъ каждаго даннаго случая. На начальной ступени развитія человѣчества, когда ничто не могло доставить такого рода общихъ указаній, позитивный духъ не могъ бы пріобрѣсти достаточной пищи для своей дѣятельности, если бы не прилагалъ своихъ силъ безразлично ко всему, что только становилось ему доступно. Этотъ слѣпой инстинктъ не можетъ однако же долго сохранять свое преобладающее значеніе въ дѣятельности; зрѣлое состояніе разума скоро поставитъ на мѣсто его философскую дисциплину, основанную на вѣрномъ понятіи совокупности условій, опредѣляющихъ положеніе человѣка,—дисциплину, легко принимаемую истинно-научнымъ геніемъ и руководимую обыденною мудростью, всегда стремящеюся къ предотвращенію всякой напрасной затраты человѣческихъ силъ. При разсудительной организаціи теоретическихъ работъ, высокія способности, безразлично получающіе тогда названіе научныхъ или философскихъ, будутъ всегда готовыми для приложенія къ предметамъ, дѣйствительно достойнымъ вниманія, и перестанутъ растрачиваться на ничтожныя изысканія, какъ это столь часто случается въ настоящее время. Но, кромѣ устраненія безплодныхъ работъ, вѣрное опредѣленіе назначенія позитивной философіи положитъ еще достодолжный предѣлъ точности какъ по отношенію къ наблюденіямъ, такъ и по отношенію къ дедукціямъ,—предѣлъ, переходя который научное изысканіе, вдающееся въ слишкомъ мелочный анализъ, вырождается

въ пустое и часто вредное любопытство. Надо признать, въ самомъ дѣлѣ, что, согласно духу относительности, проникающему здравую философію, естественные законы — этотъ истинный предметъ нашихъ изысканій—не могутъ быть изслѣдуемы при посредствѣ слишкомъ подробныхъ изысканій; такъ, напримѣръ, наблюденія при посредствѣ термометровъ, настолько чувствительныхъ, что показаніе ихъ непрестанно колеблется, не могутъ, конечно, дать никакого опредѣленнаго результата, и физики хорошо сдѣлали, конечно, отказавшись отъ нихъ какъ бы по безмолвному взаимному соглашенію. Основное отношеніе умозрѣній къ дѣйствію въ особенности способно достодолжнымъ образомъ опредѣлить необходимые предѣлы точности во всякаго рода изысканіяхъ, такъ какъ самые важные случаи ясно показываютъ, особенно въ астрономіи, что здравыя теоріи никогда успѣшно не переступаютъ предѣла, опредѣляемаго практическими потребностями. Хотя такіе общія правила и не могутъ быть оспариваемы, но современная научная анархія ясно показываетъ, до какой степени разумная философская дисциплина необходима въ настоящее время въ указанномъ отношеніи; ею только возможно предотвратить разстройство системы позитивныхъ знаній, могущее возникнуть какъ слѣдствіе пустаго любопытства и алчнаго самолюбія. Поразительные примѣры показали уже, что въ настоящее время можно пріобрѣсти въ области естествознанія академическія поощренія за устраненіе посредствомъ мелочныхъ изысканій законовъ, установленныхъ прежде и ничѣмъ не замѣняемыхъ, т. е. именно за то, что заслуживаетъ строгаго порицанія. Изъ всего этого видно, до какой степени необходимо положить конецъ порядку вещей, созданному вліяніемъ абсолютныхъ идей, и установить за позитивной философіей руководящее значеніе, способное согласить, сообразно условіямъ каждаго даннаго случая, оба требованія, равно законныя, но иногда взаимно противоположныя,—требованія общаго раціональнаго распредѣленія воззрѣній и ихъ частнаго улучшенія.

Оканчивая разсмотрѣніе назначенія позитивной философіи, Ог. Контъ говоритъ, что философія эта всегда самобытно опре-

дѣляетъ предѣлы той свободы, которою можетъ располагать нашъ умъ, и которою мы должны умѣть безбоязненно пользоваться, дабы въ достодолжныхъ предѣлахъ удовлетворять наши умственныя склонности (всегда, со свойственною имъ инстинктивною любовью, направляющіяся къ простотѣ, связности и общности понятій), постоянно относясь въ то же время почтительно къ дѣйствительности внѣшнихъ законовъ, по скольку законы эти намъ доступны. Хотя изъ всѣхъ созданій человѣка, научныя произведенія принадлежатъ именно къ числу тѣхъ, которыя наименѣе могутъ быть поставляемы въ зависимость отъ имѣющихъ значеніе для человѣка удобствъ, такъ какъ научныя произведенія прямо относятся къ внѣшней дѣйствительности, неизбѣжно независящей отъ человѣка; но надо однако же признать, что человѣческія склонности могутъ законосообразно вносить измѣненія и въ нихъ, дабы лучше приспособить ихъ по отношенію къ ихъ назначенію, всегда окончательно относящемуся къ человѣчеству. Въ этомъ смыслѣ и установляются гипотезы, какъ это было уже объяснено выше, и установленіе это, по идеѣ Конта, не только допускается, но настоятельно внушается основнымъ назначеніемъ нашихъ умозрительныхъ усилій. Такимъ образомъ, заключаетъ Контъ, истинно-философское воззрѣніе ведетъ насъ къ мысли, что изученіе законовъ природы имѣетъ назначеніе представлять въ должномъ свѣтѣ внѣшній міръ, такъ же какъ и удовлетворять существеннымъ наклонностямъ нашего ума, на сколько то совмѣстно со степенью точности, требуемой совокупностью нашихъ практическихъ потребностей. Наши статическіе законы отвѣчаютъ инстинктивной любви къ порядку и гармоніи, которыми человѣческій умъ до такой степени проникнутъ, что если бы онъ не былъ благоразумно сдерживаемъ, то увлекся бы, конечно, къ самымъ ложнымъ сближеніямъ; наши динамическіе законы согласуются съ нашею склонностью постоянно вѣрить, даже только послѣ трехъ наблюденій, въ подтвержденную этими наблюденіями необходимость возвращенія явленій,—склонностью, которую очень часто приходится сдерживать въ видахъ удержанія необходимой реальности нашихъ воззрѣній.

Разсмотрѣвъ общія свойства позитивной философіи и ея назначеніе, намъ остается теперь прослѣдить, вслѣдъ за Контомъ, ея основное установленіе.

Основываясь на единствѣ нашего разума, говоритъ Контъ, и сообразуясь съ неизмѣнностью тождества его поступательнаго движенія по отношенію ко всѣмъ предметамъ, ему дѣйствительно доступнымъ, нельзя подвергать сомнѣнію того, что позитивная философія должна охватить окончательно въ гораздо болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ, всецѣлую совокупность нашей умственной дѣятельности и включить въ свою область не только всю человѣческую науку, но и все человѣческое искусство, какъ эстетическое, такъ и техническое. Хотя это окончательное и полное раціональное распредѣленіе содержанія позитивной философіи и не должно быть упускаемо изъ виду, тѣмъ не менѣе, однакоже, необходимо признать прежде всего, что систематическое установленіе основнаго метода требуетъ въ настоящее время, чтобы двойное противопоставленіе, существовавшее въ эпоху самобытнаго развитія позитивныхъ воззрѣній, во-первыхъ — умозрѣнія и дѣйствія, и во-вторыхъ — воззрѣній научныхъ и эстетическихъ, было освящено догматически.

Что касается перваго изъ этихъ двухъ противопоставленій, то оно, какъ было уже объяснено выше, составляетъ необходимое условіе умственнаго развитія по отношенію ко всякаго рода элементарнымъ понятіямъ, которыя даже не могли бы и возникнуть, если бы теоретическая точка зрѣнія была поставлена въ зависимость отъ практической. Но, кромѣ того, Ог. Контъ утверждаетъ, что и впредь обоюдная самобытность этихъ двухъ точекъ зрѣнія должна остаться ненарушимою, какая бы ни установилась организація ихъ взаимныхъ отношеній, такъ какъ поглощеніе одной изъ нихъ другою несовмѣстимо съ условіями развитія каждой изъ нихъ. Несовмѣстимость эту Контъ доказываетъ основнымъ ихъ различіемъ: теоретическое воззрѣніе, говоритъ онъ, можетъ возвыситься до обобщенія, въ которомъ заключается все его значеніе, только чрезъ посредство отвлеченія, которое, схватывая общее въ раз-

личныхъ явленіяхъ и устраняя характеристическія различія этихъ явленій, такимъ образомъ болѣе или менѣе противополагается дѣйствительности въ собственномъ смыслѣ. Напротивъ того, практическое воззрѣніе, въ силу необходимо присущей ему спеціальности, есть, въ каждомъ данномъ случаѣ, единственное реальное и полное, но за то и наименѣе способное къ расширенію значенія охваченныхъ имъ отношеній. Если, какъ справедливо было замѣчено, полное господство практической точки зрѣнія стремилось бы къ прямому подавленію умственнаго прогресса, уже и безъ того въ наше время не довольно энергичнаго, то надо признать, что и всеобщее преобладаніе точки зрѣнія теоретической было бы не менѣе пагубно для общаго назначенія какъ практики, такъ и теоріи, препятствуя практическому дѣйствію достигнуть удовлетворительной законченности. Хотя гордость ученыхъ и философовъ и мечтала о полной систематизаціи практическихъ знаній независимо отъ непосредственной связи съ самою практикою, но очевидно, что такая мечта проистекаетъ изъ нелѣпо преувеличеннаго значенія теоретическихъ средствъ, кажущееся могущество которыхъ всегда предполагаетъ приведеніе вопросовъ къ такой отвлеченности, которая слишкомъ удаляетъ ихъ отъ ихъ конкретнаго объекта и по этой причинѣ не даетъ имъ возможности удовлетворять справедливымъ требованіямъ практики. Привычки мысли, пріобрѣтенныя во время господства абсолютныхъ идей, внушаютъ и до сихъ поръ еще большей части ученыхъ очень ложное мнѣніе о могуществѣ и назначеніи апріорныхъ положеній; положенія эти, будучи разумно установлены и разсудительно употребляемы, имѣютъ, конечно, значеніе по стольку, по сколько всякое указаніе, добытое изъ изученія природы, имѣетъ значеніе для раціональной дѣятельности, но непремѣннымъ условіемъ при этомъ должно быть поставлено признаніе за практическими воззрѣніями руководящаго значенія. Только въ этомъ смыслѣ и возможно подчиненіе практики теоретическимъ воззрѣніямъ, и всякій переходъ за предѣлы, опредѣляемые такою мѣрою подчиненія, вызоветъ, конечно, важные пертурбаціи. Контъ полагаетъ, однако же, что духъ современной цивилизаціи въ высокой степени спо-

собствуетъ установленію правильнаго отношенія теоріи и практики, и созданіе соціологіи, внося идею этого отношенія въ ту область, въ которой преобладаніе такой идеи, при господствѣ абсолютныхъ воззрѣній, было крайне неудовлетворительно и непрочно, пополнило общую совокупность обстоятельствъ, обезпечивающихъ возможность возникновенія столкновеній, могущихъ отозваться столь вредно на утвержденіи господства принципа, долженствующаго стать основою политическаго характера позитивной организаціи.

Переходя затѣмъ ко второму противопоставленію, а именно къ противопоставленію воззрѣній научныхъ воззрѣніямъ эстетическимъ, Ог. Контъ замѣчаетъ, что хотя это противопоставленіе и не такъ рѣзко какъ первое, но оно однако же оспаривается слабѣе въ силу своего преимущественно умственнаго характера и почти полной независимости отъ внушеній страстей, энергическое вліяніе которыхъ такъ значительно усиливаетъ соперничество, указанное выше. Даже и въ то время, когда воображеніе преобладало въ философіи, поэзія, оставаясь вѣрною столь необходимой ей самобытности, постоянно подчинялась философіи на основаніи того основнаго отношенія, которое даже инстинктивно связываетъ познаніе истины съ чувствомъ прекраснаго, и которое къ этому подчиняетъ эстетическіе идеалы общей совокупности знаній своей эпохи. Такая связь научныхъ и эстетическихъ воззрѣній должна укрѣпиться подъ вліяніемъ позитивной философіи и содѣйствовать ея развитію, не устраняя однако же основнаго противопоставленія двухъ элементовъ, изъ которыхъ наиболѣе отвлеченный и наиболѣе общій навсегда долженъ будетъ сохранить свое преобладаніе.

Разсмотрѣвъ противопоставленіе воззрѣній теоретическихъ—практическимъ и научныхъ — эстетическимъ, Ог. Контъ останавливаетъ вниманіе еще на одномъ противопоставленіи, болѣе новомъ, менѣе самобытномъ и очевидномъ, но столько же, какъ и два первыя, необходимомъ для систематическаго установленія позитивной философіи, — противопоставленіи наукъ абстрактныхъ наукамъ конкретнымъ. Великій Бэконъ, говоритъ Контъ, первый понялъ, что общая основа всей умственной системы или первая философія, какъ онъ ее называлъ,

должна быть непремѣнно абстрактна. Хотя идея эта была выражена у Бэкона довольно неопредѣленно и никогда не была достодолжно оцѣнена, ни даже понята, тѣмъ не менѣе, однакоже, она стояла во главѣ умственнаго развитія двухъ послѣднихъ вѣковъ въ силу естественнаго преимущества, присущаго истинѣ, т. е. въ силу невозможности для развитія идти инымъ путемъ. Сознательное осуществленіе требованій Бэконовскаго принципа принадлежитъ только „Курсу позитивной философіи“, который создалъ высшую и важнѣйшую изъ абстрактныхъ наукъ. И хотя установленіе соціологіи, пополняя и систематизируя первую философію, должно вскорѣ дозволить надлежащую обработку конкретныхъ вопросовъ, не слѣдуетъ однако же упускать изъ виду, что основное установленіе позитивнаго метода всегда должно покоиться на противопоставленіи абстрактныхъ наукъ конкретнымъ, — противопоставленіи, безъ котораго два первыя, объясненныя выше, навсегда останутся недостаточными по отношенію къ помянутому установленію. Это необходимое противопоставленіе представляетъ самый тонкій и самый могущественный научный пріемъ, существованіе коего обусловлено умозрительною выработкой позитивной системы. Одно только разсудительное, постепенно веденное отвлеченіе могло дозволить и дозволяетъ теперь непрерывное поступательное движеніе истинно-позитивнаго духа: оно всего прежде устраняетъ практическія требованія, затѣмъ эстетическія впечатлѣнія и, наконецъ, конкретныя условія, и мало по малу организуетъ самую простую и самую возвышенную точку зрѣнія, за предѣлы которой невозможно вести раціональнаго изслѣдованія, не впадая въ метафизическую призрачность. Если бы третья ступень отвлеченія, о которой сейчасъ было говорено, не пополнила во-время того, чего не могли дать двѣ первыя, то позитивная философія не могла бы осуществиться, ибо основаніемъ ея могутъ быть, какъ это объяснено выше, только абстрактныя воззрѣнія.

Таковы основоначала, опредѣляющія значеніе и характеръ позитивной философіи, связь и соотношенія ея частей, какъ представляетъ ихъ „Курсъ“ Ог. Конта. Къ критическому изслѣдованію этихъ основоначалъ я и приступлю въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОСНОВОНАЧАЛЪ, ОПРЕДѢЛЯЮЩИХЪ ХАРАКТЕРЪ ПОЗИТИВНОЙ СИСТЕМЫ, КАКЪ ЦѢЛАГО.

Позитивная философія, какъ установилъ ее Ог. Контъ, отвергая изслѣдованіе вопросовъ абсолютнаго характера, поставленныхъ противоположными ей міроразумѣніями, положительною задачею своею ставитъ открытіе законовъ явленій, т. е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства ихъ; средствомъ для рѣшенія этой задачи избираетъ она научный методъ, и такимъ образомъ отмежовываетъ себѣ ограниченную область, результаты изученія которой она и связываетъ въ одну общую, цѣлесообразно расчлененную систему.

Вникая въ эту общую характеристику позитивной философіи, нельзя не замѣтить прежде всего, что основная задача этой философіи предполагаетъ два рода вопросовъ: во 1-хъ, вопросы, опредѣляющіе общій характеръ позитивной философіи и основывающуюся на немъ противоположность ея непозитивнымъ міроразумѣніямъ, и во-2-хъ, вопросы, опредѣляющіе такую внутреннюю организацію, которая, соотвѣтствуя требованіямъ научнаго метода, была бы сообразна цѣли, указанной вопросами перваго рода. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и должно дать въ результатѣ тѣ основоначала позитивной философіи, изслѣдованію которыхъ посвященъ этотъ этюдъ.

Вся совокупность указанныхъ выше вопросовъ представлялась Ог. Конту самостоятельнымъ отдѣльнымъ ученіемъ, опредѣлявшимся какъ résumé или aperçu его „Курса“. Различіе résumé отъ aperçu Ог. Контъ полагалъ только въ томъ, что aperçu предшествуетъ „Курсу“, тогда какъ résumé составляетъ послѣсловіе его. Хотя онъ утверждалъ, что изслѣдованіе основоначальныхъ вопросовъ позитивной философіи имѣетъ достодолжное значеніе только какъ résumé, но онъ выставилъ на видъ въ

то же время большую важность aperçu, которое характеризуетъ напередъ предметъ, подлежащій изслѣдованію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ считаетъ ихъ особенно необходимымъ прелиминаріемъ, имѣющимъ цѣлью общее ограниченіе поля нашихъ изслѣдованій [1]). Онъ называетъ ихъ также пролегоменами своего трактата, излагающими энциклопедическія правила, которыми необходимо руководствоваться при разработкѣ отдѣльныхъ его частей, т. е. наукъ іерархическаго ряда [2]). Не останавливаясь теперь надъ нерѣшительностью Ог. Конта по отношенію къ мѣсту, которое должны занимать пролегомены, прелиминарій или aperçu въ его трактатѣ, обратимъ вниманіе только на набрасываемую имъ характеристику этой части трактата, подлежащей теперь нашему изслѣдованію. Не очевидно ли, что когда Ог. Контъ говоритъ о предварительномъ характеризованіи предмета, подлежащаго изслѣдованію, о вступленіи, имѣющемъ цѣлью общее ограниченіе поля изслѣдованія, о сводѣ энциклопедическихъ правилъ, служащихъ для разработки отдѣльныхъ наукъ, входящихъ въ систему, не очевидно ли, что въ это время передъ умомъ его вопросы организаціи системы стоятъ на второмъ планѣ, а на первый выступаютъ вопросы, относящіеся къ системѣ, какъ цѣлому. Вопросы эти характеризуютъ и ограничиваютъ предметъ изслѣдованія и даютъ руководящія правила для его разработки. Не подлежитъ сомнѣнію, что, по самой постановкѣ вопросовъ этихъ у Ог. Конта, послѣдніе заслоняютъ собою первые и являются именно какъ основное содержаніе пролегоменъ. Пролегомены, такимъ образомъ, должны, по идеѣ Ог. Конта, разсмотрѣть не одинъ только вопросъ систематизаціи положительнаго знанія, но, прежде того, установить границы области изслѣдованія, опредѣлить ея характеръ и дать для самаго изслѣдованія общія руководящія основанія.

Но если главнымъ, основнымъ содержаніемъ пролегоменъ у Ог. Конта является установленіе границъ области изслѣдованія и тѣсно связанныхъ съ нею вопросовъ опредѣленія характера этой

---

[1]) Comte. Cours, 3 éd t. I. p. 8.

[2]) id. III, p. 191.

области и выработки способовъ ея изслѣдованія, то задача пролегоменъ Ог. Конта, очевидно, совпадаетъ съ основною задачею критической философіи. Критическая философія не установляетъ однако же своей задачи независимо отъ доказательствъ ея необходимости и законосообразности, не исходитъ изъ тезисовъ, не обоснованныхъ критически же, не допускаетъ, хотя бы и для цѣлей критики, положеній, устанавливаемыхъ догматически [1]). Спрашивается: такъ ли поступаетъ Ог. Контъ? Представляетъ ли и онъ основоначала своихъ пролегоменъ въ томъ состояніи полнаго развитія, въ которомъ они должны являться въ системѣ философіи, сознающей себя критическою?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я нахожу только въ двухъ-трехъ бѣглыхъ указаніяхъ, брошенныхъ въ первой лекціи „Курса“, и въ болѣе полномъ изложеніи въ самомъ почти концѣ „Курса“, гдѣ Ог. Контъ говоритъ, что, по мѣрѣ приближенія разума человѣческаго къ періоду зрѣлости, отождествляющемуся съ его позитивностью, „недоступные для него вопросы были постепенно оставляемы и, наконецъ, признаны лишенными смысла для насъ, имѣющихъ возможность познавать только факты, доступные для нашего организма, и никогда не могущихъ пріобрѣсти никакого понятія объ основной природѣ какого бы то ни было существа, или объ образѣ происхожденія какого бы то ни было явленія“ [2]). Такимъ образомъ, невозможность знанія „вещи въ себѣ“, какъ выражается Ог. Контъ въ другомъ мѣстѣ [3]), и неизбѣжная необходимость ограниченія области изслѣдованія одними только явленіями, обусловлена у Ог. Конта свойствами нашего организма, свойствами познающаго субъекта. Вотъ все, что можно найти у Ог. Конта какъ намекъ на тѣ основанія, которыми

[1]) Я употребляю здѣсь терминъ этотъ въ томъ смыслѣ, который онъ имѣетъ въ нѣмецкой философіи. Что же касается Ог. Конта, то его „догматизмъ“ имѣетъ значеніе «дидактизма». Поэтому-то онъ и противополагаетъ догматическое изложеніе не критическому изложенію, а историческому.

[2]) Comte, VI, p. 599.

[3]) Id. I, p. 17.

БИБЛІОТЕКА СЛУЖИТЕЛЯ

опредѣляются положенія, составляющія содержаніе его пролегоменъ. Хотя Ог. Контъ намекомъ этимъ и указываетъ на прямой путь къ признанію необходимости изслѣдованія свойствъ познающаго разума, какъ перваго шага въ области философіи, но онъ останавливается, не договаривая этой мысли, и если и представляетъ какое-то смутное побужденіе къ критическому обоснованію позитивной философіи, то все же не даетъ этого обоснованія и заставляютъ насъ признать въ позитивной системѣ одни только намеки на критическо-философскіе принципы, одни только зачатки этихъ принциповъ.

Ог. Контъ въ одномъ изъ писемъ къ д'Эйхталю высказалъ мысль, что позитивная философія будетъ тѣмъ болѣе имѣть значенія, чѣмъ бо́льшее число предшественниковъ будетъ у нея констатировано. Но такъ какъ ни онъ самъ, ни послѣдователи его никогда и не думали о связи позитивной философіи съ философіею критическою, то никто изъ позитивистовъ и не обращалъ никогда вниманія на представителей критической философіи, предшествовавшихъ Ог. Конту. Прежде дальнѣйшаго изслѣдованія критическихъ началъ въ позитивной системѣ, я считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ о критицизмѣ до Ог. Конта, не только затѣмъ, чтобы выставить на видъ общность задачъ, которыя были разработаны философскою критикою, и тѣми, которыя выставилъ Ог. Контъ въ своемъ прелиминаріи, но еще и затѣмъ, чтобы еще отчетливѣе показать зачаточное ихъ состояніе въ системѣ Ог. Конта и тѣмъ выказать еще ярче настоятельность ихъ развитія.

Еще въ концѣ XVII столѣтіи Локкъ обратилъ вниманіе на то, что изслѣдованіемъ природы разума возможно раскрыть его силы, объемъ этихъ силъ, доступность имъ въ какой бы то ни было степени тѣхъ или другихъ предметовъ, а также недоступность другихъ, и такимъ образомъ убѣдить людей въ необходимости относиться осторожнѣе къ вещамъ, превышающимъ ихъ силы, останавливаться, достигнувъ крайнихъ предѣловъ того, что́ доступно для ихъ ума, и довольствоваться спокойнымъ незнаніемъ вещей, которыя, по изслѣдованіи, окажутся

превышающими ихъ способности. Вслѣдъ за Локкомъ, Юмъ сталъ въ рѣшительную оппозицію всякому отвлеченному умозрѣнію, которое, нисколько не обогащая человѣческаго знанія, присвоиваетъ названіе науки какимъ-то безплоднымъ и пустымъ усиліямъ человѣческаго любопытства къ изслѣдованію такихъ вещей, которыя навѣки должны остаться недоступными для разума. Такое ненормальное положеніе философскаго знанія даетъ только поводъ, по мнѣнію Юма, къ возникновенію и утвержденію странныхъ и суевѣрныхъ представленій и понятій, вводящихъ въ заблужденіе даже и людей здравомыслящихъ. Юмъ, на основаніи этихъ соображеній, различаетъ истинную метафизику отъ ложной и считаетъ ложною ту, которая исключительно вращается въ области отвлеченныхъ понятій. Знаніе человѣка и его познавательныхъ силъ должно, по его убѣжденію, лечь въ основаніе всѣхъ вообще нашихъ знаній и спасти насъ отъ этой ложной метафизики. Оно одно есть надежное основаніе всѣхъ отраслей знанія вообще и оно одно только можетъ вывести разумъ изъ области метафизической фантастики. Наконецъ, геніальный Кантъ заново переработалъ задачу, поставленную Локкомъ и Юмомъ, и, изслѣдуя природу человѣческаго разума, впервые назвалъ изслѣдованіе это критикою. Критика, какъ пояснилъ Кантъ, не есть еще ученіе (Doctrin) [1]), потому что она имѣетъ въ виду не распространеніе нашихъ знаній, но только опредѣленіе ихъ правильности и испытаніе ихъ годности; она поэтому есть подготовленіе къ изложенію системы. Вопреки увѣренія тѣхъ, которые пытаются распространить человѣческое знаніе далеко за предѣлы возможнаго опыта, критика должна установить эти предѣлы и показать, что все, лежащее внѣ предѣловъ возможнаго опыта, есть, какъ выражается Кантъ, трансцендентное, недоступное для нашего разума, чистый призракъ.

Возвратимся теперь къ началамъ философской критики въ системѣ Ог. Конта.

---

[1]) И Ог. Контъ называетъ также общую совокупность результатовъ позитивнаго изученія міра „doctrine“.

Если Ог. Контъ оставляетъ въ зародышѣ основоначала философской критики, являющіяся какъ внутренно-побудительный моментъ развитія его системы, то эти зачаточные элементы критики являются для послѣдователей его какъ наслѣдіе, имѣющее первостепенную важность. Съ правильнымъ отношеніемъ къ нему преемниковъ Ог. Конта связана до извѣстной степени судьба позитивизма, такъ какъ отъ отношенія этого зависитъ застой или прогрессъ позитивной философіи. Вопросъ объ условіяхъ развитія позитивной системы, согласно содержащемуся въ ней внутренно побудительному моменту критики, получаетъ такимъ образомъ весьма важное значеніе.

Чтобы имѣть возможность отвѣчать на этотъ вопросъ, обратимъ всего прежде вниманіе на то, что присутствіе критическаго элемента въ философіи Ог. Конта, указанное выше, не обнаруживаетъ еще сознательнаго установленія его Ог. Контомъ. Критическій элементъ могъ проникнуть въ философію его и помимо его сознанія, какъ начало, неизбѣжно присущее всякому научно-философскому изслѣдованію. Намекомъ на это служитъ уже разбросанность критическихъ тезисовъ въ „Курсѣ“, а подтвержденіемъ отсутствіе какъ опредѣленной формулировки критической задачи, такъ даже и самаго выраженія „философская критика“; окончательнымъ же доказательствомъ безсознательнаго отношенія Ог. Конта къ внутренно-побудительному моменту его системы заключается въ томъ пассивномъ и активномъ противодѣйствіи, которое по отношенію къ нему Ог. Контъ неоднократно обнаруживалъ.

Самое замѣтное обнаруженіе противодѣйствія, о которомъ я только-что упомянулъ, сопоставляется у Ог. Конта именно съ такимъ моментомъ въ развитіи его идей, когда онъ особенно близко подходитъ къ вопросу о связи позитивной философіи съ задачею философской критики. Я имѣю въ виду то мѣсто его пролегоменъ, гдѣ онъ говоритъ о пользѣ его „Курса“ для прогресса человѣческаго ума. Позитивная философія, говоритъ онъ, доставляетъ намъ единственно-истинное раціональное средство для обнаруженія логическихъ законовъ, изслѣдованіе которыхъ шло до сихъ поръ по пути, наименѣе годному для ихъ

раскрытія. Средство это заключается въ приложеніи къ изслѣдованію ума различенія статической точки зрѣнія отъ динамической,—различенія, установленнаго Бленвилемъ. Статическая точка зрѣнія даетъ органическія условія умственной дѣятельности и приводитъ къ анатомо-физіологическому ихъ изученію; динамическая—представляетъ факты развитія этой дѣятельности и приводитъ къ историческому ихъ изученію: эта послѣдняя разсматриваетъ всѣ научныя теоріи, какъ факты логическіе, и путемъ наблюденія надъ этими фактами подымается до познанія логическихъ законовъ [1]). Очевидно, что, идя этимъ путемъ, Ог. Контъ долженъ былъ непремѣнно достигнуть убѣжденія въ необходимости для позитивной системы теоріи познаванія и основывающейся на ней философской критики; но, подойдя такъ близко къ рѣшенію вопроса, онъ не только останавливается, но и начинаетъ противодѣйствовать неизбѣжной послѣдовательности своихъ собственныхъ положеній. Объяснивъ позитивный взглядъ на методъ, руководящій открытіемъ законовъ разума, Ог. Контъ не только не останавливается надъ вопросомъ о раціональномъ приложеніи установленнаго имъ основоначала къ своей системѣ, но, увлекаясь мыслью, что методъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно отъ своего приложенія, старается доказать невозможность теоріи метода (логики какъ науки), точно также какъ и искусства приложенія метода (логики какъ искусства); онъ смѣшиваетъ первую съ психологіей, отвергаетъ отдѣльное изложеніе логики и пріурочиваетъ ее къ іерархическому ряду наукъ, раздробляя ее на части и распредѣляя эти части между науками. „Я не знаю“, говоритъ онъ, „будетъ ли возможно впослѣдствіи установить a priori правильный курсъ метода, совершенно независимый отъ философскаго изученія наукъ, но я совершенно убѣжденъ, что въ настоящее время это неосуществимо, такъ какъ основные логическіе пріемы не могутъ еще быть объяснены съ достаточною точностью въ томъ случаѣ, когда они отрознены отъ своего приложенія. Смѣю прибавить къ этому, что если бы даже предположеніе

[1]) Comte, Cours, I. 30.

это и было впослѣдствіи осуществлено, такъ какъ такую возможность я допускаю, то и тогда, все же, хорошую систему умственныхъ привычекъ, представляющую существенную цѣль изученія метода, нельзя бы было пріобрѣсти иначе, какъ только правильнымъ приложеніемъ научныхъ пріемовъ“ [1]). Такимъ образомъ, изученіе законовъ умственной дѣятельности не только не привело Ог. Конта къ установленію исходной точки философской критики, не только не дало повода къ развитію этой критики, но еще свелось на противодѣйствіе осуществленію и правильной установкѣ той части ея, необходимость которой въ тотъ періодъ времени представлялась наиболѣе настоятельною и элементы которой наиболѣе созрѣли.

Особенная настоятельность въ отдѣльномъ курсѣ позитивной логики и извѣстная степень зрѣлости элементовъ такого курса выразилась выходомъ въ свѣтъ системы индуктивной и дедуктивной логики Дж. Ст. Милля въ 1843 году. Отношеніе Ог. Конта къ этому трактату обнаружило, какъ сейчасъ увидимъ, неустойчивость и неопредѣленность взгляда его на вопросъ, который онъ, повидимому, такъ твердо рѣшилъ въ своемъ „Курсѣ“. „Я испытываю вполнѣ безупречное самодовольствіе“, пишетъ Ог. Контъ къ Миллю [2]), „заявляя вамъ теперь, въ какой мѣрѣ я радуюсь тому, что посовѣтовалъ вамъ не отказываться отъ этой важной работы... Ею вы вполнѣ осуществили вашу главную цѣль, установивъ счастливымъ образомъ рѣшительный переходъ отъ наименѣе отсталаго метафизическаго умонастроенія къ умонастроенію истинно-позитивному, къ которому вы привлечете такимъ образомъ много достойныхъ умовъ, находящихся внѣ прямаго вліянія моихъ собственныхъ работъ и способныхъ доставить философскому дѣлу нашего вѣка драгоцѣнное сотрудничество... Но, кромѣ драгоцѣннаго перехода, столь основательно вами организованнаго, ваше дѣйствительно систематическое сочиненіе содержитъ во многихъ отношеніяхъ важные догматическіе отдѣлы, непреходящая польза которыхъ не огра-

[1]) Comte, id. I, p. 34.

[2]) См. письма Конта у Литтре: „A Comte et la philosophie positive.“ Письмо отъ 26 мая 1843 г.

ничится упомянутымъ важнымъ переходомъ. Такова въ особенности ваша удивительная и столь же ясная, какъ и глубокая оцѣнка четырехъ общихъ видовъ элементарной индукціи; я, впрочемъ, еще болѣе восхищался тѣмъ неотразимымъ изложеніемъ, которымъ вы ее пополнили, приведя читателя къ почти самобытно развившемуся доказательству необходимости присоединенія дедукціи. Смыслъ обоихъ этихъ отдѣловъ высказанъ затѣмъ весьма удачно и производитъ неизгладимое впечатлѣніе при спеціальномъ обзорѣ соціологическихъ изысканій. Все это вмѣстѣ составляетъ нѣчто истинно цѣлое, и всѣ существенныя части безъ натяжекъ способствуютъ достиженію той главной цѣли, которую вы имѣли въ виду». И, несмотря на такое заявленіе, Ог. Контъ, въ сочиненіяхъ, вышедшихъ послѣ 1843 года, не только отвергаетъ возможность установленія логики какъ самостоятельной науки, но и признаетъ ее вредною. Вообще, по замѣчанію Милля, Ог. Контъ не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной философіи другими ея отраслями, но даже сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобъ воспрепятствовать такому пополненію [1]).

Изъ предшествовавшаго видно, что Ог. Контъ, признавая необходимость общей части въ своей философской системѣ и находя, что одна изъ главнѣйшихъ выгодъ этой системы заключается въ возможности правильнаго установленія законовъ умственной дѣятельности, былъ однако же далекъ отъ мысли включенія этихъ законовъ (или теоріи познаванія, Erkenntnisstheorie, какъ теперь называютъ общую совокупность этихъ законовъ) въ эту общую часть, а включеніе въ нее одной изъ частей теоріи познаванія, логики, даже рѣшительнѣйшимъ образомъ отвергалъ. Въ чемъ же, спрашивается, заключаются у него эти общія положенія, эти généralités, которыя на самомъ дѣлѣ являются и aperçu, и résumé его ученія, наполняя исключительно двѣ первыя и три послѣднія лекціи „Курса“? Кромѣ общихъ положеній, прямо и непосредственно относящихся къ

[1]) Ст. Миллъ, Ог Контъ и полож. философія. Перев. Н. Неклюдова и Н. Тиблена. 1867, стр. 53.

классификаціи наукъ, мы встрѣчаемъ еще здѣсь и тѣ зачатки критики, которые являются какъ бы подъ гнетомъ явной невозможности начать „Курсъ“ изложеніемъ математики или окончить его безъ общаго заключенія, т. е. безъ общаго взгляда на предметъ курса, какъ на цѣлое, безъ всякой попытки объединенія того, что по частямъ разсматривается въ изложеніи отдѣльныхъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда-же было дѣвать изслѣдованіе вопросовъ о границахъ знанія, причинности, законѣ и т. д., которое не могло быть включено ни въ математику, ни въ астрономію, ни въ какую другую науку, взятую отдѣльно, но относилось бы однако же ко всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ и имѣло для каждой изъ нихъ руководящее значеніе? Изслѣдованіе это, какъ путь къ основопачаламъ позитивной системы, должно было имѣть научный характеръ, а между тѣмъ оно, по видимому, предшествуетъ всякой наукѣ. Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Ог. Контъ никакъ не разрѣшилъ его, онъ даже не поставилъ этого вопроса, также какъ и многихъ другихъ важныхъ вопросовъ теоріи познаванія и философской критики. Вмѣстѣ съ другими вопросами онъ обошелъ и этотъ, удовлетворяясь коекакими относящимися къ нему бѣглыми опредѣленіями и замѣтками. Только такія замѣтки мы и находимъ въ его aperçu и résumé. Идея философской критики, проникшая въ міросозерцаніе Ог. Конта помимо его сознанія, оставлена имъ безъ развитія, въ зернѣ, какъ наслѣдіе, предоставленное тому времени, когда вполнѣ выяснится связь философской критики съ систематизированнымъ научнымъ знаніемъ, и когда явится возможность для позитивной системы достигнуть своего полнаго развитія.

Чтобы еще лучше уяснить себѣ значеніе тѣхъ основоначалъ, которыя составляютъ содержаніе контовскаго прелиминарія, обратимъ вниманіе на различіе характера и значенія основоначалъ, относящихся къ системѣ, какъ цѣлому, и тѣхъ, которыя опредѣляютъ связь и соотношеніе частей этого цѣлаго, т. е. опредѣляютъ классификацію входящихъ въ позитивную систему наукъ. Очевидно, что какъ бы ни классифицировались элементы системы, принципъ классификаціи самъ по себѣ безсиленъ возвести эле-

менты эти до значенія научныхъ, позитивныхъ, и что ранѣе классифицированія ихъ необходимо опредѣлить ихъ научную годность и позитивное достоинство, т. е. необходимо оцѣнить ихъ критически. Такая же оцѣнка, въ свою очередь, можетъ совершиться только на основаніи данныхъ, опредѣленныхъ теоріею познаванія.

Постановка этого вопроса ставитъ насъ на самомъ порогѣ позитивной философіи и не позволяетъ подвигаться далѣе безъ разрѣшенія его. Мы знаемъ уже, что Ог. Контъ имѣлъ въ виду дать въ своемъ прелиминаріи совокупность положеній, опредѣляющихъ характеръ области, подлежащей изслѣдованію, и границы ея. Такимъ образомъ, прелиминарій Ог. Конта имѣлъ значеніе не простаго предисловія, лишеннаго органической связи съ содержаніемъ „Курса“, а составлялъ въ высшей степени важную и существенную часть его. Очевидно разработка его—приходится повторить еще разъ—неизбѣжно и настоятельно необходима.

Если бы впрочемъ прелиминарій Ог. Конта и былъ лишонъ того значенія, которое онъ въ дѣйствительности имѣетъ, и если бы „Курсъ“ сводился такимъ образомъ къ одной классификаціи абстрактныхъ наукъ, то и тогда нельзя было бы не поставить вопроса о тѣхъ основоначалахъ, которыя предполагаются его іерархіей наукъ, такъ какъ очевидно, что Ог. Контъ не могъ бы установить классификаціи, если бы у него не было такихъ основоначалъ, словомъ, если бы онъ былъ не философъ, а только ученый энциклопедистъ. Даже и полное отсутствіе проявленія у Ог. Конта руководящаго значенія философіи не остановило бы еще нашихъ розысканій основоначалъ этой философіи по той причинѣ, что такое отсутствіе свидѣтельствовало бы только о неблагопріятныхъ условіяхъ философскаго развитія Ог. Конта, о несуществованіи для него возможности раскрыть и разработать тѣ начала, которыя и были истинно-творческими началами его умственной производительности. Онъ самъ, правда, могъ не сознавать его и, какъ ученый, увлекающійся величественнымъ видомъ строимаго имъ научнаго зданія, могъ произвольно перенести центръ тяжести его такимъ образомъ, что готовая часть

зданія, подобно извѣстной пизанской башнѣ, приняла ненормальное положеніе; но если оконченная часть зданія не распалась, то это могло произойти только по той причинѣ, что при возведеніи его было соблюдено все требуемое равновѣсіемъ постройки. Объ этихъ требованіяхъ могутъ, пожалуй, позабыть эпигоны геніальнаго зодчаго, но забвеніе это неизбѣжно влечетъ неустойчивость дальнѣйшихъ работъ и невозможность закончить зданіе согласно идеѣ того, который положилъ основаніе его.

Ог. Контъ оставилъ начала философской критики въ зачаточномъ состояніи; онъ не выяснилъ даже того исходнаго вопроса, который и до сихъ поръ стоитъ, какъ противорѣчіе въ позитивной системѣ, — вопроса объ отношеніи основоначалъ прелиминарія къ системѣ, а между тѣмъ осуществленіе связи философской критики и систематики не можетъ совершиться безъ этого разрѣшенія.

Постараемся же выяснить этотъ вопросъ, опираясь на тѣ воззрѣнія, которыя были выработаны современнымъ критическимъ направленіемъ научной философіи въ Германіи.

Нельзя не обратить прежде всего вниманія на то, что особеннаго рода трудность, препятствующая безусловности и всеобщности признанія непреложности научнаго знанія, заключается въ томъ, что доказательство его необходимости и даже его права могутъ опираться только на научное же основаніе. Противорѣчіе научныхъ результатовъ обыденнымъ воззрѣніямъ не даетъ повода образованному человѣку сомнѣваться относительно того, гдѣ истина; благонадежность научнаго метода представляется всѣмъ столь сама по себѣ понятною, что и не приходитъ въ голову мысль о необходимости доказывать ее. Допустивъ однако же, что такое доказательство будетъ потребовано, мы тѣмъ самымъ тотчасъ же выведемъ наружу его трудность. Всякое доказательство предполагаетъ въ послѣдней инстанціи извѣстныя, не доказываемыя, но принимаемыя партіями положенія, отъ которыхъ, согласно извѣстнымъ логическимъ правиламъ, и ведется доказательство. Такимъ образомъ, если надо будетъ доказать, что результаты научнаго изслѣдованія

далеко превосходятъ своею достовѣрностью обыденное мышленіе, то защитнику послѣдняго останется только представить доказательства, опирающіеся на недоказываемыя, элементарныя воззрѣнія. Какимъ же образомъ это основаніе доказательства можетъ быть добыто,—это вопросъ, возбуждающій такой споръ, рѣшить который нѣтъ никакой возможности. Всякая партія станетъ выставлять свой способъ добыванія посылокъ, какъ единственно благонадежный, и въ потвержденіе будетъ указывать на знанія, добытыя этимъ способомъ. При этомъ въ пользу обыденнаго мышленія можетъ быть выставлено то обстоятельство, что мышленіе это сопровождается высшею степенью субъективной достовѣрности, тогда какъ научное знаніе (за исключеніемъ единственной въ своемъ родѣ математики) должно довольствоваться высшею степенью вѣроятности. Если же представитель такъ называемаго здраваго смысла сошлется на то, что его способъ пріобрѣтенія познаній доброкачественнѣе именно потому, что влечетъ за собою субъективную достовѣрность, то наука не въ состояніи возразить ему, указывая на объективную достовѣрность ея знаній, по той причинѣ, что всякая достовѣрность только субъективна. Большинство субъектовъ станетъ свидѣтельствовать противъ науки, которая такимъ образомъ будетъ поставлена внѣ всякой возможности доказать свое превосходство.

Ближайшимъ примѣромъ, подтверждающимъ эту всеобщую истину, можетъ служить то весьма значительное недовѣріе, съ которымъ еще и по настоящее время народъ относится къ ученію о вращеніи земли вокругъ солнца, потому именно, что оно противорѣчитъ очевидности. Тотъ, кто пожелалъ бы выяснить вѣроятность гипотезы этой человѣку необразованному, долженъ былъ бы всего прежде приготовить для него и для себя то общее основаніе, на которомъ могло бы быть построено его объясненіе. Въ настоящемъ случаѣ ему слѣдовало бы показать, что „глаза и уши человѣка, разумъ котораго погруженъ еще въ состояніе варварства, не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями.“

Такое убѣжденіе можетъ сложиться однако же только при

помощи науки, что видно изъ того, что обманы чувствъ, встрѣчающіяся въ практикѣ обыденной жизни, не въ силахъ путемъ одного только опыта потрясти наивное вѣрованіе въ безошибочность чувственныхъ воспріятій. Необразованный человѣкъ довѣритъ только тому, „что онъ видитъ“; и только тогда, когда наука расшатаетъ этотъ критерій достовѣрности, только тогда сдѣлается она ему доступною. Но тогда и пріобрѣтется то общее основаніе, о которомъ была рѣчь, и пріобрѣтется именно научными средствами, безъ которыхъ невозможно уразумѣніе научныхъ истинъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ получается тотъ результатъ, что научныя доказательства годны только для тѣхъ, которые уже предварительно убѣждены въ надежности ихъ способовъ познаванія; но для этого разумѣется необходимо фактическое существованіе науки.

Это соображеніе обыкновенно не выставляется, потому что возраженіе и сомнѣніе обыденнаго мышленія не могутъ причинить и самомалѣйшаго замедленія въ ходѣ развитія науки. Съ тѣми, которые не стоятъ на высотѣ науки, ей незачѣмъ препираться; ея поученіе открыто всѣмъ и каждому, и не отъ нея зависитъ воля тѣхъ, которые могутъ имъ пользоваться; тотъ же, кто не воспользовался, стоитъ внѣ науки.

Философія не находится въ этомъ выгодномъ положеніи; ея опаснѣйшіе враги находятся, напротивъ того, въ ея же собственномъ лагерѣ. Въ области ея споръ между научнымъ и натуральнымъ познаніемъ ведется критическимъ и догматическимъ направленіемъ; исторія философіи показываетъ, что внѣшній успѣхъ послѣдняго несоразмѣрно великъ. Какъ наука, такъ и научное направленіе въ философіи одинаково составляютъ принадлежность немногихъ; противоположное же направленіе, отдавшись слѣпому стремленію къ абсолютному знанію, посредствомъ воображаемаго удовлетворенія такого стремленія увлекла массы за собою. Напрасно критицизмъ Канта указывалъ границы человѣческому знанію; догматизмъ переступалъ ихъ съ отвагою и, вызывая досаду Канта, далъ поводъ извѣстному замѣчанію его, что „кто разъ испробовалъ критики, тому навсегда стало омерзительно догматическое пустословіе.“

Непомѣрная заносчивость ослѣпленныхъ метафизиковъ нагромоздила вскорѣ затѣмъ заблужденіе на заблужденіе до такой высоты, что и простымъ глазомъ не могло не быть ихъ видно. Метафизическая философія неизбѣжно должна была пасть, и дѣйствительно пала. Устояла одна только философія научная въ силу того, что окончательно оставила всѣ свои притязанія на мнимыя высшія знанія и признала правомѣрною одну лишь научную обработку философской задачи.

Этотъ радикальный переворотъ во всеобщемъ, такъ же какъ и въ философскомъ, умонастроеніи станетъ понятенъ, если мы вспомнимъ указанное выше отношеніе между научнымъ и обыденнымъ мышленіемъ и проистекающую изъ отношенія этого трудность доказать обыденному мышленію его неудовлетворительность въ томъ случаѣ, когда оно упорно отрицаетъ права науки. Догматизмъ и находилъ поэтому предпочтеніе предъ критицизмомъ до тѣхъ поръ, пока не существовало еще науки въ строгомъ смыслѣ, или пока результаты ея не стали еще общимъ достояніемъ людей образованныхъ. Когда же точное естествознаніе освободилось отъ оковъ метафизики и, слѣдуя строгому методу, дало результаты высокаго значенія, тогда мало по малу и наука, и ея способъ познаванія стали переходить въ „предвзятое“ мнѣніе общества. Способные разсуждать поняли, что за достовѣрность знанія ручательствомъ служитъ строгій научный методъ; на массы же повліяла осязательность результатовъ естественныхъ наукъ.

Воздѣйствіе переворота этого на философію произвело то, что и здѣсь научная обработка философской задачи стала „предвзятымъ“ убѣжденіемъ. То, что доказано было „Критикою чистаго разума“ и „Пролегоменами“ (Канта), а именно, что „критика“ способности познаванія должна предшествовать всякому знанію, предполагалось научнымъ методомъ. Методъ этотъ принялъ установленное Кантомъ различеніе между мышленіемъ и познаваніемъ, и сталъ принимать первое за послѣднее тогда, когда оно было доказательно. Когда ничтожество трансцендентнаго умозрѣнія было признано, философія стала по преимуществу критическою; теорія же

познаванія образовала ту область, въ которой производились попытки обновленія философской науки.

Если подведеніе единичнаго факта подъ общее правило можно считать объясненіемъ, то вполнѣ объясняются всѣ уклоненія въ догматизмъ отъ впервые проложеннаго Аристотелемъ научнаго направленія философіи, — объясняются именно вышеуказаннымъ отношеніемъ научнаго мышленія къ мышленію обыденному. Наука можетъ убѣдить въ своей внутренней правомѣрности только людей научно-образованныхъ, потому что только ими признанными научными теоріями можетъ она доказать свое превосходство. Поэтому и научная обработка философіи можетъ быть выяснена изъ внутреннихъ ея основаній только тогда, когда философія, какъ наука, уже существуетъ. Особенность всякаго не научнаго философствованія заключается въ томъ, что такимъ философствованіемъ „набита всякая голова". Личности, доходящіе до всего „собственнымъ умомъ", подобно гоголевскому судьѣ, только тогда сдѣлаются безвредны, когда общепризнанная теорія познаванія откроетъ всѣ неизбѣжные ошибки обыденнаго мышленія и доведетъ до очевидности доказательство того, что всѣ мнимые возвышенные способы познаванія суть только грубыя самообольщенія. Доказывать это предварительно значило бы терять благія мысли и труды; философія должна, не взирая ни на какія препятствія, спокойно подвигаться по пути научнаго изслѣдованія, сохраняя твердое убѣжденіе, что, достигнувъ цѣли, она въ состояніи будетъ дать отчетъ, какъ о своемъ собственнымъ поступательномъ движеніи, такъ и о тѣхъ ложныхъ направленіяхъ, которыя можетъ принимать ненаучное мышленіе.

Изъ рѣшительнаго утвержденія, что философія должна возрастать, какъ и всѣ остальныя науки, слѣдуетъ, что она должна усвоить себѣ и пріемы этихъ наукъ, насколько это можетъ согласоваться съ предметомъ ея изслѣдованія. Какъ возникающая наука, должна она поучаться у всѣхъ общепризнанныхъ дисциплинъ (отдѣльныхъ наукъ) всему тому, что̀ какъ ее, такъ и ихъ различаетъ отъ ненаучнаго познанія. Но въ чемъ же заключается характеристическій признакъ науки въ фор-

мальномъ отношеніи? Мы уже обратили вниманіе на то, что всякій образованный человѣкъ твердо убѣжденъ въ благонадежности пріемовъ науки. Если же результаты обыденнаго мышленія станутъ въ противорѣчіе съ научными знаніями, то существуетъ возможность нѣкоторымъ образомъ заключать a priori о томъ, на которой сторонѣ истина. Безчисленныя ошибки обыденнаго мышленія, очень часто являющіяся достояніемъ большинства, даютъ ручательство въ возобновленіи при одинаковыхъ средствахъ однихъ и тѣхъ же результатовъ. Научнымъ положеніямъ, кромѣ того, станутъ довѣрять, не требуя никакихъ доказательствъ, потому что наука, какъ было дознано, подтвердила уже достаточными доказательствами многія свои положенія.

Средство, которымъ обладаетъ наука и которое ручается за достовѣрность ея знаній — ея методъ. Сдѣлать его понятнымъ обыденному мышленію было бы напраснымъ трудомъ; столь же безплодна была бы и попытка развивающейся науки почерпнуть изъ внутреннихъ основаній доказательства правильности этого метода. Единственнымъ критеріумомъ правильности метода служитъ то, что при его посредствѣ произошла наука. Такимъ образомъ, если съ точки зрѣнія готовой науки будетъ поставленъ вопросъ: каковъ долженъ быть методъ для того, чтобы могла обосноваться наука? то единственнымъ отвѣтомъ можетъ быть слѣдующій: таковъ именно, каковъ онъ былъ. Только тогда, когда существуетъ уже нѣсколько наукъ и, слѣдовательно, нѣсколько методовъ, является возможность установить посредствомъ отвлеченія методологическія правила. Возникающая же наука экспериментируетъ только посредствомъ своего метода и, чтобы судить о его годности, должна ожидать послѣдствій этого экспериментированія. Чѣмъ чаще методъ находитъ приложеніе, тѣмъ скорѣе возрастаетъ вѣроятность его правильности и, наконецъ, близко подходитъ къ достовѣрности.

Выгодность положенія философіи заключается въ томъ, что, для рѣшенія вопроса о своемъ методѣ, она имѣетъ возможность пользоваться нѣсколькими общепризнанными науками и ихъ методами. Но, такъ какъ содержаніе этихъ наукъ различе-

ствуетъ отъ содержанія философіи, то естественно, что и методы ихъ могутъ быть приложены къ ней только по отношенію къ формальному ихъ моменту, характеризирующему пріемы познаванія этихъ наукъ. Характеристическій же признакъ пріемовъ научнаго познаванія заключается въ томъ, что всякое научное знаніе должно быть такъ или иначе доказано. Изъ этого видно, что отличіе научнаго познанія отъ обыденнаго заключается въ томъ, что послѣднее принимаетъ мышленіе, какъ познаніе, только потому, что оно—мышленіе; наука же, а вслѣдъ за нею и научная философія, признаетъ установленное еще Кантомъ различіе между мышленіемъ и познаніемъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что философія, принимающая различеніе мышленія и познанія, неизбѣжно предполагаетъ существованіе готовыхъ, законченныхъ наукъ и, въ то-же время сама развиваясь до уровня науки, непремѣнно оказываетъ на нее значительное воздѣйствіе, ибо разрѣшаетъ вопросы, имѣющіе большое значеніе для всей совокупности научнаго знанія. Изъ этого видно, что ученіе объ указанномъ выше основномъ различеніи, или теорія познаванія, должно быть поставлено во главѣ изученія философіи и, вмѣстѣ съ основывающейся на немъ философскою критикою (прилагающею основаначала, выработанныя теоріею познаванія къ изслѣдованію всѣхъ, какъ образованныхъ уже, такъ и образующихся понятій), должно получить значеніе общей философской пропедевтики [1]).

Обращаясь теперь къ позитивной философіи такъ, какъ она представляется въ „Курсѣ“ Ог. Конта, мы не можемъ не замѣтить, что и для нея, какъ для философіи, по словамъ ея-же важнѣйшаго представителя, „только еще начинающейся“ [2]), существенно необходимо выйти изъ тѣсныхъ рамокъ схемы наукъ и, разработавъ содержащіяся въ ней элементы критики, развить набросанный Ог. Контомъ прелиминарій до высоты науки

[1]) См. C. Göring. System der kritischen Philosophie. 1874. I Th., S. 6 und folg.

[2]) E. Littré. A. Comte et St. Mill. 1867. p. 40.

и образовать изъ него ту философскую пропедевтику, прелиминарій или пролегомены, необходимость которыхъ такъ рѣшительно признавалъ Ог. Контъ.

Такимъ образомъ, само собою представляется очевиднымъ, что дальнѣйшее развитіе позитивной философіи въ духѣ и смыслѣ содержащагося въ ней внутренно-побудительнаго момента совершенно свободно отъ препятствія, будто бы предсгавлявшагося въ неразрѣшимости стоящихъ на пути этого развитія вопросовъ и, главнымъ образомъ, зависитъ отъ талантовъ, знаній и философскаго развитія современныхъ позитивистовъ—продолжателей дѣла, основаніе которому было положено Ог. Контомъ.

Исходная точка и пути развитія позитивизма уже были, хотя и безъ достаточной полноты и опредѣленности, намѣчены у Ог. Конта, и послѣдователямъ его приходилось отнестись къ наслѣдію учителя, какъ къ дѣлу, только начатому имъ, и взяться за продолженіе этого дѣла вполнѣ серьезно и безъ всякой примѣси лицемѣрнаго смиренія. Само собою разумѣется, что одной доброй воли для этого еще недостаточно, но и одна она принесла бы первымъ шагамъ по-контовскаго позитивизма не малую долю пользы. Говорить „жалкія слова“ о философіи только начинающейся и въ то же время смотрѣть сверху внизъ на всю современную философію, для развитія позитивизма тѣмъ особенно пагубно, что философія послѣ Ог. Конта вышла изъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ находилась въ его время, и стала не только ставить тѣ самые вопросы, которые были на очереди и у позитивистовъ, но и припялась разрѣшать ихъ въ чисто-научномъ смыслѣ. Англійскій позитивизмъ и нѣмецкій критическій реализмъ представляютъ именно такія направленія, въ виду которыхъ нео-позитивистамъ только и остается убѣдиться безъ всякой задней мысли, что „повтореніе словъ учителя“ было бы дѣломъ совершенно безплоднымъ, а самостоятельная разработка вопросовъ, которые Ог. Контъ едва лишь намѣтилъ, напротивъ того неотвратима и настоятельна.

Позитивизмъ послѣ Конта разработывается главнымъ образомъ гг. Литтре́ и Вырубовымъ, о вліяніи которыхъ на харак-

теръ современнаго позитивизма я и буду теперь говорить. Что же касается до другихъ позитивистовъ, подвизающихся въ журналѣ, издаваемомъ около десяти лѣтъ этими вождями позитивизма, то о нихъ, за исключеніемъ одного только Guarin de Vitry, едва ли стоитъ говорить, такъ какъ для развитія позитивизма они не имѣютъ никакого значенія. Всѣ хорошія статьи „Позитивнаго Обозрѣнія“ могли бы найти мѣсто и во всякомъ журналѣ, придерживающемся научнаго направленія; специфически-же позитивныя статьи такъ блѣдны, что не сообщаютъ позитивизму даже и попятнаго движенія, т. е. не имѣютъ и того отрицательнаго свойства, которымъ, какъ увидимъ, такъ нерѣдко отличаются философскія произведенія гг. Литтре и Вырубова.

Де-Витри, какъ я только-что сказалъ, составляетъ исключеніе; но положеніе его среди остальныхъ позитивистовъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Де-Витри то и дѣло подходитъ къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые должны вывести позитивизмъ изъ его современнаго фазиса, но спутанный узами схематизма и обезсиленный общимъ невѣдѣніемъ философской критики, онъ или скользитъ по рѣшеніямъ этихъ вопросовъ, или, приблизясь къ нимъ, отступаетъ тотчасъ же, не видя ни значенія ихъ, ни ихъ послѣдствій, и всѣмъ жертвуя традиціонной схемѣ. Такъ выработавъ самобытно, или, говоря языкомъ Гоголя, „собственнымъ умомъ“, идею необходимости философской критики, онъ и не подозрѣваетъ ея важности и подъ простодушнымъ названіемъ „critique vocabulaire“ даетъ, какъ самъ говоритъ, перечень словъ, подлежащихъ устраненію изъ науки (mots á élimner de la science), какую-то окрошку, которую гг. Литтре и Вырубовъ не найдутъ возможности конечно іерархизировать ни на какой манеръ. Онъ же, попавъ на вѣрную идею необходимости переработки идеи абстрактной соціологіи Конта, не даетъ ей никакого хода исключительно только затѣмъ, чтобы все осталось по старому. Прекрасная работа его о соціологіи осталась вслѣдствіе этого по существеннѣйшему вопросу безплодною [1]).

[1]) См. Considérations sur la constitution de la science sociale. La philosophie positive. Revue, 1875, № 6 et suiv.

Обращаясь поэтому исключительно къ руководителямъ позитивизма, я остановлюсь прежде всего на томъ, какъ представилась имъ постановка того основнаго вопроса, который поднятъ мною на предшествовавшихъ страницахъ и который, какъ я пояснилъ, есть исходный вопросъ позитивизма. Литтре имѣлъ уже поводъ коснуться его въ извѣстной монографіи „A. Comte et la philosophie positive", вышедшей первымъ изданіемъ въ 1863 году. „Мнѣ представляется случай", говоритъ онъ, „отвѣтить на возраженіе, поднятое людьми просвѣщенными. Они говорятъ: „философія не можетъ быть рядомъ частныхъ философій; она есть нѣчто бо́льшее". Достигнувъ предѣла труда Ог. Конта, философіи соціологіи, мы ожидаемъ заключенія. Причина тому слѣдующая: всякая философія охватываетъ за разъ и субъектъ, и объектъ. Метафизика отправляется отъ субъекта и пытается достигнуть объекта; позитивисты утверждаютъ, что она терпитъ крушеніе; пусть такъ; но, въ свою очередь, позитивисты погрѣшаютъ въ неменѣе значительномъ упущеніи: они не достигаютъ субъекта. И если они ссылаются на то, что біологія, заключая въ себѣ ученіе объ умственной дѣятельности, открываетъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, то ссылка эта еще не достаточна, такъ какъ, съ философской точки зрѣнія, отношеніе это должно быть выяснено въ заключеніи, а не въ промежуточномъ пунктѣ, гдѣ оно совершенно извращаетъ методъ, и гдѣ поэтому оно не можетъ и быть" [1]).

Намъ не важно въ настоящее время, что возраженіе это обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ критическою философіей и представляетъ содержаніе вопроса исчерпаннымъ, если въ немъ говорится о построеніяхъ, исходящихъ отъ субъекта и доходящихъ до объекта, и построеніяхъ обратныхъ; всѣ эти „построенія" давно уже сданы въ архивъ и смотрѣть на позитивную систему съ ихъ точки зрѣнія безполезно; но, повторяю, намъ нѣтъ дѣла до характера возраженія, намъ важно то, что оно вынудило Литтре высказаться о вопросѣ, значеніе котораго я теперь стараюсь выяснить.

Но, что же говоритъ Литтре?

[1]) E. Littré. Ouvrage cité., p. 105.

„Разрѣшеніе этого вопроса“, говоритъ онъ, „содержится скрыто въ Контѣ; мнѣ остается только раскрыть его и обнаружить. Взамѣнъ субъективныхъ принциповъ метафизики, которые были бы драгоцѣнны своими обобщеніями, если бы только не заводили въ безысходное положеніе, позитивная философія даетъ другую, свою собственную систему. Охватывая всю совокупность объективнаго знанія помощью установленія ряда частныхъ философій, она, по счастливому выраженію Ог. Конта, установляетъ въ то же время рядъ дѣйствительныхъ методовъ. Съ окончаніемъ перваго ряда и второй рядъ оказывается оконченнымъ. Такимъ образомъ возраженіе устраняется; совокупность методовъ представляетъ дѣятельность субъекта; совокупность частныхъ философій—дѣятельность объекта; обѣ части взаимно пополняются, и цѣлое и есть именно то, чего желалъ Контъ и что онъ осуществилъ, — философія. Фактически позитивная философія въ этомъ новомъ порядкѣ обладаетъ всѣмъ тѣмъ дѣйствительнымъ значеніемъ, которое въ старомъ порядкѣ имѣла теологія и метафизика; тотъ, кто пытается теперь доказать это теоретически, давно доказываетъ то же самое на практикѣ, такъ какъ всякая написанная имъ строка, сама собою, безъ усилія, подчиняется прямому или косвенному контролю этой философіи.

„Изо всѣхъ могущественныхъ и удивительныхъ наведеній, какія только были сдѣланы науками“, продолжаетъ Литтрé, „ни одно, по моему мнѣнію, въ такой степени не могущественно и не удивительно, какъ то, посредствомъ котораго Ог. Контъ, открывъ связь наукъ и ихъ іерархическую систему, открылъ въ то же самое время позитивную философію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ приведенъ къ этому открытію наведеніемъ,—наведеніемъ, примѣненнымъ не къ фактамъ частной области, но ко всѣмъ областямъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческое знаніе. Если бы онъ примѣнилъ наведеніе къ частнымъ наукамъ, онъ достигъ бы факта научнаго; но примѣняя его къ частнымъ философіямъ наукъ, онъ достигъ факта философскаго. Какъ и во всѣхъ правильно веденныхъ наведеніяхъ, такъ и здѣсь, позитивныя частности преобразуются въ однородныя имъ общности. Частныя философіи, разсматриваемыя съ этихъ поръ въ связи реальныхъ

понятій и дѣйствительныхъ методовъ, производятъ, посредствомъ высокаго усилія мысли, позитивную философію“ [1]).

Не можетъ не кидаться въ глаза съ перваго взгляда то, что Литтрé принимаетъ возраженіе, не находя нужнымъ внести поправку въ постановку вопроса; онъ принимаетъ возраженіе со всею ясностью души, не омраченной умозрительными бурями зарейнскихъ сосѣдей;—и благо ему бысть, такъ какъ онъ также живо обработываетъ возраженіе, какъ оно было сработано. Позитивная философія равна суммѣ частныхъ философій отдѣльныхъ наукъ, сложенной съ суммою ихъ методовъ, и ничего болѣе, но за то все, что требуется назойливымъ критикомъ: и дѣятельность объекта, и дѣятельность субъекта, словомъ, дѣло въ шляпѣ. Одного только тутъ нѣтъ, — да этого правда критикъ и не требовалъ — нѣтъ помину о тѣхъ общихъ положеніяхъ, о тѣхъ généralités, которыя составляютъ необходимый прелиминарій позитивной философіи по мысли Ог. Конта и имѣютъ цѣлью опредѣленіе характера и границъ области изслѣдованія,—области, замѣтимъ при этомъ, болѣе широкой, чѣмъ область однѣхъ только абстрактныхъ наукъ, о которыхъ только и говоритъ Литтрé. Нѣтъ рѣчи объ этомъ необходимомъ прелиминаріи, и остается неизвѣстнымъ, какая отдѣльная наука рѣшитъ его вопросы, какъ напр., почему позитивная философія отвергаетъ понятія абсолютныя и изучаетъ только міръ явленій? какъ она принимаетъ тѣ понятія, безъ которыхъ это изученіе невозможно. какъ то: понятіе явленія, причинности, закона и т. д.? Нѣтъ у Литтрé и намека на отвѣты, требуемые всѣми этими вопросами, и, слѣдовательно, не сдѣлано въ этомъ направленіи ничего для развитія идей, унаслѣдованныхъ отъ Ог. Конта.

Чтобы уяснить себѣ такой исходъ отвѣта на возраженіе, которое, при всей своей философской наивности, наводило на вѣрную мысль, надо пересмотрѣть тѣ общіе взгляды на позитивную философію, которые проводитъ Литтрé въ упомянутой выше монографіи, или, еще лучше, обратиться къ его отвѣту Миллю,

[1]) Id. p. 107.

гдѣ общіе эти взгляды резюмированы съ наибольшею опредѣленностью. „Позитивная философія“, говоритъ онъ здѣсь, „возникаетъ какъ результатъ двухъ работъ: опредѣленія общихъ фактовъ каждой неполной науки и группированія или координаціи этихъ фактовъ. Въ опредѣленіи общихъ фактовъ отдѣльно взятой науки и координаціи (соподчиненія) ихъ и заключается философія науки... Когда Ог. Контъ, благодаря своимъ энциклопидическимъ знаніямъ, овладѣлъ всѣми общими фактами позитивныхъ наукъ, онъ понялъ, что владѣетъ элементами новой философіи, философскимъ содержаніемъ (substratum) вполнѣ оригинальнымъ и совершенно различнымъ отъ содержанія предшествовавшихъ философій. Такимъ образомъ, первая работа была окончена и содержаніе философіи найдено. Вторая работа заключалась въ сообщеніи этому содержанію жизни и движенія, т. е. въ приложеніи такого метода, который находился бы съ этимъ содержаніемъ въ соотвѣтствіи. Такъ какъ философія отдѣльной науки есть координація ея общихъ фактовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что вся философія (la philosophie totale) есть координація отдѣльныхъ группъ, пріобрѣтенныхъ помощью первой работы. Опасность здѣсь заключалась въ томъ, что для этой цѣли можно было взять принципомъ координаціи воззрѣніе, почерпнутое изъ разума и, посредствомъ такого ошибочнаго пріема, ввести субъективное начало, отвергнутое во всей остальной работѣ. Координація была организована сообразно со степенью сложности явленій и проведена по степенямъ іерархіи фактовъ, представляемыхъ самою природою. Кромѣ того, координація эта одновременно имѣетъ опору въ исторіи, представляющей возрастаніе осложненія, и въ дидактикѣ, обязующей разумъ проходить рядъ осложненій постепенно. Такимъ образомъ, изъ матерьяловъ, никогда еще никѣмъ не собранныхъ, и при помощи принципа естественной, исторической и дидактической координаціи, не выставленнаго еще никѣмъ ранѣе Конта, создана была позитивная философія“ [1]).

Гдѣ же философія только начинающаяся, о которой гово-

[1]) E. Littré. A. Comte et St. Mill. p. 15—16.

ритъ Литтрé въ этой самой брошюрѣ?—спрашиваетъ удивленный читатель. Что же еще предстоитъ передѣлать за-ново и почему же это мы стоимъ только на порогѣ философіи, и не проникли въ самое святое святыхъ ея? Вѣдь все сдѣлано: содержаніе опредѣлено, руководящій принципъ найденъ. Уже-ли поправка мелкихъ, частныхъ ошибокъ Ог. Конта и окончаніе недодѣланныхъ имъ мелочей и частностей можетъ имѣть значеніе? Очевидно, что одно изъ двухъ утвержденій Литтрé ошибочно: или Контъ дѣйствительно оставилъ преемникамъ своимъ только начатую работу, и предстоитъ еще согласно съ ея новыми началами все передѣлать за-ново, или онъ сдѣлалъ все и оставилъ въ своемъ „Курсѣ“ нѣкоторый Коранъ, который позитивистамъ и предстоитъ заучивать наизустъ. По странному, совершенно не философскому ослѣпленію, Литтрé опять забылъ о прелиминаріи, который Ог. Контъ находилъ такъ необходимымъ, и о конкретныхъ наукахъ и теоріи искусства, которыя онъ включалъ въ область позитивной философіи; для Литтрé альфа и омега позитивной философіи—іерархія наукъ [1]), и рѣчи его о незаконченности философіи — пустыя фразы. Онъ разрушаетъ дѣло Ог. Конта и самъ не замѣчаетъ того: Ог. Контъ опредѣленно и рѣшительно различалъ общія положенія отдѣльныхъ наукъ отъ общихъ положеній системы, а Литтрé, въ части системы—отдѣлѣ абстрактныхъ наукъ—видитъ всю позитивную философію и низводитъ ее до голой энциклопедической схемы.

Полемика, возбужденная монографіей Ст. Милля объ Ог. Контѣ и позитивной философіи, еще ярче выставила это тощее и изнуренное состояніе позитивизма,—состояніе, которое, какъ увидимъ далѣе, г. Вырубовъ съумѣлъ повести еще далѣе, до самыхъ границъ послѣдней возможности. Хотя Милль и далъ вопросу постановку нѣсколько одностороннюю, но нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ сдѣлалъ многое для выведенія позитивистовъ изъ усыпленія и побужденія ихъ къ пересмотру нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, которыя въ великомъ трудѣ

[1]) E. Littré. A. Comte et la philosophie positive. p. 181, 185.

Ог. Конта едва намѣчены или подразумѣваются и которыя, какъ я показалъ выше, дороги тѣмъ, что даютъ возможность позитивизму развиваться, сохраняя все то, что́ у Ог. Конта оказывается прочнымъ и плодотворнымъ.

„Истинное значеніе философіи", говоритъ Милль, „мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ принимали его въ древности, т. е. въ смыслѣ научнаго знанія о человѣкѣ, какъ существѣ разумномъ, нравственномъ и соціальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ и его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что онъ можетъ знать,—насколько это касается способа познаванія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія. Философія науки есть такимъ образомъ не что иное, какъ сама наука, разсматриваемая не по отношенію къ ея результатамъ, истинамъ, которыя она опредѣляетъ, а по отношенію къ процессамъ, посредствомъ которыхъ умъ достигаетъ этихъ результатовъ, признакамъ, по какимъ онъ узнаетъ эти истины, а также по отношенію къ стройному и методическому расположенію ихъ въ видахъ возможно большей ясности пониманія, равно какъ самаго полнаго и удобнаго примѣненія; однимъ словомъ, это—логика науки. Касательно первыхъ пяти основныхъ наукъ своего ряда, Контъ достигъ предположенной цѣли съ успѣхомъ, которому едва ли можно достаточно надивиться. Даже менѣе изумительную часть его общаго обозрѣнія, — томъ о химіи и біологіи, который уже тогда стоялъ ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ и находится далеко позади нынѣшняго положенія ихъ,—даже этотъ томъ намъ никогда не случилось открывать безъ того, чтобы не почувствовать каждый разъ всей обширности умозрѣній, заключенныхъ въ немъ, и не убѣдиться, что путь поставить эти науки на совершенно раціональную ногу, далеко еще не вполнѣ усвоенный большинствомъ занимающихся разработкою ихъ, нигдѣ такъ успѣшно не былъ указанъ.

„Но для вѣрной оцѣнки этого великаго философскаго произведенія, мы должны имѣть въ виду не только то, что не было исполнено, но такъ же и то, что было сдѣлано. Нѣкоторые изъ

главныхъ недостатковъ и слабостей контовой системы мышленія находятся, какъ это обыкновенно случается, въ тѣсной связи съ ея самыми высшими успѣхами.

„Философія науки состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Одна занимается методами изслѣдованія, другая разсматриваетъ требованія доказательности; одна указываетъ пути, которыми умъ человѣческій приходитъ къ заключеніямъ, другая — способъ, какимъ устанавливается ихъ очевидность. При полнотѣ — первая представила бы органонъ открытія, послѣдняя — органонъ доказательности. Контъ ограничивается главнымъ образомъ первою изъ этихъ частей и разработываетъ ее съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ. Ничто не можетъ сравниться съ его обзоромъ средствъ, какими умъ человѣческій располагаетъ для изслѣдованія законовъ явленій; съ его разборомъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ извѣстный основной видъ изслѣдованія примѣнимымъ или непримѣнимымъ къ тому или другому классу явленій; съ его изложеніемъ расширеній и видоизмѣненій, какія испытываетъ процессъ изслѣдованія, приспособляясь ко всякой новой области изученія; наконецъ, съ его изображеніемъ даровъ, какими каждая изъ основныхъ наукъ обогащаетъ методъ положительного изслѣдованія, такъ какъ та или другая наука лучше всего бываетъ способна довести до совершенства тотъ или другой процессъ. Эти и многіе сродные предметы, каковы теорія классификаціи и значеніе научныхъ гипотезъ, Контъ разработалъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, которое оставляетъ желать весьма немногаго. Не менѣе удивителенъ и его обзоръ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, достигаемыхъ каждою наукою и разсматриваемыхъ касательно ихъ отношенія къ общей суммѣ человѣческаго знанія и касательно ихъ логической важности, какъ вспомогательныхъ средствъ къ дальнѣйшему прогрессу. Но за всѣмъ этимъ остается совершенно особый вопросъ. Мы изучили прямой путь доискиваться результатовъ, но когда результатъ достигнутъ, какъ узнать, что онъ вѣренъ? Какъ удостовѣриться, что процессъ былъ веденъ правильно, что наши посылки — состоятъ ли онѣ изъ обобщеній или

изъ частныхъ фактовъ — дѣйствительно доказываютъ заключеніе, которое мы основали на нихъ? Контъ не думаетъ затрогивать этого вопроса. Онъ не даетъ пробнаго камня для доказательства. Что касается дедукціи, Контъ не признаетъ силлогистической системы Аристотеля и его преемниковъ (недостаточность этой системы такъ же очевидна, какъ дѣйствительна ея польза), и не предлагаетъ чего-либо другого на ея мѣсто; относительно же индукціи у него нѣтъ никакихъ правилъ. Онъ, кажется, не допускаетъ возможности какого-либо общаго критерія, которымъ можно было бы рѣшать: данное индуктивное заключеніе — вѣрно или нѣтъ? Впрочемъ, онъ не смотритъ, подобно Вевелю, на индуктивную теорію, какъ доказанную въ томъ случаѣ, если она согласуется съ фактами; напротивъ, онъ ставитъ себя въ полное противорѣчіе къ тѣмъ научнымъ гипотезамъ, которыя, какъ напр., гипотеза свѣтоваго эѳира, не подлежатъ прямому доказательству и принимаются единственно на основаніи приложимости ихъ къ объясненію явленій. Контъ утверждаетъ, что только та гипотеза законна, которая допускаетъ возможность повѣрки, что ни одна изъ нихъ не должна признаваться истинною, исключая случаевъ, когда можетъ быть показано не только то, что она согласуется съ фактами, но и то, что ея ложность несовмѣстима съ ними. Онъ, слѣдовательно, ищетъ критерія для индуктивныхъ доказательствъ и, не указывая таковаго, кажется, оставляетъ въ сторонѣ, какъ непрактичную, главную задачу собственно такъ-называемой логики. Въ началѣ своего трактата онъ говоритъ о теоріи метода, отдѣленной отъ частныхъ приложеній, какъ о вещи возможной, но не нужной: методъ, по его мнѣнію, изучается только тогда, когда прилагается, и логика науки можетъ быть съ пользою передана только самою наукою. Къ концу труда Контъ принимаетъ болѣе рѣшительный тонъ и считаетъ химерою всякую мысль о научной логикѣ внѣ ея примѣненія. Въ слѣдующихъ сочиненіяхъ онъ зашелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что призналъ ее вредной. Онъ не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной фило-

софіи другими ея отраслями, но даже сдѣлалъ все, зависящее отъ него, чтобъ воспрепятствовать такому пополненію [1]).“

Въ отвѣтѣ своемъ на эти замѣчанія Милля, Литтре [2]) всего прежде указываетъ на допущенное Миллемъ смѣшеніе философіи и логики. „Мнѣ невозможно усвоить эту точку зрѣнія и смѣшивать логику и философію“, говоритъ онъ. „И хотя я не упускаю изъ виду, что Милль говоритъ о „наукѣ о человѣкѣ, какъ цѣломъ ученіи объ условіяхъ человѣческаго знанія“, и я готовъ согласиться, если угодно, что изъ этой формулы можно вывести положительныя науки, и, быть можетъ, и ихъ классификацію; но не менѣе истинно и то, что считая философію наукою о человѣкѣ, нельзя оставаться на томъ вѣрномъ пути, который такъ твердо начерталъ Ог. Контъ. Философія есть общее изученіе міра, или, выражаясь схоластически, объекта; и въ этомъ мірѣ, въ этомъ объектѣ, человѣкъ занимаетъ свое мѣсто и какъ существо одаренное жизнью, и какъ существо общественное. Было бы ошибочно, такимъ образомъ, ставить человѣка во главѣ философіи, и въ томъ случаѣ, когда такой пріемъ былъ бы косвеннымъ путемъ къ возврату на путь объективный, и въ томъ, когда психологическая точка зрѣнія стала бы дѣйствительною исходною точкою и слѣдовательно послужила бы основою ложнаго метода.

„Подъ философіею науки“, продолжаетъ Литтре, „я разумѣю то же, что разумѣлъ Ог. Контъ, создавая философію математики, физики, химіи, біологіи. Выраженіе же: „логика науки“ отождествляетъ ее съ названіемъ, къ области котораго логика вполнѣ и относится, и разсматриваетъ условія, при которыхъ, если можно такъ выразиться, она мыслитъ и познаетъ; но эти условія невозможно отождествлять съ общими положеніями, изъ которыхъ слагается философія. Невозможность эта становится очевидною въ противуположности, существующей между логикою человѣческаго ума и философіею человѣческаго ума: логика человѣческаго ума, т. е. условія мышленія и

---

[1]) Ст. Милль. Ог. Контъ и поз. философія, стр. 50—53.

[2]) E. Littré. A. Comte et St. Mill.

познаванія; философія человѣческаго ума, т. е. общія идеи о психологіи (idées générales sur la psychologie). Наконецъ, въ основѣ всего этого замѣчается, что логика — формальна, философія—реальна; логика—образъ познаванія, философія—понятіе о вещахъ. Я замѣчу, что въ этомъ и заключается скрытая, но рѣшительная причина невозможности принятія психологіи за исходную точку философіи."

Установивъ эти общія основанія различія понятій философіи, психологіи и логики, Литтрé во второй половинѣ своего отвѣта останавливается на ближайшемъ разсмотрѣніи замѣчаній Милля и начинаетъ съ разсмотрѣнія вопроса о мѣстѣ психологіи въ позитивной системѣ. Основою выясненія этого вопроса онъ выставляетъ различеніе изученія умственной дѣятельности отъ продуктовъ этой дѣятельности, установленное, какъ мы знаемъ, Ог. Контомъ. Изученіе умственной дѣятельности, или психологія въ собственномъ смыслѣ, составляетъ по его мнѣнію часть біологіи; что же касается изученія продуктовъ умственной дѣятельности, которому онъ придаетъ названіе идеологіи, то онъ исключаетъ ее сперва изъ позитивной системы совершенно (стр. 34); но, потомъ, еще разъ пересматривая ея значеніе и связь съ изученіемъ человѣческихъ потребностей, дѣйствій и произведеній, онъ настаиваетъ на единствѣ всѣхъ ихъ, какъ на самостоятельномъ ученіи о субъектѣ, и выражаетъ мнѣніе, что ученіе это можетъ быть разсматриваемо или какъ дополненіе къ позитивной философіи (appendice á la philosophie positive) или какъ вѣтвь антропологіи, положеніе которой онъ однако же не опредѣляетъ (стр. 39).

Наконецъ, въ отвѣтѣ своемъ на замѣчанія Милля о логикѣ, Литтрé говоритъ, что придаетъ логикѣ бóльшое значеніе и не безучастно относится къ наукѣ, сообщающей намъ понятія объ условіяхъ, поставленныхъ знаніемъ природы нашего разума, и дающей, такъ сказать, законное освященіе (санкцію) нашимъ сужденіямъ. „Но планъ Ог. Конта", говоритъ Литтрé, „не давалъ ему ничего равнозначущаго этому освященію. Планъ этотъ, заключающійся въ соединеніи іерархіи наукъ съ ихъ философіею, доставилъ ему для каждой отдѣльной области тотъ именно

критерій достовѣрности, который составляетъ принадлежность этой области; онъ достаточно безспоренъ, такъ что разбирать его мнѣ нѣтъ надобности; этотъ критерій — опытъ.

„Но настаиваютъ," продолжаетъ Литтре́, „и спрашиваютъ: какимъ образомъ знаете вы, что опытъ вашъ, что повѣрка ваша дѣйствительны? Я думаю, говорю я, отвѣчая на этотъ вопросъ, что не опытъ нуждается въ логикѣ, а, совершенно наоборотъ, логика нуждается въ опытѣ. Если бы научныя истины были вѣрны только логически, они не выходили бы изъ круга гипотезъ, но когда опытъ установилъ эти истины, тогда и строится логическая теорія наведенія. Позитивная философія, такимъ образомъ, вовсе не зависитъ отъ логики, а логика отъ позитивной философіи. Такъ въ вопросѣ о всеобщности закона причинности: не изъ опыта ли познается эта всеобщность? Позитивная психологія доказала, вѣдь, что понятіе о причинѣ не присуще человѣческому разуму. Если это вѣрно, то какимъ образомъ узнается, что то или другое научное положеніе не противорѣчитъ истинѣ? Посредствомъ указанія на то, что во всѣхъ случаяхъ, какіе только встрѣчаются, оно потверждается опытомъ, и что, если попадаются исключенія, то его слѣдуетъ измѣнить или устранить. Все это до такой степени несомнѣнно, что всѣ наши самыя вѣрныя наведенія принимаются только подъ условіемъ постоянной провѣрки, и освященіе, которое имъ придаетъ логика, не можетъ отнять у нихъ этого характера относительности, т. е. не можетъ ничего прибавить къ ихъ достовѣрности. Какъ истина, такъ и заблужденіе могутъ быть двоякаго характера: или мысленнаго, обусловленнаго логикою, или опытнаго, пріобрѣтаемаго изъ наукъ. Не мысленный характеръ господствуетъ надъ опытнымъ, а обратно — опытный надъ мысленнымъ. Ог. Контъ, слѣдуя этому господствующему характеру, не нуждался въ томъ, который ему подчиненъ.

„Опытъ потверждается непосредственнымъ усмотрѣніемъ (intuition)", заключаетъ Литтре́. „Наведеніе, выводъ повѣряются опытомъ, т. е. непосредственнымъ усмотрѣніемъ. Научная достовѣрность, слѣдовательно, всегда и вездѣ есть достовѣрность непосредственнаго усмотрѣнія; она нуждается не въ доказатель-

ствахъ логики, но исключительно въ доказательствахъ опыта или непосредственнаго усмотрѣнія. Непосредственное усмотрѣніе, завися только отъ самого себя, согласно Ог. Конту и позитивной философіи, есть критерій объективной истины."

Общимъ заключеніемъ всего этого разсужденія Литтре, я могу считать слѣдующія слова его:

„Милль, въ прекрасномъ сочиненіи своемъ о философіи Гамильтона, говоритъ о школѣ, значеніе которой постоянно возрастаетъ вездѣ съ тѣхъ поръ, какъ миновала реакція противъ Локка и Юма, и которая беретъ начало отъ Рида въ Англіи и отъ Канта на континентѣ. Эта школа есть школа психологическая; я принимаю ее (je l'accepte) и питаю по отношенію къ ней большую благодарность за возведеніе психологіи на степень позитивной науки; но школа эта не создала философіи; и, по правдѣ говоря, я не думаю, что когда-нибудь она будетъ въ состояніи создать дѣйствительную философію по той причинѣ, что, какъ я объяснилъ, субъектъ подчиненъ объекту. Нельзя уклониться отъ природы вещей и изученіе человѣка не дастъ понятія о мірѣ.

„Позитивное философствованіе, слѣдующее психологическому методу, заводитъ въ безъисходное положеніе и такимъ образомъ ярко выставляетъ на видъ заслугу Ог. Конта. Онъ создалъ второй видъ позитивнаго философствованія — видъ объективный. Устраняя теологическую философію посредствомъ замѣны произвола законами, и философію метафизическую посредствомъ замѣны апріорныхъ понятій апостеріорными, онъ устранилъ и психологическую философію посредствомъ замѣны изученія человѣка изученіемъ міра. Послѣ этой замѣны безъисходность положенія изчезла; науки, помощью іерархіи превращенныя въ органическое цѣлое, привели философію къ тому предѣлу, который исключаетъ разрывъ въ ихъ связи и противорѣчія въ ихъ содержаніи" [1]).

Нельзя не замѣтить прежде всего, что все это разсужденіе Литтре, усиливаясь обосноваться на изученіи умственной дѣя-

[1]) Id. p. 41—42.

тельности, какъ одного изъ фактовъ, входящихъ въ общую цѣпь познаваемой дѣйствительности, стремится перейти къ точкѣ зрѣнія, разсматривающей умственную дѣятельность, какъ прецедентъ всякаго знанія, какъ фактъ, извѣстнымъ образомъ охватывающій всю познаваемую дѣйствительность, и что, слѣдовательно, оно само себѣ противорѣчитъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой отдѣльной наукѣ іерархическаго ряда возможно отнести самое это разсужденіе? Или достаточно будетъ сказать, что оно включается въ appendice курса позитивной философіи? Очевидно пока одно, что существуютъ понятія, изслѣдованіе которыхъ не находитъ себѣ мѣста въ іерархическомъ ряду наукъ, и что изслѣдованіе это,—какъ бы оно ни называлось: идеологія или по просту appendice,—представляется для позитивистовъ чѣмъ-то загадочнымъ: ни объемъ его, ни методъ, ни отношеніе къ системѣ, ничто не можетъ быть ими опредѣлено, и нѣкоторымъ позитивистамъ представляется до того сумбурно, что одинъ изъ нихъ допускаетъ возможность его существованія только, какъ „сборной команды человѣческаго знанія“. Предшествовавшія объясненія подготовили уже выходъ изъ этого лабиринта; предстоитъ теперь повести ихъ далѣе и показать, какъ легко ложное направленіе, принятое Литтре, атрофируетъ зачатки, намѣченныя нами у Ог. Конта, и какъ еще легче порождаетъ оно особаго рода „Afterphilosophie“, образчикъ которой я только-что представилъ.

—

Предстоящія теперь объясненія должны послужить дальнѣйшему изслѣдованію вопросовъ, поднятыхъ Литтре, и отвлекутъ насъ на время въ сторону; онѣ будутъ, впрочемъ, тѣмъ особенно удобны, что исходною точкою ихъ послужитъ мнѣ взглядъ на происхожденіе нашего знанія, совершенно тождественный взгляду Литтре, пожалуй, можно бы сказать заимствованный у Литтре, если бы только этотъ послѣдній могъ считаться творцемъ его. Литтре, какъ мы сейчасъ видѣли, ставитъ начало знанія въ опытѣ, а этотъ послѣдній сводитъ на непосредственное усмотрѣніе (intuition). И я также вижу въ опытѣ единственный источникъ нашего знанія, и я также начало

опыта полагаю въ непосредственномъ усмотрѣніи, съ тою только разницею, что метафизическому термину этому предпочитаю научный терминъ — „воспріятіе“ [1]). Итакъ, въ воспріятіи, обусловленномъ ощущеніями, лежитъ начало опыта въ широкомъ смыслѣ [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ и начало знанія. Но до знанія еще далеко: чтобы познавать, необходимо прежде мыслить. Въ чемъ же заключается начало мышленія? Гдѣ его первый шагъ, первичный, простѣйшій элементъ? Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока воспріятіе, область котораго опредѣляется ощущеніями, извѣстнымъ образомъ не воспроизведено, до тѣхъ поръ не существуетъ еще признаковъ умственной дѣятельности, признаковъ мышленія. Воспроизведеніе воспріятія, — вотъ первый шагъ этой дѣятельности, первичный, простѣйшій элементъ мышленія. Воспроизведенное же извѣстнымъ образомъ воспріятіе называемъ мы представленіемъ.

Итакъ, всякое явленіе, которое такъ или иначе воспринимается нами, можетъ по тому самому стать предметомъ нашего представленія, можетъ мыслиться. Но всякое явленіе есть нѣчто конкретное, опредѣленнымъ образомъ индивидуальное; и

---

[1]) „Какимъ бы образомъ и какими бы способами ни относилось познаніе наше къ предметамъ“, говоритъ Кантъ, „все же тѣ способы, которыми оно относится къ предметамъ непосредственно и которымъ всякое мышленіе пользуется какъ средствомъ, есть воззрѣніе или непосредственное представленіе (Anschauung, въ переводѣ Барни intuition). Но непосредственное усмотрѣніе имѣетъ мѣсто только тогда, когда намъ данъ предметъ; этотъ послѣдній въ свою очередь можетъ быть данъ, по крайней мѣрѣ намъ, людямъ, только тогда, когда онъ дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на нашу душу. Способность образовывать представленія чрезъ посредство дѣйствія на насъ внѣшнихъ предметовъ называется чувственностью. Такимъ образомъ, посредствомъ чувственности предметы намъ даются и только чувственность доставляетъ намъ непосредственныя усмотрѣнія...“ (См. Критика чистаго разума. § 1. Трансц. эстетика). Очевидно, что Литтрé можетъ говорить объ intuition только въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ словоупотребленія французскихъ метафизиковъ, которые подъ intuition разумѣютъ всякое сужденіе, представляющееся уму нашему самобытно, съ очевидною неотразимостью, безъ пособія размышленія. (См. Dictionnaire philosophique, 2-e ed., слово intuition).

[2]) Для опыта въ тѣсномъ смыслѣ — эксперимента, не существуетъ термина въ русскомъ языкѣ.

представленіе, поэтому, есть также нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Этотъ существенный характеръ представленія имѣетъ, какъ сейчасъ увидимъ, большую важность; но пока, не останавливаясь на немъ, пойдемъ далѣе. Представленіе — это первый шагъ умственной дѣятельности, на которомъ человѣкъ не можетъ остановиться уже по одному тому, что онъ не въ состояніи справиться съ тою массою представленій, которая помимо воли его непрестанно возникаетъ, какъ результатъ не прекращающихся ощущеній, воспріятій, жизни. Нѣтъ никакой возможности сохранить въ представленіи всѣхъ людей, которыхъ мы встрѣчали, всѣ деревья, камни, зданія, которыя мы видѣли; мы безсильны неуклонно слѣдовать по пути представленій, мы падаемъ подъ бременемъ, которое онъ на насъ налагаетъ, и, по неволѣ, вмѣсто его широкаго и опредѣленнаго соотвѣтствія дѣйствительности, вмѣсто его полноты, ясности и законченности, должны довольствоваться ограниченіемъ, приблизительностью, тусклостью и отрывочностью, отвѣчающими мѣрѣ нашихъ силъ и способностей. Мы ищемъ сходства и различія между пріобрѣтаемыми нами представленіями, отвлекаемъ ихъ отъ этихъ представленій и соединяемъ вмѣстѣ. При этомъ соединеніи мы стремимся достигнуть сколь возможно большей полноты, опредѣленности, ясности и законченности, стремимся достигнуть такого логическаго идеала, который съ возможно меньшею потерею замѣнилъ бы намъ заслоняемыя имъ представленія; но большая или меньшая потеря все же таки очевидно неизбѣжна, такъ какъ всѣ черты различія, все индивидуальное должно было погибнуть и въ результатѣ должна была явиться искусственная комбинація, не имѣющая въ дѣйствительности соотвѣтственнаго явленія, — соотвѣтственнаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ явленія соотвѣтствуютъ представленіямъ. Вмѣсто ряда представленій объ индивидахъ является здѣсь обобщеніе, каждому изъ которыхъ соотвѣтствуетъ рядъ явленій: человѣкъ вообще, дерево вообще, камень вообще. Эти комбинаціи и есть второй шагъ мышленія — понятіе. Такимъ образомъ, понятіе является только, какъ приспособленіе представленій къ свойствамъ мыслящаго субъекта, и не только не

имѣетъ въ дѣйствительности соотвѣтственнаго явленія подобно представленію, но и само существуетъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ представленіе. Хотя мы и называемъ извѣстную комбинацію обрывковъ представленій — понятіемъ, но, какъ выше объяснено, комбинація эта никогда въ дѣйствительности не осуществляется, а является только, какъ стремленіе къ идеалу, къ которому болѣе или менѣе и приближается. Строго говоря, поэтому, понятія реально не существуютъ; или, выражаясь иначе, мы не можемъ составить о понятіи, какъ явленіи, никакого представленія, и имѣемъ о немъ только понятіе, такое же понятіе, какое имѣемъ мы о животномъ, растеніи, минералѣ и т. п., мысля которыя, мы не мыслимъ ничего конкретнаго, индивидуальнаго.

Изъ предшествующаго явствуетъ, что представленіе, какъ первоосновный элементъ мышленія, находится въ полной независимости отъ понятій, которыя, напротивъ того, совершенно зависятъ отъ представленій. Такимъ образомъ, если мышленіе не сбивается на усвоеніе представленіямъ значенія понятій, что часто случается у обыденнаго мышленія вслѣдствіе неумѣнія образовать сколько нибудь состоятельное понятіе, или не путается среди самобытно образовавшихся понятій и, смѣшавъ ихъ съ представленіями, не ищетъ и не измышляетъ для нихъ мнимыхъ объектовъ, то идетъ правильное образованіе понятія и соблюдается всегда строгое различеніе ихъ отъ представленій, чѣмъ и полагается основаніе выработкѣ сознательнаго процесса мышленія, рѣзко отличнаго отъ обыденнаго. Въ немъ, въ этомъ сознательномъ и критическомъ мышленіи, понятія имѣютъ свое опредѣленное положеніе и служатъ своей опредѣленной цѣли; сравнительно малое число ихъ, по вѣрному замѣчанію Шопенгауэра, охватываетъ и служитъ представителемъ цѣлой безконечности предметовъ и обстоятельствъ. Такимъ образомъ, понятія служатъ критическому мышленію для преодолѣнія границъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ во времени и пространствѣ. Такъ какъ безчисленность явленій и ихъ постоянная измѣнчивость не допускаютъ образованія единичныхъ представленій о каждомъ изъ нихъ и такъ какъ, вслѣдствіе этого, никакая совокупность

представленій не можетъ достичь знанія, которое могло бы быть только общею совокупностью всѣхъ доступныхъ человѣку представленій, то и приходится для цѣлей знанія образовывать понятія. Понятія эти, хотя и въ степени весьма далекой до совершенства, охватываютъ однако же значительную долю этой совокупности и, являясь, такъ сказать, делегатами представленій, даютъ возможность оріентироваться среди безконечной массы представленій и мысленно овладѣть ею. Они имѣютъ, какъ видно изъ этого, очень важное значеніе для науки, а потому опредѣленіе правильности ихъ образованія и отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ имъ представленіямъ составляютъ одну изъ задачъ философской критики.

Теорія познаванія, какъ орудіе философской критики, установляя различіе между представленіемъ и понятіемъ, полагаетъ первое основаніе различію между критическимъ мышленіемъ и мышленіемъ обыденнымъ,—различію, имѣющему обширное приложеніе и широкое развитіе. Сознательное, отчетливое и ясное усвоеніе этого перваго и основнаго тезиса критики такъ важно, что я считаю необходимымъ остановиться на немъ и дополнить приведенное выше объясненіе примѣрами, т. е. свести выставленное мною понятіе на нѣкоторыя изъ представленій, служащихъ ему основаніемъ [1]).

Лучшіе примѣры для настоящаго случая можетъ доставить намъ, какъ я думаю, та молодая наука, которая успѣла однакоже уйти такъ далеко, и которая блещетъ именами Адальберта Куна, Макса Мюллера, Шварца, Бюрнуфа и мн. др.,—наука

---

[1]) Изученію различія представленій и понятій могутъ служить слѣдующія сочиненія:

Herbart. Abriss der Logik. I. 77.

Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. II. Cap. 6.

Ueberweg. System der Logik. 3 Aufl. S. 106.

Baumann. Philosophie als Orientirung uber die Welt. Cap. 2 und 3.

Sigwart Logik. I B. 1 Abschn

Goring. System der kritischen Philosophie. I Th.

Ст. Милль Система Логики. Здѣсь особенно важное значеніе имѣетъ статья редактора перевода, приложенная къ 1 тому.

о миѳахъ [1]). Если мы припомнимъ сдѣланное прежде замѣчаніе, что „глаза и уши человѣка не могутъ считаться удовлетворительными свидѣтелями, если разумъ его погруженъ еще въ состояніе варварства“, и присоединимъ къ нему только что установленное положеніе о различіи между представленіями и понятіями, то намъ ясно представится смыслъ основной задачи науки, о которой идетъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, задача эта заключалась въ томъ, чтобы свести миѳическія понятія на представленія, и эти послѣднія на воспріятія и, раскрывъ такимъ образомъ реальное значеніе миѳа, объяснить его. Дѣйствуя такимъ образомъ, наука проходила вновь тотъ же путь, который былъ пройденъ обыденнымъ мышленіемъ при образованіи миѳа, но проходила его критически и потому могла опредѣлить всѣ невѣрно воспроизведенныя воспріятія и неправильно образованныя понятія. Она была односторонняя, метафизична, когда думала утверждать a priori, что воспріятія — эти корни миѳовъ—относятся исключительно къ такой или иной опредѣленной области: астрономической, метеорологической, антропологической и т. д., и она вышла изъ этой односторонности, когда рѣшила, что вся совокупность явленій, воспринимаемыхъ человѣкомъ, должна сдѣлаться областью ея изысканій, такъ какъ въ возникновеніи и развитіи миѳа могли участвовать и часто участвовали самыя разнообразныя воспріятія. Чтобы стало ясно, напримѣръ, какимъ образомъ эпитетъ зари въ Ведахъ—Ahâna—становится богинею грековъ Аѳиною, для этого надо возстановить всю обширную картину въ пространствѣ и во времени, которая дала ту массу разнообразнаго матерьяла, изъ котораго создалось это преобразованіе [2]).

---

[1]) Для общаго знакомства съ наукою о миѳахъ, русскому читателю полезно обратиться къ статьѣ только-что упомянутаго въ предшествовавшемъ примѣчаніи автора помѣщенной въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868 г. Спеціальному знакомству могутъ служить сочиненія и статьи гг. Аѳонасьева, Щепкина, Веселовскаго и Котляревскаго.

[2]) Изъ этого видно, что такъ называемый сравнительный методъ есть единственный всеобщій истинно-научный методъ; сравнительнымъ же онъ, названъ только по наиболѣе выдающемуся признаку, нисколько не выражающему основнаго его характера.

Неумѣніе различать понятія и представленія прямо ведетъ къ исканію предмета, соотвѣтствующаго понятію и неизбѣжному измышленію его, т. е. къ превращенію понятія въ представленіе и образованію миѳа. По этой причинѣ, какой бы не избрать примѣръ для приданія наглядности различію представленій и понятій, онъ непремѣнно приведетъ насъ къ скрытому или явному миѳу. Возьмемъ примѣръ хоть изъ области медицины: лихорадочныя явленія, какъ извѣстно, разсматриваются теперь, какъ процессы, и, какъ бы ни были различны толкованія этихъ процессовъ, несомнѣнно однако же, что лихорадочный процессъ даетъ намъ сумму ощущеній, воспринимая которыя мы изъ готоваго матерьяла представленій строимъ о лихорадкѣ понятіе и, принимая его за представленіе, увѣрены въ существованіи его объекта, который, находясь въ данную минуту въ нашемъ организмѣ, можетъ находиться въ другое время и внѣ его, независимо отъ всякаго организма Является, такимъ образомъ, скрытый миѳъ лихорадки,—миѳъ, въ который не особенно давно вѣровали сами медики. Идите дальше въ дебри некритической мысли и вы встрѣтите этотъ миѳъ явно: вы услышите разсказъ о лихорадкахъ, возсѣдавшихъ на деревьяхъ, бесѣдовавшихъ между собою, и т. п.

Пріобрѣтя твердую точку опоры въ только-что выясненномъ различіи представленій и понятій, пойдемъ теперь далѣе.

Исходный пунктъ образованія представленій, какъ было уже объяснено, коренится въ воспріятіяхъ, обусловливаемыхъ нашими чувствами; воспріятія, поэтому, для всѣхъ нормальныхъ организмовъ имѣютъ значеніе всеобщее и совершаются необходимо. Ими, слѣдовательно, начинается и обыденное, и критическое мышленіе, ими же неизбѣжно начинается и познаваніе. Ошибочно было бы, однако же, утверждать, что будучи всеобщи и необходимы и служа началомъ познаванію, сами они въ силу этихъ условій вѣрны. Намъ извѣстны многочисленные, всеобщіе и необходимые обманы чувствъ,—обманы, одинаково свойственные всѣмъ людямъ и никоимъ образомъ не могущіе быть устраняемыми конкретно, но при помощи опыта и науки устраняемые только въ мысли, отвлеченно. Не останавливаясь на излагае-

мыхъ въ исторіи философіи сомнѣніяхъ и вопросахъ, которыя были порождены наблюденіемъ надъ обманомъ чувствъ, замѣтимъ только, что знаніе этихъ обмановъ даетъ возможность исправлять ихъ и такимъ образомъ дѣлаетъ ихъ начальными элементами знанія. Хотя высочайшій идеалъ знанія заключается въ суммированіи представленій, но такое знаніе для человѣка недостижимо. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе знанія возможно только, какъ это объяснено было выше, посредствомъ понятій, которыя, давая возможность мысли охватывать цѣлыя совокупности единичныхъ представленій, являются средствомъ, нѣкоторымъ образомъ выводящимъ человѣка изъ того ограниченія въ пространствѣ и времени, которому пришлось бы ему себя подвергнуть. Если бы не существовало возможности правильно образовывать понятія, не могло бы существовать и науки, которая, какъ объяснено было, коренится въ знаніи отдѣльныхъ, единичныхъ явленій и, вслѣдствіе невозможности неопредѣленнаго расширенія этихъ знаній, развивается при посредствѣ понятій.

Вышеприведенныя разъясненія показываютъ намъ, что теорія познаванія имѣетъ цѣлью устраненіе ошибокъ обыденнаго мышленія и установленіе такихъ правилъ для перехода отъ воспріятій къ понятіямъ, которыя могли бы вести не къ иллюзіямъ, не къ призракамъ, но къ дѣйствительному знанію. Теорія познаванія, какъ можно заключить изъ свойства ея задачи, основывается на результатахъ, добытыхъ всею областью положительнаго знанія и, главнымъ образомъ, психологіею, которая служитъ ей исходною точкою. Такое значеніе психологіи для теоріи познаванія нисколько не указываетъ, конечно, на существованіе въ психологіи такого общаго основоначала, изъ котораго возможно бы было вывести всѣ положенія теоріи познаванія, построить ее, какъ строились системы метафизиковъ; но это значеніе ея установляетъ то отношеніе законченнаго, готоваго знанія къ знанію развивающемуся, на которое я указалъ выше, т. е. установляетъ только необходимость послѣдовательности при образованіи правилъ данной теоріи и считаетъ невозможнымъ образованіе ихъ, какъ руководящихъ, ранѣе тѣхъ на-

блюденій, которыя только и могутъ служить имъ достаточно надежнымъ основаніемъ [1]).

Теорія познаванія, такимъ образомъ, должна установить правила, руководящія мышленіемъ при достиженіи имъ дѣйствительнаго, непризрачнаго знанія. Образованіе понятій и затѣмъ комбинированіе ихъ, обыкновенно составляющее предметъ логики, входитъ, какъ видно изъ этого, въ область теоріи познаванія и вмѣстѣ съ нею и служитъ орудіемъ философской критики.

Разсмотримъ же теперь хоть въ общихъ чертахъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ теорія познаванія, а вмѣстѣ съ нею и логика, достигаютъ знанія?

Чувственныя воспріятія разсматриваются нами—за несуществованіемъ другихъ процедентовъ въ дѣятельности психическаго механизма—какъ начальные элементы мышленія. Доставляемый ими матеріалъ, хотя и сопряженъ съ наивысшею сте-

---

1) Неразличеніе психологіи и теоріи познаванія породило нѣкоторыя недоразумѣнія въ вопросѣ недавно разсматривавшемся въ нашей литературѣ, а именно: кому разработывать психологію? Понятно, что естественная исторія мышленія (психологія), можетъ быть разработываема только естествовѣдами; съ этимъ могутъ не соглашаться только метафизики, до которыхъ наукѣ нѣтъ дѣла; но также точно понятно и то, что физіологи безсильны въ вопросахъ этики этого мышленія (теоріи познаванія), разработывать которыя могутъ только философы. Если г. Сѣченову и удалось выдти болѣе или менѣе удачно изъ тѣхъ затрудненій, которыя были созданы для него смѣшеніемъ обоихъ родовъ вопросовъ въ его „психологическихъ этюдахъ“, то это произошло только по той причинѣ, что г. Сѣченовъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ физіологовъ. Пусть кто-нибудь изъ заурядныхъ физіологовъ возьмется за задачу г. Сѣченова, и мы увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ и г. Сѣченовъ не всегда удерживаетъ выясненіе философскихъ вопросовъ на уровнѣ своихъ чисто-спеціальныхъ изслѣдованій и, кромѣ не критическаго отношенія къ понятію причинности, у него могутъ быть найдены и другіе слабые пункты. Всѣ философскіе вопросы, выясненные г. Сѣченовымъ въ его этюдахъ, подлежатъ вообще разсмотрѣнію, которое никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тою спеціальностью, въ которой г. С. давно стоитъ на ряду съ первостепенными европейскими авторитетами. Доводы мистиковъ, раздваивающихъ эту спеціальность и пытающихся подвергнуть сомнѣнію компетентность физіологовъ въ области психологіи, берутъ исходную точку свою внѣ науки и потому не стоятъ никакихъ возраженій.

пенью субъективной достовѣрности и всегда разсматривается поэтому обыденнымъ мышленіемъ, какъ знаніе, не можетъ почитаться таковымъ съ критической точки зрѣнія. Если бы мы обладали только имъ, то намъ пришлось бы идти рука объ руку съ обыденнымъ мышленіемъ, ибо сознаніе ошибки и у насъ явиться не могло бы и мы бы также не имѣли никакого основанія для рѣшенія вопроса о правильности или неправильности того или другаго воспріятія. Посмотримъ же, какимъ образомъ критическая мысль избѣгаетъ повторенія ошибокъ обыденнаго мышленія.

Чувственныя воспріятія оставляютъ впечатлѣнія, которыя при повтореніи воспріятія рано или поздно возбуждаютъ сознаніе того, что воспріятіе имѣетъ мѣсто уже не въ первый разъ, и что, слѣдовательно, оно относится къ одному и тому же объекту. Этотъ психическій актъ, ведущій отъ двухъ данныхъ представленій къ третьему, переходитъ уже предѣлы непосредственности и долженъ быть разсматриваемъ, какъ заключеніе. Это первобытное заключеніе есть основаніе всякаго сужденія и всякаго опытнаго знанія. Оно неизбѣжно должно существовать ранѣе, чѣмъ начнется образованіе понятій, какъ въ смыслѣ обыденномъ, такъ и въ смыслѣ логическомъ. Ранѣе, чѣмъ дитя при появленіи отца, произноситъ слово „папа“, необходимо, чтобы его чувственное воспріятіе въ данную минуту было тождественно съ опредѣленнымъ представленіемъ, сохраненнымъ его памятью. Только смѣшеніе обыденнаго и логическаго мышленія могло извратить этотъ порядокъ и пытаться поставить представленія въ зависимость отъ понятій, или, что то же, превратить понятія въ источникъ нашего знанія.

Обыденное мышленіе мнитъ себя обладающимъ внѣшними предметами непосредственно, поэтому оно и считаетъ возможнымъ провѣрить на нихъ свои представленія. Оно сравниваетъ представленіе съ его предметомъ и опредѣляетъ истину, какъ согласованіе представленія съ предметомъ. Критическая точка зрѣнія не допускаетъ такого сравненія. Мы знаемъ, что въ обладаніи нашемъ находятся не предметы, а только ихъ представленія; мы не станемъ поэтому сравнивать представленій съ

предметами, а только представленія съ представленіями, если только, наученные опытомъ, имѣемъ въ виду установить для него критерій, который обезпечивалъ бы насъ отъ некритическаго смѣшенія обыденнаго мышленія съ познаваніемъ и давалъ бы намъ право связывать съ нашими представленіями мысль объ объективномъ существованіи представляемаго.

Опытъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что психологическая необходимость, связываемая нами съ чувственными воспріятіями, вовсе не представляетъ всегда и во всякомъ случаѣ достаточнаго основанія для убѣжденія въ дѣйствительномъ существованіи воспринятаго: обманы чувствъ и галлюцинаціи сопровождаются, какъ извѣстно, высшею степенью субъективной достовѣрности. Такимъ образомъ, для объективности чувственнаго воспріятія не существуетъ никакого критерія; только при посредствѣ сопоставленія другихъ моментовъ возможно пріобрѣсти увѣренность въ томъ, что впечатлѣніе произведеное на нашъ органъ, идетъ извнѣ или обусловлено состояніемъ нашего организма. При этомъ, наблюдающій долженъ находиться въ томъ нормальномъ физическомъ и нравственномъ состояніи, при которомъ безпристрастное сужденіе о воспріятіи было бы возможно. Самое это сужденіе предполагаетъ въ свою очередь значительное участіе опыта по отношенію къ упомянутымъ выше обманамъ; во всякомъ же случаѣ, только это сужденіе, т е. только отвлеченное знаніе, даетъ возможность сознать заблужденіе и преодолѣть его. Невѣжество, какъ замѣтилъ Кантъ, не сознаетъ себя невѣжествомъ. Для него не существуетъ возможности составить представленіе о себѣ самомъ, такъ какъ для этого необходимо посредство науки, точно также какъ слѣпой не можетъ составить представленія о мракѣ, пока онъ остается слѣпымъ. Но обыденное мышленіе и находится именно въ положеніи слѣпаго: оно за заблужденіями своими признаетъ всеобщую достовѣрность.

Если, такимъ образомъ, идетъ дѣло о томъ, чтобы отыскать достаточное основаніе для утвержденія существованія представляемаго, то можно вообще сказать, что всякое чувственное воспріятіе опытнаго субъекта, находящагося въ нормальномъ

состояніи, должно считаться такимъ достаточнымъ основаніемъ. Оно же служитъ и для заключенія о правильности воспріятія и другихъ лицъ; опытъ научаетъ разбирать какъ тѣ случаи, когда обманы чувствъ и т. п. совершаются въ силу психологической необходимости, такъ и тѣ, когда воспріятіе можетъ и должно быть признано правильнымъ. Изъ этого видно, что психологическое основаніе необходимости дѣйствительнаго существованія представляемаго недостаточно для критическаго мышленія и должно быть восполнено основаніемъ логическимъ, которое и дается не какими-либо апріорными опредѣленіями, но исключительно только опытомъ. Какъ руководство критическому мышленію и служатъ такимъ образомъ законы логики, способствующіе установленію знанія косвенно, помощью устраненія ложныхъ путей и пріемовъ при образованіи понятій и комбинацій ихъ—сужденій.

Очевидно такимъ образомъ, что ложно комбинированныя, хотя бы и правильныя представленія, также какъ и ложныя представленія, хотя бы и правильно комбинированныя, представляютъ одинъ только процессъ мышленія, но не процессъ познаванія, и одинаково не ведутъ къ знанію. Только правильное комбинированіе правильныхъ представленій можетъ вести къ нему. Обѣ эти задачи и разрѣшаются логикой и теоріей познаванія, которыя даютъ руководящія правила для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей и идутъ поэтому рука объ руку во главѣ философіи, отрѣшившейся отъ некритическихъ пріемовъ обыденнаго мышленія и вытекающаго изъ него догматизма.

Гёрингъ, взглядовъ котораго я придерживался при выясненіи этого вопроса, подтвердилъ приведенное разрѣшеніе его еще и тѣмъ, что осуществилъ свою идею трактатомъ о теоріи познаванія, представляющимъ полный и законченный сводъ основоначалъ критическаго реализма. Нѣкоторыя изъ положеній Геринга, отвѣчающія цѣлямъ настоящаго этюда, были приведены уже мною въ своемъ мѣстѣ, съ другими—читатель ознакомиться далѣе и такимъ образомъ получитъ возможность судить самостоятельно о значеніи ихъ для развитія позитивизма.

Мы можемъ возвратиться теперь къ изложенной выше полемикѣ Литтре́ и Милля и, опираясь на только-что выясненныя воззрѣнія, сдѣлать о ней окончательное заключеніе. Милль, какъ это теперь очевидно, ставитъ вопросы неопредѣленно: въ первой части своихъ замѣчаній онъ говоритъ о различіи философіи науки отъ логики науки, а во второй, развивая идею логики, незамѣтно сводитъ ее къ логикѣ всеобщей; при этомъ онъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ смѣшиваетъ научный методъ съ логикою, какъ бы забывая, что пока логическіе законы не установлены или не предполагаются, до тѣхъ поръ никакой методъ невозможенъ. Литтре́ въ своемъ отвѣтѣ совсѣмъ и не пытается распутать это сплетеніе двухъ несогласныхъ между собою воззрѣній, но возражаетъ на каждое изъ нихъ отдѣльно: онъ разсматриваетъ и сопоставленіе философіи науки и логики науки, и всеобщую логику, и связанный съ нею вопросъ о психологіи, какъ исходной точкѣ философіи, въ смыслѣ будто бы неизбѣжно—метафизическомъ. Литтре́, несмотря на всю запутанность своего отвѣта, приходитъ однако-же къ тому результату, что ученіе о субъектѣ можетъ быть разсматриваемо какъ дополненіе къ позитивной философіи. Это смутное признаніе связи теоріи познаванія съ позитивной системой у Литтре́ въ высшей степени многозначительно, въ виду того, что имъ было потрачено столько усилій для доказательства, что внѣ схемы шести абстрактныхъ наукъ не существуетъ и не можетъ существовать ничего, могущаго въ какомъ бы то ни было смыслѣ пріурочиваться къ системѣ позитивной философіи. Схема шести наукъ, какъ рѣшительно утверждаетъ не разъ Литтре́, вполнѣ исчерпываетъ собою содержаніе позитивной философіи; какимъ же образомъ и на какомъ основаніи можетъ возникнуть и организоваться дополненіе? Дополненіе это — уступка, которая лишаетъ значенія всѣ доводы Литтре́. Послѣ согласія его на необходимость дополненія, излагающаго ученіе о субъектѣ, всѣ аргументы, опровергающіе тѣ положенія Милля, которыя ведутъ къ этому концу, теряютъ силу. Я не оставлю ихъ однакоже совсѣмъ безъ вниманія: во-первыхъ, потому, что, допуская „дополненіе“, Литтре́ все жъ таки отвергаетъ логику какъ часть его, и во-вторыхъ,

по той причинѣ, что нѣкоторыя побочныя соображенія Литтрé затрогиваютъ вопросы, разъясненіе которыхъ для позитивизма должно быть признано не лишеннымъ значенія. Устраненіе логики совершается у Литтрé явно потому, что онъ не различаетъ обыденнаго мышленія отъ критическаго, не различаетъ представленій отъ понятій, словомъ, не различаетъ того, что различать научаетъ теорія познаванія. Однимъ этимъ смѣшеніемъ столь различныхъ вещей, одною этою, такъ-сказать, аляповатостью своихъ пріемовъ, онъ указываетъ уже на недостатокъ орудій, которыя могли бы способствовать къ болѣе тонкой работѣ; но онъ впадаетъ въ еще бóльшую ошибку, пытаясь подчинить логику схемѣ наукъ; какъ будто бы и обыденное знаніе, исходящее изъ тѣхъ же воспріятій, какъ и научное, не могло бы построить своей схемы и отстаивать основанную на ней логику на томъ же основаніи, что и Литтрé? Вѣдь систему Ог. Конта—приходится повторить еще разъ — возводитъ въ позитивность не принципъ іерархизаціи; еслибы даже онъ былъ и ложенъ, то совокупность элементовъ, нынѣ входящихъ въ систему Ог. Конта, была бы все жъ таки научна, позитивна, т. е. отлична отъ воззрѣній обыденнаго мышленія. Что же дѣлаетъ ее позитивною? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ только и можетъ служить выработанная на научномъ основаніи теорія познаванія. Безъ нея позитивный характеръ системы остается догматическимъ утвержденіемъ, страдающимъ всѣми тѣми недостатками, которые я теперь мало по малу и обнаруживаю.

Вникая въ полемику Литтрé и Милля, нельзя не обратить вниманія на то, что у Литтрé, а можетъ быть и у Милля, замѣчается убѣжденіе въ возможности спасенія отъ построеній во вкусѣ метафизики только при исключительномъ посредствѣ единственнаго способа—схематизированья научнаго матеріала. Когда Милль говоритъ о логикѣ науки и философіи науки, онъ очевидно предполагаетъ схему этихъ наукъ и именно схему Ог. Конта; когда же онъ, неизбѣжною силою послѣдовательности, приходитъ къ всеобщей логикѣ, то разсужденіе его получаетъ характеръ крайней неопредѣленности, такъ какъ онъ останавливается именно тогда, когда приходится рѣшить вопросъ о

связи и отношеніи этой всеобщей логики къ общей схемѣ. Почему останавливается онъ? Не потому ли, что постановкою логики во главѣ философіи онъ полагаетъ схему Ог. Конта устраненною и, по неимѣніи иной схемы, опасается необходимости столь пугающаго позитивистовъ построенія? Но это только предположеніе, на которомъ я не настаиваю. Иное дѣло аргументы Литтре: Литтре прямо говоритъ, что при всей готовности его допустить возможность вывода изъ формулы Милля положительныхъ наукъ и быть можетъ и ихъ классификаціи, онъ, въ силу убѣжденія въ сравнительно высокомъ совершенствѣ классификаціи Ог. Конта, не можетъ принять формулы Милля. Здѣсь явно уже то, что замѣчаніе Милля принято въ смыслѣ указанія на исходную точку либо метафизическаго построенія наукъ (вывести положительныя науки) либо позитивнаго ихъ схематизированія. Первое — Литтре признаетъ возможнымъ и тѣмъ, само собою разумѣется, наноситъ съ своей точки зрѣнія смертельный ударъ идеѣ Милля; второе — онъ только допускаетъ, т. е. не выражаетъ увѣренности въ томъ, что идея Милля можетъ пригодиться для позитивныхъ цѣлей. Такимъ образомъ Литтре выказываетъ совершенно ясно, что онъ не допускаетъ для философіи никакихъ иныхъ путей, кромѣ метафизическаго построенія и позитивнаго схематизированія; неизбѣжно поэтому, заключаетъ онъ, отстаивать во чтобы то ни стало схему Ог. Конта: разрушеніе ея—гибель философіи и открытіе роковаго пути въ пучины метафизики. Метафизическій призракъ, какъ видно изъ этого, держитъ точно въ блокадѣ замкнутый въ схемѣ позитивизмъ и не даетъ ему никакого выхода къ развитію. Такое своеобразное отрицательное вліяніе метафизики на позитивизмъ проистекаетъ несомнѣнно изъ того, что позитивизмъ не имѣетъ понятія о единственно возможномъ для него выходѣ, выходѣ черезъ широкія и просторныя ворота критической философіи. Она одна только могла бы показать позитивистамъ, что, не разрушая основной идеи схемы и отодвигая ее только на второй планъ, возможно не прибѣгая къ метафизическимъ построеніямъ, разработать научный матеріалъ и создать изъ него философію на основаніи, доставляемомъ теоріею познаванія. Уже то

мѣсто въ возраженіи Литтрé, гдѣ онъ ставитъ на одну доску Рида и Канта, даетъ указаніе на обычное у французовъ незнакомство съ исторіей философіи внѣ Франціи и происходящее отъ того легковѣсное отношеніе и къ такимъ мыслителямъ, у которыхъ позитивистамъ такъ полезно было бы поучиться. Литтрé полагаетъ, что вся заслуга школы Ог. Конта заключается въ томъ, что „школа эта создала позитивную психологію“ (?), но что попытка этой школы создать философію тщетна, ибо „изученіе человѣка не даетъ понятія о мірѣ“. Литтрé, какъ видно изъ этого, воображаетъ, что идея критической философіи исчерпывается философскою критикою въ тѣсномъ смыслѣ, существующей какъ-то метафизично an sich und für sich. Очевидно также, что съ современнымъ нѣмецкимъ критицизмомъ онъ вовсе не знакомъ, хотя новое критическое движеніе въ Германіи началось за два года до выхода отвѣта его Миллю, а за годъ вышло уже 1-е изданіе „Исторіи матеріализма“ Ланге, сопоставленіе воззрѣній котораго съ воззрѣніями главы современнаго позитивизма низводитъ эти послѣднія до чего-то крайне наивнаго и мизернаго.

Все это понижаетъ значеніе аргументовъ Литтрé чуть ли не до нуля, и хотя аргументы эти обличаютъ большую трату ума и таланта, но еще ярче обнаруживаютъ они ту ложную точку исхода, которая въ конецъ губитъ всю эту трату интеллектуальныхъ силъ. Литтрé надсаживается надъ вопросами, которые нѣмецкая философія не только рѣшила, но — болѣе того — преодолѣла, совсѣмъ устранила изъ области философскихъ изысканій и успѣла уже уйти далеко.. Неудивительно поэтому, что Литтрé, пользующійся извѣстностью какъ ученый, вовсе не извѣстенъ нѣмцамъ какъ философъ, или, по крайней мѣрѣ, о немъ считаютъ излишнимъ упоминать даже и тѣ, которые очень сочувственно относятся къ философскимъ заслугамъ Ог. Конта (Ланге, Дюрингъ, Гёрингъ).

Сдѣланный обзоръ полемики Литтрé и Милля привелъ насъ къ изслѣдованію значенія критическаго элемента въ позитивной

философіи; мы видѣли однако же, что разсмотрѣнная нами полемика не ставила прямо этого вопроса, не представляла возраженій, направленныхъ именно противъ этого принципа. Хотя въ моихъ разъясненіяхъ я постоянно имѣлъ въ виду такую прямую постановку, но считаю, однако, необходимымъ показать ранѣе, чѣмъ пойду далѣе, что и фактически въ прямой постановкѣ этой не заключается ничего такого, что содержало бы въ себѣ по отношенію къ состоятельности и устойчивости критическаго принципа какую-либо серьезную опасность. Изъ возраженій, направленныхъ прямо противъ критики Канта, я остановлюсь на аргументахъ Гербарта, какъ на исходящихъ отъ мыслителя, у философскихъ воззрѣній котораго нельзя отнять извѣстную степень научнаго характера, и Гегеля, какъ наиболѣе общеизвѣстныхъ.

Необходимость изслѣдованія понятій Гербартъ признавалъ, но не только не провелъ послѣдовательно идеи этой въ своей философской системѣ, но самъ сталъ въ противорѣчіе съ нею, установляя метафизику какъ отдѣльную область, въ зависимость отъ которой онъ затѣмъ ставилъ критику. Причина этой непослѣдовательности и противорѣчія заключалась въ томъ, что Гербартъ въ общей задачѣ философской критики усматривалъ смѣшеніе психологіи и метафизики и полагалъ, что такое смѣшеніе можетъ принести вредъ обѣимъ дисциплинамъ. Такъ какъ замѣчаніе Гербарта относилось собственно къ критикѣ Канта, то онъ былъ правъ, утверждая, что критика эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходила въ метафизику, но онъ ошибался, полагая, что къ ней примѣшивалась психологія. Онъ, такимъ образомъ, не опредѣлилъ правильно ошибки Канта, не попытался, по устраненіи ея, заново перерѣшить задачу критики, но самъ впалъ въ еще бо̀льшую ошибку, уклонясь, безъ достаточнаго основанія, отъ критическаго направленія. Что же касается собственно ошибочнаго взгляда Гербарта на рѣшеніе критической задачи Кантомъ, то взгляду этому много по-способствовали позднѣйшія усилія кантіанцевъ выяснить вопросъ о роли метафизики и психологіи въ „Критикѣ чистаго разума“. Особенность неудачъ этихъ усилій заключалась въ

томъ, что, при безсиліи защиты ихъ противъ нападеній, они устремлялись всегда въ сторону, противоположную той, къ которой вело послѣдовательное развитіе ихъ принципа. Постоянно смѣшивая истинное и ложное, они въ высшей степени облегчали тѣмъ для Гербарта опроверженіе ихъ отдѣльныхъ положеній. Такъ, напр., когда Фрисъ, опредѣляя задачу теоріи познаванія, утверждалъ, что „мы не создаемъ міра, мы желаемъ только познать тѣ правила, на основаніи которыхъ образуется въ умѣ нашемъ правильное на міръ воззрѣніе“, то Гербартъ получалъ возможность дать ему слѣдующій отвѣтъ: „Правильное человѣческое воззрѣніе? Когда оно уже существуетъ какъ законченное, тогда, конечно, есть возможность наблюдать его; но наблюденіе является въ такомъ случаѣ ужъ поздно, потому что для законченнаго дѣла нѣтъ нужды ни въ какой помощи. Если же оно еще не закончено, то и наблюдать его невозможно“. Скажи Фрисъ: „мы желаемъ установить правила, на основаніи которыхъ должно быть образовано правильное воззрѣніе“, то всякое основаніе къ опроверженію его положенія было бы устранено, потому что, какъ объяснено было выше, всякая наука до тѣхъ поръ экспериментируетъ и до тѣхъ поръ не можетъ ни ручаться за свое знаніе, ни доказать его, пока не добыто правильное воззрѣніе; когда же есть основаніе полагать, что такое воззрѣніе добыто, тогда является возможность наблюдать возникновеніе его, и на основаніи результатовъ этого наблюденія—установлять правила, примѣненіе которыхъ къ возникающей наукѣ представляетъ извѣстную степень вѣроятности по отношенію къ плодотворности своихъ послѣдствій.

Гербартъ утверждалъ, что раціональная психологія должна быть выработана системою философіи, и въ этомъ онъ былъ совершенно правъ. Но такъ какъ теорія познаванія развивается главнымъ образомъ изъ психологической основы, то Гербартъ, упустившій изъ виду то двойственное значеніе психологіи, на которое указано было выше, не могъ придти къ пониманію роли ея въ философской пропедевтикѣ. Припомнимъ еще разъ, что психологія, по сколько изучается ею умственная дѣятель-

ность, имѣетъ къ философіи двойственное отношеніе: съ одной стороны, умственная дѣятельность необходимо предполагается философіею, какъ и другими науками; съ другой — она, вмѣстѣ съ другими явленіями, составляетъ предметъ философскаго изслѣдованія. Принесеніе одного изъ этихъ значеній въ жертву другому необходимо влечетъ за собою извращеніе философской системы, или даетъ ей метафизическую исходную точку, или низводитъ её къ лишенной философскаго значенія энциклопедіи наукъ. Выходъ изъ такой альтернативы совершается при помощи разрѣшенія вопроса объ отношеніи философіи, какъ развивающейся науки, къ общей совокупности наукъ законченныхъ, готовыхъ,—вопроса, который былъ разсмотрѣнъ выше и который затѣмъ привелъ насъ къ опредѣленію отношенія теоріи познаванія къ систематическому знанію и формулировкѣ ея задачи.

Что же касается возраженія противъ принципа критической философіи творца „„философіи тождества“ Гегеля, то я не стану долго останавливаться на немъ, такъ какъ эта знаменитая нѣкогда философія своимъ непризнаніемъ различія мышленія отъ познаванія впала въ ту основную ошибку обыденнаго мышленія, значеніе которой было уже достаточно выяснено. Возраженіе Гегеля гораздо болѣе остроумно, чѣмъ глубоко, и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ производить впечатлѣніе только своею наглядностью. Гегель говоритъ, что познаваніе можетъ быть испытываемо только познаваніемъ же; но желать познавать прежде, чѣмъ познаемъ что-либо, такъ же неосновательно, какъ предложеніе того схоластика, который желалъ учить плавать прежде погруженія въ воду. Смѣшеніе познаванія и теоріи познаванія здѣсь очевидно, какъ это было уже замѣчено историками философіи. Оставаясь при сравненіи, надо сказать, что Кантъ не собирался учить плавать, но имѣлъ въ виду только опредѣленіе условій, при которыхъ плаваніе возможно. Или, взявъ другое сравненіе: зрѣніе и теорію зрѣнія; не должны ли мы вынести убѣжденіе, что теорія зрѣнія должна быть признана негодною, потому что она составлена при помощи зрѣнія?...

Считая теперь принципъ критицизма достаточно выясненнымъ и роль главныхъ орудій его — теоріи познаванія и логики — достаточно опредѣленною, я перехожу къ изслѣдованію того общаго понятія о философіи, которое можетъ быть выработано на основаніи добытыхъ до сихъ поръ результатовъ и которое поможетъ намъ установить взглядъ на подлежащія изслѣдованію основоначала позитивной системы и условія ихъ развитія.

Рибо, въ монографіи своей объ англійской психологіи, и вслѣдъ за нимъ Льюисъ, въ „Вопросахъ о жизни и духѣ", обращаютъ вниманіе на то, что отвлеченіе имѣетъ свои степени подобно числу, и что возможно бы было избѣжать нѣкотораго смѣшенія понятія, если бы философія обладала какимъ-нибудь точнымъ обозначеніемъ возрастанія степеней отвлеченія, показывающимъ сразу, основаны ли отвлеченія эти на отвлеченіяхъ низшихъ степеней или непосредственно на воспріятіяхъ. Ясно, что эта мысль Рибо и Льюиса весьма удачно дополняетъ изложенный выше взглядъ на образованіе понятій и наглядно указываетъ на ту лѣстницу ихъ, которая ведетъ отъ представленій къ высшимъ философскимъ обобщеніямъ. Окинемъ взглядомъ всю эту лѣстницу и мы отдадимъ себѣ опредѣленный отчетъ въ значеніи и цѣли каждой изъ ея ступеней. Источникъ знанія—представленія; но и обыденное мышленіе, ведущее къ суевѣріямъ и забужденіямъ всякаго рода, начинается тоже съ нихъ; сборникъ представленій, какъ таковой, не имѣетъ поэтому не только никакого значенія для науки, но можетъ даже не имѣть и никакого отношенія къ ней. Чтобы отношенія представленій къ наукѣ установились, чтобы представленія эти получили значеніе, необходимо всего прежде, чтобы они были собраны цѣлесообразно, что возможно только въ томъ случаѣ, когда лицо, собирающее ихъ, имѣетъ понятіе объ этой цѣлесообразности, т. е. знаетъ, что всякое накопленіе представленій всенеизбѣжнымъ образомъ должно имѣть свой предѣлъ, такъ какъ при возрастаніи этого накопленія непремѣнно наступаетъ мо-

ментъ, когда опасность дальнѣйшаго продолженія работы становится совершенно явною: очевиднымъ дѣлается для всѣхъ и каждаго, что не существуетъ понятія, которое могло бы охватить всю массу накопленнаго матеріала, не существуетъ разума, который могъ бы оріентироваться среди ея безбрежности. Словомъ, настаетъ моментъ образованія понятій. Необходимо не только отказаться на время отъ дальнѣйшаго накопленія представленій, но и отъ массы уже накопленныхъ; она уйдетъ, потеряется, растворится въ понятіяхъ, но за то то, что останется въ нихъ, останется прочно, свяжется стройно и организуетъ науку, содержаніе которой хотя и будетъ неизбѣжно бѣднѣе того предполагаемаго ряда представленій, который долженъ въ мысли соотвѣтствовать конкретному ряду дѣйствительныхъ явленій, но взамѣнъ того содержаніе это будетъ доступно для человѣческаго ума, будетъ плодотворно для него, въ немъ будетъ нѣчто оріентирующее и просвѣщающее [1]). Едва однакоже начался процессъ образованія понятій, какъ неотвратимая послѣдовательность его развитія неизбѣжно требуетъ не останавливать его произвольно, не обрывать гдѣ попало, но вести все далѣе и далѣе, пока не составится то самое общее понятіе, которое идеально можетъ соотвѣтствовать всецѣлой полнотѣ представленій, т. е. пока не составится понятіе о мірѣ какъ цѣломъ, пока не образуется основное понятіе философіи. Отъ общей со-

[1]) Мнѣнія Дюрана де-Гро и Фернанда Папильона о значеніи философіи, приводимыя г. Ѳ. Вешняковымъ въ его „Recherches“, и еще болѣе мнѣнія самого г. Вешнякова имѣютъ съ моимъ мнѣніемъ много точекъ соприкосновенія, но я не могу, къ сожалѣнію, остановиться на нихъ, потому что и различіе нашихъ мнѣній очень значительно и потребовало бы слишкомъ пространныхъ объясненій. Не могу не замѣтить только, что упрекъ въ недостаткѣ точности, допущеніи произвольныхъ пріемовъ и т. д, дѣлаемый г. Вешняковымъ философіи вообще, не можетъ быть оправданъ съ точки зрѣнія критическаго реализма, который признаетъ часть недостатковъ философской работы, указываемыхъ г. Вешняковымъ, неизбѣжно присущими всякой совокупности понятій, а часть считаетъ достояніемъ одной только метафизики. (См. Recherches sur les conditions anthropologiques de la production scientifique et esthétique, par Theodore Wechniakoff. Partie anthropologique. 2 fascicule, p. 17). Замѣчу еще, что трудъ г. Вешнякова достоинъ самаго серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся философіей.

вокупности собранныхъ представленій до такого самаго общаго понятія ведетъ цѣлая лѣстница понятій, охватывающихъ все болѣе и болѣе широкія группы явленій и постоянно восходящая все къ болѣе и болѣе высшимъ степенямъ отвлеченій, какъ сказалъ бы Рибо. Такимъ образомъ вся лѣстница человѣческаго знанія, начинаясь съ представленій и оканчиваясь философіей, является какъ нѣчто цѣльное, связное и непрерывное, между частями котораго существуетъ извѣстное опредѣленное взаимодѣйствіе: съ одной стороны, образованіе понятій возможно только изъ матеріала представленій, съ другой—накопленіе и группированіе представленій подчиняется цѣлямъ, ставимымъ понятіями. Очевидно поэтому, что какъ на понятіяхъ неизбѣжно отражается свойство взятыхъ для него представленій, такъ и на собранныхъ и приведенныхъ въ извѣстный порядокъ представленіяхъ непремѣнно отражаются тѣ понятія, которыми опредѣлялась цѣль ихъ собиранія и группированія. Изъ этого видно, что въ общемъ строѣ правильно развивающагося знанія различіе между наукою и философіею можетъ быть только относительнымъ и противопоставленіе философіи наукѣ, или отрицаніе философіи или науки, можетъ исходить только изъ недоразумѣнія, порождаемаго отсутствіемъ или несовершенствомъ тѣхъ понятій, которыя имѣютъ общее руководящее значеніе во всемъ строѣ знанія. Мы можемъ утверждать конечно, что наука начинается вмѣстѣ съ образованіемъ частныхъ понятій, и охватываетъ всѣ группы этихъ понятій, а философія, предметъ которой есть міръ, слагается не изъ понятій, охватывающихъ представленія о конкретныхъ частяхъ своего предмета, а изъ сравнительно высшихъ понятій, образованныхъ изъ этихъ послѣднихъ и охватывающихъ группы явленій, образованныхъ умозрительно и не встрѣчающихся какъ конкретные аггрегаты. Но мы знаемъ также, что разработка матеріала науки, т. е. собираніе и группированіе представленій для образованія понятій, непосредственно относящихся къ представленіямъ, или отвлеченій первой степени, и затѣмъ собираніе, группированіе этихъ отвлеченій для образованія отвлеченій слѣдующей степени и т. д., обусловлено цѣлью, для которой они назначаются. Поэтому,

если цѣль, руководящая образованіемъ понятій, есть знаніе частной группы явленій, то мы имѣемъ право утверждать, что не выходили изъ области науки; но если матеріалъ этой самой науки будетъ разработанъ не съ одною только цѣлью знанія этой группы явленій, но и съ цѣлью знанія цѣлаго, къ которому она относится, то очевидно разработка получитъ иной характеръ, явится необходимость образованія понятій высшаго порядка, и наука до такой степени проникнется философскимъ характеромъ, что мы получимъ право назвать ее не просто наукой, какъ называли прежде, но философіей науки. Въ этомъ смыслѣ я и разумѣю различіе конкретныхъ наукъ отъ абстрактныхъ въ системѣ Ог. Конта и на этомъ основаніи нахожу правильнымъ усвоеніе этими послѣдними названія философій отдѣльныхъ наукъ; но на этомъ же основаніи не могу признать правильною мысль Литтре о достаточности простаго суммированія абстрактныхъ наукъ для образованія философіи, а считаю необходимымъ развить тѣ зачатки общихъ, высшихъ понятій, которыя нахожу у Ог. Конта. Я считаю философію наукою не потому, что она есть сумма наукъ, но потому, что она формируетъ свои понятія и изъ того же матеріала, изъ котораго образуютъ понятія свои науки, и тѣмъ же методомъ, который служитъ наукамъ. Философія, такимъ образомъ, также какъ и всѣ науки, имѣетъ корни свои въ нашихъ воспріятіяхъ и, въ то же время, не имѣетъ отъ воспріятій этихъ путей, отличныхъ отъ путей науки или противоположныхъ имъ; философія есть результатъ прямаго и непосредственнаго продолженія развитія научнаго знанія, завершеніе его, съ одной стороны обусловленное объективно, и съ другой—неизбѣжное для всякаго послѣдовательнаго ума.

Итакъ, когда Ог. Контъ говоритъ о „простой эрудиціи“, когда Вундтъ называетъ ученость „пустымъ многознаніемъ“, когда Дюрингъ выставляетъ на видъ „низшую, собственно описательную науку“, когда Гэккель нападаетъ на „зоологовъ-музеевъ, ботаниковъ-гербаріевъ и всякихъ Species-Macher'овъ“, то они не имѣютъ конечно въ виду умалить значеніе науки и такимъ образомъ достичь возвеличенія философіи. Какъ бы различно ни

понимали названные мыслители отношеніе между философіею и наукою, но слова ихъ все же таки могутъ имѣть въ виду только градацію и связь различныхъ научныхъ дисциплинъ и установленіе того благотворнаго сознанія взаимодѣйствія между философіею и наукою, которое такъ часто забывается не только философами, превращающимися въ метафизиковъ, но и учеными, становящимися буквоѣдами.

Предшествовавшія указанія не должны давать, какъ я думаю, повода къ недоразумѣнію по отношенію къ тому, что́ нужно здѣсь разумѣть подъ буквоѣдствомъ. Наука начинается съ представленій и даетъ въ окончательномъ результатѣ способы ріентироваться между ними; поэтому значеніе представленій опредѣляется не пространственною мѣрою явленій, съ которыхъ сняты представленія, но цѣлесообразностью ихъ, опредѣляемою понятіями. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что философъ принимаетъ мелочь въ обыденномъ смыслѣ этого слова, и которые на основаніи такого ошибочнаго понятія берутъ на себя защиту необходимости этихъ мелочей. Detail-Krämerei съ философской точки зрѣнія заключается вовсе не въ объемѣ объекта наблюденій или результата ихъ, а въ отсутствіи возможности вліянія ихъ на образованіе понятій. Буквоѣды именно и не хотятъ понять того, что накопленіе представленій можетъ идти безъ конца, и что всякое новое представленіе, не могущее такъ или иначе видоизмѣнить понятіе, совершенно излишне. Цѣль науки—образованіе понятій; сознаніе этой цѣли — спасеніе отъ Detail-Krämerei и вѣрный путь къ стройному органическому складу науки, къ достиженію ею философскаго характера. Какой-нибудь, едва уловимый микроскопомъ признакъ, какое-нибудь истолкованіе одного слова въ памятникѣ старины, какая-нибудь мельчайшая черта нравовъ, обычаевъ, языка, можетъ, очевидно, производить цѣлые перевороты въ образованіи понятій, а слѣдовательно и въ наукѣ. Часто приходится здѣсь отмѣчать букашекъ и идти мимо слоновъ безъ боязни впасть въ буквоѣдство; и, напротивъ того, легко впасть въ него, написавъ о слонахъ цѣлую монографію, которая нисколько не измѣнитъ ни одного изъ существующихъ понятій, хотя, быть можетъ, и поразитъ простодушныхъ

обиліемъ накопленныхъ авторомъ представленій,—обиліемъ, считающимся еще у многихъ вѣрнымъ признакомъ многознанія.

Я имѣлъ уже случай говорить, что въ эпоху появленія „Курса позитивной философіи“ Ог. Конта между наукою и философіею существовала самая рѣшительная рознь, такъ что къ пониманію идей Ог. Конта были подготовлены только немногіе избранные умы. Ог. Контъ провозгласилъ принципъ связи науки и философіи и положилъ основаніе выясненію этой связи въ тѣхъ зачаткахъ философской критики, на которые указано было выше. Я объяснилъ однако же, что, безъ развитія этихъ зачатковъ, система Ог. Конта остается только экциплопедіей наукъ и до высоты философіи не можетъ подняться. Въ настоящее время она и находится именно на этомъ уровнѣ вслѣдствіе характера работъ вождей современнаго позитивизма, которые отвергли указанія Ог. Конта на необходимость образованія основоначальныхъ понятій и ограничились простымъ суммированіемъ частныхъ результатовъ отдѣльныхъ наукъ. Позитивизмъ продолжаетъ такимъ образомъ носить названіе философіи только въ силу тѣхъ зачаточныхъ элементовъ философіи, которые въ немъ содержатся и изъ которыхъ философія можетъ развиться; въ дѣйствительности же онъ остается организованнымъ для выработки философіи матеріаломъ. А между тѣмъ, новая школа Канта, геніальнаго мыслителя, стремившагося, подобно Ог. Конту, обосновать философію на наукѣ, снова воскресила задачу Канта и Ог. Конта и, подвергнувъ воззрѣнія Канта испытанію посредствомъ имъ же созданнаго орудія—критики, выработала мало по малу то основоначало, которое осталось неразвитымъ въ школѣ Ог. Конта, и представила намъ дѣйствительное осуществленіе связи и единства всѣхъ степеней знанія. Ознакомленіе читателя съ рѣшеніемъ этой задачи и составляетъ одну изъ цѣлей настоящаго этюда и совершается по мѣрѣ того, какъ подвигается предпринятое изученіе основоначалъ позитивизма.

Возрожденіе и въ концѣ-концовъ полное преобразованіе критической философіи есть дѣло еще весьма новое, понимаемое пока еще нѣсколько различно и мало обрѣтающееся въ авантажѣ

у ученыхъ. Цёлльнеръ, въ своей удивительной книгѣ: „О кометахъ“, приходитъ къ заключенію, что „большинство современныхъ представителей точныхъ наукъ лишено ясно сознаннаго пониманія первыхъ принциповъ теоріи познаванія“. Книга Цёлльнера, недавній отзывъ о которой въ нашей литературѣ долженъ былъ дать читателямъ совершенно ложное понятіе объ авторѣ и его цѣляхъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшей европейской литературы, и если бы тотъ легкомысленный отмѣтчикъ, который пустилъ въ ходъ упомянутый выше о ней отзывъ, прочиталъ ее, то у него навѣрно на всю жизнь пропала бы охота говорить о томъ, чего онъ не знаетъ. Книгу Цёлльнера слѣдовало бы знать всякому литератору, не равнодушно относящемуся къ вопросу о нравственномъ и умственномъ уровнѣ литературы и принимающему къ сердцу обиліе въ ней низменныхъ мѣстъ и — главное — причины этого обилія. Пока причины эти останутся, до тѣхъ поръ всегда найдутся люди, готовые швырять грязью въ такое свѣтлое явленіе, какъ „Ueber die Natur der Cometen“ Цёлльнера: угождая втершимся въ литературу проходимцамъ, люди эти трудиться будутъ не даромъ...

Вотъ эта-то книга Цёлльнера и содержитъ разоблаченіе тѣхъ золъ, которыя вносятся отсутствіемъ связи философіи и науки въ эту послѣднюю. Остановимся пока надъ этою стороною послѣдствій разрозненности знанія. Цёлльнеръ показываетъ намъ то плачевное состояніе, до котораго доходитъ наука, не руководимая высшими обобщеніями философіи. Критика, которой онъ подвергаетъ ученыя работы нѣкоторыхъ европейскихъ знаменитостей, имѣетъ высоко-поучительное значеніе для всякаго ученаго, въ особенности же для того, кто занятъ самостоятельными изслѣдованіями [1]). Слѣдуя за Цёлльнеромъ,

[1]) Нельзя не остановиться надъ ярко очерченнымъ типомъ представителя современной ученой ограниченности въ Германіи. „Когда въ настоящее время“, говоритъ Цёлльнеръ, „молодой человѣкъ, работая въ лабораторіи, установитъ новое соединеніе или откроетъ „новый рядъ“, то онъ подробно опишетъ приведшія къ его результатамъ манипуляціи и анализы, напечатаетъ это описаніе какъ диссертацію и достигнетъ первой стадіи на пути къ вершинѣ

мы убѣдимся въ недостаткѣ знакомства многихъ современныхъ ученыхъ съ первыми основаніями теоріи познаванія и ясно увидимъ всѣ печальныя послѣдствія такого незнакомства. Мы увидимъ, что для образованія понятій какой бы то ни было частной области необходимы свѣдѣнія, далеко заходящія за предѣлы этой области, и что никакая мѣра богатства накопленныхъ представленій и частныхъ понятій не можетъ возмѣстить недостатка этихъ общихъ руководящихъ понятій, основоначалъ всякой правильной умственной работы. Мы увидимъ, что легковѣсное отношеніе къ философіи ученыхъ, замкнутыхъ въ своей спеціальности, пагубно отражается всего прежде на результатахъ ихъ же изслѣдованій и что фантастическія попытки взлетать къ высшимъ обобщеніемъ непосредственно отъ своей спеціальности, безъ изученія общей совокупности и связи человѣческаго знанія, никогда не оставались безаказанными, всегда были попытками Икара.

Въ послѣднее время не мало удивлялись тому, что многіе извѣстные ученые увѣровали въ спиритизмъ и заговорили о такихъ вещахъ, о которыхъ до сихъ поръ могли толковать развѣ посѣтители знахарокъ и гадальщицъ. Удивительнаго однакоже въ фактѣ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ обрывокъ науки,

---

славы — докторства. Если-же у него есть въ наличности склонность, настойчивость и, всего прежде, средства къ дальнѣйшему лаборантству, и онъ можетъ нѣкоторое время отдаться самостоятельно этимъ занятіямъ, ставшимъ ему любимыми,—онъ достигаетъ второй стадіи—доцентуры. Вторая счастливая находка, открытіе втораго „новаго ряда“,—и вотъ, содержаніе для новой диссертаціи готово. Если же вѣетъ вѣтеръ благопріятный, т. е. если новый доцентъ, помимо привлекательности своихъ чтеній, обладаетъ гибкостью и любезностью характера, достаточными для того, чтобы служить у дающихъ тонъ людей науки герольдомъ ихъ славы, то вскорѣ суденышко его бросаетъ якорь въ тихомъ пристанищѣ профессуры, и въ великомъ царствѣ ученыхъ становится однимъ гражданиномъ болѣе. Подобно тому какъ въ химіи, идетъ дѣло и въ области другихъ наукъ: методы и инструменты на лицо, формулы готовы, и если только юный ученый обладаетъ требуемыми свойствами характера, всего прежде любезностью, терпѣніемъ, умственнымъ самоотрѣченіемъ и сильнымъ здоровьемъ, то каррьера его сдѣлана,—онъ профессоръ, и послѣ того вопросъ объ открытіи имъ въ лабораторіи новыхъ рядовъ или на обсерваторіи новыхъ кометъ для него болѣе не существуетъ.“ (Vorrede, XIII.)

(спеціальность), не гарантируетъ еще отъ заблужденій, подобныхъ заблужденіямъ спиритическимъ, и примѣры, такъ называемой, двойной бухгалтеріи очень стары. Дѣло въ томъ, что исключительное изученіе какой-нибудь спеціальности можетъ развить способность образованія понятій изъ представленій этой спеціальности до весьма высокой степени, повесть къ открытіямъ, изобрѣтеніямъ и т. д.; но такъ какъ образованіе понятій у спеціалиста, замкнутаго въ своей спеціальности, оставаясь исключительнымъ, не можетъ перейти границъ эмпиризма, то за предѣлами спеціальности оно и теряетъ всякое значеніе. Спеціалистъ, достигшій совершенства въ группировкѣ представленій и образованій изъ нихъ понятій въ нѣдрахъ своей науки, только тогда переноситъ умѣніе свое и за предѣлы этой науки, когда онъ работаетъ не эмпирически, т. е. когда онъ руководится теоріей познаванія и философскою критикою, — методомъ, господствующимъ надъ его пріемами, способами и манипуляціями. Безъ знакомства съ этимъ высшимъ методомъ, онъ въ виду необычныхъ представленій легко можетъ оказаться наивнѣе хорошо веденнаго ребенка. Спеціальность какъ ампутированная часть живаго цѣлаго, не можетъ исполнять функцій этого цѣлаго; вотъ почему и можетъ она мириться даже съ такой мизерной мистикой, какова спиритическая; съ мистикой этой можетъ примириться и догматическая философія, какъ родственная ей по произвольности своихъ положеній, и только критическая философія представляетъ принципіальное ея отрицаніе.

Что же сказать, наконецъ, о той узкой гелертерской ограниченности, которая сознательно отрицаетъ философію, не будучи въ силахъ составить о ней сколько-нибудь опредѣленное и добросовѣстно провѣренное понятіе? „Попробуйте“, говоритъ Спенсеръ, „вдѣть руку о пяти пальцахъ въ перчатку, у которой ихъ только четыре, и вы убѣдитесь, что такая попытка равнозначуща попыткѣ вдвинуть сложную идею въ умъ, способности котораго сравнительно несложны. По мѣрѣ того, какъ нѣкоторые термины и отношенія, совокупность которыхъ входитъ въ идею, возрастаютъ въ числѣ и разнообразіи, необходимо для

пониманія этой идеи и столь же сложная и разнообразная дѣятельность частей мысленнаго строя. Если нѣкоторыхъ изъ этихъ частей не существуетъ, то будутъ понятны однѣ только части идеи." [1]) Неспособность къ пониманію философіи и вѣчная прикованность къ обыденному мышленію даже и при громадномъ накопленіи спеціальныхъ знаній можетъ быть объяснена очевидно только умственною ограниченностью, переходящею иногда даже и въ глупость, помочь которой, какъ утверждалъ и Кантъ, совершенно невозможно. „хотя тупая голова и можетъ посредствомъ усилія дойти до учености". Итакъ, отрицающихъ философію, или „ржущихъ при произнесеніи слова философія", какъ замѣтилъ А. А. Козловъ [2]), остается только предоставить самимъ себѣ. Философія на вѣки вѣковъ останется для нихъ „наукою лѣни"; они до смерти будутъ ломать свои донъ-кихотскія копья за это bon mot, возникшее въ печальную эпоху и въ свое время заклейменное [3]).

[1]) H. Spencer. Introduction à la science sociale 1874, p. 132.

[2]) А. Козловъ, Философскіе этюды. 1876, стр. XIII.

[3]) Всякій, читавшій „Психологическіе этюды" г. Сѣченова, знаетъ, какимъ блестящимъ образомъ ведетъ ученый этотъ борьбу противъ того міросозерцанія, которое подъ именемъ метафизики отвергается позитивною и вообще научною философіею. Нельзя не замѣтить однако же, что г. Сѣченовъ не обращаетъ никакого вниманія на различіе терминовъ и смѣшиваетъ метафизику съ философіей. Ведя борьбу противъ метафизики, г. Сѣченовъ говоритъ однако же не всегда о ней, а не рѣдко и о философіи, которую и осуждаетъ за одно съ метафизикой. Самъ г. Сѣченовъ не станетъ спорить, конечно, что его психологическіе этюды представляютъ собою трактатъ философскій; по крайней мѣрѣ я не знаю той области знанія, къ которой бы можно было пріурочить цѣлый рядъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ, какъ-то: разсужденіе о индукціи и дедукціи (стр. 133), о научномъ методѣ вообще (стр. 173), о характеристическихъ свойствахъ метафизическихъ воззрѣній (стр. 197) и т. д. У него, наконецъ, прорывается такое выраженіе. „это моя философія" (стр. 219). На основаніи всего этого я рѣшаюсь утверждать, что г. Сѣченовъ никогда не думалъ считать философію погибшею, т. е. никогда не думалъ отрицать ее, а отрицалъ только метафизику, указывая въ то же время съ замѣчательною ясностью и опредѣленностью на условія развитія, характеръ и значеніе научной философіи, — той самой философіи, одного изъ блестящихъ представителей которой (Гельмгольца) онъ такъ высоко ставитъ. Тѣмъ печальнѣе недоразумѣніе, которое могутъ порождать и несомнѣнно порождаютъ вышеприведенныя неточности его выраженій.

Уясненіе связи науки и философіи прямымъ путемъ ведетъ къ вѣрному взгляду на попытку философіи отрѣшиться отъ этой связи и развиваться внѣ всякой зависимости отъ положительнаго знанія. Такая попытка есть результатъ фантастической мечты о возможности независимаго отъ представленій процесса образованія понятій,—мечты, допускающей возможность существованія ихъ ранѣе представленій. Такъ какъ понятія независимо отъ представленій образоваться не могутъ, то попытка мыслить ихъ независимыми отъ представленій можетъ возникнуть только въ некритическомъ мышленіи невидящаго или скрывающаго отъ себя роковую неизбѣжность этой зависимости и удовлетворяющагося такимъ наивнымъ самообманомъ. Задача критики и заключается между прочимъ въ томъ, чтобы раскрыть этотъ самообманъ, свести мышленіе съ этого ложнаго пути и указать пустоту и безплодность усилій, направленныхъ къ извращенію логическаго его порядка. Ог. Контъ не указалъ генезиса такой ложной оцѣнки значенія понятій и былъ даже далекъ отъ мысли о связи ея съ обыденнымъ мышленіемъ, но онъ охактеризовалъ его вѣрно, выдѣлилъ изъ позитивной философіи рѣшительно и окончательно. Эта характеристика ложнаго взгляда на понятія и есть одинъ изъ зачаточныхъ элементовъ того прелиминарія, необходимость котораго, какъ мы знаемъ, Ог. Контъ сознавалъ, но который школа его отвергаетъ или игнорируетъ. Характеристика ложнаго взгляда на понятія обозначается у Ог. Конта на первыхъ же страницахъ его „Курса“ въ формѣ „закона трехъ состояній“. Законъ этотъ, имѣющій у Ог. Конта значеніе закона соціологическаго, является здѣсь какъ опредѣленіе грани позитивнаго и непозитивнаго мышленія, т. е. главнымъ образомъ какъ орудіе философской критики, имѣющее отношеніе ко всей совокупности знанія и не пріурочивающееся спеціально ни къ одной отдѣльной наукѣ. Не придавая важнаго значенія выдѣленію фазиса мышленія, предшествующаго метафизическому, по той причинѣ, что уже Аристотель не вводилъ въ область философіи тѣхъ воззрѣній, которыя имѣли миѳическую форму, и обращая исключительное вниманіе на отличіе метафизическаго воззрѣнія отъ позитивнаго, мы ясно усмотримъ,

что существенный характеръ его имѣетъ методологическое основаніе. Ог. Контъ именно налегаетъ на то, что онъ исходитъ изъ оцѣнки методовъ. Приступая къ изложенію закона трехъ состояній, онъ прямо говоритъ о различіи методовъ, употребляемыхъ умомъ человѣческимъ при его изысканіяхъ, и въ зависимости отъ характера метода опредѣляетъ и соотвѣтствующій ему характеръ міросозерцанія. Такимъ образомъ, характеристики метафизической и позитивной философіи берутъ свое начало изъ характера ихъ метода, находятся отъ послѣдняго въ полной и совершенной зависимости. Изъ этого видно, что о научномъ медотѣ въ метафизикѣ не можетъ быть рѣчи: каковъ методъ, такова и философія. Если понятіямъ придано руководящее значеніе и допускается возможность возникновенія ихъ независимо отъ представленій и ранѣе представленій, то путь философствованія будетъ метафизическимъ и результатъ философствованія — метафизическимъ, вопреки всѣмъ усиліямъ сдѣлать ихъ научными, опозитивить ихъ помощью самыхъ остроумнѣйшихъ софизмовъ [1]). Не одинъ Ог. Контъ, но и многіе

[1]) Какъ далеко можетъ идти смѣшеніе понятій о наукѣ, научной философіи и метафизикѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсужденія г. М. Антоновича. „Гегель“, говоритъ М. Антоновичъ, „приступилъ къ развитію своей системы послѣ основательнаго изученія науки, усвоивъ себѣ значительную часть современныхъ ему знаній и изслѣдовавъ состояніе и положеніе общества, среди котораго онъ жилъ, и обращался къ своей системѣ съ чисто научными требованіями (?). Онъ утверждалъ единство и тождество всего существующаго, и въ то же время съ чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ психическихъ силъ (?) старался обнять мыслью связь и показать, въ чемъ именно состоитъ и заключается это единство, чѣмъ одно явленіе соединяется съ другимъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть общаго,—хотѣлъ постигнуть и уразумѣть процессъ, посредствомъ котораго все развивается одно изъ другого, подмѣтить общій жизненный элементъ, который проникаетъ и одушевляетъ все. И это надо было сдѣлать такъ, чтобы тутъ не было ничего произвольнаго, тѣмъ болѣе нелѣпаго и ни съ чѣмъ не сообразнаго, отъ чего съ отвращеніемъ отвернулась бы человѣческая мысль, чтобы вездѣ были доказательства, или хоть соображенія и догадки, удовлетворительныя и обязательныя для ума, чтобы онъ свободно и самодѣятельно принялъ и призналъ ихъ. Можно было, конечно, натворить какихъ угодно процессовъ и переходовъ, сказать, что отъ Марса и Венеры произошла Земля, а отъ репейника и розы бабочка и т. д. въ этомъ родѣ; въ творческихъ произве-

представители современной научной философіи, придерживающіеся такого основательнаго опредѣленія метафизики, ратуютъ противъ ея какъ противъ ложной философіи именно съ этой опредѣленной точки зрѣнія. Въ высшей степени поучительно, между многими другими, глубокомысленное замѣчаніе, дѣлаемое Ланге; замѣчаніе это, раскрывая призрачность метафизики, въ то же самое время очень мѣтко выясняетъ основную идею теоріи познаванія. Ланге уподобляетъ метафизика человѣку, принимающему калейдоскопъ за подзорную трубу. „Человѣку этому думается», говоритъ Ланге, «что онъ наблюдаетъ въ высшей степени замѣчательные предметы, находящіеся внѣ его мѣста наблюденія, и онъ прилагаетъ къ наблюденію все свое стараніе. Самъ онъ заключенъ въ тѣсное пространство: съ одной стороны, у него окошечко, чрезъ которое открывается ограниченный и неясный видъ на внѣшнее пространство, съ другой— плотно вдѣланная въ стѣну труба, чрезъ которую онъ думаетъ разглядѣть даль. Это разглядываніе онъ особенно любитъ; оно привлекаетъ его болѣе, нежели окошечко. Неусыпно тщится онъ усовершенствовать свои познанія о чудной дали этимъ способомъ. Человѣкъ этотъ — метафизикъ, пренебрегающій узкимъ окошечкомъ опыта и поддающійся обману своего воображенія. Когда же онъ, наконецъ, замѣчаетъ обманъ, когда онъ угадываетъ устройство калейдоскопа, то этотъ послѣдній, вопреки всей досадѣ разочарованія, можетъ сдѣлаться предметомъ любознательности. Рѣчь пойдетъ уже не о томъ, что тамъ за удивительныя картины вижу я вдали и что значатъ эти картины, но о томъ, какое устройство калейдоскопа даетъ начало ихъ возникновенію?

деніяхъ фантазіи подобныя поэтическія вольности дозволяются, онѣ тамъ и хороши; но въ философской системѣ такія творческія фантазіи были бы нелѣпостью; здѣсь надъ переходами и процессами нужно было поработать строгимъ умомъ, орудіемъ науки». (О гегелевской философіи. Современникъ 1861. Августъ, стран. 213). Интересно было бы узнать, думаетъ ли авторъ, что чрезвычайное напряженіе всѣхъ психическихъ силъ привело Гегеля къ тому, что онъ за исходную точку системы своей принялъ представленія; и если нѣтъ, то что же означаетъ обращеніе къ системѣ съ чисто научными требованіями, предварительное изученіе какой-то науки, тождественной значительной части современныхъ ему знаній и т. п.?

Въ этомъ вопросѣ можетъ заключаться источникъ знанія, который вѣроятно можетъ имѣть такую же важность, какъ и разсматриваніе того, что находится передъ окномъ“ [1]). Теорія познаванія, на которую указываетъ Ланге въ концѣ этого замѣчанія, становясь орудіемъ философской критики, можетъ въ самомъ дѣлѣ, какъ мы это и видѣли изъ предшествовавшаго выясненія смысла ея задачи, подвергать изслѣдованію метафизическіе вопросы, но не для того, чтобы разрѣшать ихъ, а для того, чтобы раскрывать ихъ истинный генезисъ, сводить ихъ къ реальнымъ представленіямъ, разлагать и въ концѣ концовъ устранить ихъ въ томъ смыслѣ и значеніи, какія имъ придала метафизика. Позитивная философія, развившая зачатки заключающейся въ ней философской критики, не должна бѣжать отъ метафизическихъ вопросовъ, какъ отъ какой-то заразы, ей самой грозящей смертью, но, напротивъ того, смѣло подступать къ нимъ и подвергать основы ихъ критикѣ и затѣмъ или устранять ихъ окончательно, или перестраивать и преобразовывать сообразно со своими цѣлями. Встрѣчая такіе вопросы, какъ: что такое причина, матерія, сила и т. д., что такое наше „я“ и т. п.,—позитивная философія должна отвѣтить, что это понятія, образованныя изъ такихъ-то и такихъ представленій, и указать при этомъ на ошибки, сдѣланныя при образованіи этихъ понятій, такъ же, какъ и на правила, которыми слѣдуетъ руководиться при образованіи ихъ. Такое изслѣдованіе метафизическихъ понятій, при всей своей анти-метафизичности, можетъ получить у нѣкоторыхъ писателей названіе метафизики только потому, что разсматриваемые вопросы первоначально принимаются такими, какими ихъ произвела метафизика. Въ этомъ смыслѣ и называетъ Дюрингъ метафизикой теорію познаванія и, указывая на отсутствіе ее у Ог. Конта, замѣчаетъ, что система его обязана этому отсутствію своею беззащитностью по отношенію къ тѣмъ метафизическимъ придиркамъ, которыя вторгаются въ нее чрезъ этотъ открытый входъ [2]).

---

[1]) F. A. Lange, Geschichte des Materialismus. II Buch. 1 Halfte. S. 55.

[2]) E. Duhring, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 505.

Замѣчаніе Дюринга очень вѣрно, конечно, но допущенная имъ неточность термина весьма достойна сожалѣнія. Неточность эта, допускаемая и многими другими писателями, ведетъ къ путаницѣ понятій и неопредѣленности. Прилагая терминъ „метафизика“ не къ философіи, опредѣляемой методомъ извѣстнаго характера, но, безотносительно къ вопросу метода, только къ той части философіи, которая изучаетъ группу вопросовъ, очерчиваемыхъ весьма произвольно и разнообразно, противники метафизики, какъ лже-философіи, косвенно поддержали ее и дали поводъ къ возникновенію совершенно безсмысленной идеи „позитивной“ или „научной“ метафизики. Позитивную эту метафизику, это деревянное желѣзо многіе и пытались изобрѣсти. Вашро чуть ли не первый пустилъ въ ходъ нелѣпый терминъ „métaphysique positive“ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Въ послѣднее же время большаго шуму надѣлалъ съ нимъ Льюисъ, въ своихъ „Вопросахъ о жизни и духѣ“. Особенность позитивной метафизики Льюиса заключается въ томъ, что она не исключаетъ ложной собственно метафизической философіи и только переименовываетъ ее въ метэмпирику, такъ что, если читатель потрудится исправить ту путаницу, которую произвелъ этотъ терминъ, и вмѣсто него подставитъ старый терминъ метафизика, вмѣсто метафизики же будетъ читать—философія, то увидитъ, что новаго у Льюиса ровно ничего нѣтъ, и что его„ позитивная метафизика“ не вноситъ въ основоположеніе Ог. Конта никакой перемѣны. Уже не въ первый разъ пытается Льюисъ вводить свои неологизмы; въ статьѣ объ Ог. Контѣ онъ предлагалъ замѣнить слово законъ словомъ методъ, но теперь самъ отвергаетъ это нововведеніе [1]). Настоящему нововведенію предстоитъ, вѣроятно, та же участь. До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока будутъ развивать ученіе Ог. Конта изъ его же основоначалъ, не коверкая ихъ, до тѣхъ поръ не ощутится никакой надобности въ „метэмпирикѣ“ Льюиса, не прибавляющей ни іоты къ тому, что было установлено Ог. Контомъ и что такъ блистательно подтверждается всею современною научною философіею.

---

[1]) Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ. Т. 1, стр. 352.

Совсѣмъ иначе, конечно, можетъ представляться вопросъ этотъ для тѣхъ, которые воображаютъ, что Ог. Контъ отвергъ метафизику и установилъ границы позитивной философіи только на основаніи какого-то ни вѣсть откуда взявшагося „воздержанія отъ извѣстныхъ вопросовъ“. Если Ог. Контъ взялъ да и воздержался отъ метафизики, не опозитивилъ ее, то отчего же не сдѣлать этого теперь: лучше поздно, чѣмъ никогда. Съ этой точки зрѣнія попытка Льюиса представляется цѣлымъ открытіемъ; она дозволяетъ „безъ воздержанія“ разглагольствовать о томъ, что при посредствѣ позитивнаго метода можно дойти и до метафизики. Отчего же и не до мистики? Зачѣмъ воздерживаться? Идите далѣе: „обосновывайте“ позитивную метафизику, а тамъ и еще далѣе...

Льюисъ полагаетъ, что метафизики, читая его книгу, воскликнутъ: „timeo Danaos“; я думаю, что найдутся догадливые читатели, которые еще ранѣе рѣшатъ, что „не стоило огородъ городить“. Позитивизмъ безъ противоположенія метафизикѣ немыслимъ; названіе метафизики мѣнять, конечно, можно, также какъ и пустословить по этому поводу, но невозможно не различать самой метафизики отъ правильно понимаемой научной философіи. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно искать объекта тому или другому понятію и считать такое занятіе позитивнымъ только потому, что оно переходитъ границы „воздержанія“. Не понимающій этой простой истины рискуетъ сойтись на этомъ пунктѣ съ тѣми противниками позитивизма, которые именно въ такомъ смѣшиваніи понятій думаютъ найти надежнѣйшее средство для борьбы „противъ позитивизма“ и преодолѣнія его посредствомъ какого-то новаго хаотическаго міросозерцанія.

Очень не давно, какихъ-нибудь года два тому назадъ, такая попытка была дѣйствительно сдѣлана въ диссертаціи г. В. Соловьева [1]), который вздумалъ противопоставить позитивизму какую-то амальгаму изъ науки, философіи и мистики, и простодушно воображалъ, что амальгама эта и есть послѣднее слово

---

[1]) В. Соловьевъ, Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ. 1874.

всей западной философіи. Хотя нѣкоторые представители россійскаго любомудрія и вострепетали отъ восторга, возмнивъ, что галиматья, провозвѣщенная г. В. Соловьевымъ, и есть именно та первая „русская“ философія, которую они давно уже тщатся изобрѣсти, но ликованье ихъ не могло бы имѣть никакого значенія, если бы и въ средѣ позитивистовъ не находились охотники къ „обоснованію“ нелѣпицъ чисто-соловьевскаго характера. Пусть подумаютъ позитивисты этого пошиба, что они идутъ по той же дорогѣ, что и мистическій г. Соловьевъ, и что этотъ послѣдній имѣетъ надъ ними то преимущество, что послѣдовательно доводитъ дѣло до его неизбѣжнаго конца.

Изъ элементовъ, неразборчиво смѣшиваемыхъ философомъ, отуманеннымъ грезами мистицизма, могутъ и должны пребывать въ неразрывной связи только философія и наука, какъ это мною и выяснено уже въ настоящей главѣ. Два величайшіе генія новой философіи—Кантъ и Ог. Контъ—признавали необходимость ея и важность, какъ для философіи, такъ и для науки. И если связь эта не могла быть оцѣнена учеными философами въ той мѣрѣ и такъ скоро, какъ то могло быть желательно для немногихъ послѣдователей научной философіи, то наступаетъ наконецъ время, когда такая философія, переставъ быть достояніемъ единичныхъ личностей, находитъ въ средѣ образованнѣйшихъ націй Европы болѣе или менѣе значительныя группы послѣдователей. Заслуги позитивизма,—этой простѣйшей формы научной философіи, — умѣвшаго провести идею связи науки и философіи въ философскія и ученыя сферы не только Франціи, Италіи и Англіи, но даже отчасти Германіи, должны быть, конечно, признаны всякимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи, безспорно, не лишенъ значенія, но значеніе это было бы преувеличено, если бы мы не признали въ то же время, что высшій фазисъ развитія научной философіи выработанъ все же таки философами Германіи, внесшими въ научную философію тѣ элементы, которые, хотя и содержались въ зародышѣ у Ог. Конта, но дальнѣйшее развитіе которыхъ было пренебрежно современными позитивистами. Позитивисты, такимъ образомъ, не смогли вести дѣло Ог. Конта

по пути открывавшагося передъ ними развитія и, остановивъ это развитіе, уступили передовое положеніе новому, только-что возникающему еще движенію въ средѣ нѣмецкихъ мыслителей.

Великое значеніе этого движенія по достоинству оцѣнивается передовыми людьми Германіи, которые и встрѣчаютъ его привѣтствіями, иногда полными самаго живаго восторга. „Подобно тому, какъ двое влюбленныхъ, послѣ недружелюбной размолвки, обогащенные внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ, признаютъ наконецъ обоюдную неправоту и, преисполненныя неодолимаго нетерпѣнія, протягиваютъ другъ другу руки для вѣчнаго мира,— такъ", по словамъ Цѣллнера, „совершится примиреніе и между наукою и философіею, какъ указываютъ на то тысячи признаковъ. Уже оглашаются нѣмецкіе лѣса голосами пернатыхъ пѣвцовъ, древесные почки распускаются, все тѣснится и несется и, полное предчувствія, ждетъ восхожденія солнца. Тогда отъ союза точнаго изслѣдованія и просвѣтленной философіи возникнетъ новое міросозерцаніе грядущаго вѣка и достигнетъ немыслимаго еще величіи и ясности познанія" [1]). Ту же мысль высказываетъ и Вундтъ, утверждая, что изъ связи философіи и науки должно возникнуть новое міровоззрѣніе [2]) и что только философія придаетъ значеніе отдѣльнымъ отраслямъ знанія, которыя безъ свѣтильника философіи обращаются въ ремесло, также какъ ученость—въ пустое многознаніе [3]). Въ томъ же смыслѣ говорятъ и Ланге, Гельмгольцъ, Гэккель, Бауманъ, Гёрингъ [4]) и многіе другіе, счастливо соединяющіе научныя познанія съ философскими и знающіе цѣну тѣмъ и другимъ.

---

[1]) Zollner, Ueber die Natur der Cometen. 1872. S. LXXI.

[2]) W. Wundt, Ueber die Aufgabe der Philosophie in der Gegenwart. 1874. S. 4—9.

[3]) В. Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ. Перев. Кемница. 1855 г. Т. I, стр. IX.

[4]) A. Lange, Gesch. d. Materialismus. II Buch, S. 291.

Helmholtz, Populare wissenschaftl. Vortrage. I Heft. 1.

Haeckel, Gener. Morphologie d. Org. I B. S. 20. Nat. Schopfungsgesch. 5 Aufl. S. 640.

Baumann, Philosophie als Orientirung ueber die Welt. passim.

Goring, System der Kritischen Philosophie.

Выяснивъ въ достаточной степени идею связи философіи и науки, я, преслѣдуя далѣе мою задачу, перейду теперь къ ближайшему разсмотрѣнію отношенія позитивизма къ критической философіи и опредѣленію значенія этой послѣдней.

Ог. Контъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, былъ мало знакомъ съ философіею Канта и самъ въ томъ искренно сознавался. Прочитавъ переводъ Кантовой „Idee zu einer allgemeinen Geschichte“ и не имѣя возможности уяснить себѣ вполнѣ отчетливо смыслъ его по незнакомству съ основными сочиненіями Канта, Ог. Контъ укрѣпился однако же въ убѣжденіи, что Кантъ „est une très forte tête“ „и, всего важнѣе, что его слѣдуетъ считать самымъ близкимъ позитивной философіи метафизикомъ“ [1]). Хотя Ог. Контъ и не прозрѣлъ противоположности между Кантомъ и Гегелемъ и считалъ только послѣдняго „moins fort que Kant“ [2]) и своими попутными мелкими упоминаніями о Кантѣ въ „Курсѣ“ ясно доказалъ неумѣніе цѣнить этого великаго мыслителя, но для послѣдователей Ог. Конта указаніе на Канта, какъ на метафизика, наиболѣе близкаго позитивной философіи, должно было бы получить особенно важное значеніе, если бы, изучая его, они открыли всѣ тѣ точки соприкосновенія въ воззрѣніяхъ Канта и Ог. Конта, которыя никакъ не могъ замѣтить послѣдній, быть можетъ ничего изъ сочиненій Канта, кромѣ „Idee zu einer allgemeinen Geschichte“, и не читавшій и знавшій его по источникамъ второй руки.

Посмотримъ же, какъ на самомъ дѣлѣ отнеслись послѣдователи Ог. Конта къ „метафизику, наиболѣе близкому позитивной философіи“.

Уже въ 1-ой книжкѣ позитивнаго „Обозрѣнія“ (1867 годъ) Литтрé опредѣляетъ значеніе критики Канта и сводитъ его на опроверженіе теистическихъ тезисовъ Ансельма Кентерберійскаго и Декарта. Онъ осуждаетъ Кузена, что тотъ „ne tint aucun compte de l'importante critique de Kant“, и указываетъ на нѣмецкихъ философовъ, которые будто бы замѣтили, что „l'ar-

[1]) См. письмо, о которомъ упоминается выше, стр. 4.

[2]) Тамъ же.

gument de Kant puissant contre le théisme, n'avait aucune portée contre le panthéisme": и вотъ и вся сила и все значеніе Кантовой критики! Но тутъ все же таки есть какой-то отзвукъ чего то похожаго на философскую критику; смутное указаніе на что то, о чемъ принято говорить, что оно „важно", „important". Вотъ является другой сотрудникъ „Обозрѣнія" и ведетъ совсѣмъ иныя рѣчи. Поводомъ къ изложенію мнѣнія о философской критикѣ служитъ въ настоящемъ случаѣ статья французскаго кантіанца Ренувье, помѣщенная въ сборникѣ Пиллона „L'année philosophique". Ренувье, по заявленію позитивиста, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу представителей „того критицизма, отцомъ котораго считается Кантъ, но критицизма, освобожденнаго какъ отъ безвыходныхъ попытокъ разума, называемыхъ кантовскими антиноміями, такъ и отъ кумировъ старой метафизики, называемыхъ безконечностью, абсолютомъ, субстанціей." „Тщетно усиліе, гласитъ позитивный органъ, освободить раціонализмъ отъ всевозможныхъ безвыходныхъ попытокъ, отъ всѣхъ воображаемыхъ кумировъ: онъ никогда не установитъ системы, онъ всегда останется отрицаніемъ и никогда не станетъ утвержденіемъ (affirmation). Я совершенно понимаю критику всѣхъ существующихъ философій, но не понимаю я стремленія возвести эту критику въ философское ученіе и убѣжденіе, что внѣ этой критики ничто не должно существовать" (??). „Правдива старая пословица: критика легка, но дѣло трудно" (?). „Я знаю, что мнѣ можно указать на другія произведенія г. Ренувье, въ которыхъ пространно изложены его взгляды; но эти взгляды и теоріи, какъ самъ онъ утверждаетъ, суть взгляды и теоріи критическіе; основа ихъ—критика Канта, облеченная въ современную науку"... „Не имѣя возможности отвѣчать теперь на всѣ критики (?) г. Ренувье, мы ограничимся"... и т. д. [1]). То же смѣшеніе обыденнаго понятія о критикѣ съ понятіемъ о критикѣ философской встрѣчаемъ мы и въ статьѣ „Etudes positives sur des objets de métaphysique" [2]), гдѣ снова повторяется,

[1]) Revue. 1868. № 6.

[2]) Id. 1875. № 2.

что „критика не есть философія, что роль критики въ философіи лишь временная". „Католицизмъ въ эпоху своего основанія, говоритъ авторъ, критиковалъ язычество, также какъ философы прошлаго вѣка критиковали католицизмъ". Нисколько не удивительно послѣ этого, если въ статьѣ „De l'espace" [1]) мы не встрѣтимъ ни малѣйшаго слѣда философской критики, и о Кантѣ ни полъ-слова. Автору, да и позитивистамъ вообще, конечно непонятно даже, при чемъ можетъ быть критика: для нихъ „critiquer c'est attaquer l'ennemi".

Такое несчастье постигло позитивистовъ потому, что они не съумѣли стать выше той очень ужъ не философской suffisance, отъ которой едва въ послѣднее время только начинаютъ излечиваться французы, какъ то обнаруживается философскимъ журналомъ Рибо, гдѣ есть статьи, посвященныя нѣмецкой философіи, а также новѣйшими изданіями переводовъ сочиненій Гэккеля, Фохта, Оскара Шмидта и т. п., самостоятельными работами, какова напр. монографія о Кантѣ (Нолена), и всего болѣе успѣхомъ Ренувье, сборникъ котораго превращенъ съ настоящаго года въ журналъ. Все это явленія весьма необычныя: зарейнскіе сосѣди болѣе или менѣе игнорировались до настоящаго времени; небольшая группа переводчиковъ нѣмецкихъ философовъ, Барни, Тиссо, Пейссе и др., стояли совершенно уединенно и въ новое изданіе философскаго словаря не попалъ даже столь преисполненный любовью къ Франціи Фейербахъ. Позитивисты являются совершенными консерваторами въ этомъ отношеніи; для нихъ нѣмецкая философія существуетъ какъ какая-то греза, очертаніе образовъ которой отъ нихъ совершенно ускользаетъ. Въ одномъ только они увѣрены твердо, именно въ томъ, что нѣмецкіе философы отвергаютъ позитивную классификацію; этого довольно, конечно, въ глазахъ всякаго современнаго позитивиста для того, чтобы всѣхъ нѣмецкихъ философовъ считать метафизиками. Пуская ядовитыя стрѣлы въ философію исторіи Гегеля и даже Гердера, позитивисты думаютъ такимъ средствомъ вести борьбу съ современными „метафизиками", а представ-

[1]) Revue. 1873. № 2.

ляя метафизиковъ этихъ маньяками и невѣждами, они воображютъ сражать не призраковъ своего не-позитивнаго воображенія, а реальныхъ противниковъ научной философіи. О существованіи такой философіи у нѣмцевъ они знаютъ только по слухамъ, доходящимъ до нихъ очевидно изъ весьма недоброкачественныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, талантливый де-Витри, изъ котораго несомнѣнно могъ бы выработаться при благопріятныхъ условіяхъ замѣчательный мыслитель, берется разсуждать о психо-физическомъ законѣ Фехнера, и, не имѣя о немъ никакого опредѣленнаго понятія, заканчиваетъ свою инвентиву противъ творцовъ этого закона слѣдующими словами: „Nous n'en sommes pas encore là ... говоритъ онъ. Après tout, il ne convient pas de juger d'après nos mesquines cervelles, des crânes olympiens de la Germanie“ [1]). И однакоже, если бы де-Витри узналъ дѣйствительно, что̀ творится въ этихъ олимпійскихъ черепахъ, онъ бы пересталъ биться какъ рыба объ ледъ позитивнаго схематизма, не путалъ бы того, что уже распутано, не сталъ бы говорить о хронологическомъ опредѣленіи фактовъ, занесенныхъ нѣмецкою наукою въ область миѳовъ, и избѣжалъ бы массы другихъ ошибокъ. Да и завѣтъ учителя, отвергавшаго замкнутость позитивизма и ожидавшаго для позитивизма вкладовъ отъ всѣхъ пяти „избранныхъ“, какъ онъ выражался, націй Европы [2]), былъ бы имъ тогда исполненъ.

Таково отношеніе современныхъ позитивистовъ къ научной

---

[1]) Revue. 1875. №. 2, p. 178.

[2]) Immédiatement destinée à l'ensemble de l'Occident européen, les cinq éléments essentiels de cette noble élite de notre espèce y apporteront chacun l'indispensable participation continue de son génie propre, annonçant déjà, par un tel concours, leur intime combinaison ultérieure. Sous la salutaire prépondérance, également philosophique et politique, assurée à l'ésprit français d'après l'ensemble de la transition moderne, l'ésprit anglais y fera puissament sentir sa prédilection caractéristique pour la réalité et l'utilité, l'ésprit allemand y appliquera son aptitude native aux généralisations systématiques, l'ésprit italien y fera convenablement de pénétrer son admirable spontanéité esthétique, enfin l'ésprit espagnol y introduira son double sentiment familier de la dignité personnelle et de la fraternité universelle.» (Cours. VI. 765.)

философіи въ Германіи вообще и тѣсно связанной съ ней философской критикѣ въ особенности. Понятно теперь, почему элементы критики въ системѣ Ог. Конта остались не только неразвитыми, но даже и незамѣченными.

Односторонность и отсталость, на которыя сами себя добровольно осудили позитивисты, заключаются именно въ общемъ незнакомствѣ ихъ какъ съ исторіей критической философіи, такъ и съ современнымъ ея состояніемъ, но исходною точкою такого печальнаго ихъ положенія все же слѣдуетъ признать невѣдѣніе значенія Канта въ общемъ ходѣ развитія европейской философіи.

Кантъ, какъ философъ, великъ не только тѣмъ, что разъ навсегда твердо и рѣшительно поставилъ философію выше догматизма обыденнаго мышленія, давъ ей исходную точку въ критикѣ, но еще и тѣмъ, что связалъ философію съ наукою, давъ имъ въ опытѣ одно общее основаніе. Область разума была очищена такимъ образомъ отъ всего трансцендентнаго, которое было отнесено въ область воли или такъ названнаго Кантомъ „практическаго“ разума, и „непосредственное усмотрѣніе“ (Anschauung) признано началомъ всякаго знанія. Всякая философія, отступая отъ этихъ началъ, считается неизбѣжно впадающею въ догматизмъ старой метафизики и наивный реализмъ обыденнаго мышленія; всякій мыслитель поэтому, сознающій великое значеніе того поступательнаго движенія, которое сдѣлала философія благодаря Канту, необходимо считаетъ стоящею на высотѣ своей задачи только ту философію, которая зиждется на началахъ критики и науки, этихъ неразрывно-слитыхъ и спасительныхъ началахъ, безъ которыхъ всякая попытка систематизаціи понятій приводитъ къ одному только пустому разглагольствованію. Въ этомъ смыслѣ и считается Кантъ великимъ философомъ, реформаторомъ новой философіи и отцомъ философской критики; въ этомъ смыслѣ тяготѣетъ къ Канту всякая современная научная философія. Что же касается рѣшенія кантовской задачи самимъ Кантомъ, т. е. собственно системы Канта, то само собою разумѣется, что въ настоящее время оно имѣетъ только историческое значеніе. Будучи поставлено въ связь съ наукою, рѣ-

шеніе задачи Канта необходимо должно было сдѣлать и успѣхи, сообразные съ успѣхами, сдѣланными наукою. Въ рѣшеніи же критической задачи самимъ Кантомъ—ложная психологическая теорія, некритическое отношеніе ко многимъ положеніямъ традиціонной метафизики и ошибочное направленіе критики, слишкомъ часто увлекавшейся полемикой съ лейбнице-вольфовою школою и обращавшей вслѣдствіе того обще-философскую критику въ частную критику тезисовъ этой школы,—все это, вмѣстѣ съ несчастною мыслью о цѣли ограниченія знанія (въ предисловіи ко 2-му изд. «Критики чистаго разума»), совершенно извратило осуществленіе основной мысли Канта, оставивъ ее какъ драгоцѣнное наслѣдство для слѣдующихъ за нимъ поколѣній. Много времени потребовалось однако же для того, чтобъ великое значеніе Канта для философіи было по достоинству оцѣнено и понято, и еще болѣе для того, чтобы дѣло его нашло продолжателей. Не являлось такого генія, который снесъ бы одинъ на своихъ плечахъ все бремя философской задачи Канта, и потребовались для нея соединенныя усилія многихъ мыслителей. Только въ новѣйшее время, благодаря широкимъ успѣхамъ, сдѣланнымъ науками, оказалось возможнымъ правильно взглянуть на Канта, какъ на философа и ученаго. Иниціатива поворота въ отношеніяхъ къ Канту, какъ философу, принадлежитъ Отто Либману [1]), возстановленіе же забытыхъ заслугъ Канта наукѣ—главнымъ образомъ Цѣллнеру и Фрицу Шульце [2]). Въ воззваніи Либмана: „Es muss auf Kant zurückgegangen werden“, провозглашенномъ впервые одиннадцать лѣтъ тому назадъ, заключалось, правда, много увлеченія; но воззваніе это содержало глубоко-вѣрную мысль и потому было услышано, послужило сигналомъ къ новому тщательному изученію философскихъ воззрѣній Канта и дало поводъ попыткамъ къ обоснованію заново Кантовой теоріи опыта и Кантовой критики, породивъ цѣлую литературу, прямо или косвенно относящуюся къ ново-кантіанскому движенію. Нѣкоторые

[1]) Otto Liebmann, Kant und die Epigonen. 1865.

[2]) I. C. F. Zollner, Ueber die Natur der Cometen. (Imm. Kant und seine Verdienste um die Naturwissenschaft. S. 426). Fritz Schultze, Kant und Darwin. 1875.

извѣстные [1]) ученые усвоили основныя воззрѣнія Канта и приняли ихъ въ руководство при разработкѣ научныхъ теорій [2]), и Кантъ еще разъ занялъ въ Германіи высокое и вліятельное положеніе.

---

[1]) Замѣчательнѣйшія изъ относящихся сюда сочиненій суть слѣдующія:

O. Liebmann, Ueber den objectiven Anblik. Eine kritische Abhandlung. 1869.

I. Bergmann, Grundlinien einer Theorie der Bewusstseins. 1870.

Jurgen Bona Meyer, Kant's Psychologie. 1870.

W. Schuppe, Das menschliche Denken. 1870.

H. Cohen, Kant's Theorie der Erfahrung. 1871. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Cuno Fischer. (Zeitschrift fur Volkerpsychologie. VII Band. 1871). Die systematischen Begriffe in Kant's vorkritischen Schriften nach ihrem Verhaltniss zum kritischen Idealismus. 1873.

F. A. Lange, Geschichte des Materialismus. 2-e Aufl. 1873—75.

A. Spir, Denken und Wirklichkeit. Versuch einer Erneuerung der kritischen Philosophie. 1873.

A. Stadler, Kant's Teleologie und seine erkenntnisstheoretische Bedeutung. 1874

G Spicker, Ueber das Verhaltniss der Naturwissenschaft zur Philosophie. 1874.

A. Holder, Darstellung der Kantischen Erkenntnisstheorie. 1874.

J. Witte, Beiträge zum Verstandniss Kant's. 1874.

R. Zimmermann, Kant und die positive Philosophie. 1874.

E. Hallier, Die Weltanschauung des Naturforschers. 1875.

F. Paulsen, Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnisstheorie. 1875.

A. Horwicz, Psychologische Analysen. II Theil. Analyse des Denkens, zugleich die Grundlinien der Erkenntnisstheorie. 1875.

G. Spiecker, Kant, Hume und Barkeley. Eine Kritik der Erkenntnisstheorie. 1875

W. Tobias, Grenzen der Philosophie. 1875.

A. Stadler, Die Grundsatze der reinen Erkenntnisstheorie in der Kantischen Philosophie. 1876.

A. Riehl, Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft. I Band. 1876.

Wilhelm Goring, Raum und Stoff. Ideen zu einer Kritik der Sinne. 1876.

Laas, Kant's Analogien der Erfahrung. 1876.

[2]) Гельмгольцъ, Фикъ, Вундтъ.

Бо́льшая часть писателей, посвятившихъ труды свои разработкѣ Кантовой философіи, стремится идти рука объ руку съ наукою и пытается обосновать философскую критику на данныхъ положительнаго знанія; ново-кантіанская литература поэтому должна бы представлять для позитивистовъ предметъ самаго тщательнаго изученія и самаго живаго интереса. Еслибы это изученіе и этотъ интересъ имѣли мѣсто, то, нѣтъ сомнѣнія, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, позитивисты извлекли бы изъ критицизма убѣжденіе въ необходимости развить зачаточные элементы критики въ системѣ Ог. Конта и, взявшись за эту задачу, рѣшили бы ее согласно съ требованіями другихъ основоначалъ позитивизма. Позитивизмъ остался бы, какъ и былъ, реализмомъ; ему не было бы нужды переходить раздѣлявшую его отъ ново-кантіанства пропасть апріорности, такъ какъ не о подражаніи шло дѣло; оставаясь на почвѣ реализма, позитивизмъ проникся бы только идеею философской критики, которая въ немъ была едва намѣчена, и достигъ бы такимъ образомъ высшей стадіи своего развитія. Стремленіе къ этой стадіи, къ стадіи критическаго реализма, было, какъ мы уже знаемъ, вложено въ него уже Ог. Контомъ, и оставалось только слѣдовать пути, предначертанному этимъ геніемъ, чтобы самобытно достигнуть фазиса зрѣлости и полнаго развитія. Но послѣдователи Ог. Конта, какъ я показалъ и покажу еще далѣе, не поняли именно философской стороны воззрѣній своего учителя,—они замкнулись въ схематичность, шаблонность и догматизмъ и оказались безсильными вести далѣе развитіе философской мысли Ог. Конта. Въ теченіи многихъ лѣтъ они успѣли только атрофировать зачатки философской жизни позитивной системы и не внесли въ нее ничего болѣе. Между тѣмъ за это же время шла разработка позитивнаго критицизма и мало по малу подготовлялся переворотъ, результатомъ котораго долженъ былъ явиться именно тотъ критическій реализмъ, движеніе къ которому, хотя и присущее позитивизму, было остановлено самими же позитивистами. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ преодолѣніемъ роковаго a priori, критицизмъ обосновывался заново, переставалъ быть кантовскимъ, перерождался и являлся

какъ бы готовымъ рѣшеніемъ той задачи, которую поставилъ Ог. Контъ въ своемъ прелиминаріи. Между этимъ преобразованнымъ критицизмомъ и позитивизмомъ не существовало болѣе никакой пропасти, никакой помѣхи къ связи, кромѣ замкнутости позитивистовъ и ихъ философской ограниченности. И тогда какъ представители критическаго реализма ставятъ необходимымъ условіемъ развитія философіи соединеніе философской систематики съ философскою критикою и твердо установляютъ взаимную зависимость между философіею и наукою [1]), — позитивисты только и умѣютъ, что стоять на стражѣ своей іерархической схемы, затыкая уши для всего, что происходитъ внѣ ихъ прихода.

Если бы современные позитивисты понимали, что они унаслѣдовали отъ Ог. Конта недоразвитый критическій реализмъ и если бы они не низвели его на степень чуть ли не реализма наивнаго, то они вѣрно рѣшились бы освѣжить себя изученіемъ современнаго состоянія философіи и перестали бы бы простодушно вѣровать въ волшебное значеніе слова „метафизика“. Ужели же въ самомъ дѣлѣ оспориваніе іерархической схемы свидѣтельствуетъ о метафизичности? Врядъ ли достаточно огульнаго обозванія метафизиками всѣхъ настоящихъ и грядущихъ философовъ, чтобы оградить устойчивость позитивизма? Не равносильно ли такое огражденіе огражденію отъ всякаго новаго и живаго слова?

Литтрé и его школа, подобно нашимъ суздальцамъ [2]), смѣшиваютъ Канта съ позднѣйшими метафизиками, воображаютъ себѣ, что метафизики эти всецѣло продолжали дѣло

---

[1]) Goring, Baumann, соч. цит. на стр. 153.

[2]) ... „Оковы субъективизма наложены Кантомъ и окончательно были затянуты „ячествомъ“ его послѣдователей идеалистовъ. Мы знаемъ только себя, и ничего не знаемъ, что дѣлается передъ нашими окнами, а тамъ что-то есть. Есть-то есть, тянули дальше идеалисты, но оно тоже наше, и отъ насъ вышло; да тамъ и нѣтъ ничего: то мы сами, то все факты феноменологіи духа“. М. Антоновичъ. Два типа современныхъ философовъ. (Современникъ. 1861 г., кн. 4, стр. 415). О противоположности между Кантомъ и послѣдующими за нимъ не-критическими идеалистами г. М. Антоновичъ и не подозрѣваетъ.

Канта и потому считаютъ себя въ правѣ хоронить за одно съ метафизиками этими и Канта. Совсѣмъ иначе смотрятъ на Канта представители критическаго реализма; они воскресили духъ Канта именно въ смыслѣ противопоставленія его некритической философіи эпигоновъ (Фихте, Шеллингъ, Гегель и т. д.), и, давъ начало совершенно новому направленію критицизма, привели къ ясному сознанію различеніе задачи Канта отъ ея исполненія и далѣе—къ перерѣшенію ея, согласно современному состоянію развитія наукъ. Этотъ послѣдній моментъ, преодолѣвъ окончательно все некритическое въ системѣ Канта, выработалъ то міросозерцаніе, которое и къ системѣ Ог. Конта стало въ отношеніи высшаго фазиса развитія къ фазису нижшему или установленнаго критическаго реализма къ критическому реализму устанавляющемуся. Въ немъ, такимъ образомъ, и сказалось для позитивистовъ то новое и живое слово, которое они сами безсильны были выработать, но противостоять власти котораго они еще безсильнѣе, такъ какъ оно одно только дѣлаетъ изъ позитивизма окончательно то, чѣмъ онъ по природѣ своей стремится быть,—критическою философіею дѣйствительности.

Слабое знакомство Литтре и литтреистовъ съ воззрѣніями Канта и крайне неудовлетворительное ихъ пониманіе задачи критической философіи заставило главу современныхъ позитивистовъ отвернуться отъ философскаго критицизма на томъ основаніи, что будто бы критицизмъ, подобно всякой метафизикѣ, не загражданетъ пути къ обычнымъ метафизическимъ заблужденіямъ вообще и ложному взгляду на причинность въ особенности. Если Кантовское разрѣшеніе задачи философской критики въ самомъ дѣлѣ метафизично, то — надо замѣтить всего прежде — оно далеко не такъ грубо метафизично, какъ думаетъ Литтре, и поэтому опасности, представляемыя Кантовою точкою зрѣнія, далеко не такъ легко устранимы, какъ это кажется Литтре. Здѣсь дѣло идетъ не о произвольномъ или, вслѣдствіе произвольныхъ посылокъ, неизбѣжномъ установленіи абсолютныхъ причинъ, но о причинности, какъ апріорной формѣ мышленія, и связанныхъ съ нею другихъ апріор-

ныхъ формахъ,—умозрѣніи столь же остроумномъ, какъ и глубокомысленномъ, и столь плѣнительномъ для ума, что и такіе мыслители, какъ Гельмгольцъ, Цёллнеръ, Фикъ, Ланге, не могли устоять противъ него. Настоящій подводный камень Кантовскаго критицизма есть такимъ образомъ „a priori“ и объ его устраненіи и должно идти дѣло тогда, когда начала Контовскаго прелиминарія были поняты какъ начала критическія и явилась необходимость довести ихъ до достодолжной степени развитія. Оставляя такимъ образомъ безъ вниманія мнимыя опасности, представляющіяся по отношенію къ критической философіи воображенію Литтре, мнѣ предстоитъ изложить теперь тѣ основанія, опираясь на которыя современные представители философскаго критицизма отвергли Кантовское „a priori“ и такимъ образомъ произвели переворотъ въ самыхъ основахъ критической философіи.

Съ перваго взгляда можетъ представиться, что Ог. Контъ упредилъ дѣло современныхъ критическихъ реалистовъ и окончательно порѣшилъ съ метафизическимъ рѣшеніемъ вопроса причинности и съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его — апріорностью, устранивъ въ „Курсѣ“ своемъ и самую рѣчь о причинѣ, и замѣнивъ ее научнымъ понятіемъ закона. „Въ самыхъ совершенныхъ даже позитивныхъ объясненіяхъ“, говоритъ онъ, „мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія излагать причины, производящія явленія, потому что въ такомъ случаѣ мы бы только отдаляли затрудненія, но мы имѣемъ въ виду только точный анализъ обстоятельствъ ихъ происхожденія и связь между ними посредствомъ нормальныхъ отношеній послѣдовательности и сходства“ [1]). Контово рѣшеніе вопроса должно быть признано однакоже мнимымъ: уже Милль [2]), а затѣмъ и Льюисъ [3]), показали, что Контово осужденіе изслѣдованія причинъ оставляетъ идею причины неприкосновенною и вноситъ измѣненіе только въ терминологію. „Отказываясь отъ слова, имѣющаго

[1]) Comte, Cours. I, p. 17.

[2]) St. Mill, System der Logik. Uebersetz. v. J. Schiel. 1862. I Theil. S. 403. Ст. Милль, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр 53.

[3]) Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ. Т I, стр. 351.

положительное значеніе", замѣчаетъ Милль, „Ог. Контъ упускаетъ и мысль, выражаемую имъ". И въ самомъ дѣлѣ, упущеніе этой мысли внесло, какъ увидимъ далѣе, въ идею закона позитивной системы нѣкоторую путаницу и придало установленію этого закона догматическій характеръ. Такимъ образомъ, у Ог. Конта явился здѣсь не зародышъ философскаго критицизма, какъ въ другихъ случаяхъ, а пробѣлъ, пополненіе котораго тѣмъ необходимѣе, что одно только критическое изслѣдованіе причинности ведетъ къ устраненію a priori изъ Кантовскаго критицизма, и этимъ путемъ открываетъ и возможность усвоенія позитивизмомъ критической точки зрѣнія. Итакъ, Ог. Контъ не разрѣшилъ вопроса о причинности реформою въ терминологіи, но, напротивъ того, замедлилъ его разрѣшеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замедлилъ и развитіе позитивизма, провозгласивъ мнимую неподвижность въ томъ именно пунктѣ, гдѣ находился самый удобный, для движенія впередъ, выходъ.

Изъ приведенныхъ выше объясненій различія между представленіями и понятіями явствуетъ, что о причинѣ, слѣдствіи, причинной связи, причинности, мы не можемъ имѣть никогда и ни въ какомъ случаѣ никакого представленія, а строимъ только понятія. Когда мы мыслимъ причинность, то представленія наши сняты не съ причинности, какъ таковой, не съ причины и слѣдствія, какъ таковыхъ, но только съ двухъ явленій, одно за другимъ слѣдующихъ или сосуществующихъ. Если мы полагаемъ, что второе изъ этихъ явленій существуетъ только потому, что существуетъ первое, то этимъ опредѣленіемъ отношеній между ними мы и установляемъ связующую ихъ причинность и, согласно этому понятію, разсматриваемъ первое явленіе какъ причину, второе — какъ ея слѣдствіе. Само собою разумѣется, что построеніе этого понятія обыденнымъ мышленіемъ и научно-философское построеніе его имѣютъ между собою очень мало общаго. Всего прежде надо обратить вниманіе на то, что обыденное мышленіе встрѣчаетъ сравнительно съ мышленіемъ критическимъ весьма мало поводовъ для составленія понятія о причинности и проходитъ мимо цѣлой массы фактовъ, не задаваясь вопросомъ о причинной связи между ними. Всѣ часто

повторяющіяся астрономическія, метеорологическія, физическія и т. д. явленія и все вообще повседневное и обычное не вызываетъ у обыденнаго мышленія конечнаго вопроса о причинѣ; только необыкновенныя, изъ ряда вонъ выходящія, рѣдкія явленія возбуждаютъ его удивленіе и заставляютъ задумываться о причинѣ ихъ. Такимъ образомъ, удивленіе, какъ замѣтилъ еще Платонъ, и становится началомъ философіи, т. е. ставятся вопросы, разрѣшать которые можетъ только философія. Обыденное мышленіе разрѣшаетъ ихъ, какъ я только что замѣтилъ, совершенно своеобразно и далеко не философски. Понятіе о причинности, подобно тому, какъ и многія другія понятія, строются обыденнымъ мышленіемъ на основаніи аналогіи, предполагаемой между міромъ внѣшнимъ, объективнымъ, и міромъ внутреннимъ, субъективнымъ. Активная и пассивная сторона этого послѣдняго значительнымъ образомъ опредѣляетъ способъ образованія понятія о причинности и характеръ его. Человѣкъ считаетъ себя обыкновенно причиной всякаго своего дѣйствія и не принимаетъ во вниманіе тѣхъ условій, безъ которыхъ дѣйствія эти не могли бы быть совершены. Обыденное мышленіе постоянно вращается въ области представленій, такъ какъ оно не различаетъ представленій отъ понятій, и мыслитъ послѣднія какъ соотвѣтственныя объектамъ. Такимъ образомъ, разсматриваніе опредѣленнаго субъекта какъ причины его дѣйствія совершенно удовлетворяетъ обыденное мышленіе и не побуждаетъ его къ розысканію другихъ представленій, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ должно быть составлено понятіе о причинѣ. По аналогіи съ дѣятельностью субъекта, отношеніе причины и слѣдствія въ мірѣ объектовъ разсматривается такъ, какъ бы одно извѣстное явленіе производило другое. Но какое же явленіе считать причиной даннаго, какъ не то, которое является послѣднимъ наглядным поводомъ его возникновенія. Отсюда и столь любимая поговорка о малыхъ причинахъ и великихъ послѣдствіяхъ; такъ, напр., обыкновенно говорятъ, что искра, попавшая въ пороховой складъ, взорвала на воздухъ громадныя зданія; что Лютеръ произвелъ реформацію и т. п. Идя далѣе по такому пути, обыденное мышленіе измыслитъ искру, Лютера и т. д. во всѣхъ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда представленіе о нихъ невозможно будетъ составить обыкновеннымъ порядкомъ, но ни въ какомъ случаѣ не успокоится на понятіи и его анализѣ, или, вѣрнѣе, ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы конечное разрѣшеніе вопроса сознательно приводило къ понятію.

Философія, въ своемъ до-критическомъ періодѣ, такъ много повторявшая ошибки обыденнаго мышленія, прошла по отношенію къ причинности и черезъ фазисъ невѣдѣнія ея тогда, когда разсматривала міръ исключительно или преимущественно какъ бытіе (до Гераклита), и даже тогда, когда впервые перенесла центръ тяжести міровоззрѣнія на возникновеніе (Гераклитъ), и черезъ фазисъ объективированія и даже олицетворенія этого понятія, и черезъ многія другія ошибки, которыя при посредствѣ критическаго анализа образованія понятія причинности становятся совершенно очевидными и надъ которыми въ частности я поэтому останавливаться не буду. Философія своимъ авторитетомъ не рѣдко санціонировала эти ошибки и давала имъ опору въ сложной и хитросплетенной аргументаціи; но за то она въ лицѣ представителей спектицизма и преодолѣла ихъ, подготовивъ для критическаго фазиса путь къ правильному разрѣшенію этого вопроса, такъ долго безплодно переходившаго отъ одной путаницы къ другой.

Я замѣтилъ уже выше, что все повседневное, обыкновенное, часто повторяющееся разсматривается обыденнымъ мышленіемъ какъ вполнѣ понятное и не требуетъ поэтому никакого объясненія. Имѣя въ своемъ распоряженіи запасъ представленій, принимаемыхъ за извѣстныя и понятныя, обыденное мышленіе полагаетъ возможнымъ объяснить себѣ при его посредствѣ и неизвѣстное, т. е. неповседневное, необыкновенное, рѣдко встрѣчающееся. Объясненіе чего-либо или, съ другой стороны, пониманіе чего-либо становится такимъ образомъ для обыденнаго мышленія тождественнымъ приведенію неизвѣстнаго къ извѣстному, необыкновеннаго къ обыкновенному. При этомъ въ объясненіе впутывается часто ассоціація идей, берущая начало въ словесномъ обозначеніи понятій: часто повторяемыя слова начинаютъ казаться понятными и годными для объясненій безъ пря-

маго посредства чувствъ, такъ что въ запасъ представленій проникаютъ понятія, могущія, при критическомъ изслѣдованіи ихъ, оказаться призраками. Изъ этого видно, что приведеніе неизвѣстнаго къ извѣстному въ обыденномъ мышленіи представляетъ такое объясненіе, которое очень часто можетъ вести къ совершенному удаленію отъ истины. Такое удаленіе обозначается внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что обыденное мышленіе обыкновенно представляетъ для одного и того же факта множество различныхъ объясненій, т. е. множество подведеній его подъ различныя причины. При этомъ объясненіи и не достаетъ именно объективной принудительности, которою установляется единомысліе въ области знанія; одинъ и тотъ же случай подсовываетъ каждому то или другое объясненіе, дѣлая привычнымъ или непривычнымъ такое или иное явленіе. Тѣмъ не менѣе, однако же, объективная дѣйствительность полагаетъ здѣсь нѣкоторыя границы заблужденіямъ до тѣхъ поръ, пока причину относятъ къ дѣйствительному представленію, а не къ принимаемому за таковое понятію. Съ этого же момента начинается игра полнѣйшаго произвола и разгулъ безконтрольной ассоціаціи идей, не знающей никакихъ ограниченій.

Очевидное заключеніе изъ всего вышесказаннаго то, что образованіе понятія причины совершается у обыденнаго мышленія совершенно произвольно и не методически, какъ по отношенію къ тому, что̀ это понятіе должно объяснить, такъ и по отношенію къ тому, на чемъ оно думаетъ основать свое объясненіе. Всего важнѣе здѣсь то, что обыденное мышленіе не изслѣдуетъ отношеніе, въ которомъ избранныя имъ для объясненія причины находятся къ явленіямъ, которыя предстоитъ объяснить, и принимаетъ во вниманіе одну только случайную повседневность ихъ для субъекта. Совсѣмъ инымъ путемъ идетъ критическое мышленіе; оно не переходитъ случайно отъ одного представленія къ другому, но вырабатываетъ понятіе, слѣдя за объективною связью вещей, — пріемъ, противоположный пріемамъ обыденнаго мышленія и совершенно для него недоступный.

Критическое понятіе причинности дѣлаетъ разъ навсегда невозможнымъ выводъ дѣйствія изъ отдѣльно мыслимой при-

чины; разлагая сложное дѣйствіе на простые элементы или причины, оно установляетъ ту соотносительность причины и дѣйствія, которая одна только и можетъ имѣть значеніе въ философіи. Такъ какъ дѣйствія мы воспринимаемъ, а о причинахъ, напротивъ того, заключаемъ, то, слѣдовательно, переходъ отъ дѣйствія къ причинѣ есть переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и основанное на немъ объясненіе получаетъ значеніе прямо противоположное тому, которое придается ему обыденнымъ мышленіемъ. Этимъ различіемъ и опредѣляется различіе между знаніемъ и пониманіемъ (или объясненіемъ— разсматривая пониманіе съ активной его стороны). О явленіяхъ мы имѣемъ представленіе, мы ихъ знаемъ; понять же мы можемъ ихъ тогда, когда установимъ гипотезы о лежащихъ въ основѣ ихъ причинахъ. Если же установленныя нами гипотезы подтвердятся a posteriori, то объясненіе наше превращается въ знаніе. Ранѣе же такого апостеріорнаго подтвержденія гипотеза должна быть разсматриваема какъ невполнѣ достовѣрная и, слѣдовательно, еще не могущая называться знаніемъ.

Итакъ, не причиность вообще, но однѣ только отдѣльно взятыя причины могутъ служить пониманію явленій, т.е. всякое явленіе, разсматриваемое какъ дѣйствіе, должно быть отнесено къ его причинѣ. Эта соотносительность дѣйствія и причины и можетъ руководить при образованіи такихъ понятій о причинѣ всякаго даннаго явленія, которыя могутъ имѣть въ наукѣ значеніе. Ясно однакоже, что цѣпь дѣйствій и причинъ можетъ быть продолжена только до того момента, когда намъ встрѣтится нѣчто, не могущее быть поставленнымъ къ чему бы то ни было въ отношеніе дѣйствія. Это нѣчто можетъ ужъ быть не понято, но только познано, и причинность не можетъ идти далѣе; такъ, она не охватываетъ матеріи и силы, которыя и должны быть признаны, какъ то учитъ и позитивная философія, фактами неразложимыми (faits irréductibles).

Прежде чѣмъ я укажу на тѣ важныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ выясненной выше соотносительности причины и слѣдствія, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о

значеніи понятія закона, которымъ, какъ мы уже знаемъ, замѣнено у позитивистовъ понятіе причинности или, точнѣе говоря, смѣшано съ нимъ. На обязанности философской критики лежитъ устраненіе этого смѣшенія и установленіе вѣрнаго взгляда какъ на первое понятіе, такъ и на второе, вообще говоря весьма часто неудовлетворительно разграничиваемыя.

Очевидно, что взглядъ на законъ, какъ на причину единичныхъ явленій, есть также результатъ антропоморфизма, берущаго начало изъ аналогіи съ законами человѣческими и ихъ вліяніемъ на человѣческую дѣятельность. Отъ такого антропоморфизма лучшею защитою служитъ полное отождествленіе закона съ понятіемъ о видѣ, характеръ котораго опредѣляется свойствами того, что подъ него подведено. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ области бытія, представляющагося намъ относительно неизмѣннымъ, точно также и въ области происхожденія существуетъ единообразіе правильно-потворяющихся измѣненій. Это единообразіе повторенія служитъ основаніемъ для составленія понятій, имѣющихъ точно такое же значеніе, какъ и въ области бытія. Точно такъ же какъ наблюденіе постоянства свойствъ многихъ экземпляровъ даетъ возможность заключать объ остальныхъ индивидахъ, не подлежавшихъ наблюденію, и, съ предварительною предположительною достовѣрностію, приписывать имъ тѣ же свойства,—точно также наблюденіе одинаковости свойствъ правильно возвращающихся измѣненій даетъ возможность заключать о наступленіи такихъ же измѣненій. Такимъ соединеніемъ опыта и мышленія осуществляются хоть гипотетически-достовѣрныя обобщенія знанія. Это обобщеніе, фактически относящееся ко многимъ, но гипотетически охватывающее всѣ случаи измѣненій, и называется закономъ. Очень ясно, такимъ образомъ, что понятіе о законѣ не можетъ имѣть въ области измѣненій иного значенія, какъ и въ области бытія. Если законъ и даетъ возможность предвидѣть измѣненія съ значительною степенью вѣроятности, то нѣтъ еще основанія заключить объ объективной зависимости этихъ измѣненій отъ закона, и такимъ образомъ объективировать и этотъ послѣдній, считать его реальною причиною происходящихъ измѣ-

неній. На самомъ дѣлѣ законъ, какъ понятіе, зависитъ отъ единичныхъ фактовъ и сохраняетъ значеніе свое только до тѣхъ поръ, пока факты эти не находятся съ нимъ въ противорѣчіи. Лишь только же наблюдается такое противорѣчіе, законъ становится понятіемъ, лишеннымъ содержанія, и теряетъ всякое значеніе.

Правильное установленіе понятія о законѣ прекращаетъ возможность объясненія посредствомъ него отдѣльныхъ фактовъ; такое объясненіе возвращаетъ насъ снова къ обыденному воззрѣнію, которое считаетъ понятнымъ все обычное и для него не нуждается ни въ какомъ объясненіи. Можетъ ли служить однакоже объясненіемъ для отдѣльнаго факта то обстоятельство, что и многіе другіе факты также съ нимъ согласуются? Общность фактовъ даетъ намъ только знаніе, но не объясненіе. Надежда же найти въ общности этой объясненіе проистекаетъ изъ того ипостазированія понятія о законѣ, которое господствовало еще въ то время, когда вниманіе философовъ было преимущественно обращено не на результатъ происхожденія, но на бытіе, и потомъ незамѣтно перешло и въ новѣйшую науку и философію, и которое по отношенію къ происхожденію поставлено въ ту же роль, въ которой находилось прежде по отношенію къ бытію.

Чтобы еще съ бо̀льшею опредѣленностью показать ошибочность воззрѣній, объективирующихъ понятіе о законѣ, объяснимъ себѣ нѣсколько подробнѣе его происхожденіе.

Исходная точка нашего знанія, какъ не разъ уже было, объяснено, есть представленіе; представленію же объективно соотвѣтствуетъ фактъ, явленіе, которое во всякомъ данномъ случаѣ есть непремѣнно нѣчто конкретное и опредѣленнымъ образомъ индивидуальное. Такимъ образомъ, знаніе наше имѣетъ прямое соотношеніе только къ отдѣльнымъ, конкретнымъ, индивидуальнымъ фактамъ; ими вполнѣ и окончательно исчерпывается весь объективный матерьялъ, которымъ мы только можемъ располагать; такъ что все дальнѣйшее знаніе, какъ бы далеко ни шло его развитіе, относится къ дѣйствительности лишь посредственно̀, косвенно и состоитъ изъ образованныхъ

нами же понятій. Такимъ образомъ, когда говорятъ объ открытіи закона и понимаютъ это открытіе въ томъ же смыслѣ, какъ открытіе планеты или острова, то, очевидно, впадаютъ въ указанное выше антропоморфическое лжетолкованіе: законы не существуютъ объективно, какъ планеты или острова, и открытіе ихъ есть, собственно говоря, только завершенное и законченное образованіе новаго понятія. Представленіе о единичномъ фактѣ остается представленіемъ до тѣхъ поръ, пока не является возможности ввести представленіе это въ извѣстную связь съ другими представленіями и образовать понятіе, которое и получаетъ названіе закона. Законъ, такимъ образомъ, не есть нѣчто первенствующее надъ фактами, нѣчто, управляющее бо̀льшими или меньшими массами ихъ, нѣчто, подчиняющее себѣ факты какъ какихъ-то подданныхъ;—законъ, напротивъ того, находится въ полной зависимости отъ фактовъ, такъ какъ онъ является послѣ нихъ, образуется изъ представленій, снимаемыхъ съ нихъ. Изъ этого видно, что ни о какихъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ, правящихъ міромъ законахъ не можетъ быть и рѣчи въ научно-критической философіи, освобожденіе которой отъ всѣхъ призраковъ обыденнаго мышленія и метафизики должно быть полное и окончательное.

Изложенное выше критическое изслѣдованіе понятій на причинности и закона приведено мною изъ упомянутыхъ уже не разъ сочиненій Гёринга и Баумана, съ тою цѣлью, чтобы показать, какимъ образомъ современный критицизмъ успѣлъ устранить a priori и за́ново обосновать философски реализмъ на началахъ критическихъ, совершенно освободившихся отъ метафизики Канта. Прежде однакоже, чѣмъ довести до конца это объясненіе, я воспользуюсь добытыми теперь результатами для того, чтобы остановить вниманіе читателя на соотвѣтственныхъ воззрѣніяхъ Ог. Конта. Перечитывая мѣста „Курса“, относящіяся къ настоящему вопросу, легко замѣтить теперь какъ вѣрные взгляды этого мыслителя,—взгляды. излагаемые къ сожалѣнію догматически,—такъ и многочисленныя его ошибки, частью основоначальныя, частью обусловленныя неточностью языка, не стѣсняемаго строгими требованіями разработанной теоріи познаванія.

Взгляды на законъ, какъ на результатъ анализа фактовъ и отождествленіе его съ „общимъ фактомъ“ и т. п., должны быть отнесены, конечно, къ числу геніальныхъ отгадокъ, которыми Ог. Контъ какъ бы упреждалъ задачи философской критики, но за то нельзя не признать, что рѣчь о подчиненіи фактовъ законамъ, объ объясненіи фактовъ законами и объ отождествленіи извѣстнаго съ повседневнымъ низводитъ воззрѣнія Ог. Конта постепенно къ догматизму, наивному реализму и обыденному мышленію, заставляя еще разъ этотъ великій умъ становиться въ противорѣчіе съ самимъ собою и съ тѣми основоначалами, послѣдовательное развитіе которыхъ должно бы было раскрыть эти ошибки и окончательно устранить ихъ [1]).

Переходя теперь къ вопросу объ a priori и устраненіи его современнымъ критическимъ реализмомъ, обратимъ первоначально вниманіе наше на то, что воспріятія, разсматриваемыя какъ дѣйствія, по отношенію къ причинной связи могутъ быть расматриваемы различно и что отъ этого различія зависитъ та коренная противоположность, которая лежитъ въ основѣ идеализма и реализма съ одной стороны, наивнаго и критическаго реализма—съ другой. Какъ идеализмъ, такъ и наивный реализмъ ставятъ причину воспріятій или исключительно въ субъектѣ или исключительно въ объектѣ, т. е. принимаютъ причинность точно такъ же, какъ обыденное мышленіе,—въ смыслѣ абсолютнаго нѣчто, производящаго дѣйствіе. Изъ общей совокупности условій возникновенія воспріятій, идеализмъ исключаетъ объектъ; наивный реализмъ—субъектъ. Мы видѣли уже, что такой взглядъ на причинность вытекаетъ изъ объективированія понятій и рѣшительно отвергается философскою критикою, которая должна такимъ образомъ отвергнуть и идеализмъ, и наивный реализмъ, какъ предполагающіе въ основѣ своей не-критическое понятіе причинности. Правильное же понятіе причинности, требующее разложенія дѣйствія на его элементы или причины, считаетъ воспріятіе продуктомъ какъ субъективнаго, такъ и объектив-

[1]) Comte, Cours. I, 16—17; VI, 606 et suiv.

наго фактора, и разсматриваетъ тотъ и другой какъ его причины. Критическій реализмъ, какъ видно изъ этого, противополагаясь реализму наивному, еще въ сильнѣйшей степени противополагается идеализму. Такъ, наивный реализмъ отрицаетъ только участіе субъекта въ образованіи воспріятій, но не отрицаетъ и не можетъ отрицать существованія самого субъекта, тогда какъ идеализмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, неизбѣжно долженъ отрицать существованіе объекта. Критическій реализмъ не можетъ быть разсматриваемъ, слѣдовательно, какъ компромиссъ между идеализмомъ и реализмомъ, какъ полагаетъ Либманъ, утверждающій, что противоположность между идеализмомъ и реализмомъ имѣетъ относительное значеніе и въ новѣйшее время все болѣе и болѣе стушовывается [1]), и не долженъ и принимать того сбивчиваго названія (Realidealismus), которое бы давало идею такого компромисса. Гёрингъ, такъ строго послѣдовательно проводящій идею критическаго реализма въ своей „Системѣ критической философіи", дѣлаетъ, какъ я думаю, ошибку, допуская въ одномъ мѣстѣ этотъ терминъ, затемняющій истинный смыслъ основной идеи критическаго реализма [2]). Уравновѣшивая значеніе обоихъ факторовъ, производящихъ воспріятіе, и устраняя мысль о предшествованіи одного другимъ,—мысль, свойственную именно компромиссамъ, критическій реализмъ остается далекъ отъ усвоенія чертъ, характеризующихъ идеализмъ, и представляетъ типъ самаго строгаго, сознательнаго и до конца послѣдовательнаго реализма.

Выяснивъ возникновеніе апріорныхъ понятій изъ ложнаго понятія причинности и показавъ устраненіе его посредствомъ исправленія этого понятія, я выяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что самое понятіе причинности у послѣдовательныхъ идеалистовъ должно было ранѣе всѣхъ другихъ понятій быть признано апріорнымъ. Такая необходимость заключаетъ однакоже въ себѣ то внутреннее противорѣчіе, какъ ѣдко замѣтилъ Гёрингъ, что апріорность причинности возникла въ исторіи философіи очень поздно и теперь еще очень своеобразно понимается

[1]) O. Liebmann, Zur Analysis etc. S. 33.

[2]) C. Goring, System, II. S. 216—217.

обыденнымъ мышленіемъ [1]). Въ виду этихъ, бьющихъ въ глаза фактовъ, идеалистамъ предстояло представить другіе, которые бы съ такою же силою убѣждали насъ въ невозможности своего объясненія безъ помощи гипотезы апріорности. Такіе факты не были однакоже представлены и гипотеза остается и до сихъ поръ совершенно излишнею, а данныя науки, какъ, напр. наблюденія надъ слѣпорожденными, которымъ было возвращено зрѣніе, самымъ рѣшительнымъ образомъ ей противорѣчатъ. Неудивительно поэтому, что апріорность причинности находитъ такъ много противниковъ со временъ Гербарта: Лотце, Брентано, Горвицъ, Вундтъ, Бауманъ, Герингъ и мн. др. представляютъ такой арсеналъ аргументовъ, который отнимаетъ у апріорной философіи всякое значеніе.

Вслѣдъ за возникновеніемъ апріорности понятія причинности возникаютъ и другія апріорныя формы мышленія, и вслѣдъ за ея паденіемъ—падаютъ. Вышеизложенное критическое изслѣдованіе понятія причинности и только-что указанная связь этого понятія съ воззрѣніемъ на образованіе воспріятій ясно показали несостоятельность a priori, какъ пути къ открытію истины. Очевидно поэтому, что философія, задающаяся опредѣленіемъ правильнаго пути къ истинѣ, не можетъ ставить себѣ цѣлью пріобрѣтеніе апріорныхъ заблужденій даже и тогда, если бы доказано было, что заблужденія эти необходимо вытекаютъ изъ свойствъ разума и что они всеобщи. Какъ и другія необходимыя и всеобщія ошибки обыденнаго мышленія, такъ и ошибки апріорныя должны быть устранены и замѣнены знаніемъ, достовѣрность котораго была бы основана не на его апріорности, а на научной доказательности. До тѣхъ же поръ, пока не существуетъ никакой увѣренности въ томъ, что какой бы то ни было исключительно-субъективный факторъ, какое бы то ни было a priori именно апріорностью своею ручается за истину, до тѣхъ поръ опытъ, веденный научнымъ методомъ, долженъ остаться единственною и послѣднею инстанціею, рѣшающею между истиною и заблужденіемъ, поскольку не идетъ рѣчь о чисто формально-логическихъ отношеніяхъ.

[1]) Id. S. 243.

Затѣмъ разумѣется само собою, что различеніе a priori и a posteriori имѣетъ значеніе только при сравненіи реалистическихъ воззрѣній съ идеалистическими. Безотносительно, въ области критическаго реализма, значеніе это совершенно падаетъ, такъ какъ оба фактора воспріятія ставятся здѣсь въ одинаковыя къ нему отношенія, и достиженіе истины посредствомъ чистаго мышленія безъ помощи опыта признается только anticipatio mentis, о которомъ говорилъ еще Бэконъ.

Не имѣя теоріи познаванія и основывающейся на ней философской критики, позитивизмъ всегда оставался далекимъ отъ мысли обосновать критически свои реалистическія воззрѣнія, и потому воззрѣнія эти поставлены у него догматически. Мы знаемъ однакоже, что позитивизму не чужды зачатки критицизма, и предшествовавшее объясненіе, какъ я полагаю, доказало, что зачатки эти могутъ развиться, не только не наталкивая позитивное ученіе на метафизическіе тезисы, но, напротивъ того, окончательно спасая его отъ нихъ и самымъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ образомъ завершая образованіе того опредѣленнаго критико-реалистическаго характера, который по основоначаламъ позитивизма ему присущъ.

Обратимся теперь къ намѣченной выше противоположности критическаго реализма реализму наивному, и покажемъ, какъ и съ этой стороны обособляется и опредѣляется характеръ вполнѣ развившагося позитивизма.

Причинъ нашихъ воспріятій нельзя искать исключительно въ объектахъ, ибо явленія—какъ доказываетъ современная физіологія—не входятъ въ наши чувства, какъ въ открытую дверь, не достигаютъ непосредственно и безъ всякихъ измѣненій центральнаго органа, какъ то воображается наивному реализму обыденнаго мышленія [1]), но видоизмѣняются самымъ актомъ

[1]) „Внѣшнее явленіе реально входитъ въ наши чувства, не теряетъ своего матеріальнаго характера, проходитъ по реальнымъ проводникамъ, видоизмѣняется въ дѣятельность центральнаго органа и становится представленіемъ. Наукѣ удалось даже измѣрить время, въ теченіе котораго происходитъ этотъ процессъ“ и т. д. (М. Антоновичъ. Два типа современныхъ философовъ. „Современникъ“, 1861 г., кн. 4, стр. 381).

воспріятія. Свѣта, звука, теплоты не существуетъ объективно, а между тѣмъ представленія свѣта, звука, теплоты суть только воспроизведенныя нами чувственныя воспріятія и того, и другого и третьяго. Причины воспріятій находятся столько же въ объектахъ, какъ и въ субъектѣ; качество воспріятій измѣняется поэтому не только вмѣстѣ съ измѣненіемъ объекта, но и вмѣстѣ съ измѣненіемъ субъекта. Воспріятіе одного и того же объекта различными субъектами различно. Находясь въ зависимости отъ органовъ, чувственныя воспріятія мѣняются вмѣстѣ съ ними и, такимъ образомъ, рядомъ съ общими объективными причинами даютъ для каждаго организма частныя субъективныя причины, общая совокупность которыхъ и опредѣляетъ качество нашего опыта. Опытъ нашъ, какъ видно изъ этого, есть извѣстный, опредѣленный субъективно-объективными условіями опытъ и основанное имъ мышленіе есть извѣстное, опредѣленное, наше мышленіе. Другіе организмы, воспринимая не такъ, какъ мы, имѣютъ и не такія представленія, а слѣдовательно и мыслятъ не такъ, какъ мы. Академикъ фонъ-Бэръ превосходно выяснилъ это различіе. Онъ говоритъ, что скорость воспріятій и обусловленная ею скорость умственной жизни у животныхъ пропорціональна скорости ихъ пульсаціи. Такъ какъ у кролика, напримѣръ, пульсація совершается вчетверо скорѣе, чѣмъ у быка, то кроликъ въ одно и то же время вчетверо скорѣе воспринимаетъ впечатлѣнія, вчетверо скорѣе въ состояніи проявить свою дѣятельность, и вообще вчетверо болѣе переживаетъ, чѣмъ быкъ. Вообще говоря, внутренняя жизнь различныхъ видовъ животныхъ, и человѣка включительно, протекаетъ въ одни и тѣ же астрономическія промежутки времени со специфически различною скоростью; и сообразно съ тѣмъ соразмѣряется и субъективная мѣра времени у каждаго изъ этихъ существъ. Только потому, что наша мѣра сравнительно не велика, представляется намъ органическій индивидъ, растеніе или животное, постояннымъ въ своей формѣ и величинѣ: мы можемъ въ теченіе одной минуты видѣть его сто и болѣе разъ, не замѣчая никакого внѣшняго измѣненія. Если же мы допустимъ, что пульсація наша, затѣмъ способность воспринимать,

умственный процессъ и внѣшній ходъ жизни значительно замедлились или ускорились, то необходимо будетъ допустить и соотвѣтственное измѣненіе въ нашихъ представленіяхъ. Положимъ, что жизнь наша—дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость—была бы сведена на тысячную часть теперешней ея продолжительности и длилась бы всего одинъ мѣсяцъ, и что біеніе пульса ускорилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ тысячу разъ, то явилась бы возможность весьма удобно прослѣдить взглядомъ за полетомъ ружейной пули. Если же затѣмъ жизнь была бы сокращена еще на одну тысячную и ограничена только 40 минутнымъ срокомъ, то трава и цвѣты показались бы намъ столь же неподвижными, какъ и горныя цѣпи, и о развитіи древесной почки мы, въ теченіе нашей жизни, могли бы замѣчать въ такой же мѣрѣ, въ какой для насъ доступно воспріятіе геологическихъ видоизмѣненій земного шара; при этомъ условіи, произвольныя движенія животныхъ сдѣлались бы для насъ совершенно незамѣтными: они были бы слишкомъ медленны; мы могли бы только заключать о нихъ, какъ заключаемъ теперь о движеніи небесныхъ тѣлъ. При дальнѣйшемъ же сокращеніи продолжительности жизни, свѣтъ, видимый нами теперь, не могъ бы ощущаться, звуки, слышимые теперь, замолкли бы. Если же жизнь человѣческая будетъ не сокращаться и сплачиваться, а напротивъ того, значительно удлиняться и разрѣжаться, то какъ различны будутъ образы! Положимъ, напримѣръ, что пульсація и способность воспріятія замедлится въ тысячу разъ и жизнь наша достигнетъ 80 тысячъ лѣтъ. Въ теченіи одного года мы будемъ переживать столько же, сколько теперь переживаемъ въ 8 или 9 часовъ; въ теченіи четырехъ часовъ увидимъ мы, какъ исчезнутъ зимнія снѣга, какъ зазеленѣетъ земля, выростетъ трава и зацвѣтутъ цвѣты, деревья покроются листвой и плодами и затѣмъ вся растительность снова увянетъ. Многія явленія при этомъ, по скорости своей, вовсе не будутъ воспринимаемы; развитіе гриба представится подобно моментальному взлету воды, бьющей изъ фонтана. Ночи и дни станутъ смѣняться какъ темныя и свѣтлыя минуты и солнце съ бо́льшею скоростью пойдетъ по небесному своду. Если же такимъ обра-

зомъ въ тысячу разъ замедленная человѣческая жизнь замедлится еще въ тысячу разъ, такъ что человѣкъ въ теченіе одного года не получитъ возможности пережить болѣе 189 воспріятій, то различіе дня и ночи исчезнетъ вовсе, движеніе солнца представится какъ свѣтящаяся радуга на небѣ, подобно тому, какъ быстро вращаемый раскаленный уголь представляется огненнымъ кругомъ; растительность же станетъ съ неистовой поспѣшностью то возникать, то вновь исчезать. Всѣ кажущіеся намъ постоянными образы растворятся въ стремительности происхожденія и поглотятся въ дикомъ напорѣ возникновенія! [1]).

Вышеприведенное разсужденіе Бэра ясно и наглядно показываетъ зависимость качества ощущеній отъ ихъ скорости и наводитъ на мысль о разнообразіи комбинацій, могущихъ возникать въ области воспріятій подъ вліяніемъ одной только бо́льшей или меньшей ихъ частоты. Допуская же, напр., что весь опытъ нашъ сводился бы на одни звуки, мы должны будемъ утверждать, что въ какой бы мѣрѣ остальное наше знаніе ни вытекало изъ такого опыта, все же характеръ этого знанія опредѣлялся бы характеромъ опыта и можно бы было утверждать не съ вѣроятностью, но съ аподиктическою увѣренностью, что не можетъ существовать явленія, которое бы не звучало [2]).

Такимъ образомъ, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что міръ и есть именно таковъ, какимъ мы его себѣ представляемъ, но только, что, представляя его себѣ, мы можемъ представить его не иначе какъ таковымъ. Этою чертою, опредѣляющею существенное значеніе относительности нашего знанія, завершается характеристика его и обословываются критически тѣ положенія, которыя въ позитивной системѣ установлены чисто догматически [3]).

Ученіе объ относительности знанія, только-что охарактеризованное, до такой степени присуще всякому научному міросо-

[1]) К. Е. v. Bar. Welche Auffasung der lebenden Natur ist die richtige? 1860. Не имѣя брошюры Бэра, я изложилъ основную мысль ея по Либману (O. Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit. 1876. S. 83).

[2]) F. A. Lange, Geschichte des Materialismus. 1874. II Buch. I Halfte. S. 28

[3]) Ср. W. Windelband, Ueber die Gewissheit der Erkenntniss. 1873.

зерцанію, что его нельзя было обойти съ первыхъ же шаговъ вступленія философіи на путь критическаго мышленія. Совершенно справедливо говоритъ Милль, что ученіе объ относительности знанія стало общею принадлежностью философскаго міра со временъ Юма [1]), что Ог. Контъ никогда не претендовалъ на его оригинальность и всегда признавалъ несомнѣнность участія въ выработкѣ его всѣхъ тѣхъ, которые оказали наукѣ какую-либо услугу, и особенно умозрительныхъ умовъ Бэкона, Декарта и Галилея [2]). Несомнѣнный этотъ историческій фактъ затемненъ однакоже современными позитивистами, впавшими и въ настоящемъ случаѣ въ грубыя ошибки исключительно вслѣдствіе крайне ограниченнаго кругозора своихъ знаній въ области исторіи философіи. Литтрé, возражая на приведенное выше мнѣніе Милля, говоритъ, что ни ученыхъ, ни философовъ нельзя считать творцами этого основанія позитивной философіи, потому что ученые не философствовали, почему Ог. Контъ и не могъ унаслѣдовать отъ нихъ свой философскій принципъ, а философы были метафизики, и слѣдовательно Ог. Контъ не могъ принимать ихъ традицій [3]). Такимъ образомъ, Ог. Контъ возводится въ спеціальные изобрѣтатели позитивной философіи, вопреки рѣшительно выраженному мнѣнію самого Ог. Конта, и позитивная философія лишается связующихъ нитей съ другими философскими системами, однимъ взмахомъ пера признанными метафизическими, и отдѣленными цѣлою пропастью отъ позитивной философіи, появляющейся, вопреки свидѣтельству исторіи и толкованію Ог. Конта, довольно внезапно.

Каковъ бы ни былъ однако же взглядъ на происхожденіе ученія объ относительности знанія, особенно важнымъ остается то, что развитіе основоначала относительности знанія въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ сознательное отношеніе къ задачѣ научной философіи, не могло послѣдовать ни у самого Ог. Конта, ни у его послѣдователей, потому что такое развитіе предполагаетъ

[1]) St. Mill, La philosophie de Hamilton. Trad. par E. Cazelles. 1869. p. 261.

[2]) Ст. Милль, Ог. Контъ и позитивная философія, стр. 8.

[3]) E. Littré, A. Comte et St. Mill. p. 14.

теорію познаванія не только уже установленною, но и поставленною въ правильное отношеніе къ общей системѣ научнаго знанія. Хотя наука, какъ основа позитивной философіи, какъ бы подсказывала вѣрное рѣшеніе этого важнаго вопроса и невольно наводила и Ог. Конта и его современныхъ послѣдователей на нѣкоторыя отрывочныя замѣтки; но общія условія, воспрепятствовавшія завершенію развитія позитивной системы, не допустили рѣшеніе и настоящаго вопроса пойти далѣе отрывочныхъ замѣтокъ. Въ I главѣ читатель ознакомился уже со всѣмъ тѣмъ, что есть у Ог. Конта существеннаго въ этомъ отношеніи, что же касается новѣйшихъ позитивистовъ, то и въ настоящемъ случаѣ они должны быть поставлены гораздо ниже самаго Ог. Конта. Можно сказать, что чѣмъ болѣе углубляются они въ его рѣшеніе, тѣмъ болѣе губятъ начала Контовой философіи, тѣмъ болѣе низводятъ философію эту къ отрицанію всякой философіи. Послѣдовательность этого паденія наглядно представится намъ въ сопоставленіи воззрѣній на относительность знанія гг. Литтрé и Вырубова, къ которымъ мы теперь и обратимся.

У Литтрé мы опять встрѣчаемся при этомъ съ фантастическимъ опасеніемъ вторженія метафизики вмѣстѣ съ психологіей, влекущей будто бы за собой какую-то роковую необходимость умозрительнаго строительства. Литтрé полагаетъ, что принципъ относительности знанія, хотя и составляетъ общее достояніе школы позитивной и школы психологической, выработанъ однако же обѣими школами различно, и потому позитивный принципъ относительности слѣдуетъ необходимо различать отъ принципа относительности психологическаго. Позитивный принципъ, говоритъ Литтрé, имѣетъ эмпирическій характеръ и является какъ результатъ того факта, что во всякой позитивной наукѣ былъ добытъ фактъ, явленіе, далѣе котораго невозможно было идти; что же касается принципа психологическаго, то принципъ этотъ является только результатомъ свойствъ, присущихъ нашей способности познаванія. „Различіе это“, продолжаетъ Литтрé, „не ограничивается только путями, которыми выработанъ былъ принципъ относительности, но распростра-

няется и на результаты. Психологическое доказательство относительности человѣческаго знанія неудовлетворительно въ философскомъ отношеніи; оно доказываетъ только, что мы познаемъ предметы посредствомъ возбуждаемыхъ ими въ насъ ощущеній и что познаніе это чисто-феноменально, что мы никогда не проникаемъ до познанія предмета, каковъ онъ есть въ себѣ (ce qu'il est en soi); но оно не доказываетъ, что познаваемое нами какъ явленіе (феноменальное) не есть проявленіе абсолюта, если таковой существуетъ. Другими словами, доказательство это не замыкаетъ путей къ первымъ причинамъ. Такимъ образомъ, въ системѣ матеріалистической напримѣръ, относительность знанія по отношенію къ матеріи не допускаетъ только возможности утверждать, что мы знаемъ матерію въ себѣ, но позволяетъ разсматривать ее какъ абсолютный субстратъ и первую причину всѣхъ вещей; тоже самое можно замѣтить и по отношенію къ системѣ теистической. Объективное безсиліе психологическаго принципа усматривается тутъ совершенно ясно, и, какъ неотвратимое заключеніе, возникаетъ подчиненіе ее объекту, что и опредѣляетъ ея мѣсто въ позитивной философіи.

„Не таковъ былъ путь, которому слѣдовалъ Контъ, не таковъ и его результатъ.—Путь: установивъ философію каждой основной науки, Ог. Контъ призналъ a posteriori, что каждая изъ нихъ достигала такихъ условій, далѣе которыхъ идти было невозможно, хотя и остается нерѣшеннымъ, слѣдуетъ ли считать условія эти послѣдними или нѣтъ; такимъ образомъ онъ обосновалъ посредствомъ опыта тотъ принципъ, что въ человѣческомъ знаніи ничто не абсолютно, ибо такова формула, которую онъ далъ.—Результатъ: тогда какъ психологія никакъ не опредѣляетъ характеръ предѣла, на которомъ останавливается возможность разложенія явленій на причины и дѣйствія, и оставляетъ свободнымъ входъ, чрезъ который могутъ проникнуть понятія о первыхъ причинахъ, позитивная философія рукою Ог. Конта наияснѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ указываетъ, что возможность эта останавливается на явленіи неразложимомъ, —на явленіи, разложить которое наука отказывается, чѣмъ и

опредѣляется предѣлъ познаваемаго міра и граница того міра, познаніе котораго намъ недоступно. Такимъ образомъ, въ вопросѣ первыхъ причинъ, упомянутыхъ выше, всякая наука въ своей области не достигаетъ такого факта, который могъ бы считаться первымъ (qui puisse être dit premier); но она достигаетъ извѣстныхъ причинъ, или существованій, или условій, которыя она имѣетъ только право считать причинами, существованіями, условіями непостигнутыми.

„Принимая во вниманіе все это, нельзя сказать, выражаясь точно, что, включивъ относительность знанія въ философію, Ог. Контъ не введъ въ нее ничего новаго и только воспользовался основоначаломъ, бывшимъ во всеобщемъ обладаніи. Основоначало Ог. Конта отличается отъ основоначала психологическаго и по происхожденію, и по послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, относительность знанія не служитъ основаніемъ позитивной философіи, но является результатомъ ея,—позитивная философія не создалась этимъ основоначаломъ, а основоначало создано ею; и, съ другой стороны, въ психологическомъ основоначалѣ относительности знанія не содержится такой силы, которая могла бы противостоять вторженію понятія о первыхъ причинахъ; такая сила свойственна только опытному основоначалу относительности; это основоначало, не высказывая ничего объ ихъ существованія или несуществованіи, указываетъ тѣ различныя точки, на которыхъ долженъ остановиться человѣческій разумъ, восходя по лѣстницѣ изысканія причинъ. Принципъ психологическій и принципъ опытный принадлежатъ двумъ различнымъ областямъ. Первый ведетъ только къ извѣстному условію нашего образа познаванія; второй—къ понятію о мірѣ, результату въ высшей степени важному. Всегда и вездѣ видимъ мы такимъ образомъ психологію, подчиненную позитивной философіи“ [1]).

Вникая въ это разсужденіе Литтре́, приходится еще разъ убѣдиться, что ученый этотъ не имѣетъ никакой идеи о критической философіи и, смѣшивая вопросы, которые она тща-

[1]) E. Littré, A. Comte et St. Mill, p. 42—44.

тельно раздѣляетъ и послѣдовательно методически анализируетъ, воображаетъ, что теорія познаванія можетъ быть только метафизическою и стоять по отношенію къ остальной системѣ какъ первоосновной принципъ, изъ котораго должно быть выведено все міросозерцаніе. Я уже имѣлъ случай пояснить, что такое воззрѣніе есть результатъ особеннаго отрицательнаго вліянія метафизики съ одной стороны и невѣдѣнія критической философіи — съ другой. Литтрé думаетъ спастись отъ мнимой необходимости построенія въ нѣдрахъ несокрушимости іерархической схемы и считаетъ всегда дѣло свое выиграннымъ, если въ результатѣ получается отрицаніе возможности существованія какого-либо знанія внѣ этой схемы. Но такъ какъ очевидно, что изученіе субъекта какъ познающаго и изложеніе результатовъ этого изученія въ теоріи познаванія и философской критикѣ не вмѣщается ни въ одинъ изъ отдѣловъ схемы, то онъ хотя мимоходомъ и можно выдѣлить въ „appendice de la philosophie positive“, но въ концѣ-концовъ слѣдуетъ однако же все такисчитать покоящимися въ своей іерархической графѣ и не нарушающими замкнутую сферу схемы. Судьба принципа относительности такимъ образомъ является предопредѣленною, тождественною съ судьбою логики, какъ мы уже видѣли это выше. Достопримѣчательно однакоже, что такая роковая судьба могла постигнуть принципъ этотъ только тою цѣною, что опредѣленіе условій нашего образа познаванія признано лишеннымъ всякаго значенія и вся аргументація построена не только на смѣшеніи теорій англійской психологической школы и школы критической, но еще и на приплетеніи къ нимъ примѣровъ, заимствованныхъ со стороны, у матеріалистовъ и теистовъ, т. е. такою цѣною, которая для философа должна бы, кажется, быть непомѣрно высокою.

Еще высшею представится намъ цѣна эта, если мы обратимъ вниманіе на тѣ удивительныя объясненія, которыми Литтрé подкрѣпляетъ невозможность познанія абсолютнаго. „При началѣ вещей мы не были“, говоритъ онъ, „при концѣ вещей не присутствуемъ; мы не обладаемъ такимъ образомъ никакимъ средствомъ для познанія этого начала и этого конца“ [1]).

[1]) Id. p. 107.

Но, вѣдь, прежде всего надо бы помнить послѣдователю Ог. Конта, что мыслитель этотъ полагалъ „назначеніе науки въ установленіи возможности обходить прямое наблюденіе и выводить изъ возможно меньшаго числа данныхъ возможно бо́льшее число результатовъ“ [1]). Я болѣе не настаиваю на странности аргумента Литтре́, также какъ и на ограниченіи вопроса началомъ и концомъ вещей, которое Литтре́ выставляетъ тутъ же. Не-философскій, анти-контовскій характеръ пробивается во всемъ этомъ слишкомъ ярко. Я остановлюсь только на томъ, что всѣ приведенныя воззрѣнія Литтре́ обнаруживаютъ односторонность его въ пониманіи вопроса относительности знанія, а именно, онъ понимаетъ относительность только количественно, такъ что остается непонятнымъ, какимъ образомъ опредѣлится качественная относительность знанія. Приведенныя выше воззрѣнія Бэра и Ланге ясно показали громадное значеніе этой стороны относительности, и если Литтре́ не касается ея, то это только усиливаетъ тѣ доказательства, которыя уже приведены мною въ подтвержденіе необходимости для позитивной философіи развить содержащіяся въ ней критическія начала, проникнуться ими и развиться подъ ихъ вліяніемъ безъ опасенія перерости свои наслѣдственные шаблоны и безъ страха передъ необходимостью неизбѣжнаго превращенія изъ позитивизма въ критическій реализмъ: такое превращеніе было бы не болѣе, какъ результатъ яснаго самосознанія.

При всей очевидной несостоятельности приведеннаго выше разсужденія Литтре́, оно имѣетъ, однакоже, то несомнѣнное достоинство, что оставляетъ неприкосновеннымъ установленное Ог. Контомъ противопоставленіе относительнаго знанія—абсолютному и такимъ образомъ не закрываетъ этому зародышу философскаго критицизма пути къ развитію. Соредакторъ Литтре́, г. Вырубовъ, идетъ гораздо далѣе и низводитъ драгоцѣнное это наслѣдіе Ог. Конта къ нулю. Г. Вырубовъ замѣняетъ противопоставленіе относительнаго знанія абсолютному простымъ сопоставленіемъ ихъ; онъ различаетъ одно отъ другого только по степени

[1]) Comte, Cours, I. p. 98.

присущей имъ достовѣрности, отождествляетъ абсолютное знаніе съ знаніемъ вполнѣ достовѣрнымъ, а знаніе относительное съ не вполнѣ достовѣрнымъ, съ знаніемъ вѣроятнымъ [1]). Такъ какъ при этомъ относительному знанію приписывается развитіе, цѣль котораго есть достиженіе абсолютности, то такимъ образомъ не только критическое начало, не совсѣмъ чуждое системѣ Ог. Конта, но и тѣнь его, мелькающая въ разсужденіяхъ Литтре, окончательно отрицаются. Это отрицаніе, могущее показаться довольно аляповатымъ въ эпоху новаго фазиса развитія критической философіи, негодно еще въ томъ отношеніи, что произвольно даетъ термину, имѣющему для всякаго европейскаго философа опредѣленное значеніе, произвольное объясненіе и такимъ образомъ вводитъ въ позитивизмъ ту неопредѣленность и путаницу, которая можетъ быть терпима только въ обыденномъ мышленіи и для всякой философской системы представляетъ симптомъ серьезнаго поврежденія. Оріентироваться въ этомъ хаосѣ, сохраняя въ памяти великія начала философіи Ог. Конта, нѣтъ никакой возможности, и всякій, конечно, предпочтетъ эти начала крайне неудачнымъ нововведеніямъ г. Вырубова. Вообще говоря, первымъ шагомъ къ дальнѣйшему развитію ученія Конта на основаніи началъ, установленныхъ Контомъ же, возможно въ настоящее время только при одномъ условіи—возвращеніи къ Конту. Приведенные разборы разсужденій его современныхъ послѣдователей не оставляютъ въ этомъ, какъ я убѣжденъ, никакого сомнѣнія.

Ознакомясь съ главными чертами основоначала относительности знанія и завершивъ такимъ образомъ изслѣдованіе основоначалъ, опредѣляющихъ характеръ позитивной системы какъ цѣлаго, намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ объ отношеніи, въ которомъ должна стоять позитивная философія къ мышленію некритическому вообще, къ мышленію обыденному,

---

[1]) G. Wyrouboff, Le certain et le probable, l'absolu et le relatif. (La phil. pos. Revue. 1867. № 2.)

какъ бы тамъ въ частности ни характеризовались разные его степени и оттѣнки.

Припомнимъ прежде всего общее опредѣленіе позитивной философіи, сдѣланное Ог. Контомъ.

„Въ позитивномъ состояніи", говоритъ Ог. Контъ, „умъ человѣческій, признавая невозможнымъ выработку абсолютныхъ понятій, отказывается отъ розысканія происхожденія и назначенія вселенной и познанія основныхъ причинъ явленій и ставитъ себѣ единственною цѣлью — открытіе ихъ дѣйствительныхъ законовъ, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній, послѣдовательности и сходства посредствомъ удобно комбинированныхъ приложеній сужденія и наблюденія. Объясненіе фактовъ, входящее въ свои дѣйствительныя границы, становится съ этого времени только хорошо установленною связью между различными частными явленіями и нѣсколькими явленіями общими, число которыхъ постоянно уменьшается подъ вліяніемъ развитія наукъ".

Если мы обратимъ вниманіе на эту характеристику позитивнаго состоянія человѣческаго ума и сопоставимъ ее съ характеристикою метафизическаго состоянія, то увидимъ, что различіе между двумя этими состояніями существенно сводится на тѣ основныя черты позитивнаго мышленія, которыя возникаютъ благодаря заключающемуся въ немъ критическому началу, отвергающему все, что вырабатывается мышленіемъ непозитивнаго, не выдерживающаго философской критики, мнимаго. Метафизическое мышленіе, въ этой противоположности своей позитивному, является такимъ образомъ какъ некритическое, какъ догматическое, какъ смѣшивающее мышленіе и познаваніе, т. е. какъ обыденное мышленіе, извѣстнымъ образомъ осложненное, систематизированное и снабженное искусственною терминологіею, но качественно неизмѣнившееся и существенно тождественное обыденному мышленію. Ог. Контъ не вникъ въ это неизбѣжное послѣдствіе закона трехъ состояній и привелъ въ заключительныхъ главахъ „Курса" такой взглядъ на это мышленіе, противорѣчіе котораго съ его основоначалами, цити-

рованными выше, нельзя не отмѣтить здѣсь прежде, чѣмъ мы заключимъ изслѣдованіе этихъ основоначалъ.

Разсматривая связь позитивнаго умозрѣнія съ обыденнымъ мышленіемъ, Ог. Контъ считаетъ связь эту тѣсною на томъ основаніи, что духъ позитивной философіи заключается въ простомъ методическомъ расширеніи обыденнаго здраваго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому разуму, и неизмѣнномъ сохраненіи типа самобытной смышлености, которая только обобщается, систематизируется и достодолжно распространяется на различныя отвлеченныя умозрѣнія. Ог. Контъ твердо стоитъ на томъ, что между обыденнымъ мышленіемъ, или такъ-называемымъ здравымъ смысломъ, и мышленіемъ позитивнымъ не существуетъ никакого качественнаго различія и что только метафизико-мистическое умонастроеніе, внѣдряя въ привычки мысли тщеславный характеръ химерической возвышенности, положило преграду между этимъ ложнымъ философскимъ направленіемъ и обыденною смышленостью. Такимъ образомъ, мышленіе, по Ог. Конту, развиваясь отъ первоначальныхъ своихъ стадій до позитивизма, не пережило никакого кризиса и, по устраненіи ложныхъ путей мистики и метафизики и освобожденіи отъ результатовъ, пріобрѣтенныхъ во время слѣдованія этимъ путемъ, остается тождественнымъ самому себѣ по отношенію основныхъ своихъ свойствъ и является только методически расширеннымъ и распространеннымъ.

Альбертъ Ланге, указывая на этотъ взглядъ Ог. Конта, замѣчаетъ, что „исторія не обнаруживаетъ намъ ни малѣйшаго признака такого внезапнаго возвышенія обыденнаго разсудка, благодаря одному только устраненію препятствовавшихъ ему развиваться мистико-метафизическихъ фантазій; она показываетъ, напротивъ того, какъ новыя идеи пролагаютъ себѣ путь вопреки противостоящимъ имъ предразсудкамъ, какъ идеи эти нерѣдко смѣшиваются съ тѣми самыми заблужденіями, которыя они должны устранить, или принимаютъ подъ вліяніемъ ихъ ложное направленіе, и какъ полное устраненіе предразсудка является обыкновенно окончательнымъ завершеніемъ процесса и вмѣстѣ съ тѣмъ очисткою вполнѣ готовой машины. Заблужденіе представ-

ляется въ исторіи весьма часто только тою формою, которая служитъ для отливки колокола, благовѣствующаго истину, и которая по окончаніи отливки разбивается. Отношеніе химіи къ алхиміи, астрономіи къ астрологіи служитъ тому наглядным поясненіемъ. Полученіе важнѣйшихъ положительныхъ результатовъ, послѣ того какъ основанія науки были уже установлены, вполнѣ естественно. Современное познаніе звѣзднаго неба очень мало обязано Копернику непосредственно; Лавуазье, отыскивающій начало кислотности [1]) и тѣмъ обнаруживающій не вполнѣ закончившееся освобожденіе отъ алхиміи, могъ бы считаться по отношенію къ современной химіи только ученикомъ" [2]).

Все это совершенно ясно и совершенно вѣрно; но къ Ог. Конту относится по стольку, по скольку мыслитель этотъ допустилъ въ развитій воззрѣній своихъ непослѣдовательность и противорѣчіе, такъ какъ у Ог. Конта проведена въ смыслѣ основоначала самымъ рѣшительнымъ и опредѣленнымъ образомъ идея противоположности научнаго, позитивнаго фазиса мышленія и фазисовъ ему предшествовавшихъ. Умъ человѣческій, говоритъ Контъ, употребляетъ послѣдовательно три метода, характеръ которымъ необходимо различенъ и даже кореннымъ образомъ противополагается одинъ другому. Противоположность эта, какъ объяснено выше, установляется присущимъ научному мышленію критическимъ началомъ, хотя и недостаточно выясненнымъ Ог. Контомъ, но фактически принимаемымъ имъ со всѣми его послѣдствіями. Такимъ образомъ обособленное положеніе научно-критическаго міроизученія и міроразумѣнія можетъ считаться

[1]) „Если вспомнить, что алхимики, изслѣдуя металлы, искали одного общаго начала металличности, руководствуясь пріемами греческихъ философовъ, то станетъ ясно, что это вліяніе греческой философіи отразилось и на Лавузье,—онъ открылъ начало кислотности — кислородъ". (Савченковъ. Исторія химіи. 1870 г., стр. 188). Въ высшей степени интересный примѣръ смѣшенія представленій и понятій и весьма рѣдкій результатъ поисковъ объекта мнимаго представленія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду того, что поиски эти производились не однимъ только воображеніемъ и что Лавуазье былъ не изъ тѣхъ, которые могли удовлетвориться фиктивнымъ объектомъ.

[2]) F. A. Lange, Gesch. d. Materialismus. 1874. II Buch. 1 Halfte. S. 172—173.

истиною общепризнанною всѣми тѣми мыслящими людьми, умы которыхъ не обрѣтаются еще въ догматизмѣ, т. е. не только на до-контовской, но и на до-кантовской точкѣ зрѣнія, которые, словомъ, не отстали на цѣлое столѣтіе отъ современности.

Противопоставленіе критическаго мышленія обыденному не можетъ вести однако же, какъ полагаетъ Ог. Контъ, къ гордому уединенію отъ массъ, предающихся дѣятельности и самозамкнутости въ отвлеченной области химерически-возвышенныхъ воззрѣній. Ясно сознавая ошибки обыденнаго мышленія, критическая философія не имѣетъ основанія разрывать связь свою съ какою бы то ни было дѣятельностью и, такимъ образомъ, добровольно съуживать область наблюденія и отымать у своихъ основоначалъ важнѣйшее достоинство ихъ — жизненную примѣнимость. Она не имѣетъ основанія уединяться отъ дѣятельности практической, такъ какъ, по смыслу и духу своихъ краеугольныхъ основоначалъ, онъ не можетъ отрываться отъ представленій, которыми питается, и не можетъ отрекаться отъ воздѣйствія результатовъ своей работы на умы. Стремясь къ возможно разнообразнѣйшему накопленію представленій, критическій реализмъ стремится въ то же время къ возможно болѣе ясному и наглядному раскрытію ошибокъ обыденнаго мышленія и проведенію критическихъ началъ въ такіе умы, которые на долго бы оставались осужденными бродить во тьмѣ, если бы руководящими основоначалами философіи продолжали быть отрозненныя отъ жизни, тщеславныя и химерически-возвышенныя воззрѣнія мистики и метафизики.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

Суммируя результаты изученія конкретныхъ группъ явленій, т. е. частныя научныя понятія, мы получаемъ науку о мірѣ въ тѣсномъ смыслѣ, космологію; вырабатывая же изъ этихъ частныхъ научныхъ понятій новыя, болѣе общія и отвлеченныя, соотвѣтствующія не конкретнымъ группамъ явленій, а умозрительнымъ группамъ представленій, мы получаемъ осно-

ванную на наукѣ философію, научно-философское міроразумѣніе. Какъ совокупность перваго рода понятій можно считать научнымъ понятіемъ о мірѣ, такъ совокупность втораго—философскимъ, хотя оба они въ строгомъ смыслѣ научны. Философское понятіе получается изъ научнаго чрезъ восхожденіе къ наивысшей степени отвлеченія,—восхожденіе, необходимо опирающееся на общую всему строго-положительному знанію теорію познаванія и, слѣдовательно, дающее результатъ не менѣе положительный, чѣмъ тѣ частные результаты, которые служили ему основою.

Какъ міроразумѣніе, основывающееся на наукѣ, научная философія не можетъ, слѣдовательно, удовлетворяться самобытно образованными понятіями, произвольно связанными безконтрольнымъ творчествомъ мысли, но допускаетъ только понятія, образованныя на основаніи извлеченныхъ изъ опыта наукъ основоначалъ, которыя и руководятъ каждымъ шагомъ ея и безъ помощи которыхъ она не можетъ и приступить даже къ рѣшенію своей задачи.

Основоначала эти, какъ плодъ цѣлаго ряда образовавшихся уже наукъ, могутъ быть выработаны въ сравнительно позднюю пору развитія умственной дѣятельности и потому научное міросозерцаніе, на нихъ опирающееся, возникаетъ неизбѣжно послѣ того, какъ чисто творческія, самобытныя попытки образованія философскихъ понятій были испробованы и когда частныя науки установились настолько, что является возможность извлечь изъ изученія ихъ развитія руководство для образованія общаго, философскаго понятія. Такимъ образомъ, основоначала научной философіи въ историческомъ порядкѣ возникновенія слѣдуютъ за науками, но въ порядкѣ дидактическаго изложенія, какъ основы систематическаго развитія всѣхъ отраслей знанія, должны предшествовать имъ. Теорія познаванія и философская критика, какъ видно изъ этого, должны составлять содержаніе пропедевтики въ правильно построенной научно-философской системѣ.

Ог. Контъ, полагая основанія системѣ позитивной фило-

софіи, имѣлъ въ виду именно созданіе системы научно-философской и потому онъ не остался вполнѣ чуждымъ такому строю системы. Увлеченный однакоже слишкомъ обширною и сложною чисто-научною работою, онъ не провелъ его послѣдовательно во всемъ „Курсѣ", не развилъ его до той полноты, которая неизбѣжно предполагается системою научной философіи, а оставилъ въ зародышѣ, какъ присущій системѣ внутренно-побудительный моментъ ея развитія.

Предшествовавшіе Ог. Конту мыслители — Локкъ, Юмъ и Кантъ—гораздо сознательнѣе отнеслись къ этой сторонѣ задачи Ог. Конта и выяснили уже, что характеръ основоначалъ научной философіи есть характеръ критическій, опредѣляющій границы области изслѣдованія и свойства изслѣдующаго субъекта. Оставалось только переработать эту задачу согласно съ успѣхами, сдѣланными науками со временъ Канта и такимъ образомъ выработать прочную основу для научной философіи, стремившейся къ окончательному обоснованію въ формѣ позитивной системы Ог. Конта, и заключавшей въ себѣ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, элементы для достиженія такого обоснованія.

Послѣдователи Ог. Конта, частью по невѣдѣнію философскихъ системъ, возникавшихъ и возникающихъ внѣ Франціи, частью по философской ограниченности, заставлявшей ихъ довольствоваться одними намеками на необходимость высшихъ обобщеній, основоначалъ въ тѣсномъ смыслѣ философскихъ, не только не повели развитія позитивной системы согласно требованіямъ внутренно-побудительнаго момента, въ ней заключавшагося, но остановили это развитіе въ самомъ зародышѣ и устранили изъ позитивной системы все то, что давало идею объ условіяхъ ея дальнѣйшаго развитія. Такимъ образомъ, позитивная система представляется въ настоящее время извращенною и лишенною того будущаго, которое подготовлено было для нея геніемъ Ог. Конта.

Около того же времени, когда современные позитивисты лишали жизненности наслѣдіе своего учителя, критическое направленіе философіи вновь возникло въ Германіи и устре-

милось къ пересозданію кантовой критики согласно съ требованіями современной науки. Часть этихъ усилій ново-кантіанцевъ, сохраняя главныя черты ученія объ апріорныхъ понятіяхъ, пошла въ сторону отъ позитивнаго строя философіи, но другая, преодолѣвъ a priori, положила твердое основаніе къ чисто-научному образованію философскихъ понятій. Эта новая научно-критическая философія или критическій реализмъ даетъ такимъ образомъ рѣшеніе позитивной задачѣ Ог. Конта и, не примыкая къ нему непосредственно, представляетъ однакоже законченный фазисъ позитивизма, высшую стадію развитія этого философскаго ученія.

Какъ позитивизмъ, такъ и критическій реализмъ имѣютъ, слѣдовательно, одну и ту же основу — науку. Не будь у нихъ этой общей основы, ихъ невозможно было бы считать стадіями развитія одной и той же философіи, философіи дѣйствительности, реализма.

Одинаково основываясь на наукѣ, позитивизмъ и критическій реализмъ различаются однакоже какъ стадіи развитія реалистической философіи, потому что позитивизмъ не изслѣдуетъ условій своего обоснованія, не изучаетъ его процесса и не оцѣниваетъ всѣхъ его послѣдствій, тогда какъ критическій реализмъ не упускаетъ изъ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того придаетъ факту научнаго обоснованія характеръ, нѣсколько отличный отъ того, который придается факту этому позитивною философіею.

Центръ тяжести позитивно-философской системы лежитъ въ суммированіи основоначалъ, выработанныхъ отдѣльными философски-разработанными науками или философіями наукъ; образованіе же изъ этихъ частныхъ основоначалъ общихъ, въ тѣсномъ смыслѣ философскихъ основоначалъ остается у Ог. Конта въ зачаточномъ состояніи, и у послѣдователей его совершенно устраняется, и позитивная система сводится окончательно на извѣстнымъ образомъ комбинированную схему отдѣльныхъ философій наукъ. Критическій реализмъ переноситъ центръ тяжести системы въ изслѣдованіе процесса образованія, провѣрки и связи отвлеченныхъ, собственно-фило-

софскихъ понятій изъ данныхъ, доставляемыхъ науками и на основаніи руководящихъ правилъ, выработанныхъ на наукѣ же строющеюся теоріею познаванія. Не отвергая значенія группировки научныхъ данныхъ, выражающейся классификаціей или іерархизаціей наукъ, критическій реализмъ не останавливается надъ ихъ суммированіемъ, но разсматриваетъ ихъ какъ первую ступень въ ходѣ процесса, ведущаго къ выработкѣ высшихъ философскихъ основоначалъ, имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ знанія, но не могущихъ быть отнесенными спеціально ни къ одной изъ нихъ. Критическій реализмъ и представляется такимъ образомъ позитивизмомъ, достигшимъ полнаго своего развитія, высшею, сравнительно съ позитивизмомъ, ступенью въ поступательномъ ходѣ научной философіи.

Такое преимущество критическаго реализма сравнительно съ позитивизмомъ выражается всего прежде въ той переработкѣ, которую онъ даетъ Контову закону трехъ состояній, разсматриваемому какъ орудіе философской критики и представляющемуся въ системѣ Ог. Конта еще крайне неполно и неопредѣленно.

Критическій реализмъ, опираясь на результаты теоріи познаванія, во-первыхъ, обобщаетъ обѣ предшествующія научному міровоззрѣнію фазы умственнаго развитія какъ не-критическія, какъ обличающія наивный пошибъ обыденнаго мышленія, и во-вторыхъ, характеризуетъ научный или позитивный фазисъ не отреченіемъ отъ какихъ-то высшихъ цѣлей, которыми будто бы задавался умъ въ не-критическія эпохи своего развитія, но исправленіемъ средствъ и способовъ, посредствомъ коихъ шла прежде выработка понятій, и установленіемъ такихъ руководящихъ правилъ, при посредствѣ которыхъ возможно было образованіе и въ области философіи такихъ понятій, которыя ни въ какомъ отношеніи не стояли бы ниже научныхъ. Образованіе этихъ понятій имѣетъ тѣмъ бо̀льшую важность, что они одновременно завершаютъ общій строй созидающагося положительнаго знанія и благотворно воздѣйствуютъ на понятія научныя, ставя имъ цѣли и руководя ихъ развитіемъ.

Изъ этого видно, что задача позитивной философіи—образованіе понятія о мірѣ—можетъ быть разрѣшена только тогда,

когда позитивизмъ отрѣшится отъ безплоднаго суммированія частныхъ научныхъ понятій и перейдетъ къ образованію изъ нихъ понятій общихъ на томъ же основаніи, на которомъ они образованы были изъ представленій, т. е. когда онъ разовьетъ критическіе элементы своихъ основоначалъ и изъ позитивной схемы наукъ перестроится въ систему критическаго реализма и, такимъ образомъ, получитъ тотъ присущій философіи по преимуществу отвлеченный характеръ, законосообразность котораго признавалъ такъ рѣшительно и Ог. Контъ.

ГЛАВА III.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОСНОВОНАЧАЛЪ, ОПРЕДѢЛЯЮЩИХЪ СООТНОШЕНІЕ, СВЯЗЬ И ХАРАКТЕРЪ ЧАСТЕЙ ПОЗИТИВНОЙ СИСТЕМЫ.

Непосредственное знаніе, доставляемое намъ представленіями, преобразуется подъ гнетомъ субъективныхъ условій, полагающихъ границы неопредѣленному накопленію этихъ послѣднихъ, въ посредствующее знаніе, въ понятія, какъ то и было объяснено мною выше. Образованіе понятій не только полагаетъ предѣлъ накопленію непосредственнаго знанія, но заставляетъ отказаться даже и отъ извѣстной доли накопленнаго, долженствующаго потеряться и раствориться въ понятіяхъ и въ формѣ науки, сдѣлаться прочнымъ достояніемъ человѣческаго разума. Науки, съ этой точки зрѣнія, представляются опредѣленными группами понятій, соотвѣтствующихъ представленіямъ, снятыхъ съ опредѣленной конкретной группы явленій. Группы эти могутъ, очевидно, имѣть различную степень общности, обусловливающую различіе значеній соотвѣтствующихъ имъ наукъ, и, наконецъ, онѣ могутъ быть сведены къ одной общей группѣ, охватывающей всю совокупность непосредственно познанныхъ явленій, и образовать одну общую науку, одно міроразумѣніе или философію. Отъ общей массы собранныхъ представленій до такого общаго понятія о мірѣ ведетъ, какъ видно изъ этого, цѣлая лѣстница понятій, охватывающихъ все болѣе и болѣе широкія группы явленій, все болѣе и болѣе высокія степени отвлеченія,—лѣстница наукъ конкретныхъ, абстрактныхъ, и философіи. Пока образованіе понятій, изъ которыхъ строится эта лѣстница, совершается не-критически, пока понятія вырабатываются неправильно, или, смѣшиваясь съ представленіями, объективируются, до тѣхъ поръ не установляется правильнаго систематическаго воздѣйствія высшихъ понятій на образованіе нисшихъ, на ихъ группировку и связь, также какъ и на цѣлесообразное накопленіе

и группировку представленій. Все это измѣняется кореннымъ образомъ, когда развитіе наукъ при посредствѣ теоріи познаванія становится на путь критики, когда и цѣли, и средства образованія понятій получаютъ полное выясненіе. Разчлененіе общей системы знаній перестаетъ съ этого времени быть слѣпымъ экспериментированіемъ, оправдываемымъ или осуждаемымъ исключительно только одними своими результатами, но установляется вполнѣ сознательно на основаніи совершенно опредѣленнаго основоначала.

Такъ какъ расчлененіе общей системы знанія есть результатъ развитія ея членовъ, т. е. результатъ развитія понятій, то основоначало расчлененія должно вытекать изъ основоначалъ теоріи познаванія, и степень годности того или другаго изъ предлагаемыхъ разчлененій должна опредѣляться вообще—правильностью приложенія упомянутаго основоначала, и въ частности—практическими его удобствами. Въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, Ог. Контъ установилъ догматически нѣкоторыя положенія, которыя съ критической точки зрѣнія хотя и оправдываются, но, какъ мы знаемъ уже, получаютъ совсѣмъ не то значеніе, какое придаетъ имъ современная позитивная школа.

Обрѣтаясь въ полномъ невѣдѣніи основоначалъ критической философіи, глава этой школы, Литтрé, полагаетъ, что позитивизмъ удерживается или падаетъ вмѣстѣ съ удержаніемъ или паденіемъ Контовой классификаціи наукъ, тогда какъ въ дѣйствительности рѣшеніе этого вопроса—съ одной стороны—обусловливается высшимъ, безотносительнымъ къ классификаціи принципомъ, и—съ другой—имѣетъ значеніе чисто практическое, и совершенно безсильное поколебать даже въ самомалѣйшей мѣрѣ позитивный характеръ общей совокупности понятій, научнымъ методомъ образованныхъ изъ систематически собранныхъ представленій. Достоинство группировки и вообще распорядка этихъ понятій можетъ имѣть разныя степени, но очевидно всего прежде, что вопросъ этотъ есть вопросъ второстепенный: груды золота, наваленныя въ величайшемъ безпорядкѣ, остаются все же таки золотомъ, тогда какъ строжайшій

порядокъ разсортированія мусора не можетъ превратить его въ драгоцѣнный металлъ. Но, помнить надо, порядокъ, не нужный для самаго золота, нуженъ его обладателю; распорядокъ частей общей системы знанія нуженъ субъекту, и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ громадную важность.

Образованіе понятій изъ представленій и, далѣе, изъ образованныхъ такимъ образомъ понятій самаго общаго понятія,— понятія, соотвѣтствующаго всей совокупности представленій, является намъ такимъ образомъ цѣпью постоянно возрастающихъ отвлеченій, — цѣпью, каждое звено которой, по мысли Рибо, можно бы означать своимъ опредѣленнымъ показателемъ. Ясно, однакоже, что какъ бы велико ни было число этихъ звеньевъ, все же они останутся только степенями, т. е. количественными различіями качественно однородныхъ понятій, и цѣпь имѣетъ совершенно опредѣленный отвлеченный характеръ. Мы знаемъ однакоже, что цѣпь эта не обрывается на отвлеченіяхъ нисшихъ степеней, но непосредственно смыкается съ цѣпью соотвѣтствующихъ имъ представленій и, такимъ образомъ, во всей цѣлосности своей, по характеру двойственна, какъ это было выяснено въ предшествовавшей главѣ. Двумя крайними звеньями цѣпи являются въ исходной ея точкѣ — представленія, въ конечной—самое общее, постепенно образованное изъ наличныхъ представленій понятіе. Вырабатывая и установляя отдѣльныя звенья этой цѣпи, мы можемъ отдавать первенство или знанію частей, или знанію цѣлаго; цѣль наша въ первомъ случаѣ заключается въ образованіи понятій объ отдѣльныхъ конкретныхъ группахъ явленій, и потому мы удерживаемъ въ понятіяхъ тѣ данныя представленій, которыя сохраняютъ связь ихъ съ этими группами; во второмъ, мы ставимъ себѣ цѣлью выработку самаго общаго, высшаго понятія и, образуя необходимыя для этого элементы, отвлекаемъ отъ понятій нисшихъ степеней все то, что можетъ связывать ихъ въ отдѣльныя, конкретныя группы, и образуемъ новыя, чисто-умозрительныя группы.

Съ этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія образованныя группы, будучи пріурочены къ двумъ противоположнымъ полю-

самъ общей системы знанія, получаютъ не только различный, но въ извѣстномъ смыслѣ и противоположный характеръ, и хотя объ абстрактныя въ точномъ значеніи этого слова, но условно могутъ быть названы: первая—по тяготѣнію къ высочайшей абстракціи—абстрактною группою, вторая—по тяготѣнію къ представленіямъ—конкретною. Въ этомъ смыслѣ и можно принять установленное Ог. Контомъ дѣленіе наукъ (т. е. группъ понятій) на абстрактныя и конкретныя, хотя, само собою разумѣется, дѣленіе это совершенно измѣняетъ, послѣ изложеннаго выше объясненія, свой основной характеръ.

Чтобы еще ярче освѣтить то основоначало различія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, которое я имѣю въ виду обосновать критически, я пользуюсь сравненіемъ, заимствуя предметъ его изъ „Курса“ Ог. Конта [1]).

Излагая философію астрономіи, Ог. Контъ говоритъ, что Лакайль, въ видахъ упрощенія изложенія астрономическихъ теорій, ставитъ наблюдателя на поверхности солнца. Чтобы мыслить себя въ центрѣ солнечной системы, мы должны отвлечь всю конкретную сторону астрономическихъ явленій и перестроить ихъ согласно новой чисто-умозрительной точкѣ зрѣнія. И какъ точка зрѣнія обыкновенныхъ астрономовъ отличается отъ точки зрѣнія, установленной Лакайлемъ, такъ точка зрѣнія конкретныхъ наукъ отличается отъ точки зрѣнія наукъ абстрактныхъ; какъ съ абстрактной, такъ и съ конкретной точки зрѣнія мы разсматриваемъ все тотъ же предметъ, но картина, видимая нами, тѣмъ не менѣе совершенно измѣняется. Астрономъ, помѣщенный на солнцѣ, увидитъ тѣ же звѣзды, но иныя созвѣздія, ту же луну, но не увидитъ ея фазъ, ту же землю, но какъ она ему представится. Иное, со-

[1]) Cours, II. 31. Другой примѣръ можно бы заимствовать у Рида, который дѣлаетъ предположеніе, что глазъ наблюдателя помѣщается въ центрѣ шара и на основаніи этого предположенія опредѣляетъ тѣ измѣненія въ представленіяхъ, которыя должны необходимо произойти. См. Th. Reid, Oeuvres complètes, publiées par Th. Jouffroy. 1828. t. II. Recherches sur l'entendement humain. Chap. VI. Section IX. Géometrie des visibles.

всѣмъ не похожее на наше, будетъ зрѣлище неба, которое онъ увидитъ. Точно то же произойдетъ и съ міромъ нашего знанія: посмотримъ ли мы на него съ точки зрѣнія, помѣщающейся на перефиріи этого міра—въ представленіяхъ, или въ центрѣ—въ кульминаціонномъ пунктѣ отвлеченія, объекты познаванія останутся тѣ же, но понятія о нихъ перестроятся. Изъ этого видно, что различіе и противоположеніе абстрактныхъ наукъ конкретнымъ зиждется на различія и противоположенія точекъ зрѣнія, что признаетъ и Ог. Контъ, но не можетъ относиться до противоположности методовъ, на которую онъ тутъ же указываетъ. Методъ образованія понятій остается неизмѣннымъ во всей системѣ знанія; измѣняется только точка зрѣнія, руководящая образованіемъ группъ этихъ понятій. Если это такъ, то „точка зрѣнія науки, ея виды и методъ“,—всѣ эти различныя выраженія одной и той же мысли Ог. Конта должны потерять то значеніе, которое онъ имъ придалъ, и получить новое, согласное съ основоначалами, выработанными теоріею познаванія.

Такъ какъ процессъ образованія понятій начинается съ нисшихъ степеней отвлеченія и затѣмъ поднимается до высшихъ, то очевидно, что научная философія могла явиться только послѣ образованія такого ряда отдѣльныхъ наукъ, который могъ бы служить основаніемъ для правильныхъ философскихъ обобщеній. Воздѣйствіе философіи на науку, могло, какъ видно изъ этого, начаться сравнительно поздно, и Ог. Контъ, какъ первый отчетливо формулировавшій это воздѣйствіе, могъ не обратить на него достодолжнаго вниманія. Понятна поэтому причина, допустившая его видѣть въ наукахъ абстрактныхъ основанія наукъ конкретныхъ и утверждать, что назначеніе конкретныхъ наукъ заключается въ приложеніи законовъ, добытыхъ абстрактными науками, къ фактической исторіи различныхъ существъ [1]). Всѣми этими выраженіями, очевидно, характеризуется воздѣйствіе высшихъ понятій на нисшія и вообще очерчивается философская разработка знанія. Особенно счастливо избрано имъ

[1]) Comte, Cours. I. p. 56 et suiv.

для этой цѣли примѣненіе термина „раціональность науки“. Онъ говоритъ, что конкретныя науки безъ контроля абстрактныхъ не могутъ достигнуть истинной раціональности по недостатку тѣхъ философскихъ элементовъ, которыя могутъ служить ихъ образованію [1]). За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя имѣетъ у Ог. Конта характеръ догматическій, что воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на науки конкретныя обусловлено слишкомъ узко, и, наконецъ, что у него допущена нѣкоторая неясность по отношенію къ той роли, которую должны играть конкретныя науки въ позитивной системѣ. Я возвращусь еще къ этимъ вопросамъ, а пока, замѣчу только, что неудовлетворительностью ихъ развитія у Ог. Конта, быть можетъ, и можно объяснить отчасти тѣ неудачи, которыя, какъ я покажу далѣе, претерпѣли они у современныхъ позитивистовъ.

Чтобы представить еще яснѣе различіе наукъ конкретныхъ отъ абстрактныхъ, возьмемъ для примѣра какую-нибудь науку—хоть астрономію—и покажемъ фактическое различіе конкретной ея части отъ абстрактной. Конкретная астрономія изучаетъ движеніе небесныхъ тѣлъ и ихъ физико-химическія [2]) и,

---

[1]) Id. VI, p. 578. V, p. 15.

[2]) „Не далѣе, какъ за 15 лѣтъ назадъ“, говоритъ проф. Бредихинъ, „свѣдѣнія о строеніи свѣтилъ, объ ихъ свойствахъ и составѣ представлялись еще отрывочными, и такъ мало было надежды на быстрые успѣхи въ этомъ дѣлѣ, что нѣкоторые изъ авторитетовъ въ наукѣ, какъ бы раздраженные безсиліемъ попытокъ, почти перестали считать подлежащимъ астрономическимъ изслѣдованіямъ предметомъ все то, что не касается движенія небесныхъ свѣтилъ и что не тѣсно съ нимъ связано“. Съ тѣхъ поръ однако же въ астрономіи „совершилось огромное движеніе, благодаря отчасти вполнѣ новымъ, отчасти усовершенствованнымъ средствамъ изслѣдованія. Средства эти, въ сочетаніи съ высокой степенью точности астрономическихъ наблюденій, имѣющихъ цѣлью опредѣленіе положеній свѣтилъ, раздвигаютъ далеко предѣлы нашихъ свѣдѣній о строеніи вселенной. Усовершенствованія фотографіи въ приложеніи ея къ солнцу, лунѣ и звѣздамъ, развитіе фотометріи и, наконецъ, спектральный анализъ даютъ возможность образоваться цѣлой обширной отрасли астрономіи, которую можно назвать астро-физикой, разумѣя подъ нею науку о физико-химическихъ свойствахъ небесныхъ тѣлъ“ (Проф. Бредихинъ, „Публичныя лекціи астрономіи“. Сборникъ „Природа“. 1873 г., кн. I).

на сколько возможно, геологическія свойства [1]), т. е. она образуетъ одну общую группу понятій изъ всѣхъ представленій, какія даетъ ей опредѣленная конкретная группа такъ-называемыхъ небесныхъ явленій; абстрактная же астрономія ставитъ своею задачею образованіе такого понятія о небесныхъ явленіяхъ, которое въ связи съ другими могло бы служить элементомъ для выработки самаго высшаго и общаго понятія о мірѣ какъ цѣломъ. Рѣшеніемъ этой задачи и является теорія тяготѣнія.

Разграничивъ абстрактныя науки отъ конкретныхъ, Ог. Контъ нашелъ возможнымъ посвятить свой „Курсъ“ исключительно наукамъ абстрактнымъ; по этой причинѣ, дальнѣйшее

[1]) Нѣкоторыя тѣла или, точнѣе, обломки одного изъ тѣлъ небеснаго пространства могутъ быть подвергаемы непосредственному химическому анализу и самому точному изученію въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, именно метеориты или падающіе камни. Изслѣдованіе метеоритовъ, въ связи съ результатами спектральнаго анализа, ведетъ ко многимъ заключеніямъ, относящимся прямо къ области астрономіи и имѣющимъ для нея важное значеніе. Новѣйшія работы Менье (Meunier), изложенные въ его „Le Ciel géologique“, 1871, и „Cours de géologie comparée“, 1874, могутъ дать идею о значеніи новой отрасли астрономіи, которую можно назвать астро-геологіей, и о роли химіи въ этой новой наукѣ. „Наука эта“, по словамъ Менье, „должна распространить на весь видимый міръ выгоды методовъ, прилагаемыхъ къ изученію земли, и, обратно, обогатить изученіе земли результатами изученія неба и, такимъ образомъ, дать идею геологическаго строя всего міра“ („Géologie comparée“, p. 4). Огюстъ Контъ въ своей философской астрономіи утверждалъ, что намъ никогда не удастся узнать химическій составъ и минералогическое строеніе небесныхъ тѣлъ (Cours, II. 6). Тэйлоръ, указывая на эту ошибку Ог. Конта, замѣчаетъ, что „если бы Контъ дожилъ до приложенія спектральнаго анализа (и, прибавимъ, опытовъ Менье) именно къ этимъ задачамъ, то, вѣроятно, провозглашеніе безнадежнаго ученія о необходимости (точнѣе, неизбѣжности) незнанія было бы превращено имъ въ хвалебную пѣснь для поддержанія болѣе обобщающаго воззрѣнія“ (Э. Б. Тэйлоръ, „Первобытная культура“. Спб. 1872, т. I, стр. 22). Къ этому нельзя не прибавить, что указываемая Тэйлоромъ ошибка Ог. Конта принадлежитъ къ числу многихъ другихъ — иногда болѣе важныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ имъ при изложеніи философіи астрономіи—относится къ фактамъ конкретной астрономіи; по отношенію къ астрономіи, какъ абстрактной наукѣ, она лишена всякаго значенія.

расчлененіе общей совокупности знанія сводится у него на установленіе основоначала расчлененія одного абстрактнаго знанія и дѣлаются только указанія на зависимость отъ него основоначала расчлененія знанія конкретнаго. Останавливаясь поэтому теперь надъ системою абстрактныхъ наукъ Ог. Конта, я всего прежде приведу на память читателя тѣ руководящія воззрѣнія, которыя онъ положилъ въ основу рѣшенія своей задачи. „На самомъ дѣлѣ, предметъ нашего изученія одинъ", говоритъ Ог. Контъ, „мы дѣлимъ его только для того, чтобы разрѣшая трудности порознь, разрѣшить ихъ лучше" [1]). И въ другомъ мѣстѣ: „главная цѣль, которую слѣдуетъ имѣть при всякой энциклопедической работѣ, заключается въ томъ, чтобы, расположеніе наукъ соотвѣтствовало ихъ естественной связи и было согласно съ ихъ взаимною зависимостью, такъ чтобы возможно было послѣдовательно установить ихъ, никогда не вовлекаясь въ ложный кругъ. Но условіе это представляется мнѣ невыполнимымъ во всей строгости" [2]). „Если же главныя условія соблюдены, то строго неизбѣжные второстепенные недостатки не могутъ взять перевѣсъ въ аргументахъ, отвергающихъ классификацію. Второстепенные недостатки необходимо обусловлены тѣмъ, что въ системѣ есть искусственнаго [3]).

Изъ всего этого видно, что трудности, связанныя съ осуществленіемъ классификаціи, отвѣчающей всѣмъ требованіямъ, какія только можетъ предъявить строгая критика, и неизбѣжныя несовершенства всякой классификаціи не ускользнули отъ вниманія Ог. Конта. И если мы пройдемъ мимо такихъ неудачныхъ выраженій какъ „искусственность" классификаціи, обличающихъ отсутствіе элементарныхъ положеній теоріи познаванія, то намъ надо будетъ признать, что Ог. Контъ смотрѣлъ на задачу свою совершенно правильно и вполнѣ сознательно относился къ неизбѣжнымъ ея недостаткамъ. Нельзя признать основательнымъ, поэтому, обвиненіе Ог. Конта

---

[1]) Cours. I, 37.
[2]) Id. I, 60—61.
[3]) Id. I, 66.

Спенсеромъ въ томъ, что „если Ог. Контъ случайно и допускалъ побочныя вліянія и взаимныя сообщенія (между науками), то дѣлалъ это такъ неохотно, такъ быстро терялъ это изъ вида и забывалъ, что является впечатлѣніе, будто бы науки, съ незначительными исключеніями, помогаютъ одна другой только въ порядкѣ принимаемой Ог. Контомъ послѣдовательности“ [1]). Ничто такъ не далеко отъ истины, какъ подобное заподозрѣніе искренности и честности Ог. Конта какъ мыслителя. Спенсеръ поддержалъ обвиненіе свое только тѣмъ, что умолчалъ о всѣхъ тѣхъ оговоркахъ на счетъ неизбѣжности во всякой классификаціи весьма многихъ недостатковъ, которыя были цитированы выше. Умолчаніе объ этихъ оговоркахъ производитъ такое впечатлѣніе, будто Ог. Контъ не имѣлъ даже никакого предчувствія этихъ недостатковъ. Добросовѣстный критикъ классификаціи Ог. Конта не долженъ бы, конечно, терять изъ виду этого обстоятельства.

Что касается самаго основоначала классификаціи абстрактныхъ наукъ, какъ его установилъ Ог. Контъ, то вопросъ этотъ, по причинѣ той чрезмѣрной важности, которую придаютъ ему позитивисты всѣхъ оттѣнковъ, былъ разсмотрѣнъ весьма обстоятельно и подробно Миллемъ, Литтрé и Спенсеромъ, такъ что, коснувшись его, нельзя не ознакомиться прежде всего съ ихъ воззрѣніями.

Критика классификаціи наукъ Спенсера была первою практикою позитивизма, привлекшей на ученіе это вниманіе общества, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ отвѣтъ на нее Литтрé, въ его монографіи „A. Comte et la philosophie positive“, въ 1863 году. Послѣдовавшія затѣмъ вѣскія замѣчанія Милля, включенныя въ его „A. Comte and Positivism“ 1865, закрѣпили окончательно это вниманіе и придали классификаціи Конта извѣстную долю популярности. Такъ какъ сочиненіе Милля о позитивизмѣ переведено на французскій и

[1]) Г. Спенсеръ. Генезисъ науки, стр. 307 (въ собраніи сочиненій, изд. Н. Тибленомъ).

нѣмецкій языки очень недавно, а сочиненія Спенсера переводятся только теперь и, такимъ образомъ, и въ западной Европѣ еще представляются новостью для нѣкоторой части читающей публики, то значеніе ихъ можно признать вполнѣ современнымъ. Гораздо важнѣе, впрочемъ, то, что полемика, о которой идетъ рѣчь, исчерпываетъ все то, что до сихъ поръ высказано о классификаціи съ компетентныхъ сторонъ и, слѣдовательно, даетъ намъ вѣрное понятіе о той степени удовлетворительности, съ которою рѣшался до настоящаго времени этотъ вопросъ.

Такъ какъ первый вопросъ полемики, о которой я намѣренъ говорить, имѣетъ исходною точкою своею астрономію, то чтобы дать возможность читателю самостоятельно оріентироваться среди pro и contra участниковъ полемики, я начинаю съ изложенія того, что было высказано Ог. Контомъ въ его „Курсѣ“ по этому вопросу.

Физическія, химическія и физіологическія явленія не могутъ имѣть никакого вліянія на явленія астрономическія, говоритъ Ог. Контъ. Астрономическіе законы не могутъ претерпѣвать ни малѣйшихъ измѣненій даже отъ сильныхъ внутреннихъ переворотовъ, какіе только могли бы произойти на каждой планетѣ въ отношеніяхъ физическомъ, химическомъ и физіологическомъ. Физика, правда, и даже въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отношеніяхъ и химія могли доставить астрономіи, въ то время, когда она уже стояла на значительной степени развитія, необходимыя пособія для усовершенствованія ея наблюденій, но ясно, что это побочное вліяніе нисколько не было необходимо для установленія астрономіи какъ науки. Астрономія ужс въ рукахъ Гиппарха и его преемниковъ имѣла характеръ истинной науки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи геометрическомъ, тогда какъ физика, химія и другія науки были глубоко погружены въ хаосъ метафизики и отчасти даже во мракъ мистики. Въ новѣйшее время Кеплеръ открылъ великіе свои астрономическіе законы на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ Тихо де-Браге при помощи тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ средствъ, какими обладали греки. Точные инструменты ни-

сколько не способствовали также открытію закона тяготѣнія; и только съ этого времени они стали необходимы, ибо должны были отвѣчать новымъ усовершенствованіямъ въ астрономическихъ опредѣленіяхъ, которыя дозволила новая теорія. Великимъ орудіемъ, дѣйствительно произведшимъ всѣ основныя открытія астрономіи, была сперва геометрія, а потомъ раціональная механика. Независимость астрономіи по отношенію къ другимъ отраслямъ естественной философіи, заключаетъ Ог. Контъ, можетъ считаться такимъ образомъ доказанною [1]).

Опредѣляя такимъ образомъ отношеніе наукъ іерархическаго ряда къ астрономіи въ своемъ „Курсѣ", Ог. Контъ въ „Note sur la création d'une chaire d'histoire générale des sciences physiques et mathématiques" говоритъ такъ: „для того, чтобы общій курсъ исторіи, физическихъ и математическихъ наукъ могъ достодолжно отвѣчать своему назначенію и доставлять всю пользу, какую онъ можетъ доставить, онъ долженъ необходимо охватить всѣ основныя науки, потому что, такъ какъ математика, астрономія, физика, химія и науки физіологическія дѣйствительно развивались одновременно и при взаимномъ вліяніи, то и невозможно излагать ихъ истинную исторію, т. е. доказывать дѣйствительную филіацію ихъ прогресса, исключительно разсматривая только какую-нибудь часть ихъ" [2]).

Сопоставленіе этихъ двухъ приведенныхъ выше мѣстъ ставитъ вопросъ о томъ,—могутъ ли они быть соглашены или сдѣдуетъ держаться одного изъ нихъ. Литтрé утверждаетъ первое, Спенсеръ держится того взгляда, который изложенъ въ послѣднемъ отрывкѣ изъ „Note" Конта, и развиваетъ его съ большою полнотою въ формѣ опроверженія мнѣнія, изложеннаго Контомъ въ „Курсѣ".

Начнемъ съ изложенія взглядовъ Спенсера.

Подвергая критикѣ линейность ряда не только у Конта, но и линейность ряда вообще, Спенсеръ начинаетъ съ того, что

---

[1]) Cours. II. 21—23.

[2]) Цитировано у Литтрé, „A. Comte et la philosophie positive", p. 298.

указываетъ на неправильность взгляда, утверждающаго, будто каждая наука оказывала помощь только тѣмъ, которыя стоятъ ниже ея въ іерархическомъ ряду. Онъ говоритъ, что раздѣленіе труда въ наукѣ всегда выражалось вспомоществованіемъ одной наукѣ со стороны всѣхъ и всѣмъ со стороны каждой. Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ соотношеній между астрономіею и другими науками въ разныя историческія эпохи, и приходитъ къ заключенію, что науки вообще не могутъ быть расположены въ какой бы то ни было линейный рядъ, ибо такая группировка даетъ радикально ложную идею объ ихъ генезисѣ и зависимости. Истинной филіаціи наукъ нѣтъ, говоритъ онъ. Всѣ гипотезы Конта ложны въ своемъ корнѣ [1]). Еще полнѣе развивая свою мысль въ другомъ мѣстѣ этого же этюда, онъ говоритъ: „ни одна изъ наукъ не развивалась отдѣльно, ни одна изъ нихъ не является логически и исторически независимою, но всѣ онѣ, въ бо́льшей или меньшей степени, требовали помощи и сами оказывали ее. Въ самомъ дѣлѣ, нужно только устранить гипотезы и разсматривать сложный характеръ окружающихъ явленій, чтобы сразу же увидѣть, какъ въ дѣйствительности эти понятія о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія невѣрны: это только научныя фикціи—полезныя, если смотрѣть на нихъ какъ на пособія для изученія,—вредныя, если считать ихъ представляющими реальности въ природѣ. Разбирая вопросъ критически, мы не найдемъ фактовъ, которые бы представлялись нашимъ чувствамъ внѣ всякой комбинаціи,—мы ненайдемъ фактовъ, которые бы, хотя въ нѣкоторой степени, не были превращены другими сопровождающими фактами, — превращены такимъ образомъ, что должно отчасти понять все, прежде нежели можетъ быть понято что-нибудь одно. Если намъ скажутъ, какъ это сдѣлалъ Контъ, что сила тяготѣнія должна быть разсматриваема прежде другихъ силъ, потому что всѣ вещи подвержены ей, то на подобныхъ же основаніяхъ можно сказать, что прежде всего слѣдовало бы гово-

[1]) Спенсеръ, „Генезисъ науки“. 309.

рить о теплотѣ, такъ какъ термическія силы дѣйствуютъ повсюду, такъ какъ способность извѣстной доли матеріи обнаруживать видимыя явленія тяготѣнія зависитъ отъ свойствъ ея связи, которыя обусловливаются теплотою; такъ какъ только при помощи термологіи можно объяснить тѣ кажущіяся уклоненія отъ закона тяготѣнія, которыя представляютъ паръ и дымъ, и такимъ образомъ установить всеобщность его; и, наконецъ, такъ какъ самое существованіе солнечной системы въ твердой формѣ, есть, конечно, настолько же вопросъ теплоты, сколько и вопросъ тяготѣнія. Возьмемъ другіе случаи. Всѣ явленія, познаваемыя при помощи зрѣнія, основнаго изъ дѣятелей, посредствомъ которыхъ узнаются данныя точной науки, бываютъ усложнены оптическими явленіями и не могутъ быть всесторонне узнаны до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны начала оптики. Горѣніе свѣчи не можетъ быть объяснено безъ химіи, механики, термологіи. Любой вѣтеръ опредѣляется вліяніями частью солнечными, частью лунными, частью гигрометрическими и, для объясненія своего, требуетъ знанія равновѣсія жидкостей и физической географіи. Направленіе, наклоненіе и колебаніе магнитной стрѣлки суть факты наполовину земные, наполовину небесные; они обусловлены земными силами, имѣющими циклы измѣненій, соотвѣтствующіе астрономическимъ періодамъ. Теченіе Гольфстрема и ежегодный наплывъ ледяныхъ горъ къ экватору, завися отъ уравновѣшенія центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ, требуетъ для своего объясненія знакомства съ вращеніемъ земли и съ ея сфероидальной формой, такъ же какъ и съ законами гидростатики, относительными плотностями холодной и теплой воды и съ ученіемъ объ испареніи. Несомнѣнно справедливо, какъ говоритъ Контъ, что „наше положеніе въ солнечной системѣ, движенія, форма, размѣры и равновѣсіе массы нашего міра между планетами должны быть узнаны прежде, чѣмъ мы можемъ понять явленія, происходящія на его поверхности. Но, къ большому несчастію для его гипотезы, справедливо также и то, что мы должны понять бо́льшую часть явленій, происходящихъ на этой поверхности, прежде чѣмъ мы могли узнать ея положеніе и пр.—въ солнечной системѣ. Не

только тѣ геометрическія и механическія начала, посредствомъ которыхъ объясняются небесныя явленія, были впервые обобщены на основаніи земныхъ опытовъ, но даже самое полученіе точныхъ данныхъ, на которыхъ основываются астрономическія обобщенія, предполагаютъ успѣхи земной физики. Пока оптика не сдѣлала значительнаго успѣха, Коперникова система оставалась только умозрѣніемъ. Всякое новое наблюденіе надъ звѣздою должно подвергнуться тщательному анализу общаго строя различныхъ наукъ, должно перевариться организмомъ наукъ, которыя порознь уподобятъ подлежащія имъ части наблюденія,—и должно подвергнуться этому прежде, чѣмъ фактъ, содержащійся въ немъ, станетъ полезенъ для дальнѣйшаго развитія астрономіи. Это нужно замѣтить не только относительно нутаціи земной оси и предваренія равноденствій, но и относительно аберраціи и рефракціи. Составленіе таблицъ, по которымъ вычисляется рефракція, предполагаетъ знаніе закона уменьшенія плотности въ верхнихъ слояхъ атмосферы, закона уменьшенія температуры и вліянія ея на плотность и гигрометрическихъ законовъ, также дѣйствующихъ на плотность. Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти матеріалы для дальнѣйшаго успѣха, астрономія требуетъ не только посредственной помощи тѣхъ наукъ, которыя управляютъ приготовленіемъ усовершенствованныхъ инструментовъ, употребляемыхъ ею, но и прямой помощи оптики, барологіи, термологіи и гигрометріи. Если мы вспомнимъ, что тонкія наблюденія ея въ иныхъ случаяхъ были записаны посредствомъ электричества и что они были исправлены относительно „личнаго уравненія“, т. е. относительно времени, проходящаго между моментомъ наблюденія и записываніемъ, измѣняющагося у различныхъ наблюдателей,—то мы можемъ присовокупить къ числу помощниковъ даже ученіе объ электричествѣ и психологію. Если же такая повидимому простая вещь, какъ опредѣленіе положенія одной звѣзды, усложнена столь многими вліяніями, то ясно, что понятіе о независимости наукъ вообще или нѣкоторыхъ изъ нихъ не должно имѣть мѣста. Независимы ли онѣ объективно или нѣтъ, онѣ не могутъ быть субъективно независимыми, т. е. онѣ

не могутъ быть независимыми для нашего сознанія, — а это единственный родъ независимости, который касается насъ. Здѣсь, прежде чѣмъ оставить эти поясненія и преимущественно послѣднее, надо указать, какъ ясно они обнаруживаютъ ту возрастающе-дѣятельную связь наукъ, которая характеризуетъ ихъ успѣшное развитіе. Помимо того, что въ послѣднее время открытіе въ одной наукѣ обыкновенно давало толчокъ прогрессу въ другихъ,—помимо того, что большая часть вопросовъ, съ которыми имѣетъ дѣло современная наука, такъ смѣшаны, что для своего рѣшенія требуютъ совокупной дѣятельности многихъ наукъ,—помимо всего этого въ послѣднемъ случаѣ мы находимъ, что для одного хорошаго наблюденія въ области самой чистой изъ естественныхъ наукъ необходима была соединенная помощь полудюжины другихъ наукъ“ [1]).

Перейдемъ теперь къ объясненіямъ Литтре.

Ошибка Спенсера, приводящая его къ отверженію линейнаго ряда въ классификаціи, заключается, по мнѣнію Литтре, въ томъ, что Спенсеръ смѣшиваетъ понятіе о рядѣ наукъ съ понятіемъ о ихъ развитіи и что въ понятіи развитія онъ не различаетъ наукъ установившихся отъ наукъ еще неустановившихся. Является, поэтому, необходимость объяснить прежде всего значеніе терминовъ: рядъ, развитіе и установленіе.

Рядомъ наукъ называется такая классификація, въ которой всякая наука зависитъ отъ науки ей предшествующей и вліяетъ на науку за ней слѣдующею. Этотъ рядъ есть рядъ мысленныхъ построеній субъекта, расположенныхъ такимъ образомъ, что порядокъ и послѣдовательность ихъ находятся въ совершенномъ согласіи и соотвѣтствіи съ порядкомъ и послѣдовательстью естественныхъ группъ, представляемыхъ объектомъ, причемъ порядокъ и послѣдовательность заключаются въ одновременномъ убываніи общности и возрастаніи сложности. Таковъ естественный порядокъ явленій, начиная съ математическихъ и кончая соціологическими, и таковъ рядъ, установленный Ог. Контомъ, и съ этой точки зрѣнія, говоритъ Литтре,

[1]) Спенсеръ. Тамъ же, стр. 348—351.

я, не колеблясь, утверждаю, что каковы бы ни были субъективныя условія, вліяющія на образованіе человѣческихъ знаній, условія объективныя обязательны не менѣе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, продолжаетъ Литтрé, что субъектъ познаетъ объектъ подъ извѣстными мысленными условіями; въ свою очередь, объектъ познается такимъ, каковъ онъ есть. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ, объектъ естественно іерархизованъ, то субъектъ и можетъ познавать его только согласно съ этою іерархизаціею. Субъектъ не угадываетъ ничего, и когда онъ желаетъ угадывать—онъ блуждаетъ и заблуждается. Присущія ему логическія условія нисколько не просвѣщаютъ его по отношенію природы вещей, которая всегда представляется какъ данная. Никакая классификація не изобрѣтается поэтому a priori, а дается a posteriori. Точно также и въ вопросѣ о классификаціи наукъ: субъектъ не угадалъ естественный распорядокъ явленій, но открылъ его и, сообразно съ нимъ, установилъ и распорядокъ наукъ.

Переходя затѣмъ къ развитію наукъ, Литтрé опредѣляетъ его какъ прогрессъ, путемъ котораго человѣческое знаніе поднимается къ истинамъ все болѣе и болѣе общимъ и отвлеченнымъ. Развитіе это предполагаетъ послѣдовательную помощь со стороны всѣхъ наукъ и всѣхъ искусствъ. Его область есть область Спенсеровой взаимной зависимости (interdépendance), играющая, какъ признаетъ здѣсь Литтрé, весьма важную роль въ развитіи человѣческаго знанія.

„Ог. Контъ утверждаетъ“, говоритъ Литтрé, „что историческое развитіе всякой науки сообразно принципу установленнаго въ позитивной системѣ ряда. Спенсеръ показалъ, что историческое развитіе не сообразуется съ этимъ принципомъ, и поэтому Спенсеръ отвергъ его. Я, въ свою очередь, заключаетъ Литтрé, удерживаю принципъ ряда и не отвергаю взаимность зависимости. Такимъ образомъ предстaвляется затрудненіе, которое необходимо устранить.

„Затрудненіе происходитъ здѣсь отъ неразличенія развитія отъ установленія. Положеніе Ог. Конта, что историческое развитіе соотвѣтствуетъ іерархическому ряду—вѣрно

по отношенію къ установленію. Положеніе Спенсера, что историческое развитіе всегда соотвѣтствуетъ взаимной зависимости—вѣрно по отношенію къ развитію. Слѣдуетъ рѣшить теперь,—что же такое установленіе по отношенію къ развитію?

„Наука считается установившеюся, когда она удовлетворяетъ двумъ условіямъ, когда она, выдѣливъ какое-либо основное свойство матеріи, устанавливаетъ на этомъ познаніи отвлеченное ученіе, способное къ развитію. На математикѣ я останавливаться не буду, потому что простота положеній здѣсь такъ велика, что установленіе и развитіе не могутъ быть различаемы и сливаются. Что же касается другихъ наукъ, то въ нихъ установленіе и развитіе представляютъ два вполнѣ различныхъ фазиса. Физика устанавливается тогда, когда она видитъ тяжесть, теплоту, электричество и прочее, какъ неразложимыя свойства матеріи и строитъ на основаніи каждой изъ нихъ соотвѣтственную отвлеченную теорію. Химія устанавливается тогда, когда она изучаетъ сродство и законы сродства. Біологія устанавливается тогда, когда присущая тканямъ жизненность установлена. Наконецъ, соціологія установилась съ тѣхъ поръ, какъ законы, управляющіе жизнью соціальнаго тѣла, констатированы".

Разсужденіе это Литтрé подтверждаетъ примѣромъ, который онъ почерпаетъ изъ исторіи біологіи. Наука эта, какъ замѣчаетъ онъ, была изучаема съ глубокой древности. Ею занимались Демокритъ и Гиппократъ, ее обработывалъ Аристотель и т. д., и однако же даже и тогда, когда было открыто кровообращеніе, нельзя было утверждать, чтобы біологія могла считаться наукою установившеюся. Нельзя же было этого утверждать потому, что догматически она еще оставлена была слитною съ науками нисшими; она остается продолженіемъ химіи. Никто не могъ еще утверждать,—заключаютъ ли мускульная ткань или нервное волокно свойства, имъ исключительно присущія, или же свойства эти представляются только видоизмѣненіемъ какихъ-нибудь силъ, принадлежащихъ неорганической матеріи. Такимъ образомъ нисшія науки оставляли нѣкоторый остатокъ

(résidu), на которомъ и должна была установиться біологія, объяснивъ этотъ остатокъ новымъ принципомъ, не заимствованнымъ у нисшихъ наукъ. Такой остатокъ можно подмѣтить всегда при установленіи науки, и имъ и объясняется окончательно это установленіе. И такъ какъ высшая наука устанавливается всегда на остаткѣ, полученномъ ею отъ науки нисшей, то установленіе наукъ и идетъ сообразно съ послѣдовательностью наукъ линейнаго ряда. Такимъ образомъ рядъ, установленный Ог. Контомъ, въ одинаковой степени обоснованъ и на данныхъ природы и на данныхъ исторіи, и такимъ образомъ также является возможность оцѣнить логическія услуги, которыя онъ доставляетъ.

„Утерявъ изъ вида объективныя условія", говоритъ Литтрé, „Спенсеръ отвергъ линейный рядъ и принялъ одну только взаимную зависимость. Она одна только и представляется въ самомъ дѣлѣ, когда упускаютъ изъ вида объектъ. При такомъ взглядѣ и усматривается только сѣть взаимныхъ вліяній, въ которой ничто не различается, ничто не іерархизуется, и въ которой установленіе является чѣмъ-то весьма второстепеннымъ и даже случайнымъ. Но изученіе объекта возвращаетъ установленію принадлежащій ему характеръ необходимости и, вслѣдствіе того, ставитъ установленіе выше взаимной зависимости. Во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія,—заключаетъ Литтрé,—объектъ имѣетъ надъ субъектомъ первенство въ томъ смыслѣ, что субъектъ даетъ только форму, тогда какъ объектъ даетъ содержаніе. Обстоятельство это нисколько не умаляетъ значенія взаимной зависимости, которое Спенсеръ освѣтилъ такъ ярко. Тогда какъ рядъ и установленіе представляютъ объективныя условія вещей, взаимная зависимость представляетъ субъективныя условія познанія; эта двойственность условій проявляется исторически, съ одной стороны, какъ рядъ въ послѣдовательномъ установленіи, съ другой стороны, какъ развитіе въ помощи, доставляемой одною частью всѣмъ остальнымъ и всѣхъ остальныхъ одной. Такимъ образомъ, линейный рядъ, установленный Ог. Контомъ,

и взаимная зависимость, установленная Контомъ и Спенсеромъ, приводятся къ полному соглашенію“ [1]).

Объясненія Литтре́, какъ мы только-что видѣли, утверждаютъ дѣйствительность іерархизаціи объекта, разсматриваемой какъ одно изъ основаній классификаціи. Мы знаемъ уже, что Спенсеръ отвергаетъ такую іерархизацію объекта, доказывая, что явленія теплоты, отнесенныя Контомъ въ область физики, общѣе явленій тяготѣнія, изучаемыхъ астрономіей. Литтре́, разсматривая отдѣльно это заключеніе въ упомянутой выше монографіи, въ 1863 году, находитъ мысль Спенсера неопровержимою, такъ такъ, съ точки зрѣнія общности, нельзя никакимъ образомъ поставить тяготѣніе выше теплоты. „Нѣтъ матеріи которой не было бы свойственно тяготѣніе, точно также какъ нѣтъ матеріи, которой не была бы свойственна теплота,—условія общности вполнѣ тождественныя, говоритъ Литтре́. Слѣдуетъ-ли однако же отказаться отъ порядка, установленнаго Ог. Контомъ относительно тяготѣнія? спрашиваетъ онъ вслѣдъ затѣмъ. Нельзя, конечно, сомнѣваться, что основаніе, приводимое имъ для поддержанія такого порядка, неудовлетворительно, но для классифицированія физическихъ свойствъ, присущихъ всякой матеріи, возможно руководствоваться соображеніями второстепенной важности, извѣстное значеніе которыхъ достаточно для цѣлей іерархизаціи. И здѣсь, для тяготѣнія, астрономическая точка зрѣнія должна быть принята во вниманіе. Необходимо поэтому разсмотрѣть снова мотивы, побудившіе Ог. Конта опредѣлить для астрономіи ея мѣсто. „Астрономія имѣетъ предметомъ“, говоритъ Контъ, „открытіе законовъ явленій геометрическихъ и явленій механическихъ, представляемыхъ небесными тѣлами“. Гербертъ Спенсеръ показалъ уже, что геометрически астрономія не предшествуетъ физикѣ; она не прешествуетъ ей и механически, ибо законы Галилея были открыты ранѣе законовъ Ньютона. Такимъ образомъ, астрономія не имѣетъ правъ для занятія мѣста передъ физикой. И съ другой стороны также, продолжаетъ Литтре́, обнаруживается затрудненіе, связанное съ такимъ

[1]) Littré, „A. Comte et la philosophie positive“, pp. 299—306.

положеніемъ астрономіи. Давно уже затрудненіе это возбуждало въ умѣ моемъ большія безпокойства и я опасался, что солидарность ряда, оказавшая мнѣ столько услугъ, будетъ поколеблена; но съ давняго же времени я нашелъ и выходъ изъ этого затрудненія. Утверждать, что астрономія общѣе физики потому, что она изучаетъ тѣла небесныя, тогда какъ физика изучаетъ тѣла земныя, возможно только при помощи неправильнаго толкованія слова „общій“ и произвольнаго отдѣленія группы матеріи, составляющей небесныя тѣла, отъ группы матеріи, составляющей землю. Въ первой нѣтъ ничего, чего не было бы во второй, и общность не можетъ принадлежать одной, не принадлежа другой. Классификація требуетъ разсмотрѣнія не тѣлъ, но присущихъ имъ силъ; въ небесныхъ же тѣлахъ не существуетъ такихъ силъ, которыхъ не было бы и въ тѣлахъ земныхъ. Механическая астрономія, какъ извѣстно, есть только изученіе силы тяготѣнія, и такъ какъ эта сила присуща всей матеріи,—какъ небесной, такъ и земной,—то, говоря объ этой силѣ, слѣдуетъ говорить объ астрономіи. Такимъ образомъ разрѣшаются различныя трудности; рядъ наукъ претерпѣваетъ измѣненіе, но не уничтожается и сохраняетъ существенное свое значеніе—логичность“ [1]).

Десять лѣтъ спустя Литтрé беретъ назадъ свою уступку, находя, что она была лишена основанія. Контъ, говоритъ онъ, поставилъ астрономію выше физики. Онъ основалъ такой порядокъ на томъ фактѣ, что въ смыслѣ геометрическомъ астрономія была уже положительною наукою со временъ александрійской школы, тогда какъ физика сдѣлалась положительною только послѣ открытій Галилея. Спенсеръ противопоставляетъ такому взгляду то замѣчаніе, что въ смыслѣ геометрическомъ астрономія не имѣетъ первенства надъ земною физикою, что геометрія, съ тѣхъ поръ какъ только была установлена, одинаково относилась къ предметамъ земнымъ и небеснымъ, и что астрономія, въ ея геометрическомъ видѣ, не была болѣе позитивна, чѣмъ измѣреніе угловъ, треугольниковъ, круговъ и

[1]) E. Littré, A Comte et la philosophie positive, pp. 293—294.

многоугольниковъ, имѣвшихся на землѣ. „Я былъ очень неправъ, соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, говоритъ Литтрé, оно несостоятельно. Не подлежитъ сомнѣнію, что измѣреніе угловъ, треугольниковъ, круговъ на землѣ и на небѣ одинаково; но измѣреніе это, насколько оно относится къ небу, опредѣляетъ времена года, даетъ возможность предвидѣть затменія, что́ и составляетъ науку. Ничего подобнаго нѣтъ на землѣ, гдѣ геометрія производитъ только измѣреніе угловъ, треугольниковъ и круговъ, и этимъ путемъ приводитъ только къ землемѣрству, которое есть не наука, а искусство. Ошибка Спенсера заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ упомянутыя выше измѣренія только въ нихъ самихъ (en elles-mêmes), безъ отношенія къ тому, что они производятъ, когда ихъ переносятъ на наблюденіе тѣлъ небесныхъ. Это даетъ убѣжденіе въ вѣрности мнѣнія, что положительная астрономія значительно предшествовала положительной физикѣ. Физика сдѣлалась наукой только чрезъ введеніе въ нее механическаго элемента; для астрономіи же, чтобы сдѣлаться наукой, достаточно было одного только элемента геометрическаго. Такимъ образомъ исторія и Ог. Контъ согласны между собою“ [2]).

Наконецъ, намъ предстоитъ ознакомиться и съ замѣчаніями Милля, имѣющими характеръ заключительнаго слова всей этой полемики.

„Если лучшею классификаціею должна считаться та, которая обоснована на свойствахъ наиболѣе важныхъ для нашихъ цѣлей“, говоритъ Милль, „то классификація Ог. Конта вполнѣ соотвѣтствуетъ этому требованію. Располагая науки въ порядкѣ сложности ихъ предмета, она представляетъ ихъ въ порядкѣ трудности. Каждая наука предлагаетъ себѣ болѣе трудную задачу, чѣмъ та, какую имѣютъ науки предшествующія ей, и, слѣдовательно, совершенство остается для нея всегда менѣе доступнымъ, и если будетъ достигнуто, то, вѣроятно, позже. Въ добавокъ къ этому, каждая наука для установки своихъ истинъ нуждается въ истинахъ всѣхъ предыдущихъ

---

[2]) Littré, La science au point de vue philosophique. P. 1873. Préface, p. V—VI.

наукъ. Единственное средство, которымъ могли быть обнаружены, напримѣръ, физіологическіе законы жизни, состояло въ выдѣленіи изъ числа многоразличныхъ и сложныхъ фактовъ жизни той доли ихъ, которой не могли объяснить ни физическіе, ни химическіе законы. Только изолируя такимъ образомъ дѣйствія частныхъ органическихъ законовъ, сдѣлалось возможнымъ открыть, что́ они такое. Итакъ, порядокъ, въ какомъ науки слѣдуютъ одна за другою въ рядѣ, не можетъ, во многихъ случаяхъ, не представлять историческаго порядка ихъ развитія и есть единственный порядокъ, въ которомъ онѣ могутъ быть раціонально изучаемы. Въ послѣднемъ случаѣ представляется еще добавочное основаніе: болѣе спеціальныя и болѣе сложныя науки нуждаются не только въ истинахъ наукъ простѣйшихъ и болѣе общихъ, но еще болѣе въ ихъ методахъ. Научный умъ, какъ у индивидовъ, такъ и у цѣлыхъ расъ, долженъ при болѣе элементарныхъ занятіяхъ узнать тѣ пріемы изслѣдованія и тѣ правила доказательствъ, которыя приложимы на практикѣ и въ болѣе сложныхъ случаяхъ. Безъ должной практики на нисшей ступени, умъ не можетъ сдѣлаться способнымъ для высшихъ ступеней.

„Гербертъ Спенсеръ — въ своемъ опытѣ, озаглавленномъ „Генезисъ науки“, и въ новѣйшей брошюрѣ о „классификаціи наукъ“—разобралъ и отвергъ классификацію Конта и предложилъ свою, болѣе выработанную. Литтре́ — въ своемъ почтенномъ біографическомъ и философскомъ трудѣ о Контѣ („Auguste Comte et la philosophie positive“)—съ нѣкоторою подробностью критиковалъ этотъ разборъ. Спенсеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые основательностью и энциклопедическимъ характеромъ своихъ знаній, замѣчательною способностью сопоставлять факты и выяснять связи пріобрѣли право стать наравнѣ съ Контомъ (?) и подать свой голосъ при оцѣнкѣ его. Но, относясь съ почтительнымъ вниманіемъ ко всему, что́ принадлежитъ Спенсеру, мы не можемъ, однако же, сказать, чтобы онъ былъ во всемъ правъ. Во всякой классификаціи легко найти ошибки. Есть сотни способовъ расположить извѣстную коллекцію предметовъ, и почти всегда можетъ

быть сказано что-нибудь противъ самаго лучшаго и въ пользу самаго худшаго изъ нихъ. Но достоинства классификаціи зависятъ отъ цѣлей, для которыхъ она служитъ орудіемъ. Мы указали цѣли, для которыхъ назначалась Контова классификація. Спенсеръ не доказалъ. чтобы она не соотвѣтствовала этимъ цѣлямъ; а мы не можемъ сказать, чтобы его собственная соотвѣтствовала столь же важнымъ видамъ. Главное его возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ: если болѣе спеціальныя науки нуждаются въ истинахъ болѣе общихъ наукъ, то послѣднія, въ свою очередь, имѣютъ нужду въ истинахъ первыхъ и были задержаны въ своемъ прогрессѣ несовершеннымъ состояніемъ наукъ, стоящихъ далеко ниже ихъ въ контовомъ ряду, такъ что взаимная зависимость наукъ представляетъ consensus, а ничуть не восходящій рядъ или іерархію. Что раннія науки получаютъ помощь отъ позднѣйшихъ—это несомнѣнно вѣрно: это входитъ также въ теорію Конта и пояснено весьма подробно въ его сочиненіи. Если онъ утверждаетъ, что одна наука исторически предшествуетъ другой,—это не значитъ, чтобы совершенство первой предшествовало самому скромному началу слѣдующей за нею. Спенсеръ не дѣлаетъ различія между эмпирическою и научною ступенью разработки какой-либо вѣтви знанія. Начало всякаго изученія состоитъ въ накопленіи неанализированныхъ фактовъ и въ собираніи произвольныхъ обобщеній въ томъ видѣ, какъ они представлялись естественной воспріимчивости. На этой ступени каждая вѣтвь изслѣдованія можетъ существовать независимо отъ другой. Контъ замѣчаетъ въ этомъ случаѣ, что изученіе, въ высшей степени сложное съ научной точки зрѣнія и занимающее послѣднее мѣсто въ его ряду — именно изученіе человѣка, какъ существа нравственнаго и соціальнаго, по причинѣ глубокаго своего интереса, разработывается болѣе или менѣе каждымъ человѣкомъ и по преимуществу великими практическими умами; что оно весьма рано обладало гораздо бо́льшимъ запасомъ вѣрныхъ, хотя не научныхъ наблюденій, нежели болѣе элементарныя науки. Этими-то эмпирическими истинами позднѣйшія и болѣе спеціальныя науки и ссужаютъ предшествовавшія

имъ науки; иногда только сообщаютъ позднѣйшія науки какую-либо въ высшей степени элементарную истину, доступную непосредственному опыту и необходимую для дальнѣйшаго развитія науки, уже прежде установившейся. Вотъ въ чемъ состоитъ воздѣйствіе позднѣйшихъ наукъ на предыдущія, которое Контъ не только признавалъ, но и считалъ весьма важнымъ систематизировать.

„Но хотя отдѣльныя истины, относящіяся къ болѣе сложному порядку явленій, могутъ быть эмпирически наблюдаемы и нѣкоторыя изъ нихъ даже научно установлены одновременно съ раннимъ состояніемъ наукъ, стоящихъ выше въ ряду классификаціи,—во всякомъ случаѣ эти отдѣльныя истины, какъ вѣрно замѣтилъ Литтрé, не составляютъ науки. Все, что̀ извѣстно о предметѣ, только тогда становится наукой, когда представляетъ связное цѣлое истины, въ которомъ отношеніе между общими началами и частностями опредѣленно понято и каждая частная истина можетъ быть признана, какъ проявленіе дѣйствія болѣе обширныхъ законовъ. Но эта ступень прогресса, на которой изученіе переходитъ изъ пріуготовительнаго состоянія въ науку, не можетъ быть достигнута сложными изслѣдованіями прежде, чѣмъ на нее стали простѣйшія. Извѣстная правильность въ возобновленіи небесныхъ явленій была замѣчена прежде, чѣмъ были сдѣланы особенные успѣхи въ геометріи. Но до тѣхъ поръ, пока геометрія не развилась, для астрономіи настолько же было доступно сдѣлаться наукою, насколько возможно заниматься тройнымъ правиломъ прежде сложенія и вычитанія. Истины простѣйшихъ наукъ составляютъ часть законовъ, на которыхъ покоятся явленія наукъ болѣе сложныхъ. Эти истины не только—необходимый элементъ при ихъ объясненіи, но должны быть такъ хорошо поняты, чтобы ихъ можно было прослѣдить въ сложныхъ комбинаціяхъ, и поняты прежде, чѣмъ могутъ быть обнаружены спеціальные законы, существующіе и дѣйствующіе въ сочетаніяхъ съ ними. Вотъ все, что̀ Контъ утверждаетъ—и этого достаточно для его цѣли [1]). Онъ, безъ сомнѣнія, иногда

[1]) „Единственный пунктъ, на которомъ общій принципъ, принятый въ Конто-

допускалъ неточности языка болѣе, нежели можно бы оправдать, принимая во вниманіе логическое совершенство построенія его линейнаго ряда и строгое соотвѣтствіе этого ряда съ историческимъ развитіемъ наукъ; но эти неточности часто поправляются подробностями его изложенія. Для практическихъ же цѣлей онъ стоялъ къ истинѣ во всѣхъ отношеніяхъ достаточно близко. Незначительные промахи часто должны быть прощаемы даже великимъ мыслителямъ. Спенсеръ во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ, въ которыхъ критикуетъ Конта, представляетъ примѣры такихъ промаховъ“ [1]).

Обращаясь къ оцѣнкѣ взаимно противорѣчащихъ аргументовъ, представленной только-что изложенною полемикою, приходится опять повторить то, что̀ было не разъ сказано уже въ предшествовавшей главѣ: еслибы положенія Конта были обосно-

---

вой классификаціи, не оправданъ въ своемъ примѣненіи,—это подраздѣленіе физики. Такъ какъ между ея вѣтвями едва ли существуетъ соподчиненіе, то распредѣленіе ихъ не совсѣмъ послѣдовательно. Ученіе о теплотѣ, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ совершенное исключеніе изъ принципа убывающей общности; ибо теплота, какъ справедливо говоритъ Спенсеръ, такъ же всеобща, какъ тяготѣніе. Но мѣсто ученію о теплотѣ указано внутри извѣстнаго ограниченнаго предѣла если не принципомъ, такъ цѣлью классификаціи. Desideratum состоитъ въ томъ, чтобы всякая наука предшествовала тѣмъ, которыя безъ нея не могутъ быть точно построены или раціонально изучены. Именно какъ средство къ этой цѣли важно располагать явленія въ порядкѣ ихъ зависимости другъ отъ друга. Правда, хотя теплота есть наиболѣе общее явленіе изъ всѣхъ представляемыхъ внѣшнею природою, — ея законы не вліяютъ особенно существеннымъ образомъ на явленія астрономіи и въ другихъ отрасляхъ физики сказываются только какъ слегка видоизмѣняющіе дѣятели, разсмотрѣніе коихъ можетъ быть отложено до времени дальнѣйшаго развитія. Но явленія химіи и біологіи въ своемъ существованіи часто зависятъ отъ этихъ законовъ. Цѣль классификаціи, слѣдовательно, требуетъ, чтобы ученіе о теплотѣ поставлено было прежде химіи и біологіи, а никакъ не отлагалось далѣе. Съ другой стороны, та же самая цѣль съ иной точки зрѣнія заставляетъ помѣстить это ученіе вслѣдъ за астрономіей,—причина тому не теорія, а методъ. Астрономія—лучшая школа истиннаго искусства объяснять природу, которымъ ученіе о теплотѣ пользуется наравнѣ съ другими науками, но которому оно само не можетъ научить“.

Прим. Милля.

[1]) Милль, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр. 38 — 43.

ваны критически, а не установлены догматически, то не подлежитъ сомнѣнію, что они не могли бы вызвать весьма многихъ изъ тѣхъ возраженій, которыя теперь имъ противопоставляются. Такъ, въ вопросѣ классификаціи наукъ, аргументы Спенсера не могли бы имѣть мѣста, еслибы отсутствіе критическаго основоначала у Конта не открыло входа непослѣдовательности и шаткости въ его изложеніи. Къ этой непослѣдовательности и шаткости главнымъ образомъ и относятся нападки Спенсера. Если бы Контъ руководился критическимъ основоначаломъ, то установленное имъ раздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, также какъ и организація іерархической лѣстницы абстрактныхъ наукъ всегда сохранили бы условный характеръ мысленнаго построенія субъекта, и при этомъ никогда не упускалось бы изъ виду, что предметъ нашего изученія одинъ и мы дѣлимъ его только для того, чтобы, разрѣшая трудности порознь, разрѣшить ихъ лучше. Въ „Курсѣ", однакоже, мы не встрѣчаемъ той послѣдовательности и выдержки, опираясь на которыя мы могли бы оспаривать у Литтрé основанія для вывода изъ того же „Курса" утвержденія, что „объектъ естественно іерархизованъ и вслѣдствіе того субъектъ можетъ познавать его только согласно съ этою іерархизаціею". Въ виду такого утвержденія нельзя не признать, что Спенсеръ имѣлъ право допустить обвиненіе Конта въ основной ошибкѣ обыденнаго мышленія, утверждая, что Контъ считалъ понятіе о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія представляющими реальности въ природѣ, т. е. смѣшивалъ понятія и представленія. Спенсеръ ясно доказалъ, что объектъ не іерархизованъ, такъ какъ нѣкоторыя свойства его имѣютъ равную степень сложности и никакъ не могутъ быть построены въ линейный іерархическій рядъ. Но, исправивъ эту слишкомъ очевидную ошибку изложенія классификаціи наукъ Конта, Спенсеръ самъ впалъ въ еще бо̀льшую, не упомянувъ ни о тѣхъ оговоркахъ, которыя предпосылаетъ Контъ этому изложенію, и не введя въ свою аргументацію упоминанія о капитальномъ дѣленіи наукъ на абстрактныя и конкретныя. Признавъ, что понятіе о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія полезно какъ научная фикція, т. е. какъ

понятіе, и указавъ на ошибочность смѣшенія его съ представленіемъ, Спенсеръ долженъ былъ разсмотрѣть правильность и цѣлесообразность организаціи Контовой системы понятій, если только онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду разбирать вопросъ критически, а не унижать умышленно значеніе Конта, не брезгая для того никакими средствами въ силу побужденій, на которыя, быть можетъ, весьма вѣрно указываетъ Дюрингъ [1]). Спенсеру не слѣдовало бы забывать и того, что Контъ признаетъ одновременность развитія наукъ и взаимность вліянія ихъ при этомъ одной на другую, и не мѣшало бы помнить, что Контъ, несмотря на нѣкоторую непослѣдовательность изложенія и догматизмъ, не переставалъ видѣть въ системѣ абстрактныхъ наукъ „чистое умозрѣніе“ [2]).

Литтрé возстановилъ до извѣстной степени послѣдовательность въ воззрѣніяхъ на классификацію указаніемъ на различіе между развитіемъ науки и ея установленіемъ, имѣющимъ очевидную связь съ различіемъ конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, но онъ не довелъ до конца своей мысли и еще разъ обнаружилъ вредное вліяніе отсутствія философской критики на позитивныя воззрѣнія. Упуская изъ виду, что непосредственное отношеніе къ объекту имѣютъ только представленія, Литтрé не ставитъ вопроса о правильности образованія изъ нихъ понятій, а нѣсколько наивно предполагаетъ, что или приходиться понятіяэти строить a priori, или рядъ и установленіе должны быть даны объективно. Такъ какъ о „построеніи“ и a priori для позитивиста не можетъ быть и рѣчи, то для Литтрé только и осталось, что признать рядъ и установленія, данные объективно. Объ объективности ряда было уже только-что говорено; что же касается объективности установленія, то поддержаніе ея представляется особенно затруднительнымъ въ виду опредѣленія ея, представленнаго самимъ Литтрé: „наука считается установившеюся, когда она удовлетворяетъ двумъ условіямъ“, говоритъ Литтрé, „когда она,

[1]) E. Duhring, Kritische Geschichte der Philosophie. 1873. S. 531.
[2]) Comte, Cours. III, p. 279. VI. Leçon LVIII.

выдѣливъ какое-либо основное свойство матеріи, устанавливаетъ на этомъ познаніи отвлеченное ученіе, способное къ развитію". При всей неопредѣленности, вносимой въ опредѣленіе это ипостазированіемъ науки, очевидно, что установленіе есть результатъ субъективныхъ условій познаванія и что рядъ установленій имѣетъ по отношенію къ поколѣніямъ то же значеніе, которое имѣетъ рядъ наукъ по отношенію къ отдѣльному лицу. И рядъ наукъ, и рядъ установленій имѣютъ очевидно субъективное значеніе; значеніе же ихъ въ системѣ критическаго реализма основывается на томъ, что они, какъ понятія, образованы не произвольно, но имѣютъ источникомъ своимъ представленія, снятыя съ дѣйствительныхъ явленій. Дѣло критика заключается въ изслѣдованіи правильности ихъ образованія и цѣлесообразности группировки тѣхъ второстепенныхъ понятій, изъ которыхъ они были образованы. Такое же или иное смѣшеніе ихъ съ представленіями не можетъ дать никакого полезнаго результата и должно быть признано неумѣстнымъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія разсужденіе Литтрé, приведенное выше изъ сочиненія его „La science au point de vue philosophique". Читатель видѣлъ, впрочемъ, что точка зрѣнія этого разсужденія совсѣмъ уже не та, что разсужденій предшествовавшихъ; самъ Литтрé какъ бы признаетъ такимъ образомъ, что прежняя никакъ не могла спасти классификацію отъ крушенія.

Классификація Конта нашла самыя прочныя опоры въ цитированномъ выше объясненіи Милля, который, при добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи къ воззрѣніямъ Конта, стушевываетъ съ нихъ всѣ поползновенія къ ошибкамъ обыденнаго мышленія и ставитъ на тотъ критическій путь, который одинъ только и можетъ правильно установить значеніе этой классификаціи. У Милля нѣтъ болѣе рѣчи о іерархизаціи объекта изученія и объективности „установленія", но постановлены только цѣли изученія и оцѣниваются средства его. Одному Миллю обязана классификація Конта спасеніемъ своего существеннаго, философскаго достоинства.

Разсматривая классификацію Конта съ точки зрѣнія кри-

тическаго реализма и тѣхъ основоначалъ системы Конта, которыя оправдываются этою точкою зрѣнія, мы можемъ отнять у аргументовъ Спенсера всякое значеніе и подтвердить принципъ классификаціи Конта, поскольку онъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ изученія и избираетъ вѣрныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Признавая за этой классификаціей умозрительный характеръ, представлявшійся чуждому руководства теоріей познаванія Конту искусственностью, мы можемъ замѣтить, что эта искусственность и есть результатъ пользованія тою долею свободы, которою, по мысли Конта, можетъ располагать нашъ умъ въ научныхъ вопросахъ и которая въ дѣйствительности есть ни что иное, какъ выраженіе активной роли нашей въ образованіи понятій. Эта активная роль и должна въ самомъ дѣлѣ удовлетворять нашей склонности къ связности и общности, не исключая однакоже почтительнаго отношенія къ дѣйствительности, какъ то и говоритъ Контъ, очерчивая этими словами нѣсколько смутно представлявшійся ему процессъ образованія понятій. Но, какъ ни смутно было это представленіе, ясно однако же то, что, руководясь имъ, Контъ дѣйствительно осуществлялъ требованія преобладанія такой точки зрѣнія въ системѣ, которая, достодолжно пользуясь результатами нисшихъ степеней отвлеченія, располагаетъ образованныя изъ нихъ высшія обобщенія согласно условіямъ, вытекающимъ изъ правильнаго опредѣленія цѣлей субъекта. Онъ не терялъ изъ виду независимости отъ субъекта объективной дѣйствительности и остался вѣренъ мысли о неразрывной связи научныхъ и философскихъ понятій съ объективно-обусловленными представленіями, составляющими съ понятіями непрерывную цѣпь, но въ виду чисто-умозрительнаго характера понятій, группируемыхъ въ классификаціи, утверждалъ, что „даже и научныя произведенія, наименѣе могущія были поставленными въ зависимость отъ человѣческихъ удобствъ, могутъ быть законосообразно измѣняемы согласно съ цѣлями ихъ назначенія,—цѣлями, всегда окончательно относящимися къ человѣчеству“. Только такимъ образомъ идея абсолютнаго совершенства классификаціи была устранена, какъ тщетная, и

было положено основаніе осуществленію такой, относительное совершенство которой могло стать цѣлью вполнѣ достижимою.

Итакъ, мы можемъ придти къ тому заключенію, что основоначало классификаціи абстрактныхъ наукъ, заключающееся въ расположеніи ихъ сообразно возрастанію сложности сгруппированныхъ въ нихъ понятій, отвѣчающей зависимости болѣе сложныхъ отъ простѣйшихъ, представляетъ собою систему понятій, образованныхъ изъ методически-собранныхъ представленій и организованныхъ согласно съ цѣлями субъекта. Остается затѣмъ рѣшить только, проведено ли основопачало это въ классификацію Конта съ полною послѣдовательностью?

Прежде чѣмъ я приступлю къ разрѣшенію этого вопроса, считаю нужнымъ подготовить его изслѣдованіемъ другаго, поднятаго выше, а именно вопроса объ отношеніи между абстрактными и конкретными науками, поставленнаго у Конта, какъ я имѣлъ случай замѣтить, слишкомъ узко. Въ самомъ дѣлѣ, Контъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на конкретныя и ограничиваетъ это воздѣйствіе тѣмъ, что назначеніемъ конкретныхъ наукъ считаетъ приложеніе законовъ, добытыхъ науками абстрактными, къ фактической исторіи различныхъ существъ. На самомъ дѣлѣ, взаимодѣйствіе абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ значительно шире и плодотворнѣе. Мы видѣли уже, что въ общей совокупности знаній, охватывающихъ міръ какъ цѣлое, абстрактныя науки отличаются отъ конкретныхъ тѣмъ, что первыя изучаютъ группы явленій, образованныя умозрительно, тогда какъ вторыя изучаютъ явленія въ ихъ конкретной группировкѣ. Земля, напримѣръ, есть конкретная группа явленій и общее землеизученіе или пангеологія, какъ ее назвалъ Гэккель, есть поэтому наука конкретная, назначеніе которой, по идеѣ Конта, заключается въ томъ, что она прилагаетъ законы, добытые математикой, астрономіей, физикой, химіей, біологіей и соціологіей, къ условіямъ своей конкретной формы

и величины, своего конкретнаго положенія въ мірѣ, своихъ конкретныхъ явленій плотности, температуры, электричества, магнетизма, химическаго состава, своихъ конкретныхъ животныхъ и конкретной человѣческой общественности, причемъ она установляется, сообразно противоположности ея метода, ея видовъ и ея точки зрѣнія, методу, видамъ и точкѣ зрѣнія абстрактныхъ наукъ. Въ абстрактныхъ наукахъ или „чистомъ умозрѣніи“ — „прежде міръ, потомъ человѣкъ“, говоритъ Ог. Контъ; въ конкретныхъ же наукахъ, составляющихъ основаніе прямаго дѣйствія (l'ordre directement actif) господствуетъ порядокъ обратный [1]). Я замѣтилъ уже, упоминая о противоположеніи методовъ абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ по мысли Ог. Конта, что противоположеніе это по отношеніи къ методу образованія понятій совершенно ошибочно; теперь я пойду дальше и распространю указанную мною ошибочность и на группировку понятій въ томъ случаѣ, когда воздѣйствіе абстрактныхъ наукъ на конкретныя становится настолько значительнымъ, что внутренній строй этихъ наукъ получаетъ умозрительный, философскій характеръ. Наука остается конкретною, если она изучаетъ конкретную группу явленій; но если она беретъ предметъ свой не какъ аггрегатъ этихъ явленій, а какъ цѣлое, и, отрѣшаясь отъ характера описательной науки, соединяетъ понятія, служащія элементами для общаго понятія о своемъ предметѣ какъ цѣломъ, не въ группы, соотвѣтствующія частнымъ конкретнымъ группамъ, а въ группы умозрительныя, такъ, какъ то совершается абстрактною наукою, то, оставаясь конкретною наукою, она пріобрѣтаетъ философскій характеръ. Въ этомъ случаѣ и является та степень воздѣйствія философіи на науку, которая возводитъ эту науку, при всей ея конкретности, на высоту науки философской, дѣлаетъ ея философіею науки [2]). Очевидно, что конкретная наука не можетъ

[1]) Comte, Cours. III, p. 279.

[2]) Ср. мнѣніе Бокля о методѣ Ад. Смита. (Исторія цивилизаціи, перев. Буйницкаго и Ненарокомова. 1866, т. II, стр. 527 и слѣд.). Съ точки зрѣнія, мною установленной, оба сочиненія Ад. Смита, о которыхъ говоритъ Бокль, слѣдуетъ считать трактатами, разработавшими философски вопросы конкретныхъ наукъ, и

при этомъ ограничиваться копированіемъ умозрительныхъ группъ общей системы абстрактныхъ наукъ, такъ какъ такое копированіе было бы нелогично и безполезно, а должно найти свой законосообразный и цѣлесообразный принципъ и только при этомъ условіи можетъ разсчитывать на плодотворность его примѣненія, причемъ могутъ быть выполнены и тѣ правильныя требованія, которыя по отношенію къ конкретной наукѣ были заявлены Ог. Контомъ.

Понятіе о различеніи наукъ абстрактныхъ отъ конкретныхъ достаточно поясняется характеристикою этихъ наукъ, сдѣланною Ог. Контомъ и изложенною въ I главѣ моего этюда, такъ что останавливаться надъ этимъ различеніемъ и пояснять его примѣрами было бы излишне. Что же касается философски-разработанныхъ конкретныхъ наукъ, о которыхъ я только что говорилъ, то примѣры здѣсь конечно необходимы, и приведенныя выше указанія на трактаты Ад. Смита недостаточны по той причинѣ, что они слишкомъ частны и, экземплифицируя характеристику науки, не даютъ ничего по отношенію классификаціи бо̀льшей или меньшей группы такихъ наукъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, я имѣю въ виду остановиться теперь на классификаціи пангеологіи Гэккеля, о которой я уже упоминалъ, и которая представляетъ и въ отношеніи характера наукъ, на которыя расчленилъ ее Гэккель, и по отношенію координаціи, между ними установленной этимъ ученымъ мыслителемъ, примѣръ, достойный самаго серьёзнаго вниманія.

Приступая къ объясненію принципа, руководившаго разработкой общаго понятія пангеологіи, Гэккель обращаетъ вниманіе на то, что всякое тѣло, существующее въ природѣ, разсматривается какъ неразрывное соединеніе матеріи и силы (эле-

различать характеръ этой разработки отъ разработки абстрактныхъ наукъ, напр., геометріи, о которой говоритъ Бокль. Само собою разумѣется, что и съ мнѣніемъ о степени точности абстрактныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ) пріемовъ, излагаемымъ здѣсь же Боклемъ, съ точки зрѣнія критическаго реализма, нельзя согласиться, имѣя въ виду то отношеніе представленій къ понятіямъ, которое уже было выяснено и которое имѣетъ мѣсто во всякой наукѣ.

ментъ, приводящій въ движеніе матерію), что, слѣдовательно, всю совокупность тѣлъ можно представить себѣ какъ систему движущихъ силъ, неимѣющихъ дѣйствительнаго покоя и допускающихъ только покой кажущійся, который есть ни что иное, какъ результатъ равновѣсія движущихъ силъ и съ прекращеніемъ котораго немедленно опять возникаетъ движеніе. Сообразно съ такимъ состояніемъ тѣлъ можно разсматривать ихъ или въ моментъ покоя или въ моментъ движенія и сдѣлать оба эти состоянія предметами изученія отдѣльныхъ наукъ: первое—статики, второе—динамики.

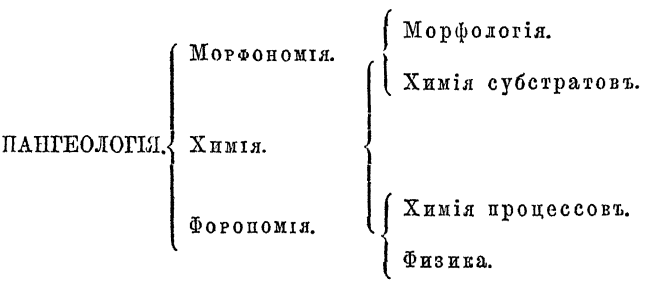
Разсматривая результатъ статическаго момента всякаго тѣла, мы видимъ, что результатъ этотъ есть форма тѣла. Гэккель отождествляетъ статику съ ученіемъ о формѣ тѣлъ или морфологіею (въ обширномъ смыслѣ), которой онъ даетъ названіе морфо̀номіи. Разсматривая затѣмъ тѣла въ состояніи динамическомъ, т. е. разсматривая процессы или (по отношенію къ органическимъ тѣламъ) отправленія тѣлъ, Гэккель дѣлаетъ всю совокупность ихъ предметомъ—фороно̀міи (физики въ обширномъ смыслѣ), отождествляемой имъ съ динамикой.

Только-что объясненное дѣленіе установлено на основаніи состоянія тѣлъ по отношенію къ дѣйствующимъ въ нихъ силамъ; теперь, въ свою очередь, надо разсмотрѣть вещество, изъ котораго состоятъ тѣла и которое составляетъ предметъ изученія отдѣльной науки—химіи.

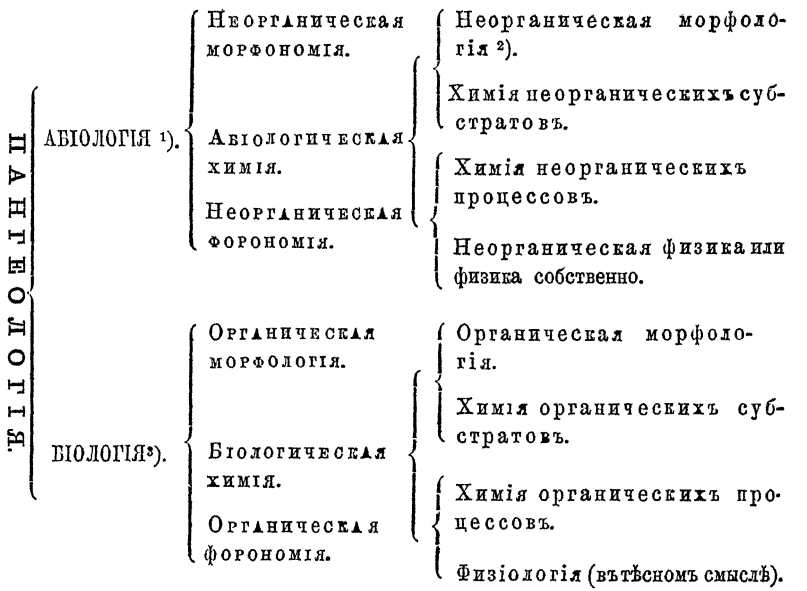
Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ объ отношеніи химіи къ фороно̀міи и морфологіи, Гэккель опредѣляетъ дѣленіе самой химіи. Химія, также какъ и эти обѣ науки, дѣлится, по его мнѣнію, на статическую и динамическую. Статическая химія есть химія субстратовъ,—она изучаетъ формы химическихъ элементовъ; химія же динамическая изучаетъ круговоротъ матеріи въ тѣлахъ, химическія измѣненія ихъ, процессы. Изъ этого видно, что химія имѣетъ свою морфологію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и что эта химическая морфологія подчиняется морфологіи въ ея общемъ значеніи, тогда какъ химія въ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ наука о веществѣ вообще, соподчиняется, вмѣстѣ съ общею морфологіею (или морфоно̀міею) и фороно-

міею, общей наукѣ о землѣ—пангеологіи. Наконецъ, Гэккель различаетъ еще морфологію въ тѣсномъ смыслѣ, или морфологію собственно, изучающую формы тѣлъ независимо отъ ихъ состава, и физику въ тѣсномъ смыслѣ, соподчиняющуюся, вмѣстѣ съ химіею процессовъ,—форономіи.

Все это наглядно представляется въ слѣдующей табличкѣ:



Прилагая затѣмъ основной принципъ, выраженный этой схемой, къ изученію неорганической и органической природы, Гэккель относитъ къ области абіологіи химію субстратовъ (химическая часть минералогіи, ученіе о химическомъ составѣ воды, атмосфернаго воздуха и т. д.), а къ біологіи — ту часть органической (неправильно называемой физіологической) химіи, которая часто разумѣется подъ названіемъ „описательной химіи“ и которая въ дѣйствительности есть химія органическихъ субстратовъ. Переходя затѣмъ къ динамической химіи, Гэккель замѣчаетъ, что въ области абіологіи къ ней относятся: химическая часть минералогіи и геологіи, процессы разложенія минераловъ, воды, воздуха и т. д.; въ области біологіи — собственно „физіологическая химія“, т. е. ученіе о химическихъ процессахъ органическихъ тѣлъ, ученіе объ измѣненіяхъ, производимыхъ въ дѣятельности, называемой жизнью. Такимъ же образомъ опредѣляется и характеръ другихъ подраздѣленій—абіостатики и абіодинамики—съ одной стороны, біостатики и біодинамики—съ другой, причемъ сохранится установленное приведенное выше соподчиненіе ихъ, какъ показываетъ слѣдующая схема:



Изложенная классификація наукъ, могла бы имѣть значеніе общей философской классификаціи наукъ, равнозначущее той, которая была создана Ог. Контомъ, или той, которую пытаются установить на основаніяхъ воззрѣній Канта [4]), если бы Гэккель достаточно оцѣнилъ значеніе философской критики и не слишкомъ уже скользилъ по вопросамъ собственно философскимъ, такъ что, вопреки его намѣренію, у него получился только образецъ философской разработки конкретной науки и

---

[1]) Описательныя (конкретныя въ тѣсномъ смыслѣ) науки, соотносящіяся сюда, суть слѣдующія: минералогія, гидрологія, метеорологія.

[2]) Описательныя науки: кристаллографія, гидростатика, аэростатика, петрографія.

[3]) Опис. науки: зоологія, протистологія, фитологія (ботаника).

NB. Протистологія обнимаетъ впервые установленное Гэккелемъ промежуточное между царствомъ животныхъ и царствомъ растеній—царство протистовъ, т. е. зоофитовъ (Protistenreich)

[4]) См. A. Riel, Der philosophische Kriticismus. I Band. § 204.

нигдѣ ни одною чертою не обозначилась идея чисто-абстрактной науки, не проскользнулъ критическій взглядъ на задачу философіи. Даже его космологія, называемая имъ „философіей природы, единственной дѣйствительно всеобъемлющей наукой“, слагается у него вовсе не такъ, чтобы имѣть возможность выработать отвѣты на чисто филофскіе вопросы, а подобно пангеологіи представляется философски обработанною конкретною наукой [1]). Наука эта даетъ богатую обобщеніями картину космоса, но никогда не даетъ разгадки умозрительныхъ элементовъ общаго понятія объ этой картинѣ, никогда не скажетъ намъ, что такое явленіе, законъ, причинность и т. д., никогда не опредѣлитъ всѣ тѣ понятія, изъ которыхъ слагается собственно философское понятіе о мірѣ. Предшествовавшія объясненія представили, какъ я думаю, достаточныя данныя для опредѣленнаго различенія образованія двухъ этихъ родовъ понятій и читатель вѣроятно согласится поэтому, что, дѣлая на основаніи этихъ данныхъ оцѣнку философскихъ идей Гэккеля, я не умаляю ихъ значенія, а только стараюсь извлечь изъ нихъ наибольшую для философской обработки наукъ пользу. Впрочемъ, если бы взглядъ мой на характеръ классификаціи отдѣловъ пангеологіи встрѣтилъ возраженія, и если бы мнѣ стали доказывать, что классификація Гэккеля не можетъ принести вопросу разработки конкретныхъ наукъ той пользы, ожидать которую я считаю возможнымъ, то мнѣ осталось бы только обратить вниманіе сомнѣвающихся на то обширное и глубокое вліяніе, которое имѣетъ въ настоящее время Гэккель на философскую разработку біологіи и на тѣ богатые результаты, которые дало уже наукѣ это вліяніе. Съ другой стороны, слишкомъ увлекающимся поклонникамъ Гэккеля можно бы безъ труда доказать, что мыслитель этотъ не оказалъ философіи въ тѣсномъ смыслѣ никакихъ прямыхъ услугъ.

---

[1]) Космологія (міровѣдѣніе) у Гэккеля распадается на уранологію (небовѣдѣніе) и пангеологію (всеобщее землевѣдѣніе), чѣмъ ясно характеризуется конкретный ея характеръ.

Но если я отрицаю прямыя услуги Гэккеля философіи, то непрямыя, посредственныя и, быть можетъ, ненамѣренныя услуги его ставлю очень высоко и имѣю въ виду теперь же указать на одну изъ нихъ, имѣющую чрезвычайно важное значеніе.

Я имѣлъ уже случай высказаться о философскомъ значеніи сравнительнаго метода и пояснить при этомъ, что существенная услуга, оказываемая этимъ методомъ, заключается въ разрушеніи тѣхъ произвольныхъ границъ, которыми такъ часто съуживается область, долженствующая доставить представленія для образованія того или другого понятія. Миѳологіи, лингвистикѣ и наукамъ естественнымъ методъ этотъ оказалъ уже неоцѣнимыя услуги; проницательный умъ Гэккеля, идя по пути этого метода, оказалъ и научной философіи ту неоцѣненную услугу, что представилъ данныя для раскрытія весьма важной непослѣдовательности въ классификаціи абстрактныхъ наукъ, и тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно содѣйствовалъ къ распутанію весьма многихъ недоразумѣній. Прослѣдимъ для этого далѣе развитіе классификаціи Гэккеля, и перейдемъ къ подраздѣленію важнѣйшей изъ частей біологіи—морфологіи (въ тѣсномъ смыслѣ).

Неуклонно слѣдуя установленной точкѣ зрѣнія, Гэккель разсматриваетъ біологическія формы или какъ нѣчто законченное, или какъ нѣчто измѣняющееся, подверженное процессу образованія и, сообразно съ этимъ, дѣлитъ морфологію на двѣ части, на анатомію и морфогенію или исторію развитія. Анатомія изучаетъ органическія формы или по отношенію къ строенію ихъ (тектологія), или по отношенію къ одному только внѣшнему ихъ виду, который Гэккель сводитъ къ правильнымъ стереометрическимъ основнымъ формамъ (проморфологія). Что же касается до морфогеніи, то наука эта дѣлится также на двѣ части, смотря по тому, — изслѣдуетъ ли она развитіе формъ индивида или цѣлаго поколѣнія индивидовъ; въ первомъ случаѣ Гэккель называетъ ее онтогеніею, во второмъ — филогеніею.

Слѣдующая табличка выражаетъ изложенное подраздѣленіе морфологіи:

МОРФОЛОГІЯ. { Анатомія. { Тектологія. / Проморфологія. ; Морфогенія. { Онтогенія. / Филогенія. }

Изъ предыдущаго видно, что классификація отдѣловъ біологіи, изучая въ морфогеніи самыя сложныя явленія жизни и развитія поколѣній индивидовъ, обнимаетъ такимъ образомъ и ту область, изученіе которой Ог. Контъ сдѣлалъ предметомъ соціологіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ подраздѣленіи филогеніи мы встрѣчаемъ прямыя на то указанія: Гэккель подраздѣляетъ филогенію на морфофилогенію, изучающую развитіе формъ жизни поколѣній, и, слѣдовательно, и развитіе соціальныхъ формъ, и физіофилогенію, или исторію развитія функцій жизни поколѣній, которая, какъ замѣчаетъ Гэккель, еще и до сихъ поръ не изслѣдована у бо́льшей части организмовъ и, по отношенію къ человѣческому роду, охватываетъ значительнѣйшую часть такъ-называемой всеобщей исторіи [1]). Такимъ образомъ, какъ пояснилъ Гэккель еще въ трактатѣ о морфологіи, возникаетъ возможность изученія исторіи развитія человѣческаго индивида и человѣческаго общества при помощи сравнительнаго метода, долженствующаго дать такіе результаты, о которыхъ до сихъ поръ невозможно было и мечтать, и для которыхъ неустанно работаетъ современная наука [2]).

Изъ этого видно, что требуемое Гэккелемъ сравнительное изученіе формъ и функцій жизни не только индивидовъ, но и поколѣній животныхъ и, слѣдовательно, требованіе изученія общественности у всѣхъ видовъ, у которыхъ она проявляется, предполагаетъ абстрактную науку, имѣющую предметомъ своимъ общественность въ обширномъ смыслѣ, и не исключительно только человѣческую общественность. Очевидно,

[1]) E. Haeckel, Anthropogenie. S. 17.
[2]) Id. Gener. Morphologie. II. 432—438.

что понятіе о человѣческой общественности, соотвѣтствуя извѣстной конкретной группѣ явленій, должно, согласно основной идеѣ позитивной классификаціи, войти въ область изученія конкретной науки, а наука абстрактная должна взять своимъ содержаніемъ умозрительно образованную группу понятій, границы общей совокупности которыхъ при томъ же не должны быть предустановлены произвольно, но опредѣлены посредствомъ научнаго изслѣдованія вопроса о родѣ представленій, необходимыхъ для образованія такой группы понятій, которая соотвѣтствовала бы цѣли науки. Явною становится такимъ образомъ несостоятельность осуществленія основной идеи соціологіи въ системѣ Ог. Конта, такъ какъ осуществленіе это дало вмѣсто изслѣдованія общественности вообще—изслѣдованіе человѣческой общественности, т. е. вмѣсто абстрактной — одинъ изъ вопросовъ науки конкретной. Я говорю: одинъ изъ вопросовъ конкретной науки, а не конкретную науку, потому что, по смыслу основоначала, опредѣляющаго характеръ конкретной науки, эта послѣдняя не можетъ устанавливаться по образу и подобію науки абстрактной, а, напротивъ того, умозрительной группѣ понятій этой послѣдней она противопоставляетъ такую группу, которая соотвѣтствуетъ конкретной группѣ представленій. Въ данномъ случаѣ абстрактной группѣ понятій, характеризующихъ общественность противопоставляется не человѣческая общественность, представляющая отрывокъ того же отвлеченнаго понятія, но та конкретная группа явленій, къ которой относится это понятіе, т. е. человѣчество и, слѣдовательно, наука о немъ — антропологія, къ которой изученіе человѣческой общественности — антропосоціологія — будетъ относиться, очевидно, какъ часть къ своему цѣлому.

Такимъ образомъ, соціологію, какъ ее установилъ Ог. Контъ, слѣдуетъ отвергнуть не на томъ основаніи, на которое опирается Милль [1]), стоящій, также какъ и Контъ, на конкретной точкѣ зрѣнія, противорѣчащей основоначалу позитивной классификаціи, но на основаніи именно этого основоначала, оче-

[1]) Ст. Милль, Ог. Контъ и позитивизмъ, стр. 62 и слѣд.

видно не проведеннаго Контомъ съ достодолжною послѣдовательностью.

Первымъ изъ послѣдствій устраненія только-что выясненной непослѣдовательности въ Контовой классификаціи абстрактныхъ наукъ представляется постановка и рѣшеніе вопросовъ, долженствующихъ дать содержаніе новой истинно абстрактной соціологіи; вторымъ—выясненіе преобладанія той точки зрѣнія въ системѣ, которую Ог. Контъ назвалъ соціологическою и которая, при сохраненіи выработанной Контомъ классификаціи, страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью и неясностью, и большою неполнотою и незаконченностью. Недостатки эти явились у Конта роковымъ образомъ, такъ какъ, развивая свою идею о преобладаніи соціологической точки зрѣнія въ системѣ, онъ разумѣлъ, конечно, ту осуществленную уже имъ науку, которая, какъ объяснено выше, по идеѣ противорѣчитъ принципу абстрактной науки, а по содержанію не отвѣчаетъ объему науки конкретной. Если бы созданная Ог. Контомъ соціологія была дѣйствительно наукою абстрактною, то онъ не могъ бы не замѣтить несоотвѣтствія своихъ положеній съ ея содержаніемъ и объемомъ и несомнѣнно измѣнилъ бы эти положенія; но такъ какъ этого не случилось, то и осталась характеристика, довольно опредѣленно очерчивающая антропологическую точку зрѣнія, и рядомъ съ нею конкретная антропосоціологія, произвольно поставленная вмѣсто соціологіи абстрактной. Все это предстоитъ переработать согласно основоначаламъ классификаціи, и такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи вывести позитивизмъ изъ фазы „только-что начинающейся философіи“, въ которой, благодаря современнымъ своимъ представителямъ, онъ такъ непомѣрно долго остается.

Основнымъ побужденіемъ Ог. Конта къ установленію преобладанія соціологической точки зрѣнія въ системѣ было сознаніе необходимости ея полнаго и всесторонняго единства. Такое единство, по его мнѣнію, требовало „полнаго нормальнаго преобладанія одного изъ умозрительныхъ элементовъ надъ всѣми другими“; главный вопросъ сводится такимъ

образомъ, по его мнѣнію, „къ прямому опредѣленію того изъ этихъ элементовъ, который долженъ преобладать не въ подготовительномъ ходѣ позитивнаго духа, но въ дѣятельномъ и систематическомъ его развитіи“. Установленіе научной іерархіи, какъ то поясняетъ Ог. Контъ, показываетъ, что такое преобладаніе можетъ относиться только къ первому или къ послѣднему изъ шести элементовъ, входящихъ въ позитивную іерархію, т. е. или къ элементу математическому, или къ элементу соціологическому. Сравнивая права того и другаго изъ этихъ двухъ элементовъ, Ог. Контъ отдаетъ преимущество соціологическому и затѣмъ опредѣляетъ значеніе и характеръ его преобладанія [1]). Вникая въ характеристику ихъ, какъ она изложена у Ог. Конта, нельзя не придти къ убѣжденію, что главныя и ярче прочихъ отмѣченныя черты въ характеристикѣ этой относятся къ вопросамъ метода, которому Ог. Контъ и желаетъ придать, насколько то возможно, общепозитивный характеръ посредствомъ ограниченія общаго значенія метода математическаго и распространенія вліянія метода соціологическаго. Другая, тоже весьма выдающаяся черта, характеризующая вліяніе соціологіи, относится къ опредѣленію руководящаго вліянія соціологіи въ системѣ,—вліянія, которое, стараясь сохранить возможно полную независимость отъ субъекта научныхъ изслѣдованій, всегда относитъ ихъ однакоже къ человѣчеству и, такимъ образомъ, ставитъ предѣлъ праздной любознательности и пустому многознанію [2]).

Оцѣнивая значеніе двухъ этихъ главныхъ и существеннѣйшихъ чертъ, опредѣляющихъ характеръ преобладанія соціологической точки зрѣнія въ системѣ, нельзя не замѣтить прежде всего, что неопредѣленность и неполнота ихъ обусловлены главнымъ образомъ отсутствіемъ въ системѣ теоріи познаванія, т. е. отсутствіемъ развитія въ ней критическихъ элементовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе придать отдѣльнымъ методамъ шести основныхъ наукъ обще-позитивный характеръ и такимъ обра-

---

[1]) Comte, Cours. VI. Leçon LVIII.

[2]) Id.

зомъ создать позитивный методъ, если не равно приложимый ко всѣмъ этимъ наукамъ, то по крайней мѣрѣ преобладающій надъ ихъ частными методами, ясно указываетъ на сознаніе необходимости того элемента въ системѣ, который можетъ быть достигнутъ только установленіемъ теоріи познаванія и логики, достигнутъ при томъ же безъ принесенія для этого въ жертву одного метода другому, но образованіемъ общихъ методологическихъ правилъ на основаніи опыта всѣхъ наукъ, какъ то и было объяснено уже въ I-й главѣ настоящаго этюда. Что же касается руководящаго вліянія соціологической точки зрѣнія, то при всей великой пользѣ, доставляемой имъ обузданіемъ бездѣльнаго недосуга буквоѣдовъ и празднаго пустословія метафизиковъ, оно совершенно неосуществимо безъ помощи теоріи познаванія, такъ какъ оно можетъ рѣшать только годность или негодность образованныхъ уже понятій по отношенію къ интересамъ человѣчества, но не компетентно въ рѣшеніи вопроса о характерѣ и объемѣ накопленія и группировки тѣхъ представленій, которыя могутъ быть необходимы для вполнѣ апробованныхъ преобладающею точкою зрѣнія понятій.

Но этими чертами въ дѣйствительности не исчерпывается еще характеристика преобладанія соціологической или, какъ я объяснилъ выше, антропологической точки зрѣнія въ системѣ наукъ. Исправивъ непослѣдовательность въ развитіи принципа классификаціи, установивъ абстрактную соціологію и перемѣстивъ антропосоціологію на соотвѣтствующее ей мѣсто въ группѣ конкретныхъ наукъ, входящихъ въ антропологію, мы должны пойти далѣе и изслѣдовать характеръ преобладанія антропологической точки зрѣнія въ области конкретныхъ наукъ, имѣющихъ свои опредѣленныя свойства, нерѣдко противоположныя свойствамъ абстрактныхъ наукъ. Мы видѣли уже, что преобладаніе антропологической (по Конту—соціологической) точки зрѣнія въ системѣ абстрактныхъ наукъ ограничивается на самомъ дѣлѣ только извѣстнаго рода руководительствомъ и не измѣняетъ полнаго и всесторонняго преобладанія строго-объективной точки зрѣнія. Но съ переходомъ отъ умозрительныхъ группъ понятій абстрактныхъ

наукъ къ реальнымъ группамъ наукъ конкретныхъ, антропологическая, т. е. субъективная, точка зрѣнія перестаетъ ограничиваться косвеннымъ и неполнымъ вліяніемъ, которое она имѣетъ въ системѣ наукъ абстрактныхъ, и пріобрѣтаетъ прямое, полное и всестороннее господство. Разрѣшая трудности, представляемыя абстрактными науками порознь для болѣе глубокаго ихъ изученія, и жертвуя для этой цѣли всѣмъ индивидуальнымъ, дробя понятія и образуя новыя чисто-отвлеченныя категоріи, мы, очевидно, остаемся и не можемъ не оставаться строго объективными изслѣдователями; но, возвращаясь въ конкретныхъ наукахъ къ реальному человѣку, мы не можемъ сохранять ту точку зрѣнія, которою мы руководились при изслѣдованіи отвлеченныхъ понятій: въ абстрактной наукѣ создано было основаніе для философскаго знанія, въ конкретной создается основаніе для дѣйствія; тамъ дано было преобладаніе объективной точкѣ зрѣнія, здѣсь—субъективной. Этой субъективностью точки зрѣнія и заканчивается та характеристика ея, которая завершаетъ установленную Ог. Контомъ противоположность абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, и которая, какъ я думаю, ведетъ къ устраненію того недоразумѣнія, которое одно только и могло породить въ недавнее время оживленные споры въ нашей литературѣ о преобладаніи той или другой изъ этихъ точекъ зрѣнія при изученіи соціологіи или, какъ не совсѣмъ правильно принято у насъ говорить, субъективнаго и объективнаго метода.

Противопоставленіе методовъ, вмѣсто точекъ зрѣнія, произошло потому, что весьма долго смѣшивали субъективную точку зрѣнія съ метафизическимъ методомъ, поводомъ чему могло послужить слабое состояніе развитія критическихъ элементовъ въ позитивной системѣ, а также малая распространенность и неправильная оцѣнка критической философіи, и особенно роли теоріи познаванія, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ. Ясно однако же, что субъективная точка зрѣнія не только можетъ, но въ конкретныхъ наукахъ и должна господствовать, безъ всякаго чрезъ то измѣненія въ методѣ. Точка зрѣнія ставитъ цѣли, даетъ ходъ и направленіе разрѣшенію того или

другаго вопроса, но не разрѣшаетъ и не можетъ разрѣшить его. Разрѣшеніе вопроса находится въ полной зависимости отъ метода. Если методъ наученъ, то онъ остается такимъ какъ тогда, когда точка зрѣнія ставитъ цѣлью чистое знаніе, такъ и тогда, когда цѣль эта требуетъ знанія какъ основанія дѣйствія. Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ критиковъ позитивизма, г. П. Л., выяснилъ этотъ вопросъ со всею полнотою и точностью, какія онъ требуетъ, въ статьѣ о позитивизмѣ, помѣщенной въ „Современномъ Обозрѣніи". „Объективно то", говоритъ авторъ этой статьи, „что подлежитъ во всѣхъ частностяхъ провѣркѣ нѣсколькихъ изслѣдователей. Субъективно то, что можетъ быть провѣрено лишь одною личностью. Объективный методъ требуетъ, чтобы изслѣдуемыя явленія, устанавливаемыя истины и способъ ихъ доказательства доступны были провѣркѣ всякаго, кто одаренъ достаточнымъ знаніемъ и надлежащими орудіями для полученія воспріятій. Субъективный методъ употребляется тамъ, гдѣ самое явленіе доступно лишь одному наблюдателю, или для установленія истины мы употребляемъ пріемы, для которыхъ существуетъ подобное же ограниченіе. При этомъ вовсе нѣтъ основанія считать субъективный методъ всегда выводнымъ, какъ, повидимому, думаетъ Ог. Контъ, или метафизическимъ, какъ полагаетъ Литтрé. Субъективный методъ можетъ научно употребляться для установленія истины путемъ наведенія или вывода, если только значительное число наблюдателей, критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію, могутъ, каждый отдѣльно, воспринять аналогичныя явленія. Такъ: теплота, свѣтъ, цвѣта и звукъ, суть явленія субъективныя, и методъ изслѣдованія теплоты сдѣлался объективнымъ лишь тогда, когда термометръ, калориметръ и другіе приборы позволили свести изученіе теплоты на изученіе объективныхъ явленій протяженія, вѣса, движенія, испаренія, замерзанія и т. п. Но и до существованія подобныхъ приборовъ субъективное изслѣдованіе теплоты могло быть научнымъ; такъ всякій субъективно могъ ощущать явленія теплоты, хотя степень ощущенія могла въ каждомъ случаѣ очень разниться,

смотря по личностямъ. Видѣнія Сведенборга не могли служить основаніемъ научному употребленію субъективнаго метода, потому что они были доступны одному лицу. Сообщенія съ міромъ духовъ у спиритовъ тоже не могутъ служить подобнымъ основаніемъ, потому что личности, входящія въ подобныя сообщенія, не находятся въ состояніи, дѣлающемъ ихъ способными къ научнымъ наблюденіямъ, и аналогическія явленія среди помѣшанныхъ и шарлатановъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ аналогическихъ явленій у лицъ критически развитыхъ, заставляютъ отнестись скептически ко всѣмъ явленіямъ подобнаго рода“ [1]).

Теперь совершенно понятно, какимъ образомъ методъ, оставаясь научнымъ, можетъ примириться съ господствомъ субъективной точки зрѣнія и оставаться годнымъ для изслѣдованія средствомъ. Выясненіемъ роли и значенія его въ области конкретныхъ наукъ и оканчиваю я тѣ замѣчанія, которыя имѣлъ въ виду сдѣлать по поводу усмотрѣнной мною неопредѣленности и неполноты изслѣдованія Ог. Конта о преобладаніи „соціологической“ точки зрѣнія въ позитивной системѣ.

Позитивизмъ, въ томъ начальномъ фазисѣ, въ которомъ онъ является у Конта, и въ связи съ тою кастраціею, которой подвергли его Литтре́ и особенно литтреисты, встрѣтилъ въ литературѣ нашей со стороны самыхъ компетентнѣйшихъ судей, гг. П. Л. и Н. Михайловскаго, критику, на которую у современныхъ позитивистовъ нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Несмотря на то, что статья г. П. Л. появилась въ 68 году и г. Михайловскаго въ 69, г. Вырубовъ, не успѣвшій еще, конечно, забыть русскій языкъ, и до сихъ поръ не упомянулъ о нихъ ни однимъ словомъ, хотя въ этотъ семилѣтній промежутокъ и могъ найти нужнымъ весьма пространно полемизировать съ г. де-Роберти о схемѣ классификаціи соціологіи, не имѣвшей ровно никакого значенія и теперь всѣми забытой. Форма, въ которую была обле-

[1]) „Современное Обозрѣніе“. 1868. Май.

чена эта полемика — дружественныя письма съ мѣстоименіемъ „ты“, и тонъ полемики, до того наивный, что даже упоминаніе о болѣзни, которою когда-то и гдѣ-то былъ одержимъ г. де-Роберти, не находилось съ нимъ въ дисгармоніи, показывали, что полемика эта была домашнимъ дѣломъ друзей, до котораго постороннимъ не было никакого дѣла. Время, если не ошибаюсь, оправдало эту прогностику. Но если забыта новая схема, которая, быть можетъ, способна была доконать позитивизмъ, то никѣмъ изъ понимающихъ дѣло не забыты „проклятые“ вопросы, поставленные гг. П. Л. и Михайловскимъ. Позитивизмъ долженъ былъ или отвѣтить на эти вопросы, или сознать свою несостоятельность и уступить мѣсто другимъ міросозерцаніямъ, болѣе состоятельнымъ. Г. П. Л. и опредѣлялъ такимъ образомъ неизбѣжное будущее позитивизма; такимъ оно являлось и въ конечномъ результатѣ критики г. Михайловскаго. Оба критика были правы по отношенію къ тому позитивизму, который они изслѣдовали; у этого позитивизма дѣйствительно нѣтъ будущаго, и пережевыванье его, продолжающееся десять лѣтъ, можетъ длиться хоть сто, и дастъ въ результатѣ все тотъ же роковой нуль. Но если погибаетъ литтреевскій, вырубовскій, и какъ тамъ онъ еще можетъ называться, позитивизмъ, то слѣдуетъ ли изъ этаго, что погибаетъ позитивизмъ контовскій, эта геніальная попытка обосновать единство философіи и науки и добыть результаты ихъ взаимодѣйствія. Не заключается ли въ этомъ единствѣ, какъ основоначалѣ, зачатка такого міросозерцанія, полный ростъ котораго достигается не устраненіемъ контовскаго позитивизма и замѣщеніемъ его другимъ міросозерцаніемъ, а только правильнымъ развитіемъ основоначалъ этой простѣйшей формы научной философіи, установленіемъ послѣдовательности этого развитія, устраненіемъ ошибокъ и всего того, что не критически было внесено въ него личными побужденіями Конта. Я смотрѣлъ и смотрю на позитивизмъ именно съ этой точки зрѣнія и настаиваю на томъ же, что высказывалъ и прежде, а именно, я вижу значеніе позитивизма въ его основоначалахъ и ихъ развитіи. Пользуясь терминами согласно со смысломъ, присвоеннымъ имъ г. Михайловскимъ, я вижу въ позитивизмѣ и критическомъ реализмѣ

одинъ и тотъ же типъ, но различаю только степени развитія. Единство типа я и вижу въ основоначалахъ, которымъ и посвящено настоящее изслѣдованіе. Въ этомъ я и расхожусь только съ гг. П. Л. и Михайловскимъ, если только, послѣ изложенныхъ теперь объясненій, можно еще сказать, что я расхожусь съ ними во взглядѣ на этотъ вопросъ.

Итакъ, позитивизмъ былъ безсиленъ отвѣчать на вопросы, поставленные гг. П. Л. и Михайловскимъ,—вопросы, безъ отвѣта на которые утрачивался весь его raison d'être, и которые, слѣдовательно, становятся опять и передъ новымъ фазисомъ его развитія—критическимъ реализмомъ. Посмотримъ же, готовы ли у него на нихъ отвѣты? Относется ли онъ къ своимъ критикамъ какъ къ врагамъ, подкапывающимся подъ самое его существованіе, или какъ къ союзникамъ, работающимъ на пользу его развитія?

Г. П. Л. ставитъ вопросъ о томъ, можно ли пользоваться субъективнымъ методомъ (т. е., какъ я объяснилъ выше, субъективною точкою зрѣнія) въ этикѣ, соціологіи и политикѣ? и если можно, то будетъ ли онъ наученъ?—и, изслѣдуя вопросъ этотъ, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Объективный элементъ въ этой области ограничивается дѣйствіями личности, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы понять ихъ, надо разсмотрѣть цѣли, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства, цѣли, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, цѣли, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое цѣль? Это нѣчто желаемое, пріятное, полезное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ то же время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и въ то же время позволяютъ это сдѣлать вполнѣ научно.

„Но здѣсь есть еще одно обстоятельство, обособляющее изслѣдованіе практическихъ вопросовъ отъ вопросовъ теоретическихъ и придающее въ области первыхъ еще болѣе широкое приложеніе субъективному методу. Въ теоретическихъ вопросахъ данъ реальный міръ, подлежащій повѣркѣ и всѣ явленія кото-

раго мы можемъ понять не иначе, какъ слѣдующія необходимой связи причинъ и слѣдствій. Обѣ задачи могутъ быть предложены: по даннымъ реальнымъ явленіямъ найти законы, ими управляющіе, и причины, ихъ вызвавшія; по даннымъ явленіямъ, распредѣленіямъ предметовъ и законамъ, имѣющимъ мѣсто въ данномъ случаѣ, найти рядъ послѣдующихъ процессовъ явленій и перераспредѣленій предметовъ. Обѣ задачи, при достаточныхъ условіяхъ, допускаютъ лишь одно рѣшеніе, и колебанія относительно его, различныя возможности, о которыхъ мы при этомъ говоримъ, относятся не къ объективному теченію явленій, а къ недостаткамъ нашего знанія объ условіяхъ задачи.

„Въ практическихъ вопросахъ представляются задачи гораздо болѣе различныя. Дѣйствительная связь внѣшняго міра, воспринимаемаго человѣкомъ, съ человѣческою дѣятельностью такова: внѣшній міръ вызываетъ побужденія; побужденія преобразовываются въ цѣли; цѣли, въ свою очередь, вызываютъ дѣйствія личностей, понятія — общественныя формы; изъ столкновенія различныхъ дѣйствій и подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ понятій совершаются историческія событія. При этомъ двѣ задачи практической философіи таковы: по даннымъ дѣйствіямъ, общественнымъ формамъ или событіямъ, найти побужденія и цѣли, ихъ вызвавшія; по даннымъ побужденіямъ опредѣлить цѣли, по цѣлямъ — дѣйствія личностей, а по дѣйствіямъ личностей въ данныхъ общественныхъ формахъ опредѣлить послѣдующія историческія событія. Но, при рѣшеніи обѣихъ этихъ задачъ, всякій наблюдатель сознаетъ, что въ нихъ входитъ элементъ субъективной оцѣнки побужденій и цѣлей. Не всѣ побужденія становятся цѣлью, не всѣ цѣли вызываютъ дѣйствія, хотя мы воспринимаемъ всѣ побужденія какъ возможныя цѣли и всѣ цѣли какъ возможные источники дѣйствій. Но здѣсь понятіе о возможномъ сознается нами, какъ совершенно иное, чѣмъ въ вопросахъ теоретическихъ. Тамъ мы сознаемъ, что результатъ, имѣющій получиться, мы измѣнить не въ состояніи, хотя не знаемъ, каковъ онъ будетъ; здѣсь для насъ неустранимо сознаніе, что мы можемъ измѣнить результатъ въ извѣстной степени. Я не знаю—пойдетъ ли

вечеромъ дождь; это возможно, но отъ меня не зависитъ. Я не знаю, попаду ли я подъ дождь; это возможно, но я могу сдѣлать, что не попаду. Ядро, вылетѣвшее изъ орудія и направленное въ данную точку, можетъ отклониться направо и налѣво; которое изъ этихъ отклоненій произойдетъ, я не знаю, и вліять на это отклоненіе не въ моей власти. Я могу пойти изъ воротъ направо и налѣво, но который путь я выберу, зависитъ отъ меня. Конечно, съ точки зрѣнія весьма многихъ теорій, въ сравниваемыхъ случаяхъ разницы нѣтъ. И тамъ, и тутъ я не знаю условій, опредѣляющихъ заранѣе результатъ, но онъ неизбѣженъ во имя совокупности условій, мнѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ; сила побужденій, увлекательность цѣли не устанавливаются мною, а только сознаются. Какъ два шара, столкнувшіеся на билліардѣ, неизмѣнно пойдутъ послѣ толчка такимъ путемъ, а не другимъ, такъ нѣсколько побужденій, одновременно въ насъ вызванныхъ при данныхъ условіяхъ, неизбѣжно опредѣляютъ дальнѣйшій путь нашей мысли. Какъ нѣсколько растворовъ солей, слитыхъ вмѣстѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго процесса химическаго сродства, дадутъ опредѣленный осадокъ, выдѣлятъ опредѣленные газы и дадутъ процѣженный растворъ опредѣленнаго состава, такъ и при нѣсколькихъ цѣляхъ, одновременно насъ привлекающихъ, можно было бы впередъ сказать, которая потеряетъ для насъ привлекательность, которая останется въ формѣ отложеннаго желанія и которая вызоветъ немедленное, болѣе или менѣе энергическое, дѣйствіе. Такъ могутъ разсуждать тѣ, которые въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ видятъ дѣйствіе провидѣнія, ведущаго человѣка въ продолженіе всей его жизни къ опредѣленной цѣли. Такъ могутъ разсуждать поклонники безусловнаго духа, воплощеннаго въ исторіи человѣчества, для которыхъ каждая личность есть лишь органъ жизни этого духа, неспособный ни задержать, ни ускорить неизмѣнное теченіе его жизни. Такъ могутъ говорить матеріалисты, для которыхъ система чувствительныхъ нервовъ совершенно такъ же неизбѣжно вызываетъ сознательный рефлективный процессъ произвольныхъ дѣйствій, какъ безсознательный рефлексъ судороги, независимо оттого, что мы сознаемъ. Но всѣ эти рѣшенія

вопроса, независимо отъ ихъ правильности или неправильности, суть рѣшенія метафизическія. Они берутъ фактъ не такъ, какъ мы его воспринимаемъ, а какъ мы его строимъ въ нашемъ представленіи [1]). Они отбрасываютъ ежедневное наблюденіе, чтобы „искать въ недоступной намъ области“ [2]). Намъ доступно лишь сознаніе произвольнаго поставленія цѣлей и произвольнаго выбора между побужденіями и между цѣлями, а вліяніе провидѣнія, жизнь безусловнаго духа, послѣдовательность рефлекса, вызваннаго сознаннымъ ощущеніемъ и оканчивающагося дѣйствіемъ, которое мы сознаемъ, какъ произвольное, для насъ недоступны. Аналогіи могутъ насъ склонить къ принятію того или другого воззрѣнія, но научно можно признать лишь фактъ сознанія произвольности въ постановкѣ цѣлей, въ выборѣ между побужденіями и цѣлями, оставляя метафизикѣ вопросъ: призрачно это сознаніе, или нѣтъ. Когда же мы сказали научно, то мы можемъ сказать и позитивно. Позитивная философія не имѣетъ права выкинуть изъ своего разсмотрѣнія фактъ, доступный всеобщему наблюденію, не имѣетъ права оставить фактъ, какъ онъ воспринимается, въ сторонѣ, чтобы искать ему объясненія въ недоступной области. Произвольный выборъ побужденій и цѣлей есть всеобщій (слѣдовательно, научный) фактъ субъективнаго наблюденія, и позитивизмъ обязанъ изучать связь побужденій съ дѣйствіями какъ произвольную, слѣдовательно, обязанъ допускать критику побужденій и цѣлей, какъ она представляется сознанію, т. е. какъ критику для произвольнаго выбора. Только въ этой формѣ пониманіе практическаго процесса жизни соотвѣтствуетъ этому процессу такъ, какъ онъ воспринимается и какъ онъ можетъ быть воспринятъ. Метафизически можно разсматривать будущія дѣйствія личности и событія исторіи лишь какъ не-

---

[1]) Точнѣе: метафизики не строятъ понятія о фактѣ на основаніи представленій о немъ, а подводятъ эти представленія подъ независимо отъ ихъ образованное понятіе.

[2]) Se proposer un lieu inaccessible, où l'on cherchera est toute l'histoire de la métaphysique“. („Cours de philos. posit.“, I, préface d'un disciple, XXVIII).

избѣжныя слѣдствія. Позитивно будущее человѣка и общества опредѣляется произвольнымъ выборомъ между побужденіями и цѣлями, при ограниченіи этого выбора условіями, насколько эти условія могутъ быть провѣрены наукою.

„Итакъ, научная критика въ практическихъ вопросахъ имѣетъ еще задачу, которая не существуетъ для теоретическихъ. Будущее дѣйствіе личности подвергается критикѣ не только какъ неизбѣжное, но какъ возможное и зависящее отъ выбора, желательное въ большей или меньшей степени, какъ имѣющее мѣсто въ классификаціи желательнаго и нежелательнаго по его нравственному достоинству. Итакъ, жизненный процессъ требуетъ своей особой субъективной классификаціи побужденій, цѣлей и дѣйствій, какъ нравственно лучшихъ и нравственно худшихъ. Она неизбѣжно субъективна, потому что сознаніе нравственно-лучшаго и нравственно-худшаго доступно только отдѣльной личности. Ея задача вполнѣ научна или позитивна, потому что всякая личность столь же неизбѣжно прилагаетъ къ своимъ и чужимъ побужденіямъ, цѣлямъ и дѣйствіямъ категоріи нравственно-лучшаго и худшаго. Дѣло науки указать раціональныя основанія этой классификаціи, какъ въ химіи она классифицируетъ тѣла по ихъ сродству съ кислородомъ или водородомъ при данной температурѣ. Химикъ не знаетъ, почему, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, кислородъ отдѣляется отъ одного тѣла, чтобы соединиться съ другимъ, но, беря фактъ, какъ онъ есть, онъ опредѣляетъ, что при такихъ-то обстоятельствахъ произойдетъ опредѣленное замѣщеніе. Моралистъ не знаетъ, почему изъ нѣсколькихъ побужденій, присутствующихъ въ нѣсколькихъ личностяхъ, въ одной изъ нихъ такое-то побужденіе обратится въ цѣль и въ дѣйствіе, а въ другой—другое, въ третьей же всѣ побужденія не вызовутъ никакого дѣйствія; но онъ классифицируетъ эти личности на основаніи ихъ способности подчиняться тѣмъ или другимъ побужденіямъ, ставить себѣ тѣ или другіе цѣли, осуществить ихъ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ. Эту классификацію онъ можетъ произвести лишь на основаніи того самого субъективнаго процесса, который, какъ убѣждаетъ всеобщее субъективное наблюденіе, сознается личностью, какъ по-

будительная причина выбора, на основаніи нравственной оцѣнки.

„Итакъ, въ позитивизмѣ совершенно законно можетъ и долженъ быть употребленъ субъективный методъ для всѣхъ явленій, подлежащихъ лишь субъективному, но общему наблюденію. Столь же законно позитивизмъ долженъ заключать субъективно-нравственную оцѣнку побужденій, цѣлей и дѣйствій, какъ возможныхъ для личности, но подлежащихъ произвольному выбору. На основаніи этой оцѣнки неизбѣжны для позитивизма оцѣнка общественныхъ формъ и указаніе основъ лучшаго общественнаго строя, желательнѣйшаго теченія событій исторіи. Нравственный судъ въ приложеніи къ личности, къ обществу, къ прошедшему и будущему въ исторіи есть всеобщій фактъ, который можно позитивно регулировать, но отрицать и выкинуть изъ числа фактовъ нельзя".

Перейдемъ теперь къ критическимъ замѣчаніямъ г. Михайловскаго [1]).

„По самому складу своего ума и согласно общему смыслу своей философіи исторіи, Ог. Контъ", говоритъ г. Михайловскій, „превосходно понялъ и оцѣнилъ значеніе исходныхъ теоретическихъ точекъ нѣкоторыхъ наличныхъ политическихъ и этическихъ теорій. Но затѣмъ, концы этихъ теорій — поставляемыя ими себѣ цѣли и указываемыя ими для достиженія этихъ цѣлей средства—не такъ легко поддаются его анализу. Здѣсь оказывается слабая сторона ученія Ог. Конта, потому что само оно, собственно говоря, не имѣетъ конца. Дѣйствительно, голое положеніе: все совершается по извѣстнымъ законамъ, — не даетъ руководящаго принципа. Принявъ его въ основаніе, можно показать, по какимъ побужденіямъ предки наши поступали въ такомъ-то случаѣ такъ или иначе. Точно также потомки наши, зная, что мы дѣйствуемъ подъ напоромъ тѣхъ или другихъ космическихъ и соціальныхъ условій, съумѣютъ связать эти условія съ свойствами нашей дѣятельности. Словомъ, отойдя

[1]) Ник Михайловскій, „Что такое прогрессъ?" Отеч. Записки. 1869 г. Сентябрь.

на извѣстное историческое разстояніе отъ событій, можно, заручившись только однимъ принципомъ позитивизма и достаточнымъ количествомъ знаній, показать, какъ должны были дѣйствовать участники событій. Но дѣятели настоящаго времени изъ убѣжденія въ законосообразности явленій могутъ почерпнуть правила для самыхъ противоположныхъ практическихъ примѣненій, потому что убѣжденіе это не ставитъ цѣли, а даетъ возможность добиться цѣлей самыхъ разнообразныхъ. Съ перваго раза можетъ показаться, что основной принципъ позитивизма, напротивъ, долженъ устранять надежды добиться цѣлей, несогласныхъ съ извѣстными законами явленій общественной жизни. Но дѣло въ томъ, что явленія эти до такой степени сложны, что управляющіе ими законы могутъ комбинироваться весьма разнообразно, и среди этой запутанной сѣти могутъ быть преслѣдуемы самымъ позитивнымъ образомъ самыя разнообразныя цѣли. Поэтому всякая этико-политическая доктрина имѣетъ свой девизъ, которымъ, какъ цѣлью, суммируются практическіе мотивы; на знамени позитивизма такого девиза нѣтъ. Его принципы чисто-научные, а не философскіе. Позитивизмъ гордится тѣмъ, что въ немъ философія и наука сливаются въ одно цѣлое—и гордится совершенно справедливо. Не признавая за принципами позитивизма философскаго значенія, я разумѣю только, что онъ не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни. Принципъ законосообразности явленій чистъ и безупреченъ, какъ дѣва. Но, какъ дѣва, онъ можетъ остаться безплоднымъ, въ немъ самомъ нѣтъ оплодотворяющаго начала; какъ за дѣву, за него нельзя поручиться — въ чьи руки онъ попадетъ и что дастъ человѣчеству. Ог. Контъ и самъ чувствовалъ это. „Надо тщательно стараться — говоритъ онъ — чтобы научное убѣжденіе въ подчиненности соціальныхъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ не выродилось въ систематическую наклонность къ фатализму и оптимизму, одинаково безнравственнымъ (dégradants) и опаснымъ, и потому только тѣ могутъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ“ (Cours de philos. pos., t. IV, 190). Но почему, съ точки зрѣнія позитивизма, фатализмъ и оптимизмъ безнравственны и опасны?

„Не восхищаясь политическими фактами и не осуждая ихъ — говоритъ Ог. Контъ — положительная соціологія, какъ и всѣ остальныя науки, видитъ въ нихъ только простые предметы наблюденія и разсматриваетъ каждое явленіе съ двоякой точки зрѣнія—его гармоніи съ сосуществующими фактами и его связи съ предшествующими и послѣдующими состояніями человѣческаго развитія“ (Cours., IV, 293). Спрашивается, какъ связать это чисто-объективное отношеніе къ политическимъ фактамъ, во-первыхъ, съ неодобрительными отзывами о фатализмѣ и оптимизмѣ? Это просто политическіе факты, неподлежащіе осужденію съ точки зрѣнія позитивизма: они необходимо гармонируютъ съ фактами сосуществующими и находятся въ связи съ фактами послѣдующими и предыдущими. Если скажутъ, что выраженіями „безнравственны и опасны“ именно и опредѣляется связь фатализма и оптимизма съ послѣдующими фактами, то это значитъ только, что программа объективнаго отношенія къ политическимъ фактамъ неисполнима; что въ области явленій общественной жизни наблюденіе неизбѣжно до такой степени связано съ нравственной оцѣнкой, что „не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ“ можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, а между тѣмъ позитивизмъ поставляетъ себѣ въ особенную заслугу употребленіе въ соціологіи метода объективнаго. Далѣе, если объективный методъ вполнѣ соотвѣтствуетъ соціологическимъ изслѣдованіямъ, то зачѣмъ же при этомъ понадобился высокій нравственный уровень? Значитъ, одного убѣжденія въ законосообразности явленій мало. Прекрасно. Но чѣмъ выразится участіе высокаго нравственнаго уровня въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ? Очевидно, съ высоты этого уровня человѣкъ можетъ разглядѣть нѣчто, не поддающееся объективному изслѣдованію, которое одно признается законнымъ въ позитивизмѣ. Такимъ образомъ оказывается, что въ системѣ Ог. Конта чего-то недостаетъ, и чего-то весьма важнаго“.

Отвѣчая на замѣчанія гг. П. Л. и Михайловскаго, я могу всего прежде сказать, что если въ позитивной системѣ

Ог. Конта нельзя не замѣтить того весьма важнаго недостатка, что система эта не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни и потому можетъ разсуждать о человѣческой дѣятельности только съ объективной точки зрѣнія, т. е. не имѣетъ никакого основанія для нравственной ея оцѣнки и является поэтому совершенно безплодною, то такая неполнота и происходящая изъ нея безплодность должны быть признаны однако же не неизбѣжными послѣдствіями краеугольнаго основоначала позитивизма, обусловливающаго его научно-философское значеніе, но результатомъ недоразумѣнія, ошибки или непослѣдовательности основателя, который упустилъ изъ виду, что субъективная точка зрѣнія не только вполнѣ примиряется съ научнымъ методомъ, но представляется даже прямымъ и неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ, какъ приложеніе научнаго изслѣдованія къ побужденіямъ, цѣлямъ и дѣйствіямъ человѣческимъ, и установленію того раціональнаго основанія, которое должно послужить къ опредѣленію ихъ нравственной оцѣнки. Итакъ, недостатокъ позитивизма, заключающійся въ томъ, что онъ не захватываетъ всѣхъ сторонъ жизни, не только можетъ, но и долженъ быть устраненъ, потому что пропущенныя позитивизмомъ стороны жизни подлежатъ общему наблюденію и могутъ быть изслѣдуемы научно, если только позитивисты перестанутъ отвергать возможность строго-научнаго приложенія субъективной точки зрѣнія.

„Не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ возможно только тогда, когда мы не понимаемъ ихъ значенія“, говоритъ г. Михайловскій; и позитивисты, конечно, ничего не могутъ возразить на это вѣрное замѣчаніе; но куда имъ дѣть восхищеніе и осужденіе—они рѣшительно не понимали. Г. Михайловскій показалъ ясно, что уже Ог. Контъ путался между отрицаніемъ восхищенія и осужденія съ одной стороны и требованіемъ высокаго нравственнаго уровня,—съ другой. По принципу, въ соціологіи Ог. Конта должны были имѣть мѣсто только понятія, соотвѣтствующія умозрительно-образованнымъ группамъ явленій, такія понятія, которыя по отвлеченности своей столько же не допускаютъ восхищенія и осужденія, сколько и всякое другое отвлеченное понятіе изъ

области астрономіи, физики или химіи;—на самомъ дѣлѣ, соціологія, вмѣсто такихъ отвлеченныхъ положеній, представила у Ог. Конта рядъ положеній, относящихся къ конкретной группѣ явленій—къ человѣчеству, и, слѣдовательно, роковымъ образомъ вызывала восхищеніе и осужденіе, какъ прямое послѣдствіе пониманія. Позитивизму представлялся такимъ образомъ прямой путь къ такой путаницѣ понятій, гдѣ безысходность можетъ не признаваться только или при крайнемъ недостаткѣ искренности или при отсутствію пониманія. Въ какой мѣрѣ современные позитивистыне убереглись отъ опасностей, сопряженныхъ съ слѣдованіемъ по такому пути, это совершенно ясно будетъ обнаружено мною при разборѣ опыта конкретной классификаціи г. Вырубова. Спутанность понятій, въ которую попали позитивисты, окончательно затемнила, между прочимъ, значеніе объективной точки зрѣнія, и вліянію этой спутанности слѣдуетъ приписать, конечно, всѣ тѣ случаи, когда псевдо-объективное изложеніе, принимая позитивные аллюры, превращается въ нѣчто совершенно непотребное. Итакъ, у позитивистовъ не было отвѣта на критику, ставившую вопросъ объ его философскомъ значеніи и достоинствѣ ихъ міросозерцаній, и не было потому, что въ развитіи основоначалъ этого міросозерцанія была допущена непослѣдовательность, которую позитивисты не замѣчали и исправить которую они поэтому не могли. Только развитіе философской критики, также упущенное ими изъ виду, и болѣе широкое, чѣмъ какъ это принято у нихъ, пользованіе результатами современнаго философскаго и научнаго движенія могло привести позитивизмъ къ новому фазису его роста и дать ему основаніе для отвѣта на „проклятые вопросы“. Теорія познаванія, это основаніе философской критики, выяснивъ процессъ образованія понятій, дала возможность открыть непослѣдовательность въ образованіи основнаго понятія абстрактной соціологіи и, въ то же время, установила принципъ антропологіи, какъ конкретной науки, и значеніе въ ней субъективной точки зрѣнія. Теперь ясно стало, что отрицаніе восхищенія и осужденія, высказанное Ог. Контомъ, должно быть отнесено не къ фактамъ, а къ научнымъ фикціямъ, какъ сказалъ бы Спенсеръ; къ фак-

тамъ же, напротивъ того, всецѣло прилагается вопросъ о значеніи нравственнаго ихъ уровня, и эпитетъ „dégradant“ или „élevé“ неизбѣжно прилагается къ такой или иной ихъ оцѣнкѣ. И здѣсь, въ этой области конкретныхъ фактовъ, непремѣнно представляющихся намъ согласующимися или несогласующимися съ нашими побужденіями, цѣлями и дѣйствіями, мы и должны установить ту точку зрѣнія, которая представляла бы обоснованіе субъективнаго отношенія нашего къ конкретнымъ фактамъ на научномъ наблюденіи.

До какой степени спутываетъ позитивистовъ смѣшеніе абстрактной и конкретной точекъ зрѣнія въ приложеніи къ основной идеѣ соціологіи, видно между прочимъ и изъ того, что, очень близко подходя къ существеннѣйшему содержанію вопроса, онѣ не въ состояніи освободить его отъ вплетенныхъ въ него компликацій. Такъ, талантливѣйшій изъ современныхъ позитивистовъ, де-Витри, хотя и попадаетъ на мысль, что идея соціологіи Ог. Конта страдаетъ непослѣдовательностью, но однако же не находитъ твердой опоры для формулированія строго-послѣдовательнаго опредѣленія этой абстрактной науки. Онъ говоритъ, что „научная строгость требовала бы, чтобы соціологія съ абстрактной точки зрѣнія была опредѣлена какъ общее изученіе статическихъ и динамическихъ условій общественной жизни“ [1]), но не опредѣляетъ при этомъ, было-ли бы такое изученіе изученіемъ абстрактнаго явленія общественности или только абстрактно-обработаннымъ изученіемъ конкретнаго явленія общественной жизни, образцы котораго даны, напримѣръ, Гэккелемъ въ его морфофилогеніи и физіофилогеніи. Но, кромѣ этой неопредѣленности, самой по себѣ достаточной для отнятія у идеи де-Витри всякаго значенія, бросается въ глаза то, что де-Витри не останавливается на случайно мелькнувшей въ умѣ его мысли и немедленно возвращается къ соціологіи какъ изученію общественности человѣческой. Онъ дѣлаетъ это, какъ самъ говоритъ, „ради точности и пользы“, которыя остаются, впрочемъ, совершенно загадочными. Будь де-Витри

[1]) Revue, 1875. Mai-Juin

заурядный шаблонный позитивистъ, пережевывающій взглядъ Литтре́, не стоило бы вовсе и упоминать, конечно, о его ни къ какому результату не приведшей идеѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что де-Витри вовсе не заурядный позитивистъ, ему очевидно душно, тѣсно въ узкихъ рамкахъ традиціонныхъ схемъ, онъ ищетъ выхода, смутно тянется къ философской критикѣ, рвется на волю; но не находитъ выхода и желаемой воли потому, что для этого ему пришлось бы сдѣлать одному то, что сдѣлано было соединенными силами цѣлаго ряда тружениковъ, соединенными силами цѣлаго ряда талантливыхъ личностей, не замыкавшихся при томъ же такъ, какъ де-Витри, въ одну какую-нибудь литературу, но широко охватывавшихъ все поле европейской мысли. Де-Витри, къ несчастью для него, знако́мъ только съ французскою литературой и хотя и цитируетъ Спенсера, ссылаясь на оригинальныя сочиненія, но только на тѣ, которыя переведены на французскій языкъ и которыя представляются ему еще новинкой, увлекающей до того, что, назвавъ Ляйэлля, Дарвина, Гексли, Тиндаля, онъ прибавляетъ: „и самъ Спенсеръ“. Де-Витри при такихъ условіяхъ самымъ поразительнымъ образомъ доказываетъ крайнюю необходимость для позитивизма развить тѣ критическіе зачатки, которые положены были Ог. Контомъ и оставлены теперь въ такомъ пренебреженіи. Де-Витри жалуется на застой въ соціологіи со временъ Ог. Конта, прямо заявляетъ о взаимныхъ противорѣчіяхъ между сотрудниками „Обозрѣнія“ по этому вопросу, выясняетъ значеніе ошибокъ самого Ог. Конта, и при всемъ этомъ самъ запутывается до послѣдней крайности и запутывается на такихъ вопросахъ, которые съ полною ясностью разрѣшаются при помощи философской критики. Такъ, самое опредѣленіе соціологіи, по поводу котораго онъ написалъ весьма хорошую статью, вводитъ его въ совершенно безвыходныя противорѣчія. На стр. 404 онъ опредѣляетъ ее какъ естественную исторію человѣческихъ обществъ и такимъ образомъ становится въ противорѣчіе съ послѣдовательнымъ и опредѣленнымъ подведеніемъ Ог. Контомъ всякой естественной исторіи подъ понятіе конкретной науки. Спохватываясь на стр. 173-й 2-го этюда, онъ утверждаетъ, что такое

опредѣленіе возможно только какъ общій тезисъ, но что оно относится къ наукѣ конкретной. Остается, конечно, вопросъ, почему общіе тезисы могутъ быть нелѣпы, но вопроса этого не разрѣшаетъ, конечно, ни де-Витри, ни редакція.

Я уже имѣлъ случай пояснить, что ясное разграниченіе абстрактныхъ наукъ отъ конкретныхъ возможно установить только при помощи теоріи познаванія и опирающейся на неё философской критики, но для де-Витри и позитивистовъ представляется здѣсь нѣкоторое преткновеніе въ видѣ олимпійскихъ череповъ Германіи: горечь не совсѣмъ понятная у философовъ. Точно Дюринги, Шпрингеры, Твестены, Ланге, Гёринги, эти труженики науки и мысли и почитатели Ог. Конта, могли дать поводъ такому горькому чувству? И что общаго между ними и тѣми, которыя вызываютъ такое чувство?

Но если де-Витри, имѣющій возможность руководствоваться глубоко продуманнымъ основоначаломъ классификаціи Ог. Конта и замѣчающій непослѣдовательность въ приложеніи этого основоначала, примиряется съ этою непослѣдовательностью ради какой-то „точности и пользы“, то нельзя ожидать конечно, чтобы руководительство основоначалами классификаціи менѣе совершенными могло привести къ правильной постановкѣ этого вопроса. Такъ, напримѣръ, спутанное основоначало классификаціи Спенсера, допускающее въ число абстрактныхъ наукъ только логику и математику, считающее физику и химію науками абстрактно-конкретными, а соціологію—наукою конкретною, не могло привести къ сколько-нибудь правильному взгляду на значеніе общаго понятія общественности и согласующемуся съ такимъ взглядомъ изслѣдованію явленій, относящихся къ жизни животныхъ. Человѣческая общественность, говоритъ Спенсеръ, „и по своей обширности, и по своей сложности, и по своей важности превосходитъ всѣ остальныя въ такой громадной степени, что дѣлаетъ ихъ сравнительно незаслуживающими вниманія, сравнительно незначительными, почти на столько незначительными, чтобы даже не упоминать о нихъ рядомъ съ нею“ [1]). Мысль настолько же вѣрная по отношенію къ

[1]) Г. Спенсеръ, Основанія соціологіи. 1876, т. I, гл. I.

конкретной наукѣ, насколько относительно абстрактной она ложна.

Уже де-Витри замѣтилъ нѣкоторыя ошибки въ разработкѣ соціологіи, собственно антропо-соціологіи Ог. Конта, но критикъ, менѣе связанный чѣмъ де-Витри, пойдетъ, конечно, гораздо далѣе, и прямо потребуетъ переработки этой науки за́-ново и привлечетъ къ этой переработкѣ результаты работъ не только „олимпійскихъ череповъ Германіи“, но и мыслителей той націи, которую Контъ не считалъ еще годною внести свой вкладъ въ развитіе позитивизма и не включалъ въ число „noble élite de notre espèce“. Требованіе переработки труда Конта за́-ново не представится, конечно, преувеличеннымъ никому, кто обратитъ достодолжное вниманіе на то, что трудъ этотъ даетъ совершенно неопредѣленную идею абстрактно-конкретной науки и устанавливаетъ объективную точку зрѣнія, совершенно несогласующуюся со всѣмъ тѣмъ, что́ въ осуществленной Контомъ наукѣ есть конкретнаго. Но помимо этой шаткости метода, шаткости слишкомъ очевидной, положенія Конта, отдѣльно взятыя, какъ тезисы абстрактной ли или конкретной науки, требуютъ новой тщательной повѣрки для рѣшенія вопроса о томъ, могутъ ли они быть приняты, какъ вкладъ въ ту науку, къ которой относятся. Не входя въ спеціальное изслѣдованіе относящихся сюда вопросовъ,—изслѣдованіе, выходящее за предѣлы моей задачи, я могу замѣтить только попутно, что мыслитель, который, несмотря на свою близость къ Сенъ-Симону, не съумѣлъ оцѣнить значенія $^{24}/_{25}$ общественныхъ силъ, и, какъ замѣтилъ Дюрингъ, неумѣренно вдался въ „идеологію“ [1]), врядъ ли можетъ быть разсматриваемъ какъ исчерпавшій изслѣдованіе области той науки, созданіе идеи которой навѣки останется его безсмертною заслугою.

Благодаря Конту, мы имѣемъ твердое убѣжденіе въ возможности разработки теоріи общественности на основаніяхъ научныхъ, и можемъ не терять надежды, что возможность эта станетъ

[1]) E. Duhring, Kritische Geschichte der National-ökonomie und des Socialismus. 1875. S. 256.

скоро дѣйствительностью, и „искаженная наука“, о которой говоритъ Ланге [1]), будетъ окончательно устранена; тогда и только тогда явится возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя такъ справедливо предъявляетъ позитивизму компетентная критика. Великая важность этихъ требованій самобытно истекаетъ изъ самыхъ основопачалъ позитивной системы, поставившей даже и во главѣ научныхъ изслѣдованій преобладаніе высшихъ интересовъ человѣчества. Этотъ кульминаціонный пунктъ внутренняго существеннаго достоинства научной философіи предполагаетъ однакоже всѣ предшествовавшія ступени развитія уже пройденными, т. е. предполагаетъ высшую стадію развитія позитивизма уже достигнутою этимъ ученіемъ. Пока же оно твердо удерживаетъ за собою ту научную почву, которая служитъ ей гарантіей всѣхъ его великихъ завоеваній въ будущемъ, и постепенно подвигается къ проведенію своихъ основоначалъ по всѣмъ отдѣламъ общей совокупности знанія.

Какъ дополнительное поясненіе къ вопросамъ, разсмотрѣннымъ на предшествовавшихъ страницахъ, можетъ служить разборъ опыта классификаціи общаго землеизученія (пангеологіи), предложенной г. Вырубовымъ, о которомъ я имѣлъ уже случай сказать попутно нѣсколько словъ.

Опытъ, о которомъ я говорю, помѣщенъ въ 1-й книжкѣ „Revue“ за 1867 года. Онъ носитъ заглавіе: Что такое геологія? (Qu'est ce que la géologie).

Всего прежде сдѣлаемъ общій обзоръ его содержанія.

Чтобы обозначить предѣлы, въ которыхъ заключается геологія, и имѣть опредѣленное понятіе о вопросахъ, заключающихся въ этой области, г. Вырубовъ находитъ необходимымъ подвергнуть всего прежде общепринятое опредѣленіе науки анализу. Анализу этому предстоитъ рѣшить годность или негодность стараго опредѣленія и быть, въ послѣднемъ случаѣ, путеводною нитью для но-

[1]) F. A. Lange, Die Arbeiterfrage. Ihre Bedeutung für Gegenwart und Zukunft. 3-e Aufl. 1875. I Кар.

ваго, болѣе научнаго и болѣе философскаго. Подъ геологіей подразумѣваютъ обыкновенно науку, изучающую земной шаръ какъ въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, такъ и въ тѣхъ, которыя соотвѣтствовали минувшимъ періодамъ его образованія. Одно это опредѣленіе даетъ уже понятіе о сложности задачи геологіи. Земная кора состоитъ изъ предметовъ весьма разнообразныхъ, и это разнообразіе, въ свою очередь, зависѣло отъ условій, тоже очень разнообразныхъ. Съ перваго же взгляда на землю, какъ на предметъ изученія геологіи, представляются три группы аналогическихъ явленій, на которыя естественно распадается этотъ предметъ: 1) группа органическихъ остатковъ, находимыхъ въ земной корѣ, 2) группа минеральныхъ продуктовъ и 3) группа явленій, обусловливаемыхъ физическими свойствами воды, земли и атмосферы. Этимъ тремъ группамъ соотвѣтствуютъ три науки: 1) палеонтологія, 2) геогнозія и 3) физическая географія. Намъ предстоитъ разсмотрѣть каждую изъ этихъ наукъ отдѣльно.

1) Палеонтологія, по самому предмету своего изученія, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Къ первой относятся остатки растеній, ко второй—остатки животныхъ. Хотя растенія и животныя эти въ настоящее время и не существуютъ, тѣмъ не менѣе они составляютъ цѣпь развитія, не обрывающуюся тамъ, гдѣ обыкновенно назначается предѣлъ палеонтологіи, а, напротивъ, продолжающуюся далѣе и составляющую въ настоящее время предметъ двухъ наукъ: ботаники и зоологіи. Изъ этого видно, что первая часть палеонтологіи ничѣмъ существенно не отличается отъ ботаники, а вторая—отъ зоологіи. Ботаника же и зоологія суть, очевидно, конкретныя науки, подчиненныя законамъ біологіи и составляющія ея конкретный отдѣлъ. Такимъ образомъ, мы нашли ту абстрактную науку, съ которой мы должны связать палеонтологію въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ее какъ отдѣльную конкретную науку.

2) Геогнозія изучаетъ минералы и горныя породы, входящія въ составъ земной коры. Сообразно съ тѣмъ, она и дѣлится обыкновенно на минералогію и собственно геогнозію. Не говоря уже о томъ, что раздѣленіе это произвольно, мы обратимъ вни-

маніе только на то, что точно такъ же, какъ ботаника и зоологія возможны, какъ науки, только въ подчиненіи ихъ біологіи, точно также геогнозія не можетъ существовать независимо отъ химіи. Такъ какъ объ отношеніи минералогіи къ химіи было уже говорено прежде, то, я полагаю, читателю ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что геогнозія есть наука, составляющая конкретный отдѣлъ химіи.

3) Физическая географія изучаетъ форму земли, какъ небеснаго тѣла, явленія приливовъ и отливовъ, явленія атмосферическія и многія другія менѣе важныя, совершающіяся на сушѣ и на морѣ. Если мы остановимся только на первыхъ трехъ рязрядахъ явленій, то замѣтимъ, что явленія приливовъ и отливовъ, находясь въ зависимости отъ тяготѣнія, относятся къ конкретной астрономіи, къ которой также слѣдуетъ отнести все то, что́ касается изученія формы земли, какъ небеснаго тѣла. Что же касается метеорологіи, то явленія ея, представляя частные случаи дѣятельности законовъ физики (снѣгъ, дождь и пр.) и астрономіи (вѣтры, падающія звѣзды и пр.), должны быть отнесены частью къ конкретной физикѣ, частью къ конкретной астрономіи.

„Въ анализѣ этомъ прежде всего насъ поражаетъ то“, говоритъ Вырубовъ, „что если геологія есть наука самостоятельная, то она не можетъ состоять изъ частей, столь различныхъ по своему основному характеру, каковы, какъ мы видимъ, составныя части геологіи. Какимъ образомъ установимъ мы науку, не лишенную единства и однородности, если въ распоряженіи нашемъ находятся отрывки отдѣльныхъ наукъ: отрывокъ конкретной біологіи, отрывокъ конкретной химіи, конкретной физики, конкретной астрономіи. Если возможно было слить всѣ эти разнохарактерные отрывки въ одну науку, то изъ этого слѣдовало бы заключить, что позитивная классификація не имѣетъ прочнаго основанія и что въ теоріи установленія наукъ лежитъ коренная ошибка.

„Какъ же выдти изъ этого затрудненія?

„Выходовъ тутъ два: можно или отрицать геологію, какъ науку, и тогда нѣтъ необходимости настаивать на единствѣ и

связи ея частей, или можно возвести геологію на степень науки, и тогда слѣдуетъ изслѣдовать ея связь съ основнымъ принципомъ положительной философіи, и дать ей опредѣленное мѣсто въ позитивной классификаціи. Оба эти рѣшенія вопроса одинаково вѣрны, и выборъ того и другого зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ. Первое рѣшеніе легче и проще втораго, за то второе болѣе сообразно съ духомъ положительной философіи, болѣе соотвѣтствуетъ ея цѣлямъ и даетъ такіе результаты, которые, гармонируя съ общимъ строемъ позитивной системы, дѣлаютъ для насъ еще яснѣе и очевиднѣе ея высокія философскія и научныя достоинства. Итакъ, займемся рѣшеніемъ этого втораго вопроса.

„Если геологія есть наука конкретная—въ чемъ для читателя, я думаю, не существуетъ сомнѣнія—то съ какой же изъ абстрактныхъ наукъ слѣдуетъ связать ее? Разнохарактерность ея дѣлаетъ этотъ вопросъ не легкимъ, и для разрѣшенія его намъ слѣдуетъ руководствоваться той объективной точкой зрѣнія, которой постоянно держится позитивная философія. А съ этой точки зрѣнія предметъ геологіи представляется совершенно инымъ, чѣмъ съ точки зрѣнія субъективной: для человѣка земля есть міръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, міръ разнообразный, разнохарактерный, представляющій безконечное поле для изученія почти по всѣмъ отраслямъ наукъ; но этотъ же міръ, взятый какъ часть міра болѣе обширнаго, какъ часть познаваемой дѣйствительности, есть единица, индивидъ, отличающійся отъ прочихъ единицъ и индивидовъ, наполняющихъ пространство, нѣкоторыми частными свойствами.

„Земля—планета. Это показываетъ уже, что существуетъ цѣлая группа небесныхъ тѣлъ, отличающихся отъ прочихъ извѣстными, опредѣленными свойствами, которыя присущи также и землѣ. Пользуясь терминомъ, очень часто употребляющимся въ конкретныхъ наукахъ, мы можемъ сказать, что планеты составляютъ родъ, къ которому и должна быть отнесена земля, какъ индивидъ. Но самая идея индивида предполагаетъ уже существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ болѣе частныхъ, чѣмъ свойства, одинаково принадлежащія всему роду. Остается

только опредѣлить свойства эти изученіемъ даннаго индивида. Очевидно, однако же, что каковы бы ни были эти характеристическія черты индивида, какъ бы онѣ ни были сложны и разнообразны, изученіе ихъ, однако же, получитъ характеръ однородности и единства, по той причинѣ, что всѣ эти частности будутъ связываться съ основными родовыми свойствами, которыя и опредѣляютъ общее значеніе и характеръ той конкретной науки, которая сложится изъ общей совокупности результатовъ изученія какъ родовыхъ, такъ и индивидуальныхъ свойствъ изучаемаго предмета, т. е. земли. Общее значеніе и характеръ геологіи, слѣдовательно, опредѣляется тою точкою зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ землю какъ планету, какъ индивидъ небеснаго пространства. Излишне добавлять послѣ этого, что геологія, съ этой точки зрѣнія, есть конкретная астрономія.

Сообразно такому понятію объ астрономіи, г. Вырубовъ пріурочиваетъ ее, во-1-хъ, къ абстрактной классификаціи и, во-2-хъ, классифицируетъ части ея въ рядъ, параллельный ряду этой послѣдней. „Рядъ, получаемый такимъ образомъ, говоритъ онъ, тождественъ съ рядомъ абстрактныхъ наукъ... и если этотъ рядъ вѣренъ, то вѣренъ и онъ".

Чтобы оцѣнить значеніе опыта классификаціи г. Вырубова, припомнимъ всего прежде, что Ог. Контъ признавалъ только связь геологіи, какъ конкретной науки, со всею совокупностью наукъ абстрактныхъ, и понималъ эту связь, само собою разумѣется, какъ выраженіе зависимости конкретныхъ наукъ отъ абстрактнаго ряда [1]), но не обусловливалъ единства ея необходимостью пріуроченья ея къкакой-нибудь абстрактной наукѣ. Напротивъ того, мы знаемъ уже, что онъ противополагаетъ и взгляды и методы абстрактныхъ наукъ взглядамъ и методамъ наукъ конкретныхъ и на этомъ основаніи требуетъ отъ послѣднихъ непремѣнной одновременности изслѣдованія всѣхъ родовъ элементарныхъ явленій. Поэтому-то онъ и находитъ,

[1]) Comte, Cours, I, p. 58.

что „если бы и было невозможно представить себѣ дѣйствительную (т. е. неабстрактную) исторію человѣчества отрозненно отъ дѣйствительной исторіи земнаго шара, неизбѣжнаго театра его прогрессивной дѣятельности, въ высокой степени вліявшаго всѣми происходившими на немъ перемѣнами на ходъ событій человѣческой жизни, даже начиная съ того времени, когда физическія и химическія условія нашей планеты допускали возможность непрерывнаго существованія человѣка, то не менѣе вѣрно въ обратномъ смыслѣ, что всякая истинная исторія земли непремѣнно требуетъ одновременнаго разсмотрѣнія, въ какомъ-либо объемѣ, исторіи человѣчества, по причинѣ могущественнаго воздѣйствія, непрестанно притомъ же возрастающаго, оказываемаго развитіемъ нашей дѣятельности во всѣ эпохи соціальной жизни на многоразличное измѣненіе общаго вида земной поверхности“ [1]). Это соображеніе еще болѣе подтверждаетъ, что одновременность въ изслѣдованіи предмета со всѣхъ точекъ зрѣнія, какія послѣдовательно даются абстрактными науками, составляетъ, съ несомнѣнно правильной точки зрѣнія Ог. Конта, единственное условіе, которое должна соблюсти конкретная наука. Можно заключить изъ этого, что единство конкретныхъ наукъ достаточно опредѣляется единствомъ ея предмета и нисколько не требуетъ спеціальнаго подчиненія ея какой-либо абстрактной наукѣ. Такое подчиненіе, въ данномъ случаѣ, превращая геологію въ конкретную астрономію, неизбѣжно установляетъ въ ней и преобладаніе астрономической точки зрѣнія, какъ-то и явствуетъ изъ статьи г. Вырубова. Основная мысль этой статьи рѣзко противорѣчитъ основному принципу преобладанія той точки зрѣнія, которая была установлена Ог. Контомъ для всей системы. Что же касается внутренняго распредѣленія частей, слѣдующаго градаціи абстрактныхъ наукъ, то оно, съ одной стороны, противорѣчитъ принципу противоположности точекъ зрѣнія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, съ другой— неизбѣжно извращено преобладаніемъ астрономической точки зрѣнія, дол-

[1]) Id. V, p. 15.

женствующей гоняться за химерическою, какъ сказалъ бы Ог. Контъ, характеристикою земли, какъ индивида небеснаго пространства, и жертвовать этой химерѣ изученіемъ земли, какъ жилища человѣчества. Такимъ ли образомъ воспользуемся мы долею свободы при разработкѣ научныхъ вопросовъ, по отношенію къ ихъ назначенію, которое, по идеѣ Ог. Конта, всегда окончательно имѣетъ въ виду человѣчество? И не впадемъ ли мы въ сухое позитивное доктринерство, если, забывая о живой сторонѣ Контовскаго ученія, станемъ все подчинять идеѣ схематизма и распространять владычество этой идеи даже и тамъ, гдѣ его не допускалъ самъ Ог. Контъ?

И зачѣмъ это понадобилось г. Вырубову во что бы то ни стало, вопреки основоначаламъ учителя его Ог. Конта, превращать геологію въ конкретную астрономію, когда конкретная астрономія существуетъ уже самобытно и безыскусственно и блистательно развивается при помощи спектральнаго анализа, фотометріи, фотографіи и анализа метеоритовъ? И не для позитивиста должно быть, я полагаю, очевидно, что эта наука— реальная, а не фантастическая — охватываетъ и изслѣдованіе земли какъ небеснаго тѣла, и что въ этомъ отношеніи только землеизученіе, какъ часть конкретной астрономіи, подчиняется астрономической точкѣ зрѣнія. И если бы мы ограничились тѣмъ, что возвели часть эту въ самостоятельную науку, то тѣмъ показали бы только, что не видимъ никакого различія между изученіемъ земли и изученіемъ Марса, Сатурна и т. д., и, послѣдовательности ради, должны бы рядомъ съ геологіей поставить марсологію, сатурнологію и т. д. Ог. Контъ, какъ мы видѣли, не открываетъ путей для такихъ пустыхъ построеній, и послѣдовательность, которую онъ можетъ требовать, не ведетъ въ безплодныя пустыни фиктивныхъ наукъ. Возводя геологію въ самостоятельную науку, мы, согласно основоначаламъ Ог. Конта, ни въ какомъ случаѣ не можемъ сдѣлать изъ нея мертворожденнаго дѣтища абстрактной астрономіи, а должны пріобрѣсти въ ней одинъ изъ элементовъ прямаго основанія дѣятельности,—мелочь, которую только и позабылъ г. Вырубовъ.

Подвергнувъ критическому изслѣдованію рядъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію значенія соціологіи въ классификаціи Ог. Конта, я ничего не сказалъ еще о дѣлаемомъ имъ противопоставленіи преобладанія соціологіи преобладанію математики, и такимъ образомъ не исчерпалъ всѣхъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые введены Ог. Контомъ въ связь съ общимъ вопросомъ, мною теперь разбираемымъ.

Уже изъ первыхъ словъ, которыми начинаетъ Ог. Контъ опредѣленіе значенія математики въ позитивной классификаціи, можно заключить о томъ, что онъ считалъ значеніе это исключительнымъ. „При современномъ состояніи развитія нашихъ знаній", говоритъ онъ, „на математику слѣдуетъ смотрѣть не столько какъ на составную часть позитивной системы, сколько какъ на общую ея основу", такъ какъ, поясняетъ онъ далѣе, математика болѣе служитъ какъ методъ, нежели какъ ученіе (doctrine), и одна изъ частей ея можетъ быть разсматриваема какъ обширное распространеніе естественной логики на извѣстную категорію дедукцій [1]). Общее это указаніе на особенности, присущія математикѣ, Ог. Контъ развиваетъ въ лекціи, спеціально посвященной „философскимъ разсужденіямъ объ общей совокупности математическихъ положеній" (Considérations philosophiques sur l'ensemble de la science mathématique). Охарактеризовавъ здѣсь математику какъ науку, имѣющую цѣлью опредѣленіе однѣхъ величинъ другими на основаніи точныхъ отношеній, между ними существующихъ, Ог. Контъ указываетъ на обширность цѣпи умственныхъ операцій (opérations intellectuelles), представляемыхъ этою наукою. „Умственныя операціи математики", говоритъ онъ, „могутъ очень усложниться разными причинами: введеніемъ дѣйствій посредствующихъ, необходимыхъ для связи неизвѣстныхъ величинъ съ величинами, измѣряемыми непосредственно, числомъ сосуществующихъ перемѣнныхъ въ предложенныхъ вопросахъ, и свойствомъ отношеній, которыя установляютъ между этими различными величинами разсматриваемыя явленія. Согласно такому опредѣленію,

[1]) Comte, Cours, I, p. 85—88.

духъ математики заключается въ установленіи связи между всѣми величинами, представляемыми какимъ-либо явленіемъ, на тотъ конецъ, чтобы имѣть возможность выводить однѣ изъ этихъ величинъ изъ другихъ. Но, очевидно, не существуетъ явленія, которое могло бы не допускать такого рода соображеній; изъ чего вытекаетъ заключеніе о естественной неопредѣленности границъ области, подлежащей изслѣдованію математики, и даже логически строгая всеобщность этой науки".

„Предшествовавшія объясненія", говоритъ далѣе Ог. Контъ, продолжая характеризовать математику какъ науку, „выяснили вѣрность названія, придаваемаго разсматриваемой нами наукѣ. Это названіе, имѣющее въ настоящее время столь опредѣленное значеніе, само по себѣ просто значитъ „наука вообще". Такое названіе, строго точное для грековъ, у которыхъ не было другой дѣйствительной науки, могло быть сохранено и въ новѣйшее время только для охарактеризованія математики какъ науки по преимуществу (la science par excellence). Въ самомъ дѣлѣ, приведенное выше опредѣленіе, если выключить изъ него указаніе на точность, есть ни что иное, какъ опредѣленіе всякой истинной науки, ибо не имѣетъ ли цѣлью всякая наука опредѣленіе однихъ явленій другими при помощи отношеній, существующихъ между ними? Всякая наука заключается въ координаціи фактовъ; если бы различныя наблюденія были разрознены между собою, наука бы не существовала. Можно сказать даже, говоря вообще, что назначеніе науки существеннѣйшимъ образомъ заключается въ доставленіи возможности обходить прямое наблюденіе въ той мѣрѣ, какъ это допускается различными явленіями, и выводить изъ возможно меньшаго числа непосредственныхъ данныхъ возможно большее число результатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли дѣйствительное пользованіе открытыми между естественными явленіями отношеніями, какъ для дѣятельности, такъ и для умозрѣнія, именно въ этой возможности вывода? Такого рода изысканія входятъ въ область математики; но математика доводитъ ихъ, насколько то возможно, до высочайшей степени точности какъ по отношенію количества, такъ и по от-

пошенію качества. Такимъ образомъ, только при посредствѣ изученія математики возможно составить вѣрную и глубокую идею о томъ, что такое наука. Единственно въ математикѣ только и слѣдуетъ искать точнаго познанія общаго метода, которымъ постоянно пользуется умъ человѣческій для всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканій, ибо нигдѣ болѣе вопросы не разрѣшаются съ такою полнотою и нигдѣ дедукціи не ведутся такъ далеко съ такою степенью строгой точности. Въ математикѣ же умъ человѣческій далъ самое вѣское доказательство своей силы, такъ какъ разсматриваемыя здѣсь положенія представляютъ наивысшую степень отвлеченія во всей области позитивнаго знанія“ [1]).

Что же касается опредѣленія „фактическихъ границъ математики“, то, сохраняя ей, съ чисто логической точки зрѣнія, характеръ строго и необходимо всеобщій, Ог. Контъ ограничиваетъ ея фактическую область одними только явленіями неорганической физики только въ виду слабости нашего разума. Онъ полагаетъ, что „въ смыслѣ общаго философскаго тезиса“, нельзя не признавать подчиненности всѣхъ явленій самихъ по себѣ законамъ математики (ce ne'st pas néanmoins qu'on doive cesser de concevoir, en thèse philosophique générale, les phénomènes de tous les ordres comme necessairement soumis par eux mêmes à des lois mathématiques); но и необходимо знать въ то же время, что бо̀льшая часть этихъ случаевъ подчиненія намъ останется навсегда неизвѣстною по причинѣ слишкомъ большой сложности явленій. „Принимая во вниманіе это условіе, надо согласиться, замѣчаетъ Ог. Контъ, что дѣйствительныя границы математики опредѣлены скорѣе слишкомъ широко, чѣмъ слишкомъ тѣсно. Сколь важно было наглядно показать строгую логическую всеобщность математики, столь же необходимо было указать на условія, ограничивающія для насъ ея дѣйствительную область. Эта предосторожность, по мнѣнію Ог. Конта, охраняетъ умъ человѣческій отъ уклоненія отъ истинно-научнаго направленія при изученіи

[1]) Id. I, p. 98—100.

наиболѣе сложныхъ явленій и не дозволяетъ ему увлекаться химерическими поисками невозможнаго совершенства".

„Такимъ образомъ", говоритъ Ог. Контъ, „при всемъ стараніи расширить, насколько то возможно, фактическую область математики, надо признать, что труднѣйшія науки обречены самою природою своею на то несовершенное состояніе, которое для другихъ наукъ подготовляетъ только возможность приложенія математическихъ теорій. Для наисложнѣйшихъ же явленій приходится намъ довольствоваться точнымъ изслѣдованіемъ ихъ происхожденія, установленіемъ общей связи между ними, опредѣленіемъ вліянія, оказываемаго главными дѣятелями и т. д., и отказаться отъ изученія ихъ съ точки зрѣнія количества и, слѣдовательно, оставить надежду на введеніе въ соотвѣтственныя науки той высокой степени совершенства обработки, которая можетъ быть введена въ изученіе явленій простѣйшихъ посредствомъ достодолжнаго приложенія математики,—приложенія, способствующаго приданію точности нашимъ знаніямъ и—что́ еще замѣчательнѣе—возвышающаго совершенство ихъ координаціи".

„Позитивная философія", заключаетъ Ог. Контъ, „складываться начала̀ съ математики; отъ математики же получила она и свой методъ. Вслѣдствіе этого естественно представлялась необходимость попытокъ внесенія въ нѣкоторыя основныя науки математическаго духа въ гораздо высшей мѣрѣ, чѣмъ то допускало свойство изучаемыхъ этими науками явленій. Всякая наука, однакоже, развиваясь, вліяла на извѣстное измѣненіе общаго позитивнаго метода, сообразно со свойствами охватываемыхъ наукою этою явленій, и такимъ образомъ вырабатывала свой спеціальный характеръ. Только тогда, когда характеръ этотъ окончательно опредѣлился, установилось вполнѣ опредѣленно разграниченіе ея отъ всѣхъ остальныхъ основныхъ наукъ" [1]).

Завершеніе общей характеристики математики является у Ог. Конта въ концѣ „Курса" при сопоставленіи математики

[1]) Id. I, p. 111—122.

съ соціологіею. Сравнивая философскія права математики и соціологіи на преобладаніе въ системѣ, Ог. Контъ снова указываетъ на важное значеніе математическаго метода, который, какъ говоритъ онъ, хотя и послужитъ исходной точкой развитія истинно-научной логики, но въ силу постоянно возрастающаго осложненія изучаемыхъ явленій, не могъ однакоже сохранить свое значеніе неизмѣнно и въ области высшихъ наукъ. По этой причинѣ, математика не располагаетъ средствами для достодолжнаго устраненія метафизическихъ воззрѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія. Крайняя легкость математическихъ дедукцій часто доходитъ до техническаго механизма и, по мнѣнію Ог. Конта, производитъ нерѣдко иллюзію по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, въ особенности же знанія естественныхъ явленій. По этой причинѣ математика можетъ возбуждать стремленія къ такимъ изысканіямъ, которыя несомнѣнно недоступны разуму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побуждать насъ отдавать предпочтеніе аргументаціи предъ наблюденіемъ. По этой же причинѣ математика оказывается до того безсильною при изученіи очень сложныхъ явленій, что ко многимъ изъ нихъ она вовсе не можетъ быть приложена. Что же касается единственнаго преимущества математики предъ другими науками,—преимущества, заключающагося въ томъ, что чрезвычайная простота ея предмета представляетъ громадныя удобства для развитія строгихъ дедукцій, то самая эта крайная простота, по мнѣнію Ог. Конта, дозволяетъ опредѣлить и достаточно оцѣнить могущественнѣйшія изъ логическихъ пріемовъ, выработанныхъ математическимъ методомъ, только тогда, когда ихъ назначеніе будетъ указано высшими областями знанія [1]).

Внимательно слѣдя за ходомъ этого сужденія Ог. Конта, нельзя не замѣтить нѣкоторой непослѣдовательности, устраненіе которой тѣмъ болѣе необходимо, что, по смыслу постановки вопроса, существенно затронуто общее основоначальное понятіе метода. Съ одной стороны, Ог. Контъ утверждаетъ,

[1]) Id. VI, p. 553 et suiv.

что только въ математикѣ слѣдуетъ искать точнаго познанія метода, которымъ постоянно пользуется умъ человѣческій для всѣхъ своихъ позитивныхъ изысканій, что методъ математики представляетъ собою исходную точку развитія научной логики и что математика есть наука по преимуществу; съ другой — онъ заявляетъ, что математика не располагаетъ средствами для достодолжнаго устраненія метафизическихъ воззрѣній изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, что она часто является причиной иллюзій по отношенію къ предѣламъ нашего знанія, что она склонна побуждать насъ отдавать предпочтеніе аргументаціи предъ наблюденіемъ, и что поэтому математика оказывается безсильною при изученіи очень сложныхъ явленій. Такимъ образомъ, прежде столь желательное и только недостижимое приложеніе математики ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія является потомъ вредоноснымъ и нежелательнымъ [1]).

[1]) Необходимо замѣтить, что первое изъ этихъ мнѣній высказано Ог. Контомъ въ I томѣ „Курса“, а второе въ VI, т. е. черезъ 12 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго. Значеніе этого промежутка времени для Ог. Конта заключается, по мнѣнію одного изъ современныхъ его послѣдователей, въ томъ, что „умъ Ог. Конта въ теченіе долгаго труда, вызваннаго обработкой „Курса“, установился тверже на избранномъ пути, такъ что самъ Ог. Контъ, конечно, внесъ бы серьезныя измѣненія въ первыя главы, еслибы другія занятія не отвлекли его отъ его основнаго труда“. (A. Nuytz, De l'espace. Revue. 1873. № 2). Нельзя не замѣтить при этомъ, что если читатель станетъ ждать серьезныхъ измѣненій, о которыхъ упоминаетъ авторъ, отъ самого автора, то скоро разочаруется. Взявшись „истолковать и пополнить понятія Ог. Конта о пространствѣ“ (стр. 177), г. Нюи обнаруживаетъ только столь обычное у позитивистовъ невѣжество и самодовольствіе. Думая пополнить понятія Ог. Конта о пространствѣ, онъ не ищетъ пополненій этихъ въ извѣстнѣйшихъ трудахъ философовъ и ученыхъ, а довольствуется исключительно своими собственными соображеніями; такъ, напр. онъ полагаетъ, что, сказавъ о пространствѣ въ себѣ, или какъ онъ будто бы остроумно выражается „de l'espace en soi, par soi, en lui, par lui, de lui...“ (стр. 172), онъ уже исчерпалъ всѣ метафизическія воззрѣнія. О пространствѣ какъ формѣ мышленія во всей статьѣ нѣтъ ни слова. О богатой научной литературѣ, возникшей изъ дальнѣйшей разработки приложенія математическаго анализа къ понятію о пространствѣ,— работахъ Гаусса, Лобачевскаго, Бельтрами, Римана, Розанеса, Гельмгольца и т. д.,—нѣтъ и малѣйшаго предчувствія... И опять все то же жалкое понятіе

Противорѣчіе это, какъ легко понять, возникло у Ог. Конта исключительно вслѣдствіе отсутствія въ системѣ его разработанной теоріи познаванія; зачатки теоріи этой такъ слабы у Конта, что онъ оказывается совершенно безсильнымъ устранить эти противорѣчія. Я имѣлъ уже случай выяснить, что общій научный методъ дается теоріей познаванія, и что такой методъ не можетъ быть замѣненъ ни однимъ изъ частныхъ методовъ отдѣльныхъ наукъ. По этой причинѣ и не можетъ быть принято мнѣніе, что математика есть наука по преимуществу, и что она должна служить какъ бы идеаломъ для всѣхъ остальныхъ наукъ. Отвергая такое мнѣніе, я отвергаю еще рѣшительнѣе мнѣніе противоположное, и не вижу никакого основанія для приписыванья математикѣ метафизическихъ тенденцій и еще менѣе могу оправдать предварительное предустановленіе границъ ея приложенія къ другимъ наукамъ. Въ философской системѣ, руководствующейся научной теоріей познаванія, не можетъ существовать ни принимания частныхъ свойствъ отдѣльныхъ методовъ вмѣсто метода всеобщаго, ни опасеній относительно внесенія метафизической порчи однимъ частнымъ методомъ въ другой. Роль математики въ такой системѣ должна быть опредѣлена настолько ясно, чтобы существовала возможность извлечь изъ науки этой наибольшую долю пользы безъ необходимости произвольнаго ограниченія предѣловъ ея вліянія. Характеръ такой роли, какъ я уже и замѣтилъ мимоходомъ, имѣетъ свои особенности, опредѣленныя Ог. Контомъ не совсѣмъ вѣрно и въ дѣйствительности не ведущія къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя и могли явиться вслѣдствіе такого невѣрнаго опредѣленія.

Особенность математическихъ знаній заключается въ томъ, что они могутъ быть переносимы въ области другихъ наукъ. Математика не имѣетъ дѣла съ дѣйствительно-существующими, реальными объектами, но только съ комбинаціями изъ элемен-

---

о философской критикѣ. „la philosophie positive“, говоритъ авторъ, „ne se borne pas a ruiner les entités; après ce role critique, vient le role positif“ (стр. 182). Очевидно однакоже, что даже и для такой критики авторъ вооруженъ далеко недостаточно.

товъ, которые хотя и заимствованы изъ дѣйствительности, но переработаны мыслью такимъ образомъ, что въ качествѣ математическихъ объектовъ поставлены между всѣми человѣческими знаніями въ совершенно исключительное положеніе. Математика вращается исключительно въ мірѣ идеальномъ, и по этой причинѣ она не только не можетъ считаться наукою по преимуществу, но и вообще считается наукою совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ всѣ остальныя науки. Математика, какъ то доказываетъ исторія наукъ, заняла вполнѣ заслуживаемое ею почетное мѣсто въ ряду другихъ наукъ, потому что приложеніе ея къ этимъ наукамъ всегда было и есть чрезвычайно плодотворно. Служа въ обширнѣйшихъ размѣрахъ изслѣдованію дѣйствительности, математика является всего прежде не какъ наука, а какъ научное средство. Безъ своего приложенія математика остается только блестящимъ измышленіемъ. Высокое значеніе ея для познаванія, въ связи съ очевидною ясностью ея положеній, имѣло послѣдствіемъ своимъ то, что на нее стали смотрѣть какъ на образецъ всѣхъ остальныхъ наукъ, стараясь переработать ту или другую науку по этому образцу (примѣръ — психологія Гербарта). Отъ такого вреднаго вліянія математики на философское мышленіе спасаетъ убѣжденіе въ существенномъ отличіи ея отъ всѣхъ остальныхъ наукъ и совершенная невозможность разсматривать ее какъ идеалъ этихъ наукъ. Представленія входятъ въ математику въ такой малой мѣрѣ и претерпѣваютъ въ ней такую существенную переработку, что тѣ объекты математики, которые въ области этой науки соотвѣтствуютъ реальнымъ объектамъ другихъ наукъ, совершенно различны отъ этихъ послѣднихъ. Объекты эти не служатъ основаніемъ представленій, имѣющихъ принудительную обязательность для субъекта, но сами подчинены субъекту, измѣняющему ихъ согласно имѣющимся въ виду понятіямъ. Будучи по природѣ своей не реальны, являясь только продуктами мысли, математическіе объекты не могутъ находиться въ такомъ соотвѣтствіи къ реальнымъ объектамъ, въ какомъ находятся къ нимъ представленія, и имѣютъ только значеніе по-

нятій. По этой причинѣ математическія положенія такъ недоступны всегда обыденному мышленію, постоянно безсознательно подсовывающему представленія вмѣсто понятій и упорно ищущему объекта каждому такому понятію, будь то даже понятіе о математической точкѣ.

Итакъ, математическія понятія, какъ и понятія всѣхъ вообще наукъ, суть логическіе идеалы, представить себѣ которые нѣтъ никакой возможности, и можно только мыслить какъ понятія. По этой причинѣ точное знаніе въ математикѣ достигается не чрезъ наглядное построеніе, соотвѣтствующее изслѣдуемымъ понятіямъ, но, напротивъ того, чрезъ возведеніе условныхъ наглядныхъ представленій математическихъ объектовъ до чистоты и строгости понятій. Свойство математическихъ понятій обосновываетъ превосходство математики какъ науки надъ другими науками, ибо понятія, являясь въ другихъ наукахъ какъ необходимое зло, какъ отнятіе отъ объекта только нѣкоторыхъ отличительныхъ его признаковъ при игнорированіи остальныхъ, въ математикѣ исчерпываютъ вполнѣ мысленные математическіе объекты, насколько то необходимо для цѣлей этой науки. Единственный элементъ, не выражаемый математическимъ понятіемъ, есть элементъ величины; но элементъ этотъ съ точки зрѣнія математики безразличенъ, потому что математика изучаетъ отношенія между величинами, но не самыя величины. Все это легко доказываетъ, что перенесеніе математическаго метода и математическихъ знаній въ область другихъ наукъ или въ область философіи должно совершаться съ большою осмотрительностью и постояннымъ вниманіемъ къ идеальному характеру математики, не допускающему никакихъ аналогій съ другими областями человѣческаго знанія [1]).

Такимъ образомъ разрѣшаются замѣченныя выше противорѣчія во взглядѣ на математику Ог. Конта и регулируется

---

[1]) См. C. Göring, System der Kritisch. Philosophie. I B. S. 260—262. Ср. Baumann, Philosophie als Orientirung über die Welt. Его-же: Die Lehren von Raum, Zeit und Mathematik. 1868.

отношеніе математики къ другимъ областямъ знанія, гдѣ она, какъ извѣстно, и нашла приложеніе гораздо болѣе обширное, чѣмъ то, которое опредѣлялъ ей Ог. Контъ. Приложеніе это притомъ же, съ точки зрѣнія критическаго реализма, потеряло тотъ пошибъ наивнаго реализма, который ему былъ отчасти приданъ Контомъ, утверждавшимъ, что всѣ явленія сами по себѣ подчинены законамъ математики, но что большая сложность явленій часто препятствуетъ намъ познать и опредѣлить это подчиненіе. Не придавая объективнаго значенія закону и принимая его только какъ понятіе, критическій реализмъ видитъ въ математическомъ характерѣ того или другаго закона только степень совершенства разработки этого понятія чрезъ приложеніе къ нему совершеннѣйшихъ изъ всѣхъ существующихъ въ распоряженіи человѣка понятій, и полагаетъ, что сложность явленій препятствуетъ не открытію будто бы присущаго имъ подчиненія законамъ математики, но только успѣху такой обработки понятія, которая могла бы стать въ уровень съ чисто-идеальными понятіями математики.

Взглядъ критическаго реализма на математику, окончательно устраняя ту непослѣдовательность, которую я отмѣтилъ выше во взглядахъ Ог. Конта, еще разъ подтверждаетъ всю важность значенія теоріи познаванія въ научно-философской системѣ. Тогда какъ основатель позитивизма, чуждый основоначалъ, равно приложимыхъ ко всей системѣ и имѣющихъ обще-руководящій характеръ, думалъ восполнить этотъ недостатокъ позитивнаго метода установленіемъ преобладанія одного изъ частныхъ методовъ отдѣльныхъ наукъ, критическій реализмъ, имѣя такое преобладаніе готовымъ въ основоначалахъ теоріи познаванія, оставляетъ методы отдѣльныхъ наукъ въ ихъ соотвѣтственныхъ областяхъ и сохраняетъ только, какъ и было уже объяснено, установленное Контомъ преобладаніе одной изъ точекъ зрѣнія, —преобладаніе, нисколько не спутывающее разъ установленнаго и выясненнаго понятія объ общемъ методѣ, дающемъ основанія для группировки представленій и образованія понятій всѣхъ вообще наукъ. Сходясь со взглядомъ Ог. Конта на особенное и исключительное положеніе математики въ системѣ, критиче-

скій реализмъ совершенно иначе опредѣляетъ эту особенность и, главнымъ образомъ, рѣшительно отвергаетъ все, что только есть у Конта некритическаго, впадающаго въ заблужденія наивнаго реализма, въ объективированіе понятій чрезъ смѣшеніе ихъ съ представленіями; критическій реализмъ постоянно выставляетъ на видъ значеніе понятій въ математикѣ и нашу роль при ихъ образованіи, не ограничивая при этомъ фактическаго приложенія математики, онъ допускаетъ его во всѣхъ тѣхъ случаяхъ безъ исключенія, когда образованныя при помощи математики понятія удовлетворяютъ требованіямъ теоріи познаванія.

Итакъ, идеальный характеръ математики — вотъ та особенность, которая рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ наукъ и, слѣдовательно, открываетъ предъ нею и совершенно особенный по характеру путь развитія. Мы видѣли уже, что представленія поглощены въ математикѣ понятіями и что, вслѣдствіе того, математическіе объекты могутъ быть мыслимы только какъ понятія, т. е., собственно говоря, суть образованныя нами понятія, условно называемыя объектами, но не имѣющія, подобно объектамъ реальнымъ, по отношенію къ намъ, принудительной обязательности, т. е. мы не подчиняемся имъ роковымъ образомъ, какъ подчиняемся представленіямъ внѣшняго міра, но строимъ и перестраиваемъ ихъ сообразно съ нашими цѣлями. Этотъ характеръ математическихъ объектовъ дастъ намъ возможность создавать по аналогіи новые объекты, опредѣлять ихъ свойства и развивать понятія объ отношеніи между ними, восходя такимъ образомъ къ такимъ высокимъ отвлеченіямъ, которыя въ области другихъ наукъ совершенно немыслимы. Систематическое осуществленіе такихъ идеальныхъ построеній, такъ богато разработанное въ новѣйшее время, служитъ нагляднѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ вѣрности критико-реалистическаго взгляда на математику, и потому я и считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о роли и значеніи, пріобрѣтенныхъ въ новѣйшее время такъ-называемой пангеометріей.

Выше было замѣчено, что точное знаніе въ математикѣ достигается не чрезъ наглядное построеніе, соотвѣтствующее изслѣ-

дуемымъ понятіямъ, но, напротивъ того, чрезъ возведеніе условныхъ наглядныхъ построеній математическихъ объектовъ до чистоты и строгости понятій. Мысль эта и была исходною точкою тѣхъ высоко-отвлеченныхъ понятій пангеометріи, о которыхъ я теперь намѣренъ говорить. Она проявилась въ скептическомъ отношеніи къ методу Евклида,—методу, въ которомъ совмѣщаемость соотвѣтствующихъ линій, угловъ, плоскостей, тѣлъ и т. д. имѣетъ значеніе основоначала. Всеобщность и необходимость этого основоначала долго была принимаема такъ, какъ принимается обыденнымъ мышленіемъ многое привычное, давно введенное въ практику и не провѣряемое. Но еще до проявленія скептицизма въ этомъ отношеніи замѣчено было, что основоначало совмѣщаемости содержало весьма важный недостатокъ, а именно невозможность приложенія его къ вопросамъ высшаго порядка, слишкомъ отвлеченнымъ для него по своему характеру. Возведеніе нагляднаго характера евклидовскаго метода до чистоты и строгости математическаго понятія стало такимъ образомъ на очередь въ извѣстный моментъ развитія математики, какъ науки, и, благодаря генію Декарта, осуществилось. Аналитическій методъ далъ возможность замѣнить наглядныя построенія, требуемыя основоначаломъ Евклида, чисто логическими операціями, и геометрическія изслѣдованія вступили на новый путь,—путь, на которомъ были достигнуты такіе результаты, о которыхъ геніальный основатель аналитической геометріи не могъ и мечтать.

Пангеометрія есть результатъ, добытый творческою силою математиковъ, слѣдовавшихъ по этому чисто-отвлеченному пути. Очевидно поэтому, что наглядное построеніе ихъ аналитическихъ работъ лишаетъ эти работы главнаго достоинства и вноситъ въ нихъ нѣкоторую аляповатость, избѣжать которой нѣтъ никакой возможности. Въ общемъ и популярномъ этюдѣ, каковъ настоящій, мнѣ придется однакоже воспользоваться, на сколько то возможно, наглядымъ построеніемъ, и потому, считая сдѣланную выше оговорку достаточною для устраненія недоразумѣнія, я попытаюсь дать читателю о вопросѣ этомъ хотя приблизительное понятіе. Само собою разумѣется, что нѣкоторые искусственные пріемы будутъ здѣсь совершенно необходимы

и что читатель, безъ дальнѣйшихъ объясненій, съумѣетъ самъ опредѣлить условное ихъ значеніе.

Начнемъ съ того, что допустимъ существованіе одаренныхъ разумомъ существъ, способныхъ представлять себѣ пространство не трехъ измѣреній, подобно намъ, а только двухъ, т. е. не способныхъ мыслить объемъ, а только поверхность какой либо одной формы. Допуская ихъ существованіе, мы полагаемъ въ то же время, что они не способны воспринимать что либо, находящееся внѣ той поверхности, въ формѣ которой они представляютъ себѣ пространство, что всѣ представленія ихъ строго обусловлены этою формою. Если такія существа выработаютъ свою геометрію, то, естественно, они припишутъ протяженію только два измѣренія и разовьютъ геометрію въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются ихъ представленіями.

Воображаемыя нами существа, очевидно, будутъ въ состояніи проводить въ своемъ поверхностнообразномъ пространствѣ кратчайшія линіи между двумя точками, но линіи эти не будутъ прямыми линіями въ нашемъ смыслѣ, но только геодезическими линіями той поверхности, въ которой существа наши представляютъ себѣ пространство. Наглядное представленіе о такихъ линіяхъ можетъ дать нить, натянутая по данной поверхности между какими-либо двумя ея точками. Такимъ образомъ, геодезическія линіи будутъ имѣть для воображаемыхъ нами существъ то самое значеніе, которое прямыя линіи имѣютъ для насъ.

Если допущенныя нами существа будутъ представлять себѣ поверхность въ видѣ безконечной плоскости, то они выработаютъ геометрію совершенно подобную нашей планиметріи. Это простѣйшій случай изъ всѣхъ, допускаемыхъ нашимъ предположеніемъ, и надъ нимъ, по очевидности его, мы останавливаться не станемъ.

Допустимъ теперь, что существа наши представляютъ себѣ пространство въ формѣ шаровой поверхности. Геодезическою линіею между двумя точками, при такомъ условіи, будетъ дуга большаго круга, проходящаго чрезъ данныя точки. Окружность эта, сообразно положенію данныхъ точекъ, распадется, очевидно,

на двѣ равныя или неравныя части. Въ обоихъ случаяхъ обѣ части окружности будутъ линіями геодезическими, но въ первомъ одна изъ нихъ будетъ кратчайшею изъ всѣхъ линій, возможныхъ между данными точками на шаровой поверхности, во второмъ, относящемся къ положенію точекъ на обоихъ концахъ діаметра большаго круга, всѣ геодезическія линіи будутъ равны между собою, число ихъ будетъ безконечно и всѣ онѣ будутъ и кратчайшими разстояніями между данными точками. Такимъ образомъ, наша аксіома о томъ, что между двумя точками можетъ быть проведена только одна прямая линія, длина которой выражаетъ кратчайшее разстояніе между этими точками, не имѣетъ приложенія для допущенныхъ нами существъ. Что касается параллельныхъ линій, то сказанныя существа знать ихъ вовсе не будутъ, такъ какъ всѣ геодезическія линіи, т. е. ихъ прямыя линіи, при достодолжномъ продолженіи должны необходимо пересѣчься. Сумма угловъ въ ихъ треугольникахъ всегда будетъ болѣе двухъ прямыхъ, и при томъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше будутъ площади самыхъ треугольниковъ. По этой причинѣ идея геометрическаго подобія неравныхъ между собою однородныхъ фигуръ будетъ имъ чужда. Все это показываетъ, что геометрія предположенныхъ нами существъ будетъ основана на аксіомахъ весьма отличныхъ отъ нашихъ и, слѣдовательно, будетъ не похожа на нашу.

Но пойдемъ далѣе. Предположимъ, что подобныя же существа будутъ представлять себѣ пространство въ формѣ поверхности яйцевиднаго тѣла [1]). Между каждыми тремя точками такой поверхности можно провести геодезическія линіи и построить треугольникъ. Сравнивая треугольники, построенные въ разныхъ мѣстахъ поверхности, мы легко можемъ убѣдиться, что такіе треугольники никогда не могутъ отвѣчать требованіямъ совмѣщаемости. Точно также круги, очерченные равными радіусами въ разныхъ мѣстахъ яйцевидной поверхности, никогда не будутъ имѣть равныя окружности.

[1]) Само собою разумѣется, что всѣ нижеслѣдующія замѣчанія, имѣющія мѣсто по отношенію къ поверхности яйцевиднаго тѣла, не теряютъ своего значенія и по отношенію къ поверхности эллипсоида.

Теперь остается сдѣлать еще третье предположеніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ предположеніе это для читателей, незнакомыхъ съ высшею математикой, необходимо представить имъ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Сравнивая условіе совмѣщаемости фигуръ на шаровой поверхности съ совмѣщаемостью ихъ на поверхности яйцевиднаго тѣла, мы можемъ придти къ заключенію, что совмѣщаемость фигуръ представляетъ особенное геометрическое свойство поверхностей, составляющее принадлежность не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ изъ поверхностей. Условія, необходимыя для того, чтобы поверхность обладала этимъ важнымъ свойствомъ, заключаются въ постоянствѣ такъ называемой „мѣры кривизны“ этихъ поверхностей [1]).

Мѣра кривизны, какъ доказалъ Гауссъ, не измѣняется у тѣхъ поверхностей, которыя могутъ быть свернуты безъ необходимости сжиманія или растяженія какихъ-либо ихъ частей. Такимъ образомъ можемъ мы свернуть плоскость въ цилиндръ или конусъ, не измѣняя начерченныхъ на плоскости фигуръ. Понятно, что изъ этого слѣдуетъ полная аналогія

---

[1]) „Для опредѣленія мѣры кривизны поверхности въ извѣстной ея точкѣ, будемъ представлять сферу, описанную изъ произвольнаго центра радіусомъ равнымъ единицѣ, затѣмъ возьмемъ безконечно малый элементъ $d\sigma$ данной поверхности, на которомъ находится разсматриваемая точка, и изъ всѣхъ точекъ его контура проведемъ нормали къ данной поверхности постоянно въ одну сторону отъ нея; проведя радіусы сферы, параллельные этимъ нормалямъ, на поверхности ея опредѣлимъ элементъ $d\varepsilon$, соотвѣтствующій элементу $d\sigma$. По опредѣленію Гаусса, мѣра кривизны K поверхности въ извѣстной точкѣ выражается отношеніемъ соотвѣтственныхъ поверхностныхъ элементовъ $d\varepsilon$ и $d\sigma$ сферы съ радіусомъ, равнымъ единицѣ, и данной поверхности, т. е. $K = \frac{d\varepsilon}{d\sigma}$.“ Это отношеніе очень удобно выражается при помощи радіусовъ кривизны главныхъ нормальныхъ сѣченій данной поверхности въ разсматриваемой на ней точкѣ. Пусть эти радіусы будутъ R_1 и R_2, тогда мѣра кривизны $K = \frac{1}{R_1 R_2}$, т. е. мѣра кривизны въ какой либо точкѣ поверхности равна единицѣ, дѣленной на произведеніе радіусовъ кривизны главныхъ нормальныхъ сѣченій для этой точки. (См. Дифф. Вычисл. Тотгѐнтера, пер. В. Г. Имшенецкаго, 1873, стр. 103 и слѣд.).

основоначалъ геометріи на плоскости съ геометріею на поверхности цилиндра или конуса.

Теперь мы имѣемъ возможность сдѣлать третье предположеніе.

Предположимъ, что допущенныя нами существа представляютъ себѣ пространство въ видѣ сѣдлообразной поверхности постоянной кривизны, представляющей по формѣ прямую противоположность поверхности шара и потому названной итальянскимъ математикомъ Бельтрами псевдо-сферическою поверхностью. Геодезическія линіи на такой поверхности не будутъ смыкаться, подобно тому какъ онѣ смыкаются на поверхности шара или яйцеьиднаго тѣла, но, также какъ и на плоскости, могутъ быть продолжены до безконечности. По этой же причинѣ, кратчайшее разстояніе между двумя точками на псевдо-сферической поверхности, такъ же какъ и на плоскости, можетъ быть только одно. Что же касается теоріи параллельныхъ линій, то она на разсматриваемой поверхности не можетъ имѣть примѣненія, какъ то можно усмотрѣть изъ свойства геодезическихъ линій этой поверхности. Понятно, что хотя и возможны здѣсь геодезическія линіи, не пересѣкающіяся взаимно при безконечномъ продолженіи, но за то черезъ точку, взятую внѣ одной изъ линій, можно провести цѣлый пукъ такихъ непересѣкающихся геодезическихъ линій.

Переходя теперь отъ поверхности (т. е. пространства 2-хъ измѣреній) къ объему (т. е. пространству 3-хъ измѣреній), мы можемъ обобщить изложенный выше взглядъ и сдѣлать заключеніе о возможности образованія понятія такого пространства 3-хъ измѣреній, которое, подобно поверхности, имѣетъ различную мѣру кривизны, начиная съ $+1$ до -1. Такимъ образомъ можетъ мыслиться, какъ понятіе, не только плоское пространство (съ мѣрою кривизны$=0$), но и неплоское (съ мѣрою кривизны отъ 0 до $+1$ и отъ 0 до -1). Понятно, что въ плоскомъ пространствѣ перемѣщеніе тѣлъ и совмѣщеніе ихъ въ томъ случаѣ, когда они тождественны, возможно; въ неплоскомъ же пространствѣ перемѣщеніе безъ измѣненія формъ тѣлъ невозможно, и совмѣщеніе, вообще говоря, также невозможно. Та-

кимъ образомъ Евклидова или наша геометрія имѣетъ значеніе только по отношенію къ плоскому пространству и представляется не болѣе какъ частнымъ случаемъ общей геометріи или пангеометріи.

Понятіе о пангеометріи будетъ однакоже неполно, если мы ограничимся только обобщеніемъ ея по отношенію къ мѣрѣ кривизны поверхностей и не обобщимъ ее по отношенію къ числу протяженій. Это обобщеніе, возводя идею геометріи до высочайшей степени отвлеченія, особенно ярко обнаруживаетъ идеальный характеръ даже и этой сравнительно конкретной части математики. Обобщеніе числа протяженій до такой степени отвлеченно, въ такой мѣрѣ далеко отходитъ отъ основныхъ представленій пространства, что представить его наглядно нѣтъ никакой возможности, и поэтому представляется неизбѣжная необходимость коснуться хоть вскользь того аналитическаго пріема, которымъ достигается сказанное обобщеніе. Основная идея аналитической геометріи заключается въ томъ, что всѣ геометрическія формы и положенія сводятся къ опредѣленію отношеній между „величинами“ (линіями, углами, поверхностями, объемами). Это сведеніе формъ и положеній къ опредѣленію отношеній между величинами приводитъ къ возможности такихъ вычисленій, посредствомъ которыхъ всѣ геометрическія задачи рѣшаются, какъ и всѣ другія математическія задачи, въ которыхъ неизвѣстныя величины опредѣляются при помощи извѣстныхъ. Связь геометріи съ такого рода вычисленіями видна уже изъ того, что самыя аксіомы геометріи указываютъ на отношеніе между величинами математическихъ объектовъ; такъ, прямая линія разсматривается какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками, параллельныя линіи на плоскости считаются несходящимися при томъ условіи, что, при пересѣченіи ея какою-либо прямою, углы противолежащіе, на крестъ лежащіе и соотвѣтственные должны быть равны и т. д. Опираясь на измѣренія (сравненіе) величинъ, аналитическая геометрія опредѣляетъ положеніе каждой данной точки чрезъ отнесеніе ея къ какой-либо опредѣленной пространственной схемѣ, пред-

полагаемой постоянною. Такою схемою является въ аналитической геометріи система координатъ. Измѣреніемъ перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ данной точки на каждую изъ трехъ координатныхъ плоскостей, необходимыхъ при условіяхъ пространства 3-хъ измѣреній, вполнѣ опредѣляется положеніе точки этой въ пространствѣ. Въ этой возможности опредѣленія точки посредствомъ уравненій x=a, y=b, z=c, и заключается математико-аналитическое свойство нашего пространства. Возможность эта позволяетъ увеличивать число измѣреній посредствомъ увеличенія числа уравненій, т. е. совершенно независимо отъ нагляднаго построенія соотвѣтствующаго пространства,—построенія, очевидно, совершенно невозможнаго. Увеличивая такимъ образомъ число уравненій, мы можемъ выразить алгебраическими формулами пространства 4-хъ, 5-ти, 6-ти и т. д. до n измѣреній и построить понятіе, къ которому понятіе о нашемъ пространствѣ будетъ относиться какъ частный случай, или, выражаясь условными терминами, наша трехпротяженная многоразличность (dreifach ausgedehnte Mannigfaltigkeit) соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ и сопоставляется въ понятіи со всѣми другими многоразличностями отъ 4 до n измѣреній. Идея эта, столь блистательно поясняющая идеальный характеръ математики, впервые была высказана Риманомъ въ сочиненіи, которое, по словамъ Либмана, дѣлаетъ эпоху въ развитіи математики [1]). Тезисъ Римана развивается столь же послѣдовательно и строго, какъ и всякій другой математическій тезисъ, и не можетъ возбуждать сомнѣній ни въ комъ, кто только знакомъ сколько-нибудь съ математическими отвлеченіями. Въ философскомъ отношеніи онъ имѣетъ громадную важность не только потому, что всесторонне развиваетъ математическую абстрактность и доводитъ ее до послѣднихъ предѣловъ, доступныхъ понятію, но еще и потому, что отымаетъ абсолютный характеръ у математическихъ положеній и съ яркою очевидностью низводитъ и ихъ на тотъ уровень, на ко-

[1]) E. Riemann, Ueber die Hypothesen, welche die Geometrie zu Grunde liegen. (Abhandlungen, der Konigl. Gesellschaft zu Gottingen. 1854. Band XIII).

торомъ стоятъ понятія всѣхъ остальныхъ наукъ, — уровень, свидѣтельствующій объ ихъ относительности, и яснѣе, чѣмъ во всякой другой наукѣ, опредѣляющій отрѣшенность понятій отъ прямаго и непосредственнаго отношенія къ объекту и умозрительный характеръ ихъ образованія.

Значеніе пангеометріи по отношенію къ воззрѣніямъ Ог. Конта на математику заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она фактически опровергаетъ все то, что есть въ воззрѣніяхъ этихъ родственнаго наивному реализму. Развивая, независимо отъ реальныхъ объектовъ, теоріи, столь же послѣдовательныя и чуждыя противорѣчій, какъ и тѣ теоріи, которыя неразрывно связаны съ міромъ объективнымъ, пангеометрія обнаруживаетъ до очевидности, что математическіе законы не присущи реальной дѣйствительности, но точно такъ же какъ и всѣ другіе законы, образуются познающимъ субъектомъ. И поскольку законы Евклида вѣрны по отношенію къ даннымъ реальнаго міра, постольку законы Лобачевскаго, Римана и Бельтрами вѣрны по отношенію къ условнымъ даннымъ, къ даннымъ вымысла. Такимъ образомъ обнаруживается, что сложность нѣкоторыхъ явленій вовсе не можетъ препятствовать открытію будто бы присущихъ имъ математическихъ свойствъ, но только представляется преградой такому образованію о нихъ понятія, которое могло бы быть поставлено на высоту совершенства и точности понятій математическихъ. Сами же математическія понятія, безъ возможности прямой связи съ представленіями, могутъ достигать такой высоко-отвлеченной степени развитія, которая не можетъ быть даже и мыслима въ связи съ какими бы то ни было явленіями объективнаго міра. Такимъ образомъ, пангеометрія ярко и рельефно характеризуетъ особенность математики, нѣсколько спутанно представлявшуюся Ог. Конту,—особенность, заключающуюся въ высочайшей идеальности, хотя и допускающей при извѣстныхъ условіяхъ самую широкую приложимость, но по природѣ своей заключающуюся не въ реальныхъ объектахъ, представляющую только способы для совершеннѣйшей разработки научныхъ понятій и могущей безотносительно комбинироваться въ отвлеченнѣйшія умозрѣнія.

„Всякое умозрѣніе становится мнимымъ“, говоритъ Льюисъ, „если отбросить воспріятія и чувственный опытъ; но хотя упомянутыя геометрическія умозрѣнія имѣютъ не болѣе реальнаго значенія, чѣмъ призрачная Лапута (Свифта), однако за ними остается умозрительное значеніе, тѣмъ болѣе, что они служатъ косвенно опорой для опытнаго ученія. Гуэль, переводчикъ Лобачевскаго, замѣчаетъ: „они (умозрѣнія) обращаютъ въ химеру надежду многихъ, что Евклидова аксіома параллельныхъ линій можетъ быть доказана помимо опыта“ — надежду очень сладкую для тѣхъ, которые жаждутъ апріорныхъ доказательствъ такъ сильно, что утверждаютъ, будто Евклидъ не доказалъ, что прямая можетъ вообще быть проведена.

„Увѣренность апріорной школы навѣрно должна колебаться, когда такой знаменитый мыслитель, какъ Гельмгольцъ, утверждаетъ, что геометрическія аксіомы не имѣютъ ни всеобщей, ни необходимой истинности, и ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть признаны за абсолютныя; когда геометры въ родѣ Гаусса, Лобачевскаго, Бельтрами и другихъ, строютъ такія параллельныя, которыя при продолженіи должны встрѣтиться; когда геомстры, какъ Сольвестеръ и Клиффордъ, представляютъ геометрію о четырехъ измѣреніяхъ; когда наконецъ появляются серьезные трактаты, утверждающіе, что сумма угловъ въ треугольникѣ не необходимо равна двумъ прямымъ,—такое полное уклоненіе отъ первоначальныхъ основъ со стороны людей столь знаменитыхъ не можетъ быть оставлено безъ вниманія, какъ праздная игра извращеннаго остроумія. Оно требуетъ, наоборотъ, самаго серьёзнаго вниманія, такъ какъ возможно, что этимъ путемъ выяснятся въ значительной степени начала достовѣрности въ математикѣ и другихъ областяхъ знанія“ [1]).

[1]) Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ. 1876. Т. II, стр. 481—2. Не могу пройти молчаніемъ при этомъ случаѣ, что хотя я и цитирую сочиненіе Льюиса по русскому переводу, но я не могъ не перевести цитаты вторично съ этого же перевода, такъ какъ дословно слѣдовало бы цитировать такъ: „всякая спекуляція становится мнимой, если отбросить интуицію и чувственный опытъ; но хотя упомянутыя геометрическія спекуляціи имѣютъ не болѣе

Послѣ изложенныхъ объясненій понятны станутъ причины какъ возникновенія въ сравнительно короткое время весьма богатой литературы разсмотрѣннаго нами вопроса, такъ и участія въ литературѣ этой представителей почти всѣхъ культурныхъ націй Европы [1]).

реальнаго значенія чѣмъ фикціи Лапуты (?), однако за ними остается спекулятивное значеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ служатъ опорой для опытной доктрины" и т. д. Но все это по крайней мѣрѣ можно еще понять; но какъ отнестись къ слѣдующему изрѣченію? „Способы выраженія въ этомъ трактатѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность, но ея очевидно нѣтъ въ смыслѣ". (Стр. 483). Не намекъ ли это на то, что весь переводъ Льюиса съ безчисленными спекуляціями, интуиціями, формулованіями, регулованіями, доктринами, проблемами, и т. д. заключаетъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность, лишающую переводъ смысла и наводящую на вопросы, которые, быть можетъ, кто-нибудь когда-нибудь и сдѣлаетъ. Не одинъ впрочемъ переводчикъ „Вопросовъ" Льюиса, но и очень многіе наши traduttori являются истыми traditori своихъ авторовъ. Съ легкой руки г. М. Антоновича (исковеркавшаго Уэвелля и Луи Блана) явленіе это стало обычнымъ. Пельзя не сознаться, что такой фактъ прискорбенъ, но надо признаться, что помочь ему мудрено.

[1]) Главнѣйшія сочиненія, относящіяся вполнѣ или отчасти къ разработкѣ пангеометріи, суть слѣдующія:

Gauss, 2-er Abhandlung uber die biquadratischen Reste (Gott. gel. Anz. 1816, 1822).

Sartorius von Waltershausen, Gauss zum Gedachtniss.

Briefwechsel von Gauss und Schumacher. Th. II.

Bolyai's Werke. 1832. Appendix. (Итал. перев. въ Giorn. di Matem. 1868. T. II).

Лобачевскій, О началахъ геометріи („Казанск. Вѣстникъ", 1829 и 30, іюль и августъ). Новыя начала геометріи (Ученыя Записки. Казань. 1835, кн. III. 1836, кн. II и III. 1837, кн. I). Французскій переводъ Гуэля (Houel. 1866). Нѣмецк. перев. (1837, 40, 55).

Helmholtz, Ueber die thatsachlichen Grundlagen der Geometrie. (Heidelb. Jahrb. 1868, №№ 48, 47). Ueber den Ursprung und die Bedeutung der geometr. Axiomen. (Popul. wissensch. Vortrage. III Heft. 1876).

E. Beltrami, Saggio di interpretazione della geometria non Euclidea. 1868. Teoria fondamentale degli Spazij di curvatura costante. (Annali di Matem. Seria II. T. II. 1868).

J. C. Becker, Abhandlungen aus dem Grenzgebiete der Mathem. und Philosophie. 1870.

J. Rosanes, Ueber die neuesten Untersuchungen in Betreff unserer

Изслѣдовавъ основоначала, опредѣляющія соотношеніе, связь и характеръ частей позитивной системы, я долженъ былъ по отношенію къ соціологіи и математикѣ зайти какъ бы нѣсколько далѣе предѣловъ, указываемыхъ такою задачей, по той причинѣ, что въ системѣ Ог. Конта обѣ названныя науки поставлены въ исключительное положеніе и, въ связи съ вопросомъ о характерѣ позитивнаго метода и преобладающей въ системѣ точкѣ зрѣнія, получаютъ вполнѣ основоначальное значеніе. Я показалъ уже, въ какой мѣрѣ можетъ быть оправдано такое исключительное значеніе соціологіи и математики, и опредѣлилъ смыслъ и границы ихъ отношенія къ общей совокупности наукъ. Теперь остается сказать лишь нѣсколько словъ о среднихъ отдѣлахъ Контовой абстрактной іерархіи, — астрономіи, физикѣ, химіи и біологіи, — лишенныхъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуются оба крайніе отдѣла, и обладающихъ общимъ, очерчен-

---

Anschauung von Raum. 1870. Ueber einen Satz aus der Analysis Situs. (Gott. Nachrichten. 1872. № 14).

Felix Klein, Ueber die sogenannte Nicht-Euklides'sche Geometrie. (Gött Nachrichten. 1871. August).

Clebsch, Zur Theorie eines Raumes von n Dimensionen von S. Lie in Christiania (Gott. Nachrichten, 1871, №№ 21 und 22).

Julius Konig in Pest., Ueber eine reale Abbildung der s. g. Nicht-Euklidischen Geometrie. (Ebenda, 1871, № 17).

J. Frischhauf, Absolute Geometrie nach Bolyai. 1872.

J. C. F. Zollner, Ueber die Natur der Cometen. 1872. S. 299 und f.

Ernst Schering, Linien Flächen und höhere Gebilde in mehrfach ausgedehnten Gaussischen und Riemannschen Räumen. (Gott. Nachrichten. 1873. № 2). Die Schwerkraft in mehrfach ausged. G. u. R. Raumen. (Ebenda. 1873. № 6).

R. Beez, Ueber das Krummungsmaass von Mannigfaltigkeiten hoherer Ordnung. (Mathem. Annalen. VII. 3).

Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ. 2 тома. (Оригиналъ, 1874 и 75 г. Русскій переводъ, 1875, 76 г.).

G. Fresdorf, Ueber die Geometrie und die Potentialfunction in Gaussischen Riemann'schen R. 1875.

W. Tobias, Grenzen der Philosophie. 1875. Cap. II.

Funcke, Grundlagen der Raumwissenschaft. 1875.

O. Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit. 1876. S. 36 und f.

Riemann's, Gesammelte mathem. Werke. 1876.

нымъ выше, характеромъ абстрактныхъ наукъ. Извѣстно, что изученіе явленій, составляющихъ предметъ только-что упомянутыхъ среднихъ четырехъ наукъ контовой іерархіи, сдѣлало со временъ Конта такой громадный шагъ впередъ, что изложеніе наукъ этихъ въ „Курсѣ“ потеряло уже живое значеніе и сохранило одно только значеніе историческое. Я имѣлъ случай указать притомъ же, что Ог. Контъ допустилъ при обработкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ наукъ основоначальныя ошибки. Такъ, онъ вмѣсто абстрактной астрономіи далъ астрономію конкретную, какъ то и замѣчено было еще Миллемъ, который, кромѣ того, признавалъ, что обработка Контомъ химіи и біологіи стояла ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ уже въ эпоху своего появленія, а современно выходу въ свѣтъ трактата Милля, въ которомъ онъ дѣлаетъ это замѣчаніе (1865), и далеко позади того, что представляла тогда разработка этихъ наукъ. Если мы обратимъ вниманіе на законъ единства силъ, получившій въ настоящее время обширное развитіе, то, я полагаю, будемъ имѣть право примѣнить замѣчаніе Милля и къ трактату Конта о физикѣ. Такимъ образомъ Контово изложеніе всѣхъ четырехъ среднихъ наукъ его іерархіи можетъ считаться лишеннымъ значенія для настоящаго времени и должно подлежать коренной переработкѣ. Объ этомъ, конечно, не станутъ спорить и позитивисты.

Какъ бы однакоже ни были важны эти измѣненія для каждой изъ отдѣльныхъ наукъ, можно, тѣмъ не менѣе, утверждать съ увѣренностью, что всѣ они нисколько не нарушаютъ тѣхъ основоначалъ, которыя были установлены ранѣе на основаніи предшествовавшаго опыта наукъ. Они не нарушаютъ, но подтверждаютъ эти основоначала, подкрѣпляютъ все, что до сихъ поръ было выработано наукою для философіи: понятія объ относительности знанія, явленіи, законѣ, причинности. Всѣ эти понятія тѣмъ болѣе находятъ опору въ наукахъ, чѣмъ болѣе науки прогрессируютъ и развиваются. Съ другой стороны, всѣ перевороты, совершившіеся въ нѣдрахъ отдѣльныхъ наукъ, нисколько не поколебали и тѣхъ основоначалъ классификаціи, которыя выработаны на основаніи правильно понятыхъ соотношеній между науками, каковы классификація абстрактныхъ наукъ Ог. Конта

и части наукъ конкретныхъ Гэккеля. Все это представляется очевиднымъ и безспорнымъ, и развѣ только вопросъ о группировкѣ понятій въ самостоятельные научные отдѣлы можетъ сдѣлаться предметомъ разногласія между представителями научной философіи, такъ какъ такъ-называемыя естественныя науки все болѣе и болѣе стремятся къ единству, и пограничныя линіи, ихъ раздѣляющія, все замѣтнѣе и замѣтнѣе стираются. Вопросъ этотъ не можетъ однако же возбуждать, съ точки зрѣнія критическаго реализма, никакихъ серьёзныхъ опасеній, какъ потому, что съ этой точки зрѣнія дѣленіе на группы понятій опредѣляется прежде всего не мнимою іерархизаціею объекта, а основоначаломъ цѣлесообразности, установляемой высшими понятіями, такъ и потому, что іерархическій распорядокъ съ этой точки зрѣнія признается вопросомъ второстепеннымъ, такъ что еслибы явленія физики, химіи и біологіи распредѣлились по двумъ группамъ или даже составили одну общую группу, то и тогда основоначала критической философіи не только ни мало не пострадали бы, но пріобрѣли бы только поводъ для новаго важнаго приложенія, ибо сказанное измѣненіе въ группировкѣ могло бы произойти только согласно съ основоначалами теоріи познаванія. Только такое измѣненіе въ научной области можетъ быть считаемо законосообразнымъ и прочнымъ; всѣ же произвольныя новшества, не могущія опираться ни на какой высшій принципъ, неизбѣжно должны такъ же скоро исчезнуть, какъ появились. Мы можемъ утверждать такимъ образомъ, что систематизація знанія можетъ сохранять основоначала, разработанныя съ научно-философской точки зрѣнія и провѣренныя критикою; она не нуждается въ иномъ основоначалѣ и требуетъ только приложенія его съ безупречною послѣдовательностью.

Переходя теперь къ заключеніямъ изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ, я начну съ указанія на выясненную въ ней зависимость основоначала расчлененія общей совокупности положительнаго знанія отъ изслѣдованнаго въ предшествовавшей главѣ основоначала, опредѣляющаго характеръ научно-

философской системы, какъ цѣлаго. Мы знаемъ уже, что это послѣднее установляется критически и придаетъ всей научно-философской системѣ критическій характеръ. Такимъ образомъ, расчлененіе общей совокупности научно-философскихъ знаній можетъ быть раціонально осуществлено только тогда, когда характеръ подлежащаго расчлененію матеріала уже опредѣленъ, и при томъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ совершилось опредѣленіе этого характера. Изъ этого слѣдуетъ, что расчлененіе, классификація или іерархизація не имѣетъ того значенія, которое ей приписываютъ современные позитивисты: она не опредѣляетъ основнаго характера классифицируемаго знанія, но является моментомъ вторичнымъ, вполнѣ зависящимъ отъ основоначалъ, стоящихъ во главѣ философской системы и прилагаемыхъ ко всѣмъ безъ исключенія научно-философскимъ вопросамъ.

Основоначала, стоящія во главѣ системы, вырабатываются, какъ мы знаемъ уже, теоріей познанія. Руководя накопленіемъ представленій и группировкою ихъ, она приводитъ къ правильному образованію понятій и даетъ совершенно надежное орудіе для выработки матеріала, изъ котораго слагается содержаніе всѣхъ положительныхъ наукъ. Она учитъ, что одни только представленія имѣютъ непосредственное отношеніе къ объектамъ, и ясно опредѣляетъ посредствующее и общее значенія понятій. Предотвращая такимъ образомъ обычное въ обыденномъ мышленіи явленіе смѣшенія представленій и понятій и не допуская объективированія этихъ послѣднихъ, теорія познанія устраняетъ принимаемое Литтрé основаніе для установленія группъ понятій — іерархизацію объекта—и обусловливаетъ установленіе научныхъ группъ цѣлями субъекта. Такимъ образомъ и осуществляется фактически методологическое значеніе теоріи познанія и въ то же время опредѣляются особенности основоначала классификаціи наукъ, сводящагося къ такой группировкѣ образованыхъ уже понятій, которая, не вліяя на ихъ научное достоинство, установляетъ между ними такія соотношенія и связь, которыя наиболѣе согласуются какъ съ присущимъ имъ характеромъ, такъ и съ дидактическими условіями изложенія.

Относясь къ понятіямъ, какъ къ элементамъ, научное достоинство и характеръ которыхъ опредѣленъ уже философскою критикою, опирающеюся на основоначала теоріи познаванія, мы можемъ распредѣлить ихъ на группы сообразно связи разсматриваемыхъ понятій съ представленіями, снятымы съ опредѣленныхъ конкретныхъ группъ, или съ болѣе общими понятіями, которыя могутъ быть поставлены, какъ центры новыхъ умозрительныхъ группъ. Такъ, мы можемъ взять конкретную группу явленій звѣзднаго неба и ввести въ общую связь всѣ образованныя о ней понятія, или, взявъ самое общее понятіе, доставленное изслѣдованіемъ этой группы—явленіе тяготѣнія—поставить его центромъ умозрительной группы понятій, къ нему относящихся. Въ первомъ случаѣ мы строимъ конкретную, во второмъ—абстрактную или философскую науку. Но, понятно, оба рода этихъ наукъ будутъ допускать еще высшія обобщенія, такъ какъ объектомъ конкретной науки, такъ же, какъ и объектомъ науки абстрактной, можетъ быть взятъ міръ какъ цѣлое. Такимъ образомъ совокупность понятій, соотвѣтствующихъ конкретнымъ группамъ міровыхъ явленій, представитъ данныя для образованія конкретной науки о мірѣ — космологіи, а совокупность умозрительныхъ группъ понятій поведетъ къ образованію новой умозрительной группы, которая и составитъ предметъ абстрактной науки о мірѣ или философіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Выдѣливъ послѣднюю, какъ охактеризованную уже въ предшествовавшей главѣ, и ограничивъ затѣмъ разсмотрѣніе только тѣхъ абстрактныхъ группъ, которыя служатъ ей подготовленіемъ, мы можемъ распредѣлить всѣ абстрактныя понятія между науками такъ, чтобы центральныя понятія группъ относились къ основнымъ свойствамъ объекта и находились между собою въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ и живой связи Осуществленіе этой идеи, по Ог. Конту, есть расположеніе абстрактныхъ наукъ по степени возрастанія сложности входящихъ въ нихъ понятій и выясненіе происходящей отъ такого расположенія взаимной зависимости между науками,—зависимости, заключаю-

щейся въ оказываніи помощи менѣе сложными болѣе сложнымъ и воздѣйствіи понятій болѣе сложныхъ на простѣйшія.

Останется затѣмъ разработать и классификаціи конкретныхъ наукъ, т. е. рѣшить задачу, не тронутую Ог. Контомъ, утверждавшимъ, что такая классификація была въ его время еще невозможна по совершенной неподготовленности необходимыхъ для нея данныхъ. Изъ двухъ попытокъ, сдѣланныхъ для рѣшенія задачи этой въ настоящее время, попытка классификаціи, копирующая классификацію абстрактную, оказывается противорѣчащею и идеямъ Ог. Конта, и свойству самыхъ наукъ, построенныхъ на принципѣ, не могущемъ быть отождествленнымъ съ принципомъ абстрактныхъ наукъ; и затѣмъ наиболѣе удовлетворительнымъ рѣшеніемъ остается попытка философской разработки конкретныхъ наукъ, т. е. сохраненіе основной конкретной группы и расчлененіе общей совокупности соотвѣтствующихъ ей понятій соотвѣтственно не конкретнымъ же частнымъ группамъ, но цѣлесообразно избраннымъ понятіямъ. Такимъ образомъ организуется новый родъ конкретно-абстрактныхъ наукъ или философій конкретныхъ наукъ, и чисто конкретныя или собственно описательныя науки выдѣляются въ особую большую группу, опыта классификаціи которой, сколько нибудь согласующейся съ основоначалами научной философіи, еще до сихъ поръ сдѣлано не было.

Отсутствіе такого опыта теряетъ, впрочемъ, свою важность въ виду того обстоятельства, что философская разработка конкретныхъ наукъ можетъ, очевидно, вполнѣ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя, согласно указаніямъ Ог. Конта, мы можемъ предъявить конкретнымъ наукамъ и къ выясненію которыхъ ведетъ и критическое изслѣдованіе послѣдовательности осуществленія основоначала классификаціи наукъ абстрактныхъ. Конкретныя науки, какъ основаніе прямаго дѣйствія, справедливо противопоставляются Ог. Контомъ наукамъ абстрактнымъ, служащимъ исключительно цѣлямъ чистаго знанія, и точка зрѣнія конкретныхъ наукъ противополагается поэтому точкѣ зрѣнія наукъ абстрактныхъ. Въ первыхъ она дается наукою о человѣкѣ, антропологіею, она субъективна; во-вторыхъ—она, на-

сколько возможно, объективна. Это противопоставленіе, вполнѣ согласующееся съ установленнымъ Ог. Контомъ преобладаніемъ въ его системѣ соціологіи, окончательно достигается исправленіемъ непослѣдовательности, допущенной имъ при установленіи этой послѣдней науки, и получаетъ теперь полную ясность и опредѣленность, благодаря обнаруженію противорѣчій нѣкоторыхъ воззрѣній Ог. Конта и научному опредѣленію значенія субъективной точки зрѣнія въ наукѣ, т. е. такимъ разъясненіямъ, которыя, поколебавъ позитивную классификацію въ той формѣ, въ которой она была осуществлена Ог. Контомъ, привели ее къ новой, вполнѣ оправдываемой основоначалами критическаго реализма.

Въ этой новой формѣ абстрактной классификаціи, соціологія перестаетъ изучать явленія конкретной группы—человѣчества, т. е. перестаетъ быть отдѣломъ конкретной науки о человѣкѣ, а, согласно смыслу основоначала классификаціи, превращается въ чисто абстрактную науку общественности. Конкретная же наука о человѣкѣ, антропологія, вмѣстѣ съ подчиненнымъ ей отдѣломъ антропосоціологіи, является на своемъ мѣстѣ въ ряду конкретныхъ наукъ, установляетъ въ средѣ ихъ руководящее значеніе субъективной точки зрѣнія и даетъ совершенно готовое основаніе для теоріи прямаго дѣйствія или теоріи искусства, какъ его также называлъ Ог. Контъ, т. е. для практической философіи.

Подготовленная такою разработкою своихъ основаній практическая философія можетъ, наконецъ, стать на твердую почву и, по выходѣ научной философіи изъ того фазиса развитія, въ которомъ осуществленіе такой философіи, вслѣдствіе примѣшавшихся къ приложенію основоначалъ запутанностей, было невозможно, пойти твердымъ и прямымъ путемъ къ созданію такихъ принциповъ, которые бы дѣйствительно отвѣчали идеѣ Ог. Конта и могли бы служить фактически благу человѣчества.

Преобразованный въ духѣ критицизма и достигшій полной зрѣлости позитивизмъ, переходя въ критическій реализмъ, становится истиннымъ представителемъ такой научной философіи, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ современному развитію

науки и обладаетъ всѣми средствами для полнаго осуществленія и яснаго формулированія своихъ широко-гуманистическихъ стремленій. Сохраняя многія черты, опредѣленныя Ог. Контомъ съ полною удовлетворительностью, эта новая научная философія перерабатываетъ нѣкоторыя изъ его основоначалъ и при посредствѣ теоріи познаванія лишаетъ ихъ отпечатка личныхъ стремленій основателя и всѣхъ произвольно навязанныхъ ей особенностей, которыя, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, ставили позитивизмъ ниже нормальнаго уровня научной философіи и препятствовали усвоенію его тѣми личностями, которыя высоко цѣнили въ немъ значеніе научно-философскаго принципа [1]).

Философія и характеръ мышленія, ею обусловливаемый, пригодны, какъ было уже пояснено, не только къ занятію отвлеченными или спеціальными вопросами, но по необходимому, самой природѣ ихъ присущему свойству воздѣйствуютъ на

---

[1]) «Le positivisme est une forme de l'esprit scientifique moderne, mais il n'en est qu'une forme particulière; il n'est qu'un flot de ce grand courant; il est une espèce dans le genre. Tout ce que l'esprit scientifique suppose est dans le positivisme, mais avec quelque chose en plus, ce sont ces principes fondamentaux qui constituent le credo de l'Ecole Entre l'esprit positif et le positivisme, nous trouvons pour notre part autant de différence qu'entre l'esprit philosophique et la philosophie, c'est à dire ce qui demeure et ce qui passe. Mais comme le positivisme est très-catégorique dans ses négations, très-arrêté dans ses dogmes, très-net dans ses formules, il impose plus aux éspriits que la méthode moins affirmative de l'ésprit purement scientifique». (Th. Ribot, La psychologie anglaise contemporaine. 1875, p. 102) «Vous prenez la méthode de votre propre doctrine à rebours», говоритъ Дюранъ де-Гро, обращаясь къ Литтре и Робену, «et quand l'un d'entre vous (le docteur L. A. Segond) voyant qu'on s'égare, veut vous remettre dans le bon chemin, vous vous avisez de le tancer, et, pour le convaincre d'erreur, vous forgez de toutes pièces une nouvelle absurdité qui surpasse toutes les autres! Vous nous ôtez jusqu'à la consolation de présumer votre bonne foi: non, ce n'est pas la logique, pous laquelle vous êtes si barbares, dont le souci vous tourmente..... Non, ce n'est point la renommée de Bichat, de ses contemporains et de ses successeurs qui vous tient à coeur, et dont le som vous met l'amertume dans la bouche, non, pas plus le soin de Bichat que le soin de la logique, mais le soin de votre infaillibilité, ô pontifes!» Durand (de Gros), Essais de physiologie philosophique. 1866. p. 254—5.

весь строй умственной дѣятельности, а чрезъ нея и на всю дѣятельность практическую. Очевидно, что въ теченіе всей жизни нашей мы подчиняемся вліянію составленныхъ нами общихъ, руководящихъ, т. е. философскихъ понятій, и болѣе или менѣе сознавая это подчиненіе, только благодаря ему, находимъ возможность приходить къ тому или иному рѣшенію всѣхъ встрѣчающихся намъ въ жизни вопросовъ, не исключая и самыхъ отдаленныхъ отъ умозрѣнія, самыхъ повседневныхъ. Если только такое общее значеніе философскихъ понятій въ жизни вѣрно — а кто изъ мыслящихъ людей усомнится въ томъ? — если ей обязаны мы возможностью не оставаться безъ руководящихъ убѣжденій, то имѣемъ ли мы разумное основаніе отворачиваться отъ той философіи, которая, избравъ своимъ основаніемъ науку, стремится къ освобожденію насъ отъ всякой лжи, и на мѣсто призраковъ обыденнаго мышленія и марева метафизики ставитъ цѣлью изученія одну только дѣйствительность и работаетъ неустанно для установленія полной и широко независимой истины, свѣтлаго и глубокаго знанія, правильныхъ убѣжденій, долженствующихъ очистить нашу мысль и нашу жизнь и поднять насъ на высшую степень умственнаго и нравственнаго развитія [1]).

---

[1]) Листъ этотъ былъ уже набранъ, когда я получилъ только-что вышедшую въ Лейпцигѣ 1-ю книжку органа представителей научной философіи въ Германіи (Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie unter Mitwirkung von C. Goring, M. Heinze, W. Wundt, herausgegeben von R. Avenarius). Не имѣя возможности ознакомить читателей моего этюда съ этимъ новымъ и важнымъ явленіемъ современной философской литературы, я не могу пройти однакоже молчаніемъ того, что постоянными сотрудниками или точнѣе соредакторами этого журнала поименованы К. Герингъ, Вундтъ и Гейнце (извѣстный своею превосходною монографіею: „Die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie“ и въ настоящее время перерабатывающій „Курсъ исторіи философіи“ Ибервега). Разработка научной философіи находится, такимъ образомъ, въ надежныхъ рукахъ и неудачная пѣсня нео-позитивистовъ можетъ считаться окончательно спѣтою.

БИБЛІОТЕКА

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

9 страница, 17 строка св—напечатано· могли—слѣд. читать· могло.

145 стр., въ примѣч. 3-мъ пропущена ссылка на стр. 110, 114 и 134 „Психологическихъ этюдовъ“ г. Сѣченова.

157 стр. 10 строка св.—напечано: инвентиву—слѣд. читать· инвективу.

160 — 1 — — сноска должна быть передвинута къ концу предшествовавшаго предложенія.

Та же стран. примѣч. къ сочиненіямъ, здѣсь исчисленнымъ, слѣдуетъ прибавить: H. Vaihinger, Hartmann, Duhring und Lange. Ein kritischer Essay. 1876.

163 — 2 строка св.—напечатано: смотрятъ—слѣд. читать: взглянули.

230 — 11 — — — въ I главѣ — — во II главѣ.

263 — 15 — послѣ словъ „конкретная астрономія“ должны слѣдовать кавычки.

286 стр., примѣч —къ сочиненіямъ, здѣсь исчисленнымъ, слѣдуетъ прибавить: P. Tannery, La géometrie imaginaire et la notion d'espace, помѣщ. въ 11-й книжкѣ философскаго журнала Рибо (Revue philosophique de la Frome et de l'étranger).

295 стр., примѣч.—слѣдуетъ прибавить слѣдующія двѣ новыя книги по научной философіи· 1) C. Goring, Ueber die menschliche Freiheit und Zurechnungsfahigkeit. Eine kritische Untersuchung, и 2) R. Avenarius, Philosophie als Denken der Welt gemass dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Prolegomena zu einer Kritik der reinen Erfahrung.